

CAUCASO-CASPICA

Труды Института востоковедения Российско-Армянского
(Славянского) университета

Выпуск II-III

2017-2018

Под редакцией
ГАРНИКА АСАТРЯНА

Российско-Армянский (Славянский) университет
Ереван 2018

УДК 001:32.001

ББК 72+66.0

Издание утверждено к печати

Ученым советом Института востоковедения Российско-Армянского
(Славянского) университета и Редакционно-издательским советом РАУ

Caucaso-Caspica: Труды Института востоковедения Российско-Армянского
(Славянского) университета, Выпуск II-III (2017-2018); под редакцией Гарника
Асатрян. – Ер.: Изд-во РАУ, 2018-344 стр.

Caucaso-Caspica-II-III – объединенный выпуск международной рецензируемой Серии, содержащей научные статьи по вопросам истории и литературы, культуры, языков, религии, мифологии, этнографии и фольклора народов Кавказско-Каспийского региона и шире. Серия включает также материалы аналитического характера, отражающие актуальные проблемы региональной и международной политики. В издании представлены работы на русском языке - с аннотациями на английском и русском - ученых из Армении, России, Грузии, Ирана, Польши, Украины, Израиля и Китая.

УДК 001:32.001

ББК 72+66.0

ISBN 978-9939-67-221-2

**Սույն հատորը հրատարակվում է «Մաքուր երկաթի գործարան» ԲԲԸ-ի
ֆինանսական օժանդակությամբ**

©Издательство РАУ, 2018

CAUCASO-CASPICA

Institute of Oriental Studies,
Russian-Armenian (Slavonic) University, Yerevan

Volume II-III
2017-2018

Edited by
GARNIK ASATRIAN

Russian-Armenian (Slavonic) University
Yerevan 2018

Редакционная коллегия

Виктория Аракелова (заместитель главного редактора, Ереван)
Паргев Аветисян (Ереван), Тимирлан Айтберов (Махачкала),
Яна Амелина (Москва), Андрей Арешев (Москва),
Гариб Бабаян (Степанакерт), Светлана Балхова-Мухтарова (Душанбе),
Увэ Блэзинг (Лейден), Ваге Бояджян (Ереван),
Маттиас Вайнрайх (Берлин), Махмуд Джафари-Джонейди (Тегеран),
Евгений Зеленев (Санкт Петербург), Ерванд Маргарян (Ереван),
Ирина Начкебиа (Тбилиси), Надере Нафиси (Тегеран),
Петер Николаус (Вена), Георгий Саникадзе (Тбилиси), Тамерлан
Салбиев (Владикавказ), Нугзар Тер-Оганов (Тель-Авив)

Ответственный за выпуск

Гагик Саргсян

Редакционная группа

Анна Габриелян, Гоар Акопян,
Амир Зейгами, Нелли Хачатурян,
Шушан Айвазян

ЗНАЧЕНИЕ ОХРАНЫ КАВКАЗСКИХ ПРОХОДОВ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ВИЗАНТИЕЙ И САСАНИДСКИМ ИРАНОМ (363-506 гг.)¹

Капаржина Максимюк

Естественно-Гуманитарный Университет, Седльце

Abstract

This paper aims to analyze the influence of the situation in the Caucasus on Iranian-Byzantine relations. Special emphasis is placed on the question whether the periods of peace between both empires meant instantly their cooperation targeting the defence of their territories in sub-Caucasian area against nomadic incursions. The chronological time-frame of the work is limited post quem by the Nisibis treatise (363) which changed radically the balance of the power in the Northern frontier zone and ante quem by the war of Kavadh I with the Byzantine Empire (502-506) which became the source of the permanent conflict in 6th century.

Keywords: *Caucasus, Derbent, Sasanids, Iran, Byzantium*

Аннотация

Нижеприведенные выводы анализируют влияние ситуации на Кавказе на развитие ирано-византийских отношений. Особое внимание уделено вопросу о том, обращались ли периоды мирных отношений между Византией и Ираном в союз между двумя империями, направленный на оборону от кочевников в кавказском регионе. Хронологические рамки исследования охватывают период между подписанием Нисибисского мирного договора 363 года, который изменил расклад сил на северной границе и войной Кавада I с Византийской империей (502-506 гг.), положившей начало перманентному конфликту в VI в.

Ключевые слова: *Кавказ, Дербент, Сасаниды, Иран, Византия*

Мирный договор, заключённый в 363 г. шахиншахом Шапуром II (309-379) и императором Иовианом (363-364), привел к значительным изменениям на северной границе между двумя великими империями. Под контроль Ирана перешло пять областей в Верхней Месопотамии (Арзанена, Моксоена, Забдицена, Регимена и Кордуена), а также города: Сингара, Лагерь Мавров и Нисибис. Согласно договору, Рим также должен был отказаться поддерживать Армению (*Ammiani Marcellini Rerum...* 1978, XXV. 7, 12; Blockley 1984: 28-49; Chrysos 1993: 165-202; Seager 1996: 275-284; Mosig-Walburg 2009: 305-324; Maksymiuk 2015: 101-102).

Стратегическое значение Кавказа стало заметным как для Ирана, так и для Византии тогда, когда до этих территорий дошли племена гуннов (Litvinsky 1996: 135-162; Greatrex and Greatrex 1999: 65-75; Schottky 2004: 575-577; Семенов 2010: 165-178; de la Vaissière 2014: 175-192; Payne 2014: 282-300; Jackson Bonner 2017: 93-101). Опасность понимали, прежде всего, правители Ирана, которые хотели построить

¹ Результаты исследования реализованы в рамках научного проекта № 452/16/S (Военное дело древнего Ирана в сравнительном анализе), финансируемого Министерством науки и высшего образования Республики Польша.

совместно с империей крепость, блокирующую переход через Кавказский хребет (Bivar 2003: 198-201; Kettenhofen 1994: 13-19; Maksymiuk 2016: 149-157; Daryae 2016: 79-88). Считается, что угроза со стороны гуннов-эфталитов привела к временному сближению между двумя державами (Rubin 1986: 677-695). Единственным военным конфликтом между ними в V в. была неудачная попытка Феодосия II (408-450) вернуть Нисибис в 421 г. и военные действия Йездигерда II (439-457) в северной Месопотамии (Greatrex 1993: 1-14).

Представленные ниже тезисы имеют целью анализ влияния ситуации на Кавказе на ирано-византийские отношения. Особое внимание обращает на себя тот факт, что в этот период между Византией и Ираном не происходило военных столкновений, и это приводило к сотрудничеству между двумя империями с целью защиты от кочевников в кавказском регионе. Хронологические рамки исследования охватывают период между подписанием Нисибисского мирного договора 363 года, который изменил расклад сил на северной границе, и войной Кавада I с Византийской империей (502-506 гг.), положившей начало перманентному конфликту в VI в.

Исходным пунктом анализа влияния кавказских проходов на ирано-византийские отношения в V в. является фрагмент работы Иоанна Лида, в котором автор утверждает, что *«когда римляне контролировали Артаксату (Арташат) и близлежащие регионы, то могли задержать варваров, наплывающих с севера. Но когда они вышли из этих регионов во времена правления Иовиана, персы не смогли уже защитить не только свои земли, но и принадлежавшие раньше римлянам»* (Ioannes Lydus 1812, III 52). Для этого были предприняты переговоры с целью получения субсидий на защиту Кавказа. Переговоры эти должен был проводить представитель императора *praefectus praetorio per Orientem* Саллюстий (PLRE I: 814-817). Переговоры об участии Византии в расходах по защите Кавказа были проведены шахиншахом Йездигердом, который считал, что император должен был принять участие в финансировании защитных фортификаций *«...чтобы деля расходы, оба государства могли построить фортификацию в вышеупомянутом месте с целью укрепления территории от напавших варваров. Однако римляне были задействованы в войнах на западе и севере, а персы были более подвержены вторжениям варваров, и поэтому они должны были сами построить защитную крепость, назвав ее на своем языке Бирапарах (Biraparakh), и поставив там гарнизон»* (Ioannes Lydus 1812, III 52). Без сомнения, эту крепость стоит соотносить с Дербентским проходом, а не Дарьяльским (Kettenhofen 1994: 13-19; Гаджаев 2013). Империя отказала в возврате части расходов строительства, что привело к вводу персидских войск в Сирию и Каппадокию. Под напором войск Йездигерда, император передал Ирану необходимую сумму денег (Ioannes Lydus 1812, III 53).

Иоанн Лид не указывает на точную дату этого события; на основании текста также невозможно определить, кто представлял шахиншаха. Можно определить только временной отрезок между 408 и 420 гг. – началом правления Феодосия II и смертью Йездигерда I (399-420) или между 439 и 450 гг. – началом правления Йездигерда II (439-457) и смертью Феодосия II. Эти сообщения можно применить к договору 408 г. (Socrates Scholasticus 1995, VII, 8; Sozomen 1995, IX 4. 1) или договору 441 г. (Socrates Scholasticus 1995, VIII 20; Procopius 1914-1928, I. 2: 11-15). О том, что договор был заключен в 408 г. и заключили его Феодосий II и Йездигерд I, свидетельствует текст арабского историка Мухаммада ат-Табари, который описывает войну 421-422 гг. (Дмитриев 2016: 51-52). Он пишет, что *«Михр Нарсех, предводительствуя 40 тысячной армией, вошел в Рим и принудил императора к*

возобновлению оплаты трибута» (*The History of al-Tabarī* 1999, I 868). Согласно ат-Табари, это событие имело место во время царствования Бахрама V (420-439). На основании этого можно предположить, что договор был принят в 422 г. (Priscus 1914-1928, I. 2. 15; Maksymiuk 2011: 46-47). Это стало подтверждением ранних решений, а также того, что император обязался платить Ирану за защиту «Кавказских ворот» (Дашков 2008: 116). Кроме текста Иоанна Лида, не сохранилось никаких документов о действиях иранских войск в Сирии и Каппадокии во время правления Йездигерда I, о подтвержденных атаках войск Йездигерда II в 440 г. и передаче денег Ирану с целью избежать войны. Об этом вспоминают и арамейские источники: «*А блаженный кесарь Феодосий, ибо был он миролюбив во Христе, не пожелал встретить его войною, но послал к нему со множеством сокровищ мужа по имени Анатолий, который был его спаранетом Востока*» (Elišē 1982, I: 195-196); «*Тот, сразу же по восшествии на престол предает забвению заключенный мир и нападает на греческое войско у Мубина*» (Moses Khorenats'i (1978), III: 67). Описание событий, представленных Егише, совпадают с версией Иоанна Лида, единственным отличием является личность переговорщика с византийской стороны, которым мог быть не *consul Споратий* (PLRE 2: 1026-1027), а *magister militum per Orientem* Анатолий (PLRE 2: 84-86). Можно с уверенностью сказать, что правителем Ирана, о котором вспоминал Иоанн Лид, был Йездигерд II, поэтому договор мог состояться в 441 г.

В ситуации угрозы со стороны кочевников около 464/465 г. Пероз I (459-484) потребовал, чтобы император Лев I (457-474) «*прислал ему вспомогательный отряд из числа солдат, охранявших границы подвластных римлянам армениев, для того, чтобы благодаря их близости, иметь готовую помощь и не подвергаться опасности в ожидании прибытия помощи издалека, или не стесняться расходами по их прибытии, если случится, что война затянется, как это было уже раньше*» (Priscus of Panium 1983, 41. 1: 3-27). О взаимных обязательствах правителей Ирана и Византии вспоминает по отношению к этому периоду также Иешу Стилит: «*Между ромеями и персами существовал договор, по которому, если они будут нуждаться друг в друге, в случае войны с какими-либо народами, они будут помогать друг другу, предоставив 300 человек воинов с оружием и конями, или 300 статиров вместо каждого человека, и это по желанию стороны, которая нуждается в помощи... Цари же персидские, посылая послов, просили золота, нуждаясь в нем, но они получали его не в виде подати*» (*The chronicle of Joshua the Stylite* 1882, VIII). Не без сомнения можно предположить, что деньги, которые передал Зенон (476-491) на выкуп Пероза из плена эфталитов, могли быть получены в результате ирано-византийского договора по вопросу финансирования расходов по обороне Кавказа. Иешу Стилит четко указывает на то, что это было исключительно жестом доброй воли императора «*Когда услышал это Зенон, император ромейский, он послал от себя золото, освободил его и помирил его с ними*» (*The chronicle of Joshua the Stylite* 1882, X). Однако, автор пишет, что Византия частично финансировала кампанию шахиншаха с целью защиты императорских земель от кочевников. «*Пероз, царь персидский, из-за войны с кионайе, т. е. с гуннами, неоднократно получал золото от ромеев, не требуя его как подати, но вызывая их усердие, будто бы ради них он вел с ними борьбу, "чтобы они не перешли в вашу землю"*» (там же, IX).

После смерти Пероза в войне с эфталитами (*History of al-Tabarī* 1999, I 869; Иешу Стилит, XI; Исоматов 2006: 150-151; Schindel 2006: 675-689), его преемник Балаш (484-488) требовал финансовой поддержки со стороны императора. «*Он отправил послов к Зенону, чтобы тот прислал ему золота. Но этот был занят*

войной с Иллусом и Леонтием, а также помнил то золото, которое было послано в начале мятежа и осталось там у персов» (*The chronicle of Joshua the Stylite* 1882, XVIII).

Иоанн Малала цитирует письмо Кавада I, направленное Юстиниану I (527-565), в котором шахиншах указывает на документы, найденные в царском архиве, подтверждающие обязательства императоров высылать войска либо финансово поддерживать Иран в целях защиты: «*Кавад, царь царей, царь восточного солнца, Флавию Юстиниану, кесарю западной луны. Мы нашли в наших древних письменах, что мы являемся братьями друг другу, и если кто-нибудь из нас нуждается в людях или в деньгах, другой дает ему [недостающее]. С того и до настоящего времени мы, помня об этом, так и поступаем. Так как против нас поднимались народы, против одних мы вынуждены были выступить, других же склонить к подчинению, давая [им] деньги, так что ныне все наши сокровища истрачены*» (Ioannes Malalae 2000, XVIII 44). Без сомнения, договор следует датировать временем до 491 г., так как Кавад должен был проинформировать о существовании этих документов Анастасия I (491-518).

Около 500 г. Кавад потребовал финансирования от Анастасия. Обидный ответ императора, который утверждал «*Если он хочет занять у него денег, то пусть пришлет расписку, иначе он не даст*» (Theophanes 1883, A.M. 5996), стал причиной ирано-византийской войны в 502-506 гг., во время которой персы захватили город Амида (Чекалова 1981: 71-77; Greatrex 1998: 83-119; Greatrex 2010: 227-251).

Нисибисский мирный договор, действия Сасанидского государства в Иберии (*Ammiani Marcellini Rerum...* 1978, XXVII. 12. 16; 30. 2. 2; Toumanoff 1963: 460-461; Naas 2008: 101-126) и раздел Армении в 387 году (Blockley 1987: 222-234; Greatrex 2000: 36-37), которые поколебали равновесие в кавказском регионе, совпали по времени с необычайной активностью кочевников-гуннов на этой территории. В связи с трудностями Византийской империи на западе, все проблемы по защите кавказских перевалов легли на плечи Ирана. Думается, что разговоры, касающиеся участия империи в расходах по обороне, были приняты еще во времена правления Шапура II, хотя это достаточно спорный вопрос: «*Достаточно тебе податей, которые ты взимаешь с Низибиш, и они уже много лет принадлежат ромеям*» (*The chronicle of Joshua the Stylite* 1882, XVIII; Пигулевская 1940: 131-132; Maksymiuk 2016: 149-157).

Первая сасанидская попытка закрытия дороги, пролегающей по побережью Каспийского моря, имела место во времена правления Йездигерда II (*Šahrestānīhā ī Ērānšahr* 2002, 18; Кудрявцев 1976: 87-92; Кудрявцев 1978: 243-258; Гаджиев 1980: 144-152; он же 1989: 61-76; он же 2015: 8), но уже в 450 г., во время восстания Армении и Албании, произошло разрушение фортификационных сооружений (Elišē 1982, I, 287). Источники подтверждают оккупацию города гуннами под предводительством Амбазука во времена правления Пероза (Procopius 1914-1928, I. 10. 9-12; PLRE 2: 68; Джафаров 1993: 28).

Без сомнения можно принять тезис о финансовых обязательствах Византии в V в. по отношению к Ирану. Ежегодные суммы, которые императоры передавали правителям Ирана как компенсацию за защиту кавказских перевалов, можно определить только по отношению к следующему столетию (Maksymiuk 2016: 149-157).

Можно считать, что взаимные контакты между Ираном и Византией в V в. были довольно дружескими, в отличие от предыдущих столетий, являющихся полосой сплошных военных действий (Kettenhofen 1982; Dignas, Winter 2007: 70-94; Mosig-

Walburg 2009). Две страны начали осуществлять оживленную дипломатическую коммуникацию (Maksymiuk 2018). Об этом можно судить на основании торговых контактов (Winter 1987) или на основании изменения положения христиан в Иране (Maksymiuk 2014: 19-24). Подтверждением дружественных отношений может быть также информация о просьбе императора Аркадия об опеке над малолетним наследником трона Феодосием, направленной шахиншаху Йездигерду (Procopius 1914-1928, I. 2. 6-10; *Agathiae Myrinaei Historiarum...* 1982, IV. 26. 3-7). Все эти примеры - следствие общей угрозы и последующего за этим объединения перед угрозой кочевников.

Действительно ли, анализируя проблему участия Византии в расходах по охране кавказских проходов, можно сделать вывод о том, что существовало взаимовыгодное сотрудничество? Нежелание империи передавать субсидии, которые власти Ирана просили довольно часто, или требование отдать Нисибис – все это подводит к отказу от тезиса об ирано-византийском сотрудничестве в связи с ситуацией в кавказском регионе. Конечно, два государства не воевали в V в., но даже завуалированный язык дипломатии при взаимных контактах указывает на то, что в этих контактах главным посылом была не враждебность, а, скорее всего, взаимное игнорирование (Garsoian 1983: 591).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гаджиев М.С. (1980), «К вопросу о местоположении сасанидского города Шахристан-и Йездигерд», *Древние и средневековые археологические памятники Дагестана*, Махачкала: 144-152.
- (1989), «Исследования сырцовой фортификации цитадели Дербента сасанидского времени», *Древняя и средневековая архитектура Дагестана*, Махачкала: 61-76.
- (2013), *Великая Кавказская стена между тюркским севером и иранским югом в VI–VIII вв.*, Москва.
- (2015), «Дербент – памятник мировой истории и культуры», *Вестник Института Истории, Археологии и Этнографии*, № 1 (41): 5-20.
- Дашков С.Б. (2008), *Цари царей — Сасаниды. История Ирана III — VII вв. в легендах, исторических хрониках и современных исследованиях*, Москва.
- Джафаров Ю. (1993), *Гунны и Азербайджан*, Баку.
- Дмитриев В.А. (2008), *Борьба Римской (Византийской) империи и сасанидского Ирана за преобладание в Передней Азии (III–VII вв.)*, Псков.
- Исоматов М.М. (2006), *Ирано-среднеазиатские взаимоотношения по “Таърих-и Табари” Балъами*, Душанбе.
- Кудрявцев А.А. (1976), *Город, не подвластный векам*, Махачкала.
- (1978), «О датировке первых сасанидских укреплений в Дербенте», *Советская археология*, № 3: 243-257.
- Пигулевская, Н. В., 1940, *Месопотамия на рубеже V-VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник*, Москва/Ленинград.
- Семенов И.Г. (2010), «К уточнению обстоятельств рейда гуннов в Малую Азию и Сирию в 395–396 годах», *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, № 17: 165-178.
- Чекалова А. (1981), «Иешу Стилит или Прокопий? (К вопросу о манере изображения греческими и сирийскими авторами войны между Византией и Ираном в 502–506 гг.)», *Византийский Временник*, № 42: 71-77.
- Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque* (1828), ed. B.G. Niebuhr, Bonn.
- Ammiani Marcellini Rerum Gestarum Libri Qui Supersunt* (1978), ed. W. Seyfarth, Leipzig.
- Bivar A.D.H. (2003), “Nephthalites”, *“Encyclopaedia Iranica*, 12. 2: 198-201.

- Blockley R.C. (1984), "The Romano-Persian peace treaties of AD 299 and 363", *Florilegium*, № 6: 28-49.
- (1987), "The division of Armenia between the Romans and Persians at the end of the fourth century ad", *Historia*, № 36: 222-234.
- Chrysos E. (1993), "Räumung und Aufgabe von Reichsterritorien. Der Vertrag von 363", *Bonner Jahrbücher*, № 193: 165-202.
- Daryae T. (2016), "If these Walls Could Speak The Barrier of Alexander, Wall of Darband and Other Defensive Moats", *Borders: Itineraries on the Edges of Iran*, Venice: 79-88.
- de la Vaissière É. (2014), "The Steppe World and the Rise of the Huns", *The Cambridge Companion to the Age of Attila*, Cambridge: 175-192.
- Dignas B., Winter E. (2007), *Rome and Persia in Late Antiquity. Neighbours and Rivals*, Cambridge.
- Elišē (1982), *History of Vardan and the Armenian War*, ed. R.W. Thomson, Cambridge, Mass.
- Garsoian N., (1983), "Byzantium and the Sasanians", *The Cambridge History of Iran 3.1*, Cambridge: 568-592.
- Greatrex G. (1993), "The two fifth-century Wars between Rome and Persia", *Florilegium*, № 12: 1-14.
- (1998), *Rome and Persia at War 502–532*, Leeds.
- (2000), "The background and aftermath of the partition of Armenia in AD 387", *Ancient History Bulletin*, № 14: 35-48.
- (2008), "Deux notes sur Théodose II et les Perses", *Antiquité Tardive*, № 16: 85-91.
- (2010), "Procopius and Pseudo-Zachariah on the Siege of Amida and its Aftermath (502-6)", *Commutatio et Contentio: Studies in the Late Roman, Sasanian, and Early Islamic Near East in Memory of Zeev Rubin*, Düsseldorf: 227-251.
- Greatrex M., Greatrex, G. (1999), "The Hunnic Invasion of the East of 395 and the Fortress of Ziatha", *Byzantion*, № 69: 65-75.
- Haas Ch. (2008), "Mountain Constantines: The Christianization of Aksum and Iberia", *Journal of Late Antiquity*, № 1.1: 101-126.
- Ioannes Lydus Laurentius (1812), *De Magistratibus rei publicae Romanae*, ed. J.M. Eberhart, Paris.
- Ioannes Malalas (2000), *Chronographia*, ed. J. Thurn, Berlin/New York.
- Jackson Bonner M.R. (2017), "A Brief Military History of the Later Reign of Šāpur I", *Historia i Świat*, № 6: 97-105.
- Kettenhofen E. (1982), *Die römisch-persischen Kriege des 3. Jahrhunderts. n. Chr. nach der Inschrift Sāhpuhrs I. an der Ka'be-ye Zartošt (ŠKZ)*, Wiesbaden.
- Kettenhofen E. (1994), "Darband", *Encyclopaedia Iranica*, № 7. 1: 13-19.
- Litvinsky B. A. (1996), "The Hephthalite Empire", *History of Civilizations of Central Asia*, v. 3, *The Crossroads of Civilizations: AD 250 to 750*, Paris: 138-165.
- Maksymiuk K. (2011), *Pogranicze persko-rzymskie w działaniach Husrowa I Anuszirwana (531–579). Geneza problemów polityczno-religijnych w relacjach Iranu i Rzymu w okresie sasanidzkim*, Siedlce.
- (2014), "Some remarks on Christian church in Iran in the 5th century AD», *Історія релігій в Україні*, Львів: 19-24.
- (2015), *Geography of Roman-Iranian wars: military operations of Rome and Sasanian Iran*, Siedlce.
- (2016), "Die finanziellen Abrechnungen in den persisch-römischen Kriegen in den Zeiten der Sasaniden", *Historia i Świat*, № 5: 149-157.
- (2018), "Duo ophthalmoi ton kosmon - The problem of reverence in Irano-Roman relations of the Sasanid Period", (in press) – Это статья
- Moses Khorenats'i (1978), *History of the Armenians*, ed. R.W. Thomson, Cambridge, Mass.

- Mosig-Walburg K. (2009), *Römer und Perser. Vom 3. Jahrhundert bis zum Jahr 363 n. Chr.*, Gutenberg.
- Payne R. (2014), "The reinvention of Iran: The Sasanian Empire and the Huns", *The Cambridge companion to the age of Attila*, Cambridge: 282-299.
- Priscus of Panium (1983). *The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire*, ed. R.C. Blockley, Liverpool.
- Procopius (1914-1928), *Bella*, ed. H.B. Dewing, Cambridge, Mass.
- Prosopography of the Later Roman Empire 1*, 1971, (ed. A.H.M. Jones), Cambridge.
- Prosopography of the Later Roman Empire 2*, 1980, (ed. J.R. Martindale), Cambridge.
- Rubin Z. (1986), "Diplomacy and war in the relations between Byzantium and the Sassanids in the fifth century ad", *The Defence of the Roman and Byzantine East*, Oxford: 677-695
- Schindel N. (2006), "The Sasanian Eastern Wars in 5th. Century: The Numismatic Evidence", *Proceedings of the 5th Conference of the Societas Iranologica Europae 1*, Milano: 675-689.
- Schottky M. (2004), "Huns", *Encyclopaedia Iranica*, № 12.6.
- Seager R. (1996), "Ammianus and the Status of Armenia in the Peace of 363", *Chiron*, № 26: 275-284.
- Sozomen (1995), *Kirchengeschichte*, ed. J. Bidez, rev. G.C. Hansen, Berlin.
- Socrates (Scholasticus) (1995), *Kirchengeschichte*, ed. G.C. Hansen, Berlin.
- Šahrestānīhā ī Ērānšahr (2002). A Middle Persian Text on Late Antique Geography, Epic, and History, ed. T. Daryae, Costa Mesa.
- The chronicle of Joshua the Stylite: composed in Syriac A.D. 507* (1882), ed. W. Wright, Cambridge 1882.
- The History of al-Tabarī, The Sāsānids, the Byzantines, the Lakhmids, and Yemen* (1999), ed. C.E. Bosworth, New York.
- Theophanes (1883), *Chronographia*, ed. C. de Boor, Leipzig.
- Toumanoff C. (1963), *Studies in Christian Caucasian History*, Georgetown.
- Winter E. (1987), «Handel und Wirtschaft in Sassanidisch-(Ost-)Römischen Verträgen und Abkommen», *Münstersche Beiträge zur Antiken Handelsgeschichte*, № 6. 2: 46-74.

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ВСЕХ БЕД: ГРУЗИЯ В XIII ВЕКЕ И ВТОРЖЕНИЯ МОНГОЛОВ И ТЮРКОВ

Ярослав Пилипчук
Институт востоковедения НАН Украины, Киев

Abstract

This article covers the history of the Turkic and Mongol invasions to Georgia. The first Mongol invasion significantly weakened Georgia; the Georgian army was defeated by the forces of Jebe and Subadei. The Kipchak invasion that followed the Mongolian war, did not allow Georgia to recover before the Khwarezmian invasion. Among the most destructive were the invasions of Jelal ad-Din, whose Turkic warriors devastated the Georgian and Armenian lands. Chormagan, having attacked the South Caucasus in the 30s of the XIII century, did not meet the resistance of single Georgia, but rather that of individual provincial rulers. Under these conditions, part of the Georgian *didebulis* and Armenian barons, in order to protect their possessions from the Mongols, cooperated with the latter. During the 30s and until the early 50s of the XIII c., the South Caucasus was under the actual control of the Mongolian *noyons*, which were respectively subordinate to Gyuk-khan and then to Batu-khan. With the proclamation of Hulagu khan and the formation of his *ulus* in the South Caucasus and in the Near East, the Georgian rulers actually entered into the tribute relations with him. Georgian kings were first approved in Tabriz, and then recognised as rulers in their lands. The Georgians were forced to supply the Mongols with auxiliary contingents during the wars against the Juchids and the Egyptian Mamluks. The Hulaguicides often acted as arbitrators in the affairs of the throne succession and other conflicts within Georgia, although those conflicts could have been initiated by themselves. The rulers of Samtskhe and East Georgia were attuned for allied relations with the Mongols. The rulers of Western Georgia tried to distance themselves from the Hulaguicides. Relative freedom of this territory became possible due to the wars of the Hulaguicides with other Chingizids and Mamelukes. Georgia's independence and unification became possible only when the Hulaguicides's *ulus* got involved into the internecine struggle.

Keywords: *Mongols, Georgia, Khwarezmians, Rum Turks, Hulaguicides, Jochids*

Аннотация

Статья затрагивает историю тюркских и монгольских вторжений в грузинские земли. Первое монгольское вторжение существенно ослабило Грузию. Грузинское войско было разбито войсками Джэбэ и Субедея. Последовавшее за монгольским вторжением кыпчаков не оставило Грузии времени восстановиться перед хорезмийским вторжением. К наиболее опустошительным можно отнести вторжения Джелал ад-Дина, в ходе которых тюркские воины подвергли грузинские и армянские земли страшным опустошениям. Чормаган, атаковав Южный Кавказ в 30-х гг. XIII в. уже встретил сопротивление не единой Грузии, а отдельных провинциальных правителей. В этих условиях часть грузинских дидебулов и армянских баронов, чтобы избавить свои владения от опустошения монголами, пошли на сотрудничество с последними. На протяжении 30-х и вплоть до начала 50-х гг. XIII в. Южный Кавказ находился под фактическим управлением монгольских нойонов, которые находились соответственно в подчинении то Гуюк-хана, то Бату-хана. С провозглашением ханом Хулагу и образованием его улуса на Южном Кавказе и в Передней Азии грузинские правители фактически вошли с ним в даннические и родственные отношения.

Грузинские цари проходили утверждение сначала в Тебризе, а потом признавались правителями в своих землях. Грузины были вынуждены поставлять монголам вспомогательные контингенты во время войн против Джучидов и египетских мамлюков. Хулагуиды часто выступали как арбитры в делах престолонаследия и других конфликтах внутри Грузии, при том, что конфликты эти могли быть инициированы ими же. На союз с монголами были настроены правители Самцхе и Восточной Грузии. Правители Западной Грузии же старались дистанцироваться от Хулагуидов. Относительная свобода этой территории стала возможной вследствие войн Хулагуидов с другими Чингизидами и мамлюками. Независимость и объединение Грузии стали возможными, только когда улус Хулагуидов охватила междоусобная борьба.

Ключевые слова: *монголы, Грузия, хорезмийцы, румские турки, Хулагуиды, Джучиды*

Для Южного Кавказа XIII век традиционно считается эпохой кризиса и бедствий (начиная с 1220 года). Данный период, хотя и нашел отражение в ряде исследований (Буниятов 1978; Буниятов 1962; Тимохин 2013а; Тихомин 2013б: 7-38; он же 2015: 317-346; он же 2016: 122-133; Злыгостев 2011, в частности по монгольским вторжениям May 1986; Boyle 1986: 304-421; Хаутала 2016; по эпохе V Блистательного – Lang 1955: 74-91; по монгольскому завоеванию территории Армении – Dashdondong 2012: 53-82, по некоторым прочим вопросам – Почекаев 2006; Егоров 1985; Spuler 1957 и т.д.). Задачей данного исследования является анализ сведений, касающихся монгольских и тюркских вторжений.¹

Важным источником по истории Южного Кавказа являются латиноязычные хроники и документы. В 1223 г. царица Русудан писала папе Гонорию III о вторжении тартар в ее страну и истреблении 6 тыс. грузин, а также о том, что последние не остерегались их, считая христианами. После этого Русудан собрала воинов, и они нанесли поражение иноземцам, истребив 25 тыс. Это, впрочем, было своего рода виртуальной победой; реально грузины не одержали верх над монголами. Русудан также выражала радость, что Фридрих пришел с крестовым походом в Сирию, и писала о готовности отправить ему на помощь коннетабля Иванэ Мхрагздели. Последний отправил отдельное письмо, которое повторяло сведения письма Русудан. Альберик де Труа Фонтене под 1208 г. упоминает о битве грузин с монголами, отмечая, что первых пало 27 тыс., а монголов – 65 тыс. В письме папы Григория IX царице Русудан отмечалось, что хотя тартары напали на Грузию и причинили ей жестокие потери, оказать помощь Грузии мешает тот факт, что сарацины нападают на католиков в Испании и Сирии (Хаутала 2016: 125-126, 128-129, 180-184).

Гийом Адам многократно завышал количество грузинского войска, говоря о 50 тыс. конных и 200 тыс. пеших. Указывалось, что правитель Персии одерживал победы благодаря войску георгианов, а также, что когда монголы брали Багдад, первыми в него вошли георгианцы (William of Adam 2012: 59).

Марко Поло писал о георгианах как о мужественных воинах и отменных стрелках. Он указывал, что правитель георгианов всегда называется Давид-мелик; распространенное у грузин имя Давид он воспринял как титул. Прежние же армянские

¹ Мы не касаемся здесь вторжения кыпчаков в 1223 г.

земли грузинского царства стали местом пастбищ левантийских татар, (*монголов Хулагуидов – Я.П.*), отмечал путешественник (Марко Поло 2005: 38-44).

Гийом де Рубрук указывал на то, что грузины готовы пойти на союз против монголов, если Запад окажет им помощь (Рубрук, Карпини, 1957). Однако помощи грузины, как и русины Данила и Василька Романовичей, не дождалось. Выступление Давида Нарина против монголов лишь повлекло за собой вторжение в страну (Цулая 1980). В целом, латинские источники обнаруживают слабую информированность авторов о Грузии. Сведения же, полученные папой от самих грузин, еще более запутывают читателя.

В грузинской «Столетней летописи» сказано, что монголы прошли Адарбаган до Гандзы, вторглись в Грузию и вошли в землю Гаги. Варам Гагели и атабег Иванэ сообщили Гиорги Лаше о вторжении чужаков, которые опустошают Сомхити. Грузины собрали 90 тыс. воинов во главе с Иванэи его братом Закаре и племянником Шанше, с ними шел Варам Гагели. Монголы стали на берегах Бедруджи называемой Сагим. Половина монголов бежала, а вторая находилась в засаде. И побеждены были грузины и погибло много христиан. Монголы прошли до Самшвиле и потом прошли Ширван и Дербенд и вторглись в земли кыпчаков и много раз победили их (Цулая 1981: 112-128).

За первым монгольским вторжением последовало нападение Джелал ад-Дин. Георгий Лаша перед смертью собрал своих дидебулов и назначил своей приемницей Русудан, которая должна была стать опекуной Давида сына Лаши. Грузинский хронист в провиденциальном духе пишет, что грузины забыли Господа и тогда он обрушил на них Джалалдина (Джелал ад-Дин), который вторгся в землю Двин, которой правил Иванэ Мхаргрздели. Землю Ани он отдал своему племяннику Шанше. Иванэ и Варам Гагели явились в Тбилиси к Русудан со сведениями о прибытии хорезмийцев. Царица созвала войско из имеров и амеров и поставила во главе войска Иванэ. Грузины сразились с Джелал ад-Дином у селения Гарни, которое находилось у Двина и Амоберда. В авангарде у грузин находились два брата – ахалцихцы Шалва и Иванэ. Иванэ завидовал им и не оказал помощи. Многие грузины погибли и бежали перед лицом врага, авангард же Шалвы и Иванэ сражался храбро, но все равно был разбит. Иванэ ушел в Биджниси, а султан – в Адарбадаган, откуда набегами разорял Грузию. Через два года умер Иванэ и его место занял его брат по имени Аваг. Тогда хорезмийцы снова вторглись и опустошили Двин, Ани, Сомхити, Гаг до Гандзы, Шамкор. В то время Русудан выдала замуж за Киясдина (Гийас ад-Дин из румских сельджуков) свою дочь Тamar. Сама же царица вышла замуж за Тогрила. Тогда Джелал ад-Дин бросил вызов амирспасалару Авагу, и тот храбро выступил навстречу ему. Однако султан прибег к хитрости и стал говорить, что войны не искал, а хочет

переговоров. Хорезмийцы изнемогали в борьбе с монголами. Джелал ад-Дин же неожиданно напал на Тбилиси. Русудан поручила защиту города сыновьям Боцо – Мемна и Боцо, сама же пребывала в Кутаиси. Мусульмане, живущие в городе, открыли городские ворота перед хорезмийцами и те начали вырезать христианское население. Были опустошены Армения, Камбечиани, Джавахгети, Артани, Самцхе, Калонифора, Тао, Триалети. Поруганию были преданы христианские храмы и святыни Страна была разорена до самого Лихи. В то время Русудан находилась в Кутаиси и Абхазии. Она хотела погубить сына Георгия Лаши Давида, дабы престол унаследовал ее собственный сын. Давид же, находившийся у турок, вопреки желанию Русудан,

был отправлен в Грецию (в Никею). Аваг тогда находился в Биджниси, Варам Гагели – у себя, войска же разных земель – у себя. В то время монголы отправили новое войско против Джелал ад-Дина, который был вынужден отступить из Грузии и двинуться в Адарбадаган, однако не выстоял пред монголами и двинулся к Тбилиси. Русудан приказала собрать войско со всей страны и призвала на помощь овсов (аланов), дурдзуков (нахов) и других горцев. Грузины сошлись в бою с Джелал ад-Дином в Сомхити в Болнисском ущелье. Сначала грузины одерживали верх, но, в конце концов, были разбиты. С востока же пришло монгольское войско во главе с четверема нойонами Бичо, Чормаганом, Йосуром, Чагата и хорезмийцы бежали. Джелал ад-Дин ушел в Грецию, но его нагнали у Басиани. Там хорезмшах был убит... Монголы же подошли к Гандзе (Цулая 1981: 112-128).

О втором вторжении монголов сообщалось при описании завершения деяний Джелал ад-Дина. Последний оставил Тбилиси, когда узнал, что монголы идут в Адарбадган. Но видя, что ему их не одолеть, он снова пришел к Тбилиси. Тогда Русудана приказала собрать войско из грузин, аланов и горцев. Монголы же преследовали Джелал ад-Дина и разорили земли Хлата и Валашкерта. Правитель Хлата укрылся в своем городе. Монголы же отступили в Адабарган, и им покорились таврежцы. На следующий год они двинулись на Бардав (Барду), Гандзу (Гянжу), Муган, начали совершать набеги на Грузию и соседние страны – Эрети, Кахети, Сомхити, Ширван, Дарубанд (Дербент), Двин, Ани. Монгольские нойоны вступили в Картли, Триалети, Сомхити, Джавакхети, Самцхе, Шавшети, Кларджети, Тао, Кола, Артани, Аписи. Все земли подверглись разорению. Шавше укрылся в Аджарии, Аваг спрятался в крепости Каен, Варам Гагели бежал в Кутаиси. Эры, кахи, сомхитары, таойцы, тортел-артан-колайцы бежали в леса и горы... Многие грузины покинули крепости и бежали на Кавказ. Оценив ситуацию, Аваг отправил к монголам посольство. Летними пастбищами монголов были горы Гелакунские и Араратские, же зимой они находились в Бардави. Чормаган в то время находился в Ани. После покорения грузинских и армянских земель монголы двинулись на Киадина (румского султана Гийас ад-Дина). Последнему приписывалось войско в 400 тыс. (*что, безусловно, является огромным преувеличением: речь может идти максимум о 15 тысячах воинах плюс союзные грузины – Я.П.*). Грузинами-союзниками турок командовал Дардина Шарвашидзе. У Езника и Себастии они столкнулись с монголами и были разбиты. В это время скончалась царица Русудан, Давида же тогда в стране не было – он считался умершим в Греции. В каждой местностях правил свой *мтавар*, заботясь исключительно о себе. Один из *мтаваров*, Эгарслан Бакурцихели, стал командовать войсками Кахетии, Эретии, Камбечиани и земли у Тбилиси. Мтавары смогли собрать войско из абхазов, дружин Цотнэ Дадияни и Бедиани, эристава Рачи. Тогда монголы Бичу (Байджу-нойона) и Ангурана выступили против них и пришли в Кохтастави. Битвы не было, а грузинские предводители, распустив войско, отправились в страну Ширакаванскую, страну Анийскую (гавар Ширак). Там грузинских предводителей подвергли допросу с пристрастием – Чормаган спрашивал, с какой целью они пришли, на что грузины твердо отвечали, что пришли принести дань. Среди грузинских предводителей не было Цотнэ Дадияни, который стоял с войском у Ркинисдживари между Самцхе и Гадо. Услышав о тяжелой доле мтаваров, Цотнэ сам отправился в Ани, а войско распустил. Он снял с себя одежду и связал,

чтобы быть как все грузины, и тогда монголы смилоствивились над ними (Цулая 1980).

Во главе монголов стояли нойоны Байджу, Чармаган, Ангураг, Йосур. Они правили Ираком, Хорасаном, Адарбаганом, Моваканом, Бардавом, Шарваном, Грузией, Хлатом и Великой Грецией, пока не пришел царь Уло (Хулагу) с 60 тыс. войска. Грузины во главе с Эгарсланом встретили правителя в Адарбадагане. Хан Гуюк решил сделать правителем Грузии сына Лаши, а сын Русудан Давид бежал и тогда же пришел в Абхазию. Уло отдавал предпочтение сыну Лаши Давиду, а Давида Нарина недолго любил. Когда последний находился в Алатаге, где Уло провозгласили правителем, то приказал доставить Давида в Бардав. Достигнув же Нахичевана, он бежал в Абхазию, в земли атабага Авага. Давид Нарин молил Сумбата не выдавать его но когда абхазы, сваны, Дадиани, Бедиани, эристав Рачи узнали о пребывании его в стране, то провозгласили царем, и он стал царем земли до самого Лиха. Тогда правитель Бато (Бату) признал Давида правителем, однако, поставил при нем управителей Джигда-Хатун и Джикюра. Царь отправился к Бато и долгое время находился у него. Бато назначил Торгуа правителем Панкиси. Царя же пожаловал царством картлийским. Торгуа боялся Давида Нарина и без клятвы от Джикюра не осмеливался явиться пред царские очи. Тогда Джикур дал ему в Алаверди клятву, что вельможа останется целым. Однако по приказу царицы Джикур сбросил Торгуа с утеса, но сам Давид Нарин об этом не знал. В то время Бато, который был превыше всех каенов (ханов), приказал Аргуну пересчитать жителей на Севере для того, чтобы установить количество людей способных идти на войну. Давид и грузины отпросились от Уло, и тот дал им свободу. Они вернулись в Тбилиси через Адарбадаган. Царица Джигда не родила Давиду Нарину сына, и царь сделал своей супругой Алтун-хатун, которая родила ему наследника. Царь же через некоторое время отправился в Муган, а остуда – на летнее стойбище, чтобы подготовиться к походу на Египет. Уло вернулся с войны, одержав победу над султаном египетским. Грузины воевали вместе с монголами против египтян и вместе побеждали врага, где только встречали. Однако тогда Давид Нарин изменил каену, и властитель, чтобы наказать его, отправил войско из 20 тыс. всадников во главе с Аргуном. Он прошел Гандзу и Сомхити и подошел к Тбилиси. В западной части разделенной тогда надвое Грузии правил Давид Нарин, в восточной – Давид Улу (сын Лаши). У каждого из них был свой двор: у одного – в Кутаиси, у другого – в Тбилиси. Сообщалось, что сын Бато Берка (реально же Берке был братом Бату) отправлял Георгию много даров и посольств через ворота Дариалана (Дарьяльский перевал) и Запада (через земли черкесов). Сообщалось также, что во время переговоров между грузинским царем и Уло пришел ханский караульный, который сообщал, что по Дарубандской дороге с неисчислимым войском идет Берка и уже нет времени для разговоров. Уло нанес поражение войску Берка, и тогда выделился Саргис. И гнали врага на три дня от Дарубанда. Вернувшись из похода с победой царю Давиду Улу были возданы великие почести за храбрость грузин. Когда во второй раз вторгся Берка, то войска грузинские стали вместе с войском Абаги. Берка же не стал переходить Куру, увидев войска неприятеля, а разорил Ширван, Эретию, Кахетию и все побережье реки Йори. Войско Джучидов дошло до Тбилиси и перебило много христиан. Но вскоре Берка умер. А через некоторое время умер грузинский царь Давид Улу, и тогда к Абаге прибыл его наследник Деметре. Пожаловал ему он все царство за вычетом земель

Саргиса Джакели и отправил ему в сопровождение Садуна, который стал при нем атабагом. Нового правителя благословил католикос, и ему покорились Эретия, Кахетия, Сомхити, Картли, Джавакхети, Тао. Была проведена новая перепись, для того чтобы узнать насколько пострадала страна от вторжения Берка. Сын Аргуна прибыл ко двору великого царя, а свою жену оставил в Тбилиси. Грузинская же царица презирала Аргуна как язычника. Когда правитель Дарубанда отложился от каэна, Деметре выступил в поход совместно с сюзереном и город был взят благодаря грузинам. Когда же сменился ильхан, и править стал Аргун, то атабагом в страну был назначен грузинский кыпчак Хутлу-Буга, сын Садуна. Хутлу-Буга затевал интриги против грузинского царя Деметре. Деметре вызвал к себе Аргун, который хотел оказать услугу Хутлу-Буге. Знать советовала Деметре не ехать к монголам, но благочестивый царь принес себя в жертву, дабы страна не ощутила опустошения. Грузинским царем сделали царевича абхазского Вахтанга. При помощи Хутлу-Буги его власть распространялась от Никопсии до Дарубанда. В правление Деметре католикос Пимен сделал христианами язычников-леков. Спустя некоторое время Аргун заболел и пожелал сделать царем царевича Давида, которого поддерживали правитель овсов (алан) Фареджан и мтавар Таречан, но другим мтаварам было неуютно воцарение Давида. Отмечалось, что в то время Аргун поручил нойону Елгуну трон, а сам побаивался вторжения войск врага с севера (Джучидов). Грузию же тогда уже начали беспокоить овсы, захватившие Гори. Тогда грузины осадили город, и монголам пришлось вмешаться для того, чтобы заключить мир. Овсы прибегли к посредничеству монголов, когда им стало сложно обопронять город. Овсы Сатхис и Узурабег убили грузина Рати. В то время призвал к себе царя Давида каэн Казан (Газан). Давид не явился, и монголы вторглись в Мтиулети. Были разорены области Сомхити, Картли, Триалети, Эрцо. Стали они в Мухнари, Херки, Базалети, Эрцо, Триалети. Монголы Хутлугши (Кутлуг-Шаха) разоряли Картли и вышеупомянутые земли. Летом Давид был в Мтиулети, а зимой - в Картли и не доверял монголам. Тогда усилился овский мтавар Бакатар, который разорял Картли и Триалети. Он отвоевал у Гамрекели сына Каха крепость Дзами. В то время между собой враждовал царь Давид и его соперник Вахтанг, который использовал овсов и кивчаков (грузинских кыпчаков). Против Бакатара выступил Бека и нанес ему поражение. Сюжет противостояния с аланами есть и в «Памятнике Эриставов». Сохранилась и «Нузальская надпись», где, наряду с другими аланскими героями – Давидом, Сосланом, Фидарозом, Доларозом, Сокур-Георгием – упомянут Ос-Багатар; последний захватил дочь грузинского царя, но сам погиб, утонув в реке (Цулая 1980; Нузальская надпись 2004; Памятник эриставов 1979; Цулая 2005: 133-162).

«Столетняя летопись», фактически, основной источник по взаимоотношениям Грузии с монголами, в целом объективно отображает историческую канву событий. Однако стоит отметить некоторые неточности. Исходя из свидетельств летописи, получается, что Хулагу правил улусом, когда в Великой Монгольской империи правил каэн Гуюк, а в Улусе Джучи правил Бату. То, что Южный Кавказ некоторое время находился в зависимости от Бату, не поддается сомнению. Только вот образование улуса Хулагу совпадает с походом монголов на Ближний Восток. Среди неточностей – и типичное для многих источников того времени преувеличение количества войск – как своих, так и вражеских. В летописи восхваляются деяния грузин в войнах Хулагуидов против Джучидов. Вместе с тем, она содержит ценные

данные о взаимоотношениях грузин с монгольской администрацией – как с наместниками, так и ханами. Грузины платили дань, Хулагуиды вмешивались в назначение царей и урегулирование внутренних конфликтов. Монголы поддерживали тесные матримониальные связи с Багратидами.

Немало информации об отношениях Грузии с монголами и хорезмийцами есть и в армянских хрониках. Давид Багишеци отмечает, что в 1242 г. монголы угнали в рабство армян, а в следующий год Бачу-нуин покорил Кесарию, Ерзнка, Себастию и разгромил Гийас ад-Дина. Отмечалось, что царь Гетум был известен в Грузии: он совершил путешествие к Бату и Бачу (Галстян 1962). Себастици сообщает о вторжении в область Гугарк в 1220 г. 20 тысяч татар, которые, разрушая все на своем пути, дошли до Тбхиса, но были вынуждены отступить — их преследовали войска Георгия Лаши. В 1222 г. монголы вновь вторглись в Грузию и Армению, но отступили, встретив сопротивление армян и грузин. В 1231 г. татары взяли Ерзнка, а в 1242 г. – Карин, в 1243 г. – Себастию и Кесарию. В 1245 г., взяв Хлат, татары передали его Тамте сестре Авага. В 1249 г. татары схватили грузинского царя, а других знатных заковали в цепи, однако «грузины волей Бога были спасены». В 1255 г Хулагу пришел в Персию, Армению и Грузию. Он выразил почести грузинскому царю В 1261 г. Аргун убил Джалала, князя Хачена. В 1268 г. восстал Такудар: он вторгся в страну грузинского царя Давида, но был схвачен Абагой. В 1271 г. умер грузинский царь Давид, а в 1272 г. царем стал Деметре. В 1280 г. Абага вторгся в Грузию и убил Джалал Торена и Рати Папана на горе Кайтун. В 1281 г. грузинский царь Деметре, армянские цари и татары столкнулись с войском египетского султана Алфи (Калавуна и были побеждены в битве у Хамса (там же).

Степанос Орбелиан сообщает, что в 1220 г. татары разбили грузин в битве на реке Кроман. В 1236 г. татары ворглись и захватили города Ани, Карс, Лори, Святую Марию. Они увезли Авага из крепости Каен. В 1239 г. был взят Карин, а в 1242 г. он был взят во второй раз. В 1248 г. Давид стал царем. В 1261 г. были убиты Закаре и его отец Шаханшах. В 1266 г. пришел царь с севера Берка и стал лагерем на реке Кура. В 1270 г. умер грузинский царь Давид. В 1272 г. пришел к власти Деметре, и умер Смбат Спарарпет. В 1288 г. Буга убил грузинского царя Деметре. В 1290 г. войско Тода-Менгу пришло в Дербент. Аргун был освобожден из темницы и стал правителем. Вахтанг, сын Давида Сонского, женился на сестре Аргуна. Чтобы прийти к власти, ильхан назначил правителем Хутлу-Бугу (там же).

Вардан сообщает, что в 1220 г. монголы в числе 20 тыс. вторглись со стороны Ахвана и на реке Котман сошлись с грузинами, войско которых возглавляли Георгий Лаши и Иванэ. Иванэ погиб, а Вахрам, правитель Гугарка, преследовал монголов до Гардмана. В 1222 г. монголы снова попытались вторгнуться, но застали грузин и армян готовыми к отражению нападению. Под 1225 г. Вардан сообщает, что 200 тыс. хорезмийцев вторглись в Атрапатакан и пришли к Гандзаку. А на грузин и армян в городке Гарни «пал Божий гнев за преступление Иванэ, который осквернил мощи иерея Паркешта. Бог внушил страх воинам и многие из них погибли, бросившись в ущелье». Далее обольщенный победой Вахрам двинулся на запад, где был разбит Алидином (Ала ад-Дином) и Ашрафом, а потом его к Амиду прогнали монголы. В 1235 г. Чормаган пришел в Гандзак и осадил его. Монголы овладели городами Тавуш, Катцарет, Терунакан (Ергеванк), Матцнаберд, Норберд, Кавазин, Гац, Лоре, Калан, Ани, Карс. В 1242 г. пал Карин, а в 1243 г. – Себастиа и Кайсери. В 1255 г. Хулагу

пришел в Иверию, Армению, Парсию. В 1260 г. христиане и монголы взяли Мартирополь. В 1261 г. монголы убили оклеветанного «лихими людьми» Джалала. Тогда же был убит Закаре иверский, обвиненный в том, что он утаил дань со своей страны, и о его смерти жалели Иверия с Арменией. Умер отец его Шаханшах, который правил городом Ани. Барка в 1266 г. пришел и стал на берегах реки Кура, но вскоре, летом, умер (Вардан Великий, 1861).

Григор Акнерци сообщает, что монголы столкнулись с войском грузин, которое насчитывало 60 тыс. В битве на реке Котман у Терунакана грузины были разбиты. Владетель Масанагомский Хамидола подрезал жилу коня Иванэ. В то время Георгия Лаши не было в живых. Его сын Давид был в плену у румского султана, а страной правила его дочь Русудан вместе с Иванэ. Иванэ выступил против монголов вместе с Вахрамом, правителем Гагским. Левое крыло, которым руководил Иванэ, было разбито. Правое же крыло под руководством Вахрама разбило монголов, и поле сагимское было полно их трупами. После того как Иванэ был разбит, Вахрам отступил в свой замок Кархерц. Далее монголы двинулись на Гандзак. Во второй раз во главе монголов стояли Чормаганом, Беналом и Муларом. После взятия Шамхора и Гандзака они вступили в Грузию и взяли Зугам, Кархерц, Теревен, царскую резиденцию Гардман, крепость Ергеванк, Мцнаберд, города Тавуш, Терунакан, Норберд. Армянские и грузинские князья покорились монголам и согласились платить дань. Бачу взял Карин и пошел войной на румского султана. Вместе с ним пойдут войска грузин и армян. Главную заслугу победы над турками армянский хронист приписывает армянам и грузинам, сражавшимся в авангарде войск. В битве отметились Шалве и Вахрам Гагеци. После победы при Кеседаге пали Ерзнка и Кесария. Во время монгольского вторжения Русудан скончалась, и грузины остались без царя. Они освободили из заточения в Кесарии Давида и провозгласили его царем. Монголы притесняли армян и грузин. Армянские и грузинские войска вместе с монголами напали на Багдад и взяли его (История монголов инока Магакии 1871: Главы 2, 5-8, 10, 15).

Киракос Гандзакети сообщает, что монголы вторглись в Агванк в 1220 г., чтобы пройти оттуда в Армению и Грузию. Они быстро дошли до Тифлиса, а затем, став лагерем между Партавом и Белоканом, нападали оттуда на армянские гавары. Лаша и Иванэ выступили против монголов и встретили их в долине Хунан. Сначала монголы обратились в бегство, но, заманив грузин в засаду, нанесли удар. Бежали царь и все князья, а монголы двинулись на Дербент. После вторжения кыпчаков в Агванк прибыл Джалал ад-Дин, который собрал войско из мусульман, тюрок и персов. Он столкнулся с грузинами в гаваре Котайк. Грузины, по словам армянского хрониста в случае победы над султаном «хотели обратить в православие армян, вследствие чего были наказаны Богом». Когда войска султана вторглись в грузинские ряды, грузины запаниковали, и многие погибли, сорвавшись с гор в ущелье. После этого султан взял Тбилиси и осквернил христианские храмы. Орхан угнетал жителей Гандзака. Однако он был убит мулехедами (исмаилитами). После этого Джелал ад-Дин двинулся на Хлат и завоевал его. Кроме того, он вторгся в земли Алидина (Ала ад-Дина румского султана). Правитель этот вошел в союз с Ашрафом из Дамаска и призвал на помощь франков и армян и, благодаря их помощи, одержал победу. Алидин пришел в армянские земли, а местные христиане торжественно его встречали. Джалалдин с позором отступил в Агванк, где его разбили монголы. Расправившись с хорезмийцами

Чормаган взял Гандзак. Киракос Гандзакеци пишет о Русудан как о развратной женщине: делами она управляла через Авага, Шахиншаха, Вахрама. Незадолго до того умер Иванэ. Монголы опустошили страну. Город Шамхор находился под защитой Вахрама и его сына Акбуги. Молар взял город и оттуда совершал нападения на Терунакан, Ергеванк, Мацнаберд. Гагага-нойон взял Гардман. Затем монголы взяли Кацарет, Норберд, Гаг. Чагатай взял Лори, Дманиси, Шамшлойте, Тифлис. В плен попал ишхан Аваг. Ани был взят монголами. Узнав о взятии Ани, жители Карса капитулировали. Покорность монголам выявили сын Закаре Шахиншах, Вахрам и Акбуга, Хассан Джалал Хаченский. При этом монголы устроили резню в Хаченском княжестве. В 1242 г. Бачу взял Феодосиополь (Карин). Далее в месте Чканкатук он разбил турок, а также взял Ерзнка. После этого монголы вернулись на зимовку в Агванк и Армению. Вахрам был отправлен к туркам, дабы вызволить Давида сына Лаши. Когда они вернулись в Грузию, Давид был провозглашен царем. В 1248 г. грузинские царевичи прибыли к Гуюку. Один Давид был назначен правителем Тбилиси, а второй Давид был назначен править Сванетией. Вскоре монголы устроили резню в Армении и Грузии, используя для этого слухи о том, что грузины хотят восстать. Когда умер Аваг, его владения были переданы Закаре сыну Шахиншаха. В 1260 г., не выдержав гнета монголов, Давид бежал из Тбилиси в Абхазию. Он оставил в столице сына и жену. Аргун же собрал войско и совершил набег на Грузию. Он заковал в цепи ишхана Шахиншаха, Джалал-Хассана, царицу Гонцу и дочь ее Хошак. Власть перешла к Закаре, которого Хулагу приказал доставить к себе в цепях. Узнав о судьбе сына, Шахиншах умер. Войска Беркая в 1265 г. прошли через Дербент и стали на берегах Куры (Киракос Гандзакеци 1976: Главы 11, 18-23, 25-30, 34-35, 40, 45-47, 63-65).

Армянские источники уделяют больше внимания действиям монголов и хорезмийцев в армянских землях. Особо отмечается в них Бахрам Гагеци, хотя в других источниках особая доблесть его не упомянута. Некоторые хронисты негативно описывают царицу Русудан и амирспасалара Иванэ Мхраргздели. Вместе с тем, армянские источники сообщают ряд деталей, о которых молчит грузинская летопись, в частности о роли грузинских и армянских воинов в битве при Кеседаге (1243 г.), возможно, несколько утрированной. Кроме того, отмечается, что мусульманские подданные были готовы изменить грузинам в битве при Котмане (1221 г.). Закономерно преувеличивается количество монгольских войск и войск Джелал ад-Дина.

Ибн ал-Асир сообщал, что зимой 1220-1221 г. монголы пришли в Мугань и оттуда напали на Грузию. Грузины выступили против них с 10 тыс. войска, но были разбиты. Затем монголы вернулись к Тебризу, где к ним присоединились туркмены и курды во главе с Ак-Кушем. Тогда грузины отправили послов к правителям Азербайджана и шахарменам Хлата с просьбой вместе выступить против монголов. Монголы же дошли до Тбилиси. Тогда против них в полную силу выступили грузины. Грузины перебили войска Ак-Куша, которые шли в авангарде монгольского войска. Когда же те устали от боя, на них напали монголы и обратили их в бегство. После этого монголы вторглись в Арран и воевали у Мараги. Они еще раз атаковали Грузию, перед тем воюя у Хамадана и Ардебиля. Они разбили грузинское войска, которое потеряло 30 тыс. и отступило к Тбилиси. Ибн ал-Асир сообщал, что после того, как грузины вместе с мусульманами разбили кыпчаков, грузины снова напали на

мусульманские страны. Они взяли Байлекан и вырезали его жителей. После этого грузинский военачальник Шалва совершил поход в Армению и ограбил город Сурмери. Местный правитель возвратился, лишь когда грузины покинули город; он настиг их арьергард и разбил его. Потом на Сермари напал правитель Двина, однако мусульмане его разбили. Далее Ибн ал-Асир пересказывает слухи о сладострастии Русудан. В то время сын Ширваншаха изгнал своего отца в Грузию и сам начал царствовать. Грузины двинулись в Азербайджан во владения Узбека в 1225 г., однако потерпели поражение. Тогда в Марагу пришел Джелал ад-Дин, и грузины пугали им атабега Азербайджана Узбека. Хорезмшах завоевал Азербайджан и Арран. В августе 1225 г. состоялась битва грузин с хорезмийцами. Грузины собрали 70 тыс. воинов. Грузины же говорили Джелал ад-Дину, чтобы тот убирался пока цел и что монголы разбили Ала ад-Дина Мухаммеда, куда более могущественного, чем нынешний Джелал ад-Дин. Однако султан разбил грузин, коих погибло около 20 тыс. Он приказал убивать грузин на всех полях и дорогах. Иванэ же был осажден в одной горной крепости. Султан взял Двин, после чего двинулся на Тбилиси. Джелал ад-Дин, отправив 3 тыс. воинов в авангарде, выманил грузин из города, разбил их и на плечах отступающих вступил в город. Они перебили всех христиан, не разбирая ни пола, ни возраста. Никто не спасся, кроме тех, кто решил перейти в ислам. После этих событий грузины еще смогли вторгнуться в страну Хилата, захватив Арджиш и Карс, осадив сам Хилат. Правитель Хилата воевал и с Джелал ад-Дином. После этого хорезмийцы осаждали Карс и Ани (в этом городе находился Иванэ), а после этого двинули войска к Тбилиси и осадили город. Султан разорял страну Абхаза. От войны с грузинами Джелал ад-Дина на некоторое время отвлекли война с хлатским правителем, туркменами племен ива и афшар. В 1226-1227 гг. грузины отвоевали Тбилиси. В 1227-1228 гг. монголы снова воевали против Джелал ад-Дина. В то время Джелал ад-Дин был увлечен войной с шахарменами. В 1230 г. он был разбит румским султаном Ала ад-Дином Кайкубадом и Аййубидами. Признавший власть хорезмийцев правитель Арзан ар-Рума был взят в плен. А когда монголы в 1228-1229 гг. пришли с серьезными силами, султан уже не смог сопротивляться им. В 1230 г. они вторглись в Джазиру и в 1231 г. Джелал ад-Дин погиб, чем тешился Ибн ал-Асир, писавший свое сочинение при дворе ирбильского эмира, бывшего врагом хорезмийцев (Тизенгаузен 1884: 15-20, 23-24, 39-45; Ибн ал-Асир 1940).

Шихаб ад-Дин Насави указывает, что перед тем как вторгнуться в Грузию, султан завоевал Азербайджан и подчинил его своей власти. Против него выступили грузины в числе 60 тыс. человек. По сведениям секретаря Джелал ад-Дина, грузины сначала хотели запугать его своими посланиями, но султан не обратил на это никакого внимания, а сами грузины не осмеливались спуститься с горы. Тогда левый фланг хорезмийцев во главе с Гийас ад-Дином, Ур-Ханом и Йиган Тайси начал подниматься. С ними сразился Шалва, один из грузинских хитрецов. Битва была ожесточенной, в ней погибло около 4 тыс., многие грузины попали в плен. После этого Джелал ад-Дин взял город Двин, а мусульманские правители Сурмари сами перейшли к нему на службу. Султан двинулся в Арран и овладел Гянджой, но его правое крыло осталось в земле грузин. Сообщалось, что Шараф ад-Дин находился в Тбилиси, где его осадили грузины. Султан пришел на выручку Шараф ад-Дину. Гийас ад-Дин овладел воротами и, благодаря этому, хорезмийцы овладели городом. Все армяне и грузины в городе были перебиты. После этого Джелал ад-Дин двинулся на Хилат, а в это время грузины

собирали силы, чтобы отвоевать Тбилиси. Султан Арзан ар-Рума Тогрул женился на дочери Русудан Тамар и перешел в христианство. В 1225 г. грузины заняли часть Ширвана, и местный правитель Феридун говорил, что район Кабалы и Шеки занят грузинами. Чтобы получить помощь, он явился к хорезмшаху, принес дань, стал вассалом Джелал ад-Дина. В то время Коч-оба Гёк-хан напал на город Лори в стране грузин, но те разбили его. Русудан и Иванэ собрали войска из грузин, лакзов (жителей Дагестана), аланов и сванов. И тогда султан двинулся на грузин и около Лори победил их, освободив мусульман попавших в плен. Хорезмийцы достигли Бджни, где укрывался Аваг. Также мусульмане жаловались на Бахрама-курджи (Вахрама-грузина), и Джелал ад-Дин взял его крепости – Алиабад, Гаг и Кавазин. После этих деяний султан двинулся в страну Хилата и убил местного правителя. Сын правителя Арзан ар-Рума попросил помощи у турок, и против хорезмийцев выступила большая коалиция правителей. Монголы же атаковали Джелал ад-Дина у крепости Ширкабут, а затем вторглись в Мукан (Муганскую степь). Султан бежал и был убит осенью 1231 г. (Насави 1996: Главы 47-51, 53, 55, 78-82, 104-108).

Ала ад-Дин Ата-мелик Джувеини отмечал, что Джелал ад-Дин напал «на нечестивых безбожников грузин». Он обвинял их в том, что они хотят превратить мечети в церкви, завоевать Багдад и посадить там правителем своего католикоса. Джелал ад-Дин напал на грузин, которые, по его словам, «спали, упившись вином». В местности Гарни он перебил многих из них. Шалва и Иванэ были схвачены другими грузинами и отведены к султану. После победы войско хорезмийцев увеличилось за счет примкнувших мусульман. Джелал ад-Дин отправил в поход на город Дувин (Двин) и взял его. На перевале Банд-и-Панда грузины снова сразились с хорезмшахом и снова были разбиты. На равнине Лори воины ловили по пять-десять грузин. Мусульмане убивали грузин направо и налево. Однако Лори и Алиабад султан пощадил. Грузины напали на Джелал ад-Дина и его немногочисленное сопровождение и многих из них умертвили около Тбилиси. Войска султана взяли Тблиси. Хорезмийцы опустошили местности около города и владения Абхаза. Отступить султана вынудило восстание Барака Хаджиба в Кермане. Юлдузчи, которого он оставил с гарнизоном в Тбилиси, был вынужден бежать в Тебриз. Войска султана также воевали в местностях Ахлата, правитель которого принял сторону врага хорезмийцев Малик-Ашрафа. Затем вторглись войска нойонов Таймаса и Тайнала, которые разбили султана. Джелал ад-Дин в 1228 г. бежал в Грузию. Тогда султаны Арминии, Шама и Рума образовали коалицию против него. В объединившееся против него войско, вошли грузины, аланы, кыпчаки, сарирцы, лакзы, сваны, абхазы, чанеты, сирийцы и румийцы. В битве при Миндори Джелал ад-Дин отправил Кошкара послем к кыпчакам, которых было 20 тыс., напомнив им об их обязательствах и как он был добр к ним. Кыпчаки воздержались от битвы. Султан коварно убил Иванэ, а грузинский азнаур, который вслед за этим напал на султана, не смог его поразить. Хорезмийцы разбили грузин. Сам Джелал ад-Дин сравнивал грузин со стадом овец; воины же его взяли большую добычу. После этого султан двинулся на Ахлат и взял город. После победы над Сокманидами, он напал на султана Рума. Султан этот по имени Ала ад-Дин вступил в союз с султанами Дамаска и Халеба и вместе с ними выступил против хорезмийцев. В месте, называемом Муш, они разбили Джелал ад-Дина, и тот был вынужден отступить к Ахлату и Хою. В то время монголы подошли к Сарabu. Джелал ад-Дин бежал в Муган от монголов. Юлдузчи изменил султану и

примкнул к монголам, когда султан пребывал в Урмие и Ушне в 1230 г. Джелал ад-Дин бежал на запад и нашел свою смерть у Амида (Джувейни 2004: 301-326).

Рашид ад-Дин сообщает, что после Тебриза, монголы вышли к окраине Грузии, где их встретило войско в 10 тыс. воинов. Монголы были побеждены и перебиты. Дороги в Грузии были узкие; монголы вернулись в Арран и отойшли к Мераге. Перед вторым вторжением в Грузию они опустошили Гянджу. Грузины выступили против них, и Джэбэ скрылся в засаде с 5 тыс. воинов, а Субедей с войском выступил против грузин. Монголы сделали вид, что отступили, и заманили грузин в засаду. Джэбэ ударил по грузинам из засады и вместе с Субедеем окружил их. В один момент грузины потеряли 30 тыс. и были разбиты. После этого монголы двинулись в район Шемахи и Дербента. В 1225 г., когда Джелал ад-Дин пришел в Азербайджан, люди атабека Узбека перешли на его сторону и хотели воевать против грузин, которые до того разграбили Маранд и Нахичеван. В ущелье Карби хорезмийцы напали на «упившихся вином грузин и многих из них перебили». Шалва и Иванэ были закованы в цепи. Однако хорезмшах оказал им почет и пожаловал Маранд, Салмас, Уримию и Ушную, дабы они помогли ему в деле завоевания Грузии. Грузинские военачальники льстили ему и обманывали его. Они призвали грузин, чтобы погубить султана, но Джелал ад-Дин опередил их и приказал умертвить. После этого он пощадил города Лоре и Алибад, которые быстро сдались. Тогда с востока вторглись монголы под руководством Баджи-нойона, Наку-нойона, Эсен-Тугана, Наймаса и Тайнала. Около Исфакхана монголы разбили Джелал ад-Дина. По данным Рашид ад-Дина, Хулагу был назначен в Иран сразу после великого курултая и стал управлять делами после Байджу-нойона, который пошел на Багдад. Осенью 1265 г. войско Берке вторглось со стороны Дербента. Берке пришел с 300 тыс. всадников и на протяжении двух недель простоял напротив Абаки на берегах Куры. Рашид ад-Дин игнорирует отношения Грузии с Хулагуидами на протяжении всего правления Хулагу. Характерно, что было проигнорировано и участие грузин и армян в битвах под Альбистаном и Хомсом (Тизенгаузен 1941: 31-32, 75-76; Рашид ад-Дин 1952: 227-229, 242-244; Рашид ад-Дин 1946: 23-63, 68, 89-90, 96-97).

Хафиз Аbru сообщает, что в 1319 г. против ильхана выступил ряд эмиров, среди которых был Курумиши. Войско Абу Саида во главе с Чобаном одержало победу. 1321 г. прибыли послы из Грузии, говоря, что эмир Аркинай готвит бунт в стране. Тогда Абу Саид отправил войска в Грузию и наказал бунтовщиков. Кроме того, он усилил монгольские войска в этой стране (Хафиз Аbru 2011, с. 95-102, 112).

Абу Бакр ал-Кутби ал-Ахари указывал, что во время войны между Узбеком и Абу-Саидом наместник Грузии Курумиши вовремя не успел оказать помощь своему повелителю, за что его наказали несколькими ударами палок. Тогда Курумиши, будучи униженным, направился в Грузию и поднял там бунт. Гулямы Ашрафа Байазид и Алф в 1349-1350 г. подняли мятеж и, перейдя Куру, пришли в область между Тбилиси и Гянджей. Там их убили, а головы их доставили Малику Ашрафу, который правил Азербайджаном в 1344-1357 гг. (Абу Бакр ал-Кутби ал-Ахари 1984).

Мусульманские источники позволяют подкорректировать картину, предлагаемую грузинской летописью и армянскими хрониками. Становится понятным что во время первого вторжения монголы получили помощь от тюркского мусульманского населения. Вторжение это не изменило негативной политики Грузии по отношению к малым мусульманским владениям перед вторжением хорезмийцев. В

результате хорезмийцы получили поддержку местных мусульман в 1225-1227 гг. Джелал ад-Дин разбил грузин в битвах при Гарни и в Болнисском ущелье и сравнительно легко овладел Двином и Тбилиси. От грузинских дел его отвлекла вражда с Сокманидами, а также противостояние с Аййубидами и Сельджуками. Следует отметить, что ан-Насави выступает как апологет Джелал ад-Дина, тогда как Ибн ал-Асир настроен по отношению к нему крайне негативно, однако делает исключения, когда разговор идет о войне с грузинами. Хулагуидская историография, выраженная в позициях Джувейни и Рашид ад-Дина, также обнаруживает некоторые симпатии к последнему хорезмшаху. Мусульманские хронисты преувеличивают беспечность грузин при Гарни в ущерб достоверности; их сведения не находят подтверждения в грузинских и армянских источниках. Даже ан-Насави указывал, что хорезмийцы разбили грузин в бою, а вовсе не так, как писали хулагуидские панегиристы. Сведения же Джувейни касательно битвы при Миндари также полны неправдоподобных деталей.

Впервые вторжение монголов затронуло Грузию в 1220 году. В 1221 г. грузины сразились с монголами в трех битвах, в каждой из которых потерпели поражение, при том, что грузины и армяне тогда выступили единым фронтом против своих врагов. Грузинам удалось уничтожить только отряд из туркмен и курдов примкнувшего к монголам командующего Ак-Куша. Победа над монголами, о которой грузины извещают европейцев, была, на самом деле, победой виртуальной. Как, в общем, и победа Ваграма Гагели над монголами, которая существовала только на страницах армянских летописей. Эти сведения не подтверждены данными мусульманских источников. Вторжению хорезмийцев предшествовало вторжение кыпчаков на Южный Кавказ. Дербентские кыпчаки, пропущенные дербентским эмиром и приглашенные эмиром Гянджи, воевали против войска Георгия Лаши и нанесли ему поражение в 1223 г. Для того, чтобы вытеснить кыпчаков на север, пришлось создать коалицию правителей Южного Кавказа (грузин, ширванцев и лезгин), войска которой и нанесли кыпчакам поражение. Хорезмшах Джелал ад-Дин после серии конфликтов в Индии и Иране вторгся на территорию Южного Кавказа. В битве при Гарни в 1225 г. он разбил грузинское войско, а затем взял Тбилиси. Причиной подобного успеха Джелал ад-Дина, помимо того факта, что грузины были ослаблены предыдущими войнами, было и то, что осуществляя кампании против мусульманских правителей Южного Кавказа, грузины настроили население их владений против себя. В харизматичном Джелал ад-Дине, который один раз уже победил Чингиз-хана, мусульмане видели своего защитника от христиан. Власть же азербайджанского атабека Узбека и ширваншаха Феридуна была слабой, и они, как и другие правители региона, были вынуждены признать свою зависимость от Джелал ад-Дина. Фактически военные силы мусульман Южного Кавказа влились в состав сил хорезмийцев. Государство Джелал ад-Дина не получило никаких территориальных приращений после битвы при Гарни, но значимость битвы для него была в ином: грузины потеряли войско и, фактически, утратили инициативу. После этого они могли только обороняться. В 1225 г. столицей Джелал ад-Дина стал Тебриз, а в 1226 г. она была перенесена в Гянджу. Последний хорезмшах хотел построить свое государство на Южном Кавказе, и в него вошли земли Ширвана, Аррана и Азербайджана. Эти земли он не опустошал. Земли же Грузии были территорией для набегов и использовались как источник добычи. В 1228 г. попытка Джелал ад-Дина расширить

свои владения за счет Грузии столкнулась с сопротивлением местных дидебулов, возглавляемых царицей Русудан. Хотя грузины и были разбиты при Миндори, но последующие конфликты хорезмийцев с Сокманидами, Сельджуками и Аййубидами лишили хорезмшаха возможности закрепить успех. Возросшие аппетиты хорезмшаха привели к столкновению с коалицией из Сельджуков Рума, Аййубидов Сирии и правителей Джазиры, что привело, в конечном конце, к крушению хорезмийского государства на Южном Кавказе. Поражения от монголов лишь завершили это процесс. Грузины, благодаря войне между мусульманами, смогли отвоевать у хорезмийцев ряд территорий (Бунятов 1978; Бунятов 1986; Злыгостев 2011: 137-152; Тимохин 2013а; Тимохин 2013б: 7-36; Тимохин 2015: 317-339; Тимохин 2016: 122-133; Spuler 1965: 36-45; Вачнадзе, Гурули, Бахтадзе; Boyle 1986: 325-335).

В 1231-1235 гг. монголы завоевали территорию Азербайджан, а с 1236 г. началось завоевание христианских владений Южного Кавказа, завершившееся в 1243 г. В 1238 г. монголы нойонов Чагатая и Токты подчинили Грузию. Второе монгольское вторжение Грузия встретила уже значительно ослабленной и разобщенной, авторитет центральной власти существенно упал. Каждый феодал сражался сам по себе и только за свои владения. Монголы без проблем опустошали отдельные земли. Часть армянских и грузинских удельных правителей пошла на сотрудничество с оккупантами. Вследствие набегов монголов в 30-х гг. XIII в. Грузия оказалась в зависимости от монгольских наместников на Ближнем Востоке, коим сначала был Чормаган, а затем Байджу-нойон. Некоторое время назначение грузинских царей контролировал не только имперский центр в Каракоруме, но и правитель Улуса Джучи Бату. С середины 50-х гг. XIII в. в регионе образовалось новое государство – Улус Хулагу. Его первый правитель, Хулагу, породнился с грузинской ветвью династии Багратидов. Грузины поддержали Хулагу в кампании 1262-1263 гг. в Ширване, а также оказали поддержку Абаге в кампании 1265-1266 гг. Грузины выступали как союзники Хулагуидов в войнах против Джучидов, в частности, в 80-х гг. XIII в. В 1277 г. в битве при Эльбистане грузины сражались на стороне Хулагуидов. Кроме того, они отметились в кампаниях 1259-1260 и 1299-1300 гг. на Ближнем Востоке. Из Тебриза в Кутаиси и Тбилиси отправлялись хатун как жены грузинских царей и сановники Джикур и Аргун. Монгольская администрация взымала дань с грузин; грузинские цари, чтобы утвердиться на престоле, прибывали к двору ильханов в Тебризе и получали у них санкцию. Даже Гиорги V Блистательный ездил к Абу-Саиду и был вынужден одаривать ханских сановников.

В 1259 г. Давид Нарин поднял восстание в Западной Грузии и разбил стоявший там отряд монголов, когда же Аргун пришел в Грузию, он укрылся в Кутаиси. В 1260 г. восстал Давид Улу, которого поддержал атабаг Самцхе Саргис Джакели. У с. Ацкури монголы разбили грузинское войско, и на сторону монголов перешло много дидебулов. Давид Улу и Саргис Джакели были вынуждены явиться к монголам. Саргис взял всю ответственность на себя. Хулагу не казнил грузинского правителя только потому, что на пороге была война с Джучидами и требовались грузинские контингенты. Зато он казнил нескольких грузинских дидебулов. Давид Улу встал во главе грузинского войска, которое помогало Хулагуидам отвращать джучидские вторжения 1262-1263 и 1265-1266 гг. В 1266 г. Самцхе выделился в отдельное государство, где правила династия Джакели. Хулагуиды вмешивались во внутренние дела Грузии. Часто это имело негативное влияние. Например, Аргун по

навету Кутлу-Буги в 1289 г. казнил царя Деметре II. Кутлу-Буга лоббировал интересы сына Давида Нарина Вахтанга. После восстания 1259 г. Давид Нарин наладил отношения с мамлюками и Золотой Ордой. Реверанс в сторону его сына должен был вернуть Хулагуидам влияние в Западной Грузии. В 1292 г. Вахтанг умер, а в 1293 г. умер и сам Давид Нарин. Между сыновьями Давида началась борьба за власть. Хан в 1293 г. утвердил на престол сына Деметре II Давида VIII. В 1292 г. войска грузинских царей Давида VI и Вахтанга II в ответ на вторжение египетских мамлюков в Киликийскую Армению воевали против них в составе войск Хулагуидов. Между тем, Давид VIII с 1293 г. не выказывал подчинения ильхану; в 1299 г. монголы свергли его после нескольких кампаний монгольского полководца Кутлуг-шаха и посадили на престол Георгия V, который воспитывался у правителя Самцхе Бека Джакели. Последний принял участие в походе на Ближний Восток в 1299-1300 гг. и вместе с Хулагуидами одержал блестящую победу при Вади ал-Хазнадар. Фактически, предоставлением вспомогательных войск для кампаний на Кавказе и Ближнем Востоке, а также уплатой дани и подарков грузинские цари покупали себе мир. При этом нужно отметить, что на сотрудничество с монголами куда охотнее шли правители Восточной Грузии и княжества Самцхе. В 1302 г. Кутлуг-шах набирал войска из грузин для кампании против мамлюков. Они должны были присоединиться к монголам в Диярбакре – Кутлуг-шах сражался и против турок. В то время в Грузии продолжалась борьба между промонгольским Вахтангом III, Давидом VIII, Георгием V, Георгием VIII – теми, кто претендовал на власть только в Восточной Грузии. В Западной Грузии после Давида Нарина правил его сын Константин, а в регионах Рача-Лечхуми и Аргвети – его брат Микаэл (Amitai-Preiss 1995: 169-175; Dashdondong 2012: 53-82; Почекаев 2006; Вачнадзе, Гурули, Бахтадзе; Егоров 1985; Памятник эриставов 1979; Нузальская надпись 2004; Мау 1996: 34-48).

Стараясь покончить с анархией, монголы в 1314 г. назначили царем Георгия VI Мцире. Его конкурент, Гиорги V Брцкинвале (Блистательный), вел переговоры с мамлюками в 1316-1317 гг. и смог несколько облегчить судьбу Грузии. Он наладил отношения с эмиром Чобаном из племени сулдус, который из-за малолетства ильхана Абу-Саида фактически правил государством Хулагуидов. Грузинский царь получил право сам собирать дань. Коварный Гиорги перебил непокорных дидебулов на горе Циви. В 1319 г. он подавил мятеж монгольского наместника Курумьши. В 20-х гг. XIV в. почти все монгольские войска покинули Грузию, поскольку в государстве Хулагуидов ильханы и эмиры боролись между собой за влияние. Абу Саид освободил от налогов грузинские земли, стараясь привлечь грузин на свою сторону. В письме, направленном в Авиньон, грузины еще воспринимались как часть Татарской империи (Хулагуидского Ирана). В 1327 г. Абу-Саид приказал казнить эмира Чобана. Был казнен и сын Чобана Махмуд. В 1329 г., когда в Западной Грузии умер Микаэл, Георгий V занял Кутаиси. Гиорги покорил Западную Грузию (Имеретию) в 1331 г.; в его власти была и Южная Грузия (Самцхе). После Махмуда Сулдуса наместником в Грузию Абу-Саид назначил сына Кутлуг-шаха Икбал-шаха. В 1334 г. пост наместника в Грузии был отдан Шейх-Хасану Джалаиру, который более известен как Хасан Бузург. В 1335 г. умер Абу-Саид, в стране воцарилась анархия, властью реально завладели эмиры племен. Грузия восстановила свои тесные связи с Западом – папой Иоанном XXII и французском королем Филиппом VI Валу; планировалась даже общая война против мамлюков. Хасану Кучеку из Чобанидов и Хасану Бузургу было

же в то время не до Грузии, они боролись между собой за власть. Западнее их образовались конфедерации туркоманов Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу, восточнее находились сарбадары и государства Инджуидов, Музаффаридов, Куртов. В распри между этими государствами Джалаириды хотели ввести египетско-сирийских тюркских мамлюков, которым принять в них участие помешала только смерть ан-Насира Мухаммеда и соперничество за власть между самими мамлюками в Египте и Сирии. В 1357 г. в Азербайджан вторглись войска хана Джанибека и овладели краем, правда, ненадолго. Татары все-таки разгромили Чобанидов, и на их место заняли Джалаириды. В 1360 г. Джалаириды под предводительством Шейх-Увейса объединили в своих руках Ирак и Азербайджан, но воевать с Грузией им помешали туркоманы Кара-Коюнлу. В дальнейшем государство Джалаиридов стало жертвой чагатайских войск великого эмира Тимура. Баграт V мог не опасаться своих тюркских соседей до конца 80-х гг. XIV вв. (Вачнадзе, Гурули, Бахтадзе; Lang 1955: 74-91; Wing 2016: 81-94, 101-121, 147-175).

Таким образом, первым серьезным ударом по Грузии в XIII в. стало вторжение на Южный Кавказ войск Субедея и Джэбэ. Последствия кыпчакского вторжения не были столь значительным, куда более разорительными были опустошительные нашествия войск хорезмийцев Джелал ад-Дина, подкосившие могущество Грузии. К моменту второго монгольского вторжения Русудан лишь формально была верховной правительницей, власть сосредоточилась в руках отдельных грузинских мтаваров и армянских баронов. Отдельные персоны считали себя вправе заключать личные союзы с монголами и Румским султанатом. Грузия и прилегающие территории были покорены монголами без особого сопротивления в 30-40-х гг. XIII в. Правление Давида Улу и Давида Нарина де-факто увенчалось распадом Грузии на Имеретию, Самцхе и Картли-Кахетию. Правители Картли-Кахетии и Самцхе были лояльны монголам и выставляли свои контингенты для помощи Хулагуидам в войнах с Золотой Ордой и Мамлюкским Египтом. Монгольские наместники в Грузии часто вмешивались во внутренние дела государства. Так, деятельность Куллу-Буги привела к длительному кризису в Грузии на стыке XIII-XIV вв. В этой ситуации Давид VIII выказывал неповиновение монгольской власти, и для покорения Грузии потребовалось несколько кампаний прославленного хулагуидского полководца Кутлуг-шаха. Для преодоления анархии и централизации власти в Грузии монголы сделали ставку на Гиорги VI Мцире, а затем на Гиорги V Блистательного. Последний был умелым политиком и, подчиняясь сначала эмиру Чобану из племени сулдус, а затем ильхану Абу-Саиду, смог объединить грузинские земли. Со смертью ильхана Абу-Саида в 1335 г. зависимости Грузии от Хулагуидов прекратилась.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абу Бакр ал-Кутби ал-Ахари (1984), *Тарих-и Шейх Увейс*, Перевод М.Д. Кязимов, В.З.Пириев, Баку, <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Uvejs/frameset.htm>.
- Бунятов З. М. (1978), *Государство атабеков Азербайджана (1136-1231)*, Баку, <http://www.twirpx.com/file/224878/>.
- (1986), *Государство Хорезмшахов-Ануштегенидов, 1097–1231*, Москва, <http://www.twirpx.com/file/192520/>.
- Вардан Великий (1861), *Всеобщая история*, <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Vardan/frameset4.htm>.

- Вачнадзе М., Гурули В., Бахтадзе М., *История Грузии (с древнейших времен до наших дней)*, http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Vachn/index.php.
- Галстян, А.Г. (1962), *Армянские источники о монголах: извлечения из рукописей XIII-XIV вв.*, Москва, <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Bagishceci/text.phtml?id=62>
<http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Sebastaci/frametext.htm>
<http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Stepanos/frametext.htm>.
- Джувейни (2004), *Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала ад-Дином Ата-Меликом Джувейни*, (перевод с перс. текста на англ. Дж. А. Бойла; пер. с англ. Е. Е. Харитоновой), Москва.
- Егоров В.Л. (1985), *Историческая география Золотой Орды*, Москва, <http://annales.info/volga/egorov/egorov.htm>.
- Злыгостев, В.А. (2011), *Субэдэй, всадник покорявший вселенную*, Уфа, <http://www.litmir.me/br/?b=223652>.
- Ибн-ал-Асир (1940), *Материалы по истории Азербайджана из «Тарих-ал-камиль» (полного свода истории) Ибн-ал-Асира*, Баку, http://www.vostlit.info/Texts/rus/Athir_2/text6.phtml?id=7971.
- История монголов Инока Мазакии XIII века* (1871), СПб., <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Magakija/frametext.htm>.
- Карпини Джованни де Плано (1957), *История монголов, Шильом де Рубрук, Путешествие в Восточные страны*, (пер. с лат. А. И. Маленна; ред., вступит. ст. и примеч Н. П. Шастиной), Москва, <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/rubruk.htm>.
- Гандзакеци Киракос (1976), *История Армении*, (перевод с древнеармянского, предисловие и комментарий Л. А. Ханларян), Москва.
- ан-Насави Шихаб ад-Дин Мухаммад, *Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны)* (1996), Москва.
- Нузальская надпись* (электронная версия, 2004), http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIV/1300-1320/Nuzal_aufschift/text.htm.
- Марко Поло, *Книга разнообразия мира*, (изд. 2005г.), Москва.
- Памятник эриставов* (1979), Тбилиси, <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Eristav/frametext.htm>.
- Почекаев Р.Ю. (2006), *Батый хан, который сам не был ханом*, Москва, http://historylib.org/historybooks/R-YU--Pochekaev_Batyy--KHan--kotoryy-ne-byl-khanom/.
- Рашид ад-Дин (1946), *Сборник летописей*, т. 3 (перевод А. К. Арендса), Москва, Ленинград.
- (1952), *Сборник летописей*, Т. 1: Кн. 2 (пер. с перс. О. И. Смирнова, прим. Б. И. Панкратов, О. И. Смирнова, ред. А. А. Семенов), Москва, Ленинград.
- Тизенгаузен В.Г. (1884), *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*, Т. 1: Извлечения из сочинений арабских, СПб.
- Тимохин Д.М. (1941), *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*, Т. 2: Извлечения из персидских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном и обработ. А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным, Москва, Ленинград.
- (2013а), *Соперник Чингис-хана: хорезмшах Джелал ад-Дин Манкбурны, личность и эпоха*, Москва.
- (2013б), «Хорезмийское государство Джелал ад-Дина Манубурны и Южный Кавказ, 1225-1231 гг.», *Транскавказика. Южный Кавказ и сопредельные регионы в эпоху монгольского владычества*, Москва: 7-38.

- (2015), «Хорезмийское государство и Южный Кавказ: к вопросу о границах державы Джалал ад-Дина Манкбурны (1225-1231 гг.)», *Средневековый Восток: проблемы историографии и источниковедения* (сборник статей памяти З.М. Бунятова), Баку: 317-346.
- 2016, «Особенности военного и политического присутствия Хорезмийской державы на Южном Кавказе (1225-1231 гг.)», *Власть и насилие в не-западных обществах*, Москва: 122-133.
- Хаутала Р. (2016), *От Давида царя Индий до ненавистного плембса Сатаны. Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах*, Казань.
- Хафиз Абру (2011) (Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Луфталлах ал-Хавафи), *Зайл-и Джами ат-таварих-и Рашиди (Дополнение к собранию истории Рашида)*, Пер с перс., предисл., прим. и указ. Э.Р. Талыханова, Казань.
- Цулая Г.В. (1980), *Грузинский хронограф XIV века о народах Кавказа*, Кавказский этнографический сборник, Т. VII, Москва.
- (1981), «Джелал ад-Дин в оценке грузинской летописной традиции», *Летописи и хроники*, Москва: 112 – 128.
- (2005), *Анонимный грузинский «Хронограф» XVI века [Жамтаагмцерели]*, Москва.
- de Adam William (2012), *How to defeat Saracens. Giles constables*, Washington D.C.
- Amitai-Preiss R. (1995), *Mongols and Mamluks. The Mamluk-Ilkhanid War, 1260–1281*, Cambridge.
- Boyle J.A. (1986), “Dynastical and political history of Il-Khans”, *The Cambridge history of Iran*, Vol. 5: *The Saljuq and Mongol Period*, Cambridge: 303-421.
- Lang D. M. (1955), “Georgia in the Reign of Giorgi the Brilliant (1314—1346)”, *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, Vol. 17 (1), London: 74-91.
- May T. (1996), *Chormaqan: the first Mongolian military governor of the Middle East*, Bloomington.
- Dashdodong B. (2012), “The Mongol conquerors in Armenia”, *The Caucasus during the Mongol period*, Wiesbaden: 53-82,
- https://www.researchgate.net/publication/299562055_The_Mongol_Conquerors_in_Armenia.
- Spuler B. (1957), *Iran Moğolları. Siyaset, idare ve kültür İlhanlılar devri. 1220-1350*, Ankara.
- Wing P. (2016), *The Jalayirids. Dynastic state formation in the Mongol Middle East*, Edinburgh.

К ВОПРОСУ О МЕСТАХ ПРЕБЫВАНИЯ ЧАСТИЦЫ ДРЕВА НОЕВА КОВЧЕГА

Гагик Погосян /Хахбакян/

Общественный институт политических и социальных исследований
Черноморско-Каспийского региона (ОИПСИ ЧКР), Ереван*Abstract*

The article reconstructs the history of Noah's Arch relic, a Christian artifact currently exhibited in the Holy Echmiadzin museum, after its acquisition by Archbishop Hakob of Mtsbin. The author tries to trace its rout from St. Hakob Monastery in the village of Akori to Ayri Monastery, the Khaghbakyan's ancestral domain, then – to Shemakha and later back to Geghard Monastery, from where it was moved to Holy Echmiadzin in the XVIII century.

Keywords: *Noah's Arch Relic, Hakob of Mtsbin, Geghard Monastery, Haghbakyan, Adam Olearius, Engelbert Kempfer*

Аннотация

В статье рассматриваются места пребывания христианской реликвии – Частицы древа Ноева ковчега – после ее обретения Св. Акопом Мцбнеци. После некоего события из первоначального своего местонахождения – монастыря Св. Акопа близ селения Акори – святыня была перенесена в один из монастырей, скорее всего, гавара Чухук, став реликвией рода Хахбакян. Затем, после приобретения Прошем Хахбакяном в родовое владение монастыря Айри, реликвия во второй половине XIII в. была перевезена туда. Однако, по какой-то причине с XV по XVI вв. реликвия пребывает в Шамахе, но уже в начале XVII в. вновь возвращается в монастырь, уже именуемый Гегард. В XVIII в. ее перевозят в монастырь Эчмиадзин, где она с тех пор и пребывает.

Ключевые слова: *Частица древа Ноева ковчега, Акоп Мцбнеци, монастырь Гегард, Хахбакяны, Адам Олеарий, Энгельберт Кемпфер.*

Библейское сказание о ковчеге Ноя общеизвестно, менее известна традиция обретения Частицы древа Ноева ковчега, малоизвестно местонахождение Частицы древа и практически неизвестна история путешествия этой реликвии к ее окончательному пристанищу – в музей Св. Эчмиадзина.

Практически во всех традициях история данной реликвии, неразрывно связанная с именем Св. Акопа Мцбинеци (Иакова Нисибинского),¹ называемого Чудотворцем, практически идентична.

¹ Акоп Мцбнеци (арм. Հակոբ Մծբնեցի /Մծբնի սուրբ Հակոբ հայրապետ/) (в русской традиции Иаков Нисибинский / Низибийский) (? – ок. 350, Мцбин (арм. Մծբն) / Нисибия (греч. Νισίβις)), двоюродный брат св. Григория Просветителя Армении, сын сестры Анака Партева. Епископ Мцбина (с 314). Участник первого церковного собора в Никии, признаваемого Вселенским (325). Присутствовал при освящении храма Гроба Господня в Иерусалиме (14.09.335). Организатор 70-дневной обороны Мцбина от персов (338). Участник Антиохийского собора, признаваемого Поместным (341). Возведен Армянской Апостольской церковью в лик святых. Почитаем

Наиболее ранним письменным свидетельством обретения является его упоминание в сочинении армянского автора V в. Фавстоса Бузанда (Православная энциклопедия, Том XX, «Иаков»: 454-455; Бузанд 1953: 20-21). Любопытно, что в греко-сирийской традиции V в. – в «Истории боголюбцев» блаженного Феодорита Кирского в главе жития Иакова Низибийского – нет ни слова об обретении (Феодорит Киррский 1996). Позднее, в сирийской традиции о Мар Иакове в «Истории Нисибинских митрополитов» сохранившаяся в цитатах у хронографа Или бар Шинайя (Нисибинского) X в., вновь приводится история обретения. Житие Иакова с описанием обретения повторяется и в «Шатбердском сборнике» X в., написанном на грузинском языке Иоанном Бераи (Шатбердский сборник 1979). Последнее практически идентично житию, нашедшему место в 12-томном собрании житий и мученичеств, изданном мхитаристами в Венеции (Աղբրեւի Մկրտիչ վրդ. 1814). Приводимый ниже текст является наиболее кратким, усредненным вариантом устного предания, изданного в наше время.

Святой Яков и обломок Ноева ковчега

«Яков Ницибинский прибыл в Айраратскую область со страстным желанием увидеть Ноев Ковчег, который во время потопа пристал к горе Арарат. И вот на самом трудном месте возле вершины он почувствовал крайнюю усталость и заснул. Явился ему ангел и сказал: «Иаков, Иаков!». Он сказал: «Вот я, Господи». И ангел сказал: «Господь внял твоим мольбам и исполнил твою просьбу. То, что лежит у твоего изголовья, это кусок от древа ковчега; сам я принес для тебя, оттуда это. Ты не должен больше стараться видеть ковчег; другого не увидишь; Господь так пожелал».

С большой радостью встал Яков Ницибинский, вознес великое благодарение Господу и увидел кусок доски, будто топором отрубленный и вынутый из некоей большой доски. Взяв пожалованный милостиво дар, он и его спутники спустились обратно и пошли своей дорогой». (Ганалаян 1979: 256, Матенадаран, рукопись № 993, л. 141б.).

В различных современных армянских источниках в послесловии сказаний об обретении, как правило, говорится о том, что на склоне горы Большой Арарат, близ села Акори был основан монастырь Св. Акопа.² Вообще, на территории исторической Армении и на сопредельных территориях со времен распрост-

православной церковью как Иаков Низибийский. По преданию, совершал множество чудес, даже воскрешал мёртвых, за что назван Чудотворцем и «Моисеем Месопотамии». Известны “18 слов” писанных им на армянском языке по просьбе святого Григория, просветителя Армении. Подробнее о деятельности Акопа Мцбинеци см. Մրբոյ Հորն սերոյ ՅԱՇՈՒԱՅ Մծբնայ եպիսկոպոսի ՃԱՌՔ 1756.

² Монастырь Св. Акопа (арм. Ակոբիի Մուրր Հալոբր վանք), находился в 5 км. к сев.-зап. от села Акори. По преданию, монастырь был основан самим Акопом Мцбинеци на месте обретения Частицы древа Ноева ковчега. Разрушен вместе с селом от землетрясения 20 июня 1840 г. (Ստեփանյան 1964: 106-107).

ранения христианства построено довольно большое количество культовых строений, посвященных святому Акопу (Иакову), – почитание его в ААЦ чрезвычайно высоко.

Итак, нам известно первоначальное местонахождение Частицы древа Ноева ковчега (далее «Частица» – Г.П.) в IV в. и нынешнее место хранения реликвии – в сокровищнице Святого Первопрестольного Эчмиадзина. Мы попытаемся воссоздать остановки Частицы на всем пути от монастыря Св. Акопа, близ селения Акори на горе Арарат, до сокровищницы в монастыре Первопрестольного Эчмиадзина, но в обратном хронологическом порядке на основании имеющихся сведений и упоминания исследователей, путешественников и проч.

Забегая вперед, отметим, что в хронологии будут указаны события, не имеющие прямого отношения к Частице; необходимость их упоминания продиктована следующим. Так как Частица древа Ноева ковчега, Святое Богопронзившее копье³ (далее «Копье» – Г.П.) и Частица древа Животворящего Креста,⁴ именуемая «Св. Знак Хотакерац» довольно долгое время являлись наисвященнейшими реликвиями рода Прошьян-Хахбакян⁵ (Գաբրիելի սրբախիսխանքի շնվետիյան 1928: столб. 263), судьба реликвий в определенной степени может переплетаться.

В статье «Из сокровищ монастыря Гегард», опубликованной Тер-Гевондяном в журнале Эчмиадзин в 1964 г. (Տէր-Ղևոնդյան 1964: 40-48), рассмотрены две реликвии церкви – Копье и Частица древа Ноева ковчега. Учитывая название монастыря, больше внимания уделено первой из двух реликвий, хотя и о второй сказано немало: приведены несколько иностранных авторов, видевших Частицу в монастыре Эчмиадзин в начале XIX в., подробно описан складень-реликварий, содержащий Частицу древа Ноева ковчега, рассмотрены его художественные достоинства, приведена памятная надпись на тыльной стороне, указаны заказчик, а также дата и место его изготовления. Из статьи явствует, что до того как попасть в сокровищницу Эчмиадзина, Частица, в числе прочих реликвий, хранилась в монастыре Гегард.⁶ Однако, каким образом и когда она попала в Гегард, а также

³ Святое Богопронзившее Копье (арм. Աստվածաճնիւնի սուրբ Գէղարդ), одно из Орудий Страстей, пика, которую римский воин Лонгин вонзил в подреберье Иисуса Христа, распятого на Кресте. Относится к главным христианским реликвиям. Кроме «Армянского Копья», на подлинность претендуют еще и другие – Ватиканское, Венское, Краковское и т.д. Согласно Моисею Хоренскому, Святое Копье было принесено в Армению апостолом Фадеем.

⁴ Животворящий Крест (греч. ὁ ζῳλοποιῶς σταυρός), крест, на котором, согласно христианскому вероучению, был распят Иисус Христос. Как и все Орудия Страстей, относится к главным христианским реликвиям. После обретения Креста, а затем спасения от иудеев, реликвия была расщеплена на множество кусочков и разошлась по всему христианскому миру.

⁵ Впрочем, как и наиболее почитаемыми реликвиями Армянской Апостольской церкви, а первые две реликвии были особо почитаемыми святынями в Восточной Армении (Գաբրիելի սրբախիսխանքի շնվետիյան 1942: столб. 92).

⁶ Монастырь Гегард (арм. Գէղարդի վանք, «Монастырь Копья») находится в 2,5 км к вост. от села Гохт в верховьях ущелья одноименной реки. Старое название монастыря – Айриванк (арм.

когда и при каких условиях она была перевезена в Эчмиадзин, в статье не говорится.⁷

В 1928 г. архиепископ Гарегин Овсепян в первом томе трехтомного труда, посвященного роду Прошян-Хахбакян, рассматривая деятельность одного из последних представителей ветви, принявшей духовенство, епископа Давида “младшего”, ставшего настоятелем в родовом монастыре Гегард и предводителем епархии, подробно описывает складень-реликварий, изготовленный по его заказу мастером из Канакера в 1698 г. для Частицы древа Ноева ковчега (Գարեգին օրհանգիստի անդամներու շնորհակալութիւնը 1928: столб. 263-267).

В 1842 г. епископ Ованес Шахатунянц в числе прочих сокровищ Эчмиадзина дает описание реликвария с Частицей древа Ноева ковчега и передает текст,⁸ выгравированный на ее обратной стороне (Յովհաննէս եւրոպացի Եւրոպայի մասին 2014: 53:50).

8-20 марта 1834 г. Фредерик Дюбуа де Монпере в главе, посвященной описанию экскурсии в Гарни и Гегард, пишет, что в монастыре Гегард (*Kieghart*) некогда хранилось Копье, изображение которого есть у Тавернье, а ныне оно «хранится в Эчмиадзине, где является одной из главных реликвий» (перевод Г.П.) (Montpéroux 1839: 396).

10 сентября 1829 г. Иоганн Фридрих Паррот, проезжая через Эчмиадзин, пропускает «описание ея наружности и внутренности «достопримѣчательныхъ» вещей которыя въ ней находятся и кусочка изъ Ноева ковчега потому что все это уже давно извѣстно изъ путешествій Тавернье и Шардена⁹ и съ тѣхъ поръ почти въ такомъ же состояніи какъ было при нихъ» (Паррот 1855: 125).

17 ноября 1817 г. сэр Роберт Кер Портер, посетив Эчмиадзин (*Eitch-maidzen*), описывает Частицу в своем дневнике (Porter 1821: 191).

В 1817 г. Мориц фон Коцебу, участник российской посольской миссии в Персию, возглавляемой генералом Ермоловым, упоминает о наличии Частицы в монастыре Эчмиадзин (Kotzebue 1919: 98, 102).

15 июня 1814 г. Джеймс Мориер при описании сокровищ в монастыре Эчмиадзин ни слова не обронил о Частице (Morier 1818: 324-325).

17 июня 1805 г. главнокомандующий российскими войсками на Кавказе генерал от инфантерии Павел Цицианов рапортовал императору Александру I о том, что «въ виду ожидаемаго вторженія Персіанъ и по случаю смуть, произведенныхъ самозваннымъ патриархомъ Давидомъ, который собирался было съ Эчміадзинскими сокровищами бѣжать» упоминаемые сокровища из монастыря

Արրիվիւր, «Монастырь Пещер»), возникло от большого количества пещер в округе. Современное название закрепилось с появлением в монастыре Святого Богопронзившего копья.

⁷ Подобных сведений нет и в энциклопедиях, в том числе и относительно Копья, за исключением того, что Копье хранилось в монастыре Гегард ок. 500 лет.

⁸ Приведенный текст имеет незначительные ошибки, которые были исправлены в статье Тер-Гевондяна (Տեր-Ղևոնդյան 1964: 47).

⁹ В начале марта 1672 г. среди описанных Шарденом сокровищ в монастыре Эчмиадзин Частица не упоминается (Шарден 1902: 246).

были изъяты и перевезены в Тифлис. В рапорте, скорее, были упомянуты, а не перечислены некоторые мощи, в том числе рука св. Григория и «... *святое копіе, коимъ прободенъ былъ Христосъ Спаситель нашъ,...*» (Акты 1868: 276-277).

19 июня 1805 г. генерал-майор Портягин к рапорту главнокомандующему князю Цицианову прикладывает «*Опись святымъ мощамъ, разнымъ вещамъ и деньгамъ, присланнымъ отъ ген-м Несвѣтаева съ маіоромъ Внуковымъ, въ Эчміадзинскомъ монастырѣ взятымъ, – съ изъясненіемъ, что при осмотрѣ оказалось и что имъ, Несвѣтаевымъ, показано было*». Опись составлена не по номерам, но первым в ней указана «*Отъ Ноева ковчега доска в кіотѣ, въ серебряной оправѣ, съ крестомъ на ней съ 12-ю простыми камнями, при ней на цѣпочкѣ крестъ серебряный съ простыми 5-ю камнями, ...*». Безусловно, речь идет о нашем складне-реликварии. Любопытно, что, помимо этого, в описи имеются еще предметы, связанные с Ноевым ковчегом: «*въ мѣдной книжкѣ разныхъ святыхъ мощи, двѣ скобки отъ Ноева ковчега (курсив мой – Г.П.) и съ рѣзьбою деревянный крестъ съ распятіемъ; ...; доска отъ Ноева ковчега въ серебряной оправѣ и 2 креста на цѣпочкѣ; ...; въ крестѣ маленькомъ мощи неизвѣстныя, а в другомъ часть древа распятія Христова и отъ Ноева ковчега дрова (?); ...*». (Акты 1868: 277).

В 1766 г. Католикос Всех Армян Симеон I Ереванци небольшую часть обретенного древа Ноева ковчега, отломанную от левого нижнего угла реликвии, отправил в дар императрице Всероссийской Екатерине II Великой, выразив этим благодарность русской императрице за проявление заботы об армянском народе. «*К посланию он приложил частицы отъ Ноева ковчега, мощей св. Иоанна Предтечи, св. Георгия и святыхъ дев Рипсима, [Гаяне и другихъ]. Все это он уложил в серебряный позолоченный ларчикъ с четырьмя отделениями. Это послание он отправил в 1215 (1766) году ...*» (Միսեան 2003: 54; Симеон Ереванци 1958:108). По некоторым сведениям, дар был вмонтирован в престол Екатерины Великой, также подаренный ей армянами. Хранится в Оружейной Палате в Москве.

В 1698 г. в Канакере для “Частицы” был изготовлен складень-реликварий. Заказчиком, как выясняется из надписи на обратной стороне реликвария, был настоятель монастыря Гегард Давид Хахбакян, помазанный в епископы в 1683 г. и ставший предводителем епархии (Գարեգին Կար. Հովուհայր 1928: столб. 259).

В 1695 г. в Канакере были построены две церкви, одна из которых была освящена во имя святого Акопа Мцбнеци; в ней, в числе прочих фресок, сохранилась фреска передачи ангелом Св. Акопу Частицы древа Ноева Ковчега (Հովհաննէս Կաթուղոսի Շահիաթրուներանց 2014: 312-313).

1 июня 1694 г. Джемелли Карери, посетив «*землю церкви Гегард (Kiekart), куда добрался за 8 часовъ езды*», описав монастырь, передает традицию о хранящемся там Копье, но не упоминает о Частице (Careri 1704: 113; Погосян 2012: 218).

В марте 1673 г. Шарден после посещения Эчмиадзина приводит легенду об обретении Частицы, не указывая, где она хранится (Шарден 1902: 253), а при перечислении святынь, находящихся в монастыре, ни слова не говорит о Частице,

но передает рассказ о Копье, согласно которому, шах Аббас увез его из сокровищницы в Исфахан (Шарден 1902: 246).

Во время своего третьего путешествия, 22 июля 1670 г. Ян Стрейс, совершив восхождение на гору Арарат для посещения некоего отшельника Доминго Александре родом из Рима, получил от последнего «*крест, который был обломком дерева от действительного Ноева ковчега*» (Struys 1681: 211; Стрейс 2006: 227).

В 1651-55 гг. Тавернье, описывая монастырь Гегард (*Kickart*), указывает лишь, что в нем хранится Копье, но не упоминает о Частице (Tavernier 1679: 36).

Выше мы уже отмечали, что судьба реликвий, некогда принадлежащих роду Хахбакян, в известной степени переплетается, а посему приведем еще два события XV в.

В 1429 г. некий переписчик Григор в первых строках колофона рукописи «Малых учений» записал: «*в сердце монастыря Айри хранится копьё богопронзившее ...*» (ԺԵ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ 1955: 417; Մանրուսունի 33: 391; Գարեգին արք. Հովսեփյան 1942: столб. 123).

В 1410 г. Товма Мецопеци упоминает о «Богопронзившем копьё» в связи со смертью в монастыре Авуц Тар Ованнеса, настоятеля монастыря Мецоп, совершавшего паломничество к Копью (Թովմա Մեծոփեցի 1860: Գլուխ ԻԵ; Товма Мецопеци 2005: 51; Գարեգին արք. Հովսեփյան 1942: столб. 123).

В 1300 г. по заказу Эачи Хахбакяна был изготовлен складень-реликварий для Частицы древа Животворящего Креста. Так как Частица хранилась в монастыре Каркоп,¹⁰ в просторечье именуемом Хотакерац, реликвия стала именоваться «Хотакерац сурб Ншан» (арм. Խոտակերաց սր. Նշան, «Св. Знак Хотакерац»).

Наиболее раннее письменное упоминание о Частице, находящейся в монастыре Айриванк, относят ко второй половине XIII в. – между 1269 и 1271 годами вардапетом Варданом Аревелци¹¹ в труде География записано: «... *в монастыре Айри, где есть копьё святое богопронзенное, окрашенное кровью животворящего, и древко святого ковчега патриарха Ноя ...*» (Վարդան Արևելցի 1960: Գ, ш).

В 1268 г. по заказу Проша Хахбакяна был изготовлен складень-реликварий для Святого Богопронзившего копьа.¹² Примерно с этих пор в названии монастыря

¹⁰ Монастырь Каркоп, или Хотакерац (арм. Քարկոփի կամ Խոտակերաց վանք) находится в 1.5 км. к сев.-зап. от села Хачик Вайоц-Дзорского марза. Основан в IX в. князем Сюника Ашотом для отшельников, поселившихся в пещерах близ села Арастамух и питающихся травой, от чего в простонародье монастырь именовался Хотакерац.

¹¹ Вардан Аревелци (арм. Վարդան Արևելցի) (ок. 1198, Бардзраберд, Киликия – 1271, Хор Вирап), церковно-общественный деятель, летописец, географ, философ, языковед, переводчик, педагог. Среди множества его разнообразных трудов особое место занимают его энциклопедический сборник «Жхланк», «Всеобщая История» и «Ашхарацуц» («География»).

¹² Имеется в виду, что после известного землетрясения 1679 г., нанесшего большие разрушения, пострадал также складень-реликварий Копья, поэтому в 1687 г. по заказу настоятеля монастыря Гегард вардапета Давида Хахбакяна, был изготовлен новый складень с частичным сохранением прежней памятной надписи Проша Хахбакяна 1268 г.

происходит трансформация – все чаще вместо старого названия Айри используется новое название Гегард (Գարեգին քր. Հովուփյաւն 1942: столб. 92-93).

Еще одно упоминание о Частице имеется у фламандского монаха-минорита Вильгельма де Рубрука, который в конце декабря 1254 г. передает, что на обратном пути из Каракорума, он остановился в Нахиджеване, где в одной из церквей справил «праздник Рождества. А на следующий день умер священник этой церкви; для похорон его прибыл епископ с 12 монахами из горцев». Затем Рубрук пересказывает рассказанную ему епископом традицию об обретении Частицы, заканчивая следующими словами: «*Это дерево хранилось, как они мне говорили, у них в церкви*» (Рубрукъ 1911: 171-173).

В 1240-х гг. князь Прош Хахбакян купил монастырь Айри у сына атабека Иване Закаряна Авака с целью создать там родовую усыпальницу. Примечательно, что датировка лапидарных надписей на монастыре, относящихся ко времени Прошян-Хахбакянов, начинается 1257 г. (Գարեգին քր. Հովուփյաւն 1928: 88; *ibid.* 1942: 88).

Таким образом, из всего сказанного выше складывается следующая картина. На протяжении последних двух с половиной веков Частица находится в монастыре Эчмиадзин¹³. В 1805 г. в ходе русско-персидской войны (1804-1813 гг.) на фоне вспыхнувшего Давид-Даниелевского спора за престол католикоса в Эчмиадзине, в числе остальных сокровищ русские вывезли ее в Тифлис, но вскоре вернули. В 1766 г. католикос Симеон I Ереванци отправил в дар императрице Всероссийской Екатерине II небольшую часть отломанную от реликвии. Это событие говорит о том, что “Частица”, скорее всего, уже находилась в монастыре Эчмиадзин, но точная дата, когда она попала туда, нами пока не выявлена.

До того как попасть в монастырь Эчмиадзин “Частица” находилась в монастыре Гегард, где по заказу настоятеля монастыря Давида Хахбакяна для нее в 1698 г. в Канакере был изготовлен складень-реликварий. Сведение сохранилось в качестве памятной надписи на тыльной стороне реликвария, а косвенным свидетельством кратковременного пребывания “Частицы” в Канакере является освящение одной из двух церквей построенных в 1695 г. во имя Св. Акопа Мцбнеци.

Относительно “Частицы” в письменных источниках относящихся к XIII в. имеется два упоминания. Одно принадлежит Вардану Аревелци и относится к последним трем годам его жизни (между 1269 и 1271 годами) с указанием местонахождения в монастыре Айри.¹⁴ Другое принадлежит Рубруку и относится к 1254 г., но оно без указания местонахождения, а точнее без названия монастыря, что в общем равноценно.¹⁵

¹³ Заметим, что во время упоминания Частицы среди сокровищ в монастыре Эчмиадзин практически всегда упоминалось и Копье.

¹⁴ Необходимо заострить внимание на том, что в упоминании отмечаются обе реликвии – Частица и Копье.

¹⁵ Упоминается лишь Частица.

Имеется как минимум две причины не идентифицировать монастырь, содержащийся в последнем упоминании, с монастырем Гегард.

Во-первых. Расстояние от монастыря Айри до Нахиджевана по прямой составляет 111 км., а, учитывая наличие дороги, которая следует из монастыря Гегард сперва по ущелью реки Азат на юго-зап.-зап., спускается в Арартскую долину, а уж затем по Араратской долине поворачивает на юго-восток, проходя и по Шарурской долине в сторону Нахиджевана, расстояние превращается в 150 км. Учитывая, что весть о смерти священника должны были сперва донести до монастыря, откуда и пришли монахи, кандидатура монастыря Гегард становится весьма сомнительной, так как в этом случае расстояние удваивается, превращаясь в 300 км. Так как Рубрук не указывает точного времени прибытия епископа с 12 монахами, а говорит лишь, что они прибыли *«для похорон»*, остается предположить, что с момента смерти прошло дня три, так как согласно армянскому обычаю хоронят на третий день.

Во-вторых. Монастырь Айри перешел в собственность рода Хахбакян в 1240-х гг. Первые строительные надписи этого периода начинаются с 1257 г. В 1268 г. по заказу Проша Хахбакяна изготавливается складень-реликварий для Святого Богопронзившего Копья, уже хранившегося на тот момент в монастыре.¹⁶ А еще через два-три года, между 1269-1271 гг., Копье вместе с Частицей упоминаются Варданом Арвелци. Проанализировав события, можно заключить, что обе реликвии появились в монастыре лишь с переходом монастыря во владение Проша Хахбакяна, притом не в первое десятилетие, а лишь после оживления строительной деятельности, т.е. во второй половине 50-х годов XIII в. Таким образом, в 1254 г. ни Копье, ни Частица еще не были в монастыре Айри.

Если монастырь, откуда *«прибыл епископ с 12 монахами из горцев»* – не Айри, то какой это монастырь? Для того, чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо обозначить владения рода Хахбакянов к середине XIII в. Это – северная и восточная части гавара Вайоц Дзор, а также гавары Чахук и Ернджак в наханге Сюник и отдельные участки гаваров Варажнуник и Котайк наханга Айрарат. Отбросив Айрартские гавары, а также гавар Вайоц Дзор из-за отдаленности от Нахиджевана, а точнее – из-за того, что они находятся за Вайоц- Дзорским хребтом, заметим, что оставшиеся Чахук и Ернджак – горные гавары. Кроме того, в XIII в. в гаваре Чахук было 7 монастырей, а в гаваре Ернджак – 12 монастырей (Погосян 2012: 104-105). Максимальное расстояние от Нахиджевана до самых дальних горных местностей в этих гаварах составляет по прямой менее 45 км. Самый дальний из таких монастырей, находящийся буквально на хребте в 49 км. от Нахиджевана, называется Каркоп или Хотакерац. Он привлекает наше внимание тем, что в нем длительное время хранилась еще одна родовая реликвия, о которой мы упоминали выше – Хотакерац сурб Ншан, для которой по заказу внука Проша

¹⁶ После этого события монастырь начинают именовать Монастырем Копья, т.е. Гегард.

Хабакьяна Эачи в 1300 г. был изготовлен складень-реликварий, ныне хранящийся в сокровищнице Первопрестольного Эчмиадзина.

Тем не менее, нельзя скидывать со счетов, что наши рассуждения могут быть неверными и *епископ с 12 монахами из горцев* прибыл именно из монастыря Айри. В таком случае мы будем иметь наиболее раннее упоминание Частицы в монастыре Айри.

А теперь нам хотелось бы обратить внимание на следующий факт. Если за время пребывания обеих реликвий в последние два с половиной века в Эчмиадзине о них упоминают преимущественно вместе, то в период пребывания реликвий в монастыре Гегард-Айри на протяжении пяти веков, они упоминаются вместе лишь в самом начале и в конце, тогда как в средний период, а именно в XV-XVI вв., упоминается лишь Копье.

В чем же дело?

Для этого привлечем свидетельства участников нескольких европейских посольств в Персию, проезжавших через столицу Ширвана Шамаху.

В состав шведского посольства в качестве секретаря был включен немецкий ученый Энгельберт Кемпфер.¹⁷ Посольство, проходя по маршруту Московия – Астрахань – Низабат – Шамаха и далее, остановилось в Шамахе в декабре 1683 г., выехав – 4 января 1684 г. В одном из очерков, после рассказа о Ковчеге Ноя и о горе Масис, Кемпфер вкратце передает известную традицию об одном из первых деяний Св. Акопа Мцбинеци – об обретении им Частицы древа Ковчега, сопровождая ее очень любопытным дополнением: *«на нем (речь идет о древе – Г.П.) был сделан крест, и хранился он в храме Шамахи, а затем был унесен архиепископом монастыря Эчмиадзин»* (Kämpfero 1712: 428-429; Погосян, 2013: 109-112, 145-149).

Указанное сообщение осталось бы сомнительным, хотя и вызывающим интерес дополнением, если бы не еще одно сообщение, подтверждающее его. Речь идет об информации, содержащейся в описании еще одного, более раннего посольства Шлезвиг-Голштинского, в составе которого в качестве секретаря, а затем и советника был включен немецкий ученый Адам Олеарий.¹⁸ Посольство, проходя по маршруту Московия – Астрахань – Дербент – Низабат – Шамаха и далее, остановилось в Шамахе на три месяца, прибыв 30 декабря 1636 г. и выехав 27 марта 1637 г., а возвращаясь по маршруту Решт – Астара – Джават – Шамаха (Schamachie) – Дербент и далее, остановилось в Шамахе на пять недель, прибыв 20 февраля и выехав 30 марта 1638 года. Информация, переданная Олеарием, состоит из трех частей. В

¹⁷ Энгельберт Кемпфер (нем. Engelbert Kämpfer) (16.09.1651, Лемго, Вестфалия – 2.11.1716, там же), немецкий натуралист, врач, естествоиспытатель и путешественник. Секретарь шведской посольской миссии, отбывшей 20 марта 1683 и прибывшей к месту назначения в Исфahan в 1684 г. Когда посольство собиралось в обратный путь, покинул его и поступил в качестве хирурга на службу в Нидерландскую Ост-Индскую компанию (1685). На ее судах плавал в Южную Аравию, посетил Цейлон, Индию, острова Суматра и Ява, Сиам и Японию. Возвратился в Европу (Амстердам) в 1693 г.

¹⁸ Адам Олеарий /Эльшлегер/ (нем. Adam Ölschläger, лат. Adam Olearius) (1599/1603, Ашерслебен, Саксония – 22.02.1671, замок Готторф, Шлезвиг), немецкий путешественник и учёный. Служил придворным математиком и библиотекарем у герцога Гольштейнского.

первой части указывается, что некогда в Шамахе был крест величиной в пол-локтя из темного и отвердевшего дерева Ноева ковчега. Далее, что крест хранили в армянской церкви как великую святыню, заворачивая в шелковый платок. И, наконец, автор пересказывает рассказ своих соотечественников, участников более ранних посольств побывавших в Шамахе¹⁹ и видевших его.

Как видим сведения Олеария 1636 г. и сведения Кемпфера 1683 г., хоть и повествуют об одном и том же, но в деталях расходятся:

- У Олеария из дерева Ноева ковчега сделан крест, а у Кемпфера – крест сделан на древе. По этому поводу хотелось бы обратить внимание на информацию Олеария. Учитывая степень почитания, вряд ли древо могло быть подвержено столь пренебрежительному отношению, т.е. вырезанию из него креста. Скорее, на самом древе был сделан крест, как об этом говорит Кемпфер и как это есть на самом деле. Тем более, что указываемая Олеарием величина в пол-локтя соответствует величине хранящегося древа в складне-реликварии в сокровищнице Св. Эчмиадзина.
- Что произошло с деревом, Олеарий умалчивает, а согласно Кемпферу, древо унесено архиепископом монастыря Эчмиадзин.
- Оба указывают, что древо хранилось в храме, с уточнением Олеария – в армянском.
- Олеарий пересказывает рассказ своих соотечественников, а Кемпфер пересказывает рассказ местных жителей.

Из сказанного следует, что более поздний автор – Кемпфер – не использовал информацию, приведенную Олеарием. Тем самым сообщения с полувековой разницей во времени дополняют друг друга и подтверждают данные о пребывании на протяжении некоторого времени обретенной Частицы древа Ноева ковчега в армянском храме Шамахи.

Таким образом, благодаря последним двум сообщениям, извлеченным из произведений Энгельберта Кемпфера и Адама Олеария, картина местонахождения Частицы может быть восполнена и тем самым будет объяснен пробел упоминаний Частицы в монастыре Гегард в XV-XVI вв.

Если все выкладки верны, то можно заключить следующее: после некоего события из монастыря Св. Акопа близ селения Акори, Частица была перенесена в один из монастырей, скорее всего, гавара Чахук, став реликвией рода Хахбакян. Затем, после приобретения Прошем Хахбакяном в родовое владение монастыря Айри, реликвия во второй половине XIII в. перевозится туда. Однако, по какой-то причине с XV по XVI вв. реликвия попадает в Шамаху, но уже в начале XVII в. вновь возвращается в монастырь, уже именуемый Гегард. В XVIII в. ее перевозят в монастырь Эчмиадзин, где она с тех пор и пребывает, ныне выставленная в музейном секторе сокровищницы.

¹⁹ Более конкретных данных об упоминаемых посольствах нами не найдены.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссією* (1868), *Архивъ Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго. Томъ II. Изданъ подъ редакціею предсѣдателя комиссіи Ад. Берге.* Тифлис, Въ Типографіи Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго.
- Бузанд Фавстос (1953), *Исторія Армении Фавстоса Бузанда* (перевод с древнеармянскаго и комментарии М. А. Геворгяна, под редакціею С.Т. Еремяна), Ереван.
- Блаженный Феодорит Кирскій (1996), *Исторія боголюбцев с прибавленіем «О божественной любви»* (Вступ. ст. и новый пер. А. И. Сидорова), Москва.
- Ганалаян А. Т. (1979), *Армянскіе преданія*, Ереван.
- Олеарій Адам (1870), *Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 годахъ, составленное секретаремъ посольства Адамомъ Олеаріемъ* (перевелъ съ нѣмецкаго Павелъ Барсов), Москва.
- Паррот Г. (1855), «Путешествіе Г. Паррота на Араратъ» (пер. П. С. Савельева), *Журналъ словесности, наукъ, художествъ, промышленности, новостей и модъ*, томъ XII, Санкт-Петербургъ: 109-143.
- Погосян /Хахбакян/ Г. Г. (2012), *Культурно-историческое наследіе Армении: Нахиджеванскій край, (Некоторые вопросы истории и архитектуры со времен Ванскаго царства до XVII в.)*, Ереван.
- (2013), *Армяне Шамахи в упоминаніяхъ некоторыхъ западноевропейцевъ, Часть 1 (XV-XVII вв.)*, Ереван.
- (2015), «Дополненіе Кемпфера к традиціи об Акопе Мцбнеци и армянскомъ храме Шамахи» (в соавторствѣ с Багдасарян С. Г.), *XXVIII Международная научная конференція по источниковеденію и историографіи странъ Азии и Африки «Азия и Африка в меняющемся мире», 22-24 апреля 2015 г.: Тезисы докладовъ*, СПб.
- Полиевктов М. А. (1935), *Европейскіе путешественники XIII-XVIII вв. по Кавказу*, Тифлис.
- Рубрукъ Вильгельмъ, Иоаннъ де Плано Карпини (1911), *Исторія Монгаловъ/ Путешествіе въ восточныя страны, (Введеніе, переводъ и примѣчанія А. И. Маленна)*, Санкт-Петербургъ.
- Симеон Ереванци (1958), *Джамбр. Памятная книга, зеркало и сборникъ всехъ обстоятельствъ Святаго престола Эчмиадзина и окрестныхъ монастырей* (пер. С. С. Малхасянца), Москва.
- Стрейс Ян (2006), *Три путешествія* (пер. Э. Бородиной), Москва, 2006.
- Товма Мецопеци (2005), *Исторія Тимурленга и его преемниковъ* (пер. с др-арм., пред. и коммент. К. С. Тер-Давтян), Ереван.
- Шарден (1902), *Путешествіе Шардена по Закавказью въ 1672-1673 гг.* (переводъ Е. В. Бахутовой и Д. А. Носовича, (Изъ журнала «Кавказскій Вѣстникъ» за 1900 и 1901 гг.), Тифлисъ.
- Шатбердскій сборникъ (1979), Подготовили к изданію Б. К. Гигинейшвили и Э. А. Гиунашвили, Тбилиси (на древнегруз. яз.).

- Careri, John Francis Gemelli (1704), *A Collection of Voyages and Travels, Some now first Printed from Original Manuscripts, Others Translated out of Foreign Languages, and now first publish'd in English. To which are added some few that have formerly appear'd in English, but do now for their Excellency and Scarceness deserve to be Reprinted. In four Volumes. With a General PREFACE, giving an Account of the progress of NAVIGATION, from its first Beginning to the Perfection it is in now, etc.* The whole Illustrated with a great Number of Useful Maps and Cuts, all Engraven on Copper. The Authors contain'd in this Volume, see over Leaf, Vol. IV, London.
- Kæmpfero, Engelberto (1712), *Amœitatum exoticarum Politico-Physico-Medicarum, Fasciculi V, Quibus continentur Variæ Relationes, Observationes & Descriptiones rerum Persicarum et ulterioris Asiæ, multâ attentione, in peregrinationibus per universon Orientem, collectæ, ab Autore ENGELBERTO KÆMPFERO, D. – LEMGOVLÆ, Typis & Impensis Henrici Wilhelmi Meyeri, Aulæ Lippiacæ Typographi.*
- Kotzebue, Moritzvon (1819), *Narrative of a journey into Persia, in the suite of the imperial Russian embassy, in the year 1817. By MORITZ VON KOTZEBUE, captain on the staff of the Russian army, knight of the order of St. Wladimir of Russia and of the Persian order of the Sun and Lion, Translated from the German, London.*
- Montpéreux, Frédéric Dubois de (1839), *Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Golchie, en Géorgie, en Arménie, et en Crimée; avec un atlas géographique, pittoresque, archéologique, géologique, etc. Ouvrage qui a remporté le prix de la Société de Géographie de Paris, en 1838. PAR FRÉDÉRIC DUBOIS DE MONTPÉREUX, TOME III, Paris.*
- Morier, James Justinian (1818), *A Second Journey through Persia, Armenia, and Asia Minor, to Constantinople, between the Years 1810 and 1816. With a Journal of the voyage by the Brazils and Wombay to the Persian Gulf. BY JAMES MORIER, ESQ., London.*
- Olearium, Adamum (1649), *Offt beehrte Beschreibung Der Newen Orientalischen Reise / So durch Gelegenheit einer Holsteinischen Legation an den König in Persien geschehen. Worinnen Derer Oerter vnd Länder, durch welche die Reise gangen / als fürnemblich Rußland, Tartarien vnd Persien, samptjhrer Einwohner Natur / Leben vnd Wesen fleissig beschrieben / [...] Durch M. Adamum Olearium, Ascanum Saxonem [...] – Schließwig: zur Glocken.*
- Olearii, Adam (1663), *Außführliche Beschreibung Der Kundbaren Reyse Nach Muscow und Persien / So durch gelegenheit einer Holsteinischen Gesandschaltf von Gottorff auß an Michael Fedorowitz den grossen Zaar in Muscow / und Schach Sefi König in Persien geschehen [...] M DC LXIII, Schließwig.*
- Porter, Robert Ker (1821), *Travels in Georgia, Persia, Armenia, ancient Babylonia, &c. &c. during the years 1817, 1818, 1819, and 1820 , Vol. I, London.*
- Struys, Jean (1681), *Les voyages de Jean Struys, en Moscovie, en Tartarie, en Perse, aux Indes , & en plusieurs autres pais étrangers; accompagnés de remarques particulières sur la qualité, la religion, le gouvernement, les coutumes & le négoce des lieux qu'il a vus; avec quantité de figures en taille douce dessinées par lui-même; & deux lettres qui traitent à fond des malheurs d'Astracan. A quoi l'on a ajouté comme une chose digne d'être sue, la Relation d'un naufrage, dont les suites ont produit des effets*

- extraordinaires. Par Monsieur Glanius, A Amsterdam, ches la veuve de Jacob van Meurs.*
- Tavernier, Jean Baptiste (1679), *LES SIX VOYAGES DE JEAN BAPTISTE TAVERNIER, Ecuyer baron d'Aubonne, EN TURQUIE, EN PERSE, ET AUX INDES, Pendant l'espace de quarante ans, & par toutes les routes que l'on peut tenir: accompagnez d'observations particulieres sur la qualite, la religion, le gouvernement, les coùtumes & le commercè de chaque país, avec les figures, le poids, & la valeur de monnoyes qui y ont court. PREMIERE PARTIE, Où il n'est parlé que de la Turquic & de la Perse. Suivant la Copie, Imprimée à M.DC.LXXIX, Paris.*
- Անթարյան Փ. Փ. (1984), “Աշխարհացոյց Վարդանայ վարդապետի”, *Պատմա-բանասիրական հանդես*, № 3: 87-102.
- Աւգերեան Մկրտիչ վրդ. (1814), *Լիակատար վարք և վկայաբանութիւն սրբոց, որք կան ի հին տօնացոյցի Եկեղեցոյ Հայաստանեայց*, Հատ. 10, Վենետիկ, Ս. Ղազար.
- Գարեգին արքեպիսկոպոս Հովսեփյան (1928), *Խաղբակյանք կամ Պոռոշյանք հայոց պատմության մեջ: Պատմա-հնագիտական ուսումնասիրություն*, Մասն Առաջին, Վաղարշապատ.
- (1942), *Խաղբակյանք կամ Պոռոշյանք հայոց պատմության մեջ: Պատմա-հնագիտական ուսումնասիրություն*, Մասն Երկրորդ, Երուսաղէմ.
- Թովմա Մեծփեցի (1860), *Պատմութիւն Լանկ-Թամուրայ և յաջորդաց իւրոց*, Փարիզ.
- ԺԵ դարի հայերէն ձեռագրերի հիշատակարաններ (1955), Մ. I (1401-1450 թթ.), Երևան.
- Յովհաննէս եպիսկոպոս Շահխաթունեանց (2014), *Ստորագրութիւն կաթողիկէ Էջմիածնի եւ հինգ գաւառացն Արարատայ: Աշխատասիրությամբ Ա. Տեր-Ստեփանյանի*, Ս. Էջմիածին, Մայր Աթոռ Ս. Էջմիածնի հրատարակչություն.
- Վարդան Արեւելցի (1960), *Աշխարհացոյց Վարդանայ վարդապետի: Քննական հրատարակութիւն Հայկ Պէրպլերեանի համեմատութեամբ 24 ձեռագրի եւ տպագրի*, Բարիզ.
- Սիմեոն կաթողիկոս Երեւանցի (2003), «*Ձամբո*»: *Հիշատակարան Էջմիածնի Սուրբ Աթոռի եւ նրա հարակից վանքերի*, Երևան.
- Ստեփանյան Վ. Ա. (1964), *Երկրաշարժերը Հայկական Լեռնաշխարհում և նրա մերձակայքում*, Երևան.
- Սրբոյ Հորն մերոյ ՅԱԿՈԲԱՅ Սծբնայ եպիսկոպոսի ՃԱՌՔ (1765): *Sancti Patris Nostri JACOBI Episcopi Nisiboni SERMONES: Cum Præfatione, Notis, & Dissortatione de Ascetis. Quæ omnia nunc primum in lucem prodeunt*, ROMÆ MDCCLVI (1756): Typis SACRÆ CONGREGATIONES DE PROPAGANDA FIDE. Superiorum Facultate.
- Տեր-Ղևոնդյան Հ. (1964), «Գեղարդի վանքի գանձերից», *Պաշտօնական ամսագիր Հայրապետական Աթոռոյ Ս. Էջմիածնի*, ԻԱ տարի, Նոյեմբեր, ԺԱ, Էջմիածին.

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ УПАДКА ДИНАСТИИ СЕФЕВИДОВ:

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Тамара Леквейшвили

Институт востоковедения им. Г. Церетели, Тбилиси
Государственный Университет им. Ильи Чавчавадзе, Тбилиси*Abstract*

The article focuses on some crucial causes of the decline and fall of the Safavid dynasty. It is an attempt to compare the descriptive approach of historiographical sources and epy academic analysis of modern researches. Despite the fact that various authors put accents on different aspects of the issue, a complex approach to the problem, which takes into consideration all the relevant elements of this multifaceted problem, allows to reconstruct an objective picture of the period, as well as the interrelation of multiple objective causes resulted in the Safavids' collapse.

Keywords: *The Safavids, Shah Sultan Husayn, Causes of Decline and Fall*

Аннотация

В статье, на основе анализа первоисточников и поздних научных трудов, рассматриваются некоторые причины упадка династии Сефевидов. Источники рассматриваемого исторического периода изобилуют сведениями о внешнеполитических проблемах Ирана, распущенности высокопоставленных должностных лиц, росте налогового бремени, социальных конфликтах, феодальных междоусобных войнах, нищете крестьян и пр. Однако в сочинениях непосредственных очевидцев данного исторического явления исследование причин, как правило, ограничивается характеристикой качеств отдельных исторических персонажей. Историографии того времени в общем и целом чужд анализ процессов, происходящих в общественной жизни, политических и социально-экономических факторов, причинно-следственных связей между историческими явлениями; гораздо больше внимания уделяется второстепенным, субъективным факторам. Данное утверждение в равной степени применимо и к иранский или кавказский книжникам, русским дипломатам, европейским миссионерам и прочим авторам. Данная статья – попытка сравнительного анализа источников Сефевидского периода и поздних научных работ по данной тематике, позволяющего восстановить картину постепенного упадка и впоследствии — логического конца государства Сефевидов.

Ключевые слова: *Сефевиды, Солтан Хоссейн, причины упадка*

В конце XVII века экономический спад в Иране закономерно завершился и политическим ослаблением государства. Основными причинами этого явления были социальная напряженность, тяжелая налоговая политика, упадок сельского хозяйства, ремесленничества и торговли, расстройство городской жизни в целом.

Кроме того, к концу XVII века страны Западной Европы полностью освоили морской путь от Европы в Индию вокруг Африки, из-за чего существенно снизилось

значение проходящих через Иран сухопутных караванных путей, что, естественно, крайне негативным образом отразилось на транзитной торговле и благосостоянии иранских городов. Признаки ослабления Ирана была очевидны уже в период правления шаха Солеймана (1666-1694); в это время голландцы завоевали остров Кешм в Персидском заливе.

Разрушительный эффект всех этих факторов еще более усилился в правление шаха Солтана Хоссейна (1694-1722), зарекомендовавшего себя слабым правителем: часть историков считает, что распад Сефевидского государства был вызван именно его неумелым управлением. Обратимся к оценкам сложившейся ситуации авторами того времени.

Министр-резидент, губернатор Астрахани Артемий Волынский, бывший послом России в Иране, писал о шахе Хоссейне: «Редко такого дурачка можно сыскать и между простых, не токмо из коронованных». «Того ради сам ни в какие дела вступать не изволит, но на всем положился на своего Ехтма-Девлета, который всякого скота глупее, а однако у него такой фаворит, что шах у него изо рта смотрит, и что велит, то и делает. Того ради здесь мало понимается имя шахово, только его, прочие же все, которые при шахе были поумнее, тех всех изогнал» (Пигулевская 1958: 308).

Польский миссионер Тадеуш Крушинский отмечает, что царь, считавший свой гарем отдельным государством и отдавший власть в руки евнухов, действительно не смог бы думать в пользу благосостояния страны (Krusinski 1735: 120-21).

Голландский художник Корнелиус, приехавший в XVIII веке в Иран и нарисовавший известный портрет шаха Солтана Хоссейна на страницах своего дневника, писал про правителя, что «этот король предается только времяпрепровождению с женщинами так, что не знает границ своей развратной жизни и больше совершенно не заботится о благосостоянии государства. Его плохой пример является причиной того, что правосудие пало в большой империи Сефевидов, где сейчас царствует разнузданность и зло ненаказуемо» (Натрошвили 1991: 456).

Российский консул в Исфахане Самсон Аврамов в 1717 году наблюдал, как в Кашан вошел шахский караван из 525 верблюдов, который вез 1000 женщин, охраняемых двумястами евнухами. Чтобы заполнить ряды гарема, шах усилил давнюю королевскую практику выбора красивых девушек для двора со всей страны. 1700 год, похоже, выделялся в этом отношении, поскольку он стал известен как *kizlagun ili* – “год женщин”. Ростам аль-Хокама характеризует шаха как расточительного и нерасчетливого правителя, который проводил жизнь в распутстве и развлечениях (Rostam al-Hokama 1973: 82). По словам этого автора, шах за свою жизнь дефлорировал 3000 женщин и спал еще с 2000. Все они впоследствии передавались высокопоставленным чиновникам (Mathee 2015a).

Русский историк и государственный деятель, военный Петр Бутков так характеризует шаха Солтана Хоссейна: «Персидский Шах Гуссейн, из фамилии Сефи, начал царствовать сь 1694 года, будучи 24 лет. Приятное лице, кроткий нравь,

щедрый духъ, а особливо, отвращение отъ свирепыхъ поступковъ отца его Сулеймана преклонили на его сторону сердца всехъ подданныхъ. Первые годы царствования были ознаменованы некоторыми деяниями справедливости, человеколюбия и благочестия; но скоро время показало, чего должно было ожидать отъ государя, который, будучи воспитанъ между женщинами, малое имелъ познание о свете; который дни и ночи просиживалъ въ своемъ гареме, и который во всемъ полагался на своихъ министровъ, былъ сластолюбивъ, молодушень и ленивъ. Государствомъ управляли министры, ненавидящие другъ друга; пользуясь слабостью Гуссейна, они старались утвердить свою власть» (Бутков 1869: 1).

По сведениям Мохаммада Казима, шах Солейман, отец шаха Солтана Хоссейна, отмечает бездеятельность и слабость собственного сына. Казим пишет, что когда шах Солейман был при смерти, он позвал к себе визирей и приближенных и сказал им, что для благосостояния страны было бы лучше возвести на престол Аббаса, а не Хоссейна. А придворные вельможи Солеймана, которые заботились о своих интересах, способствовали воцарению Солтана Хоссейна, так как знали, что царствование смелого и строгого Аббаса Мирзы (как его характеризует Казим) не принесло бы им никакой выгоды (Kāzem-e Mervî 1995: 74,18).

Во второй половине XVII века ситуация была настолько критической, что обедневшее крестьянство покидало обжитые места, налоги населению повысили в 2-3 раза. Фирманом 1710 года шаха Солтана Хоссейна вновь утвердили прикрепление крестьян к земле. Райатов, которые покидали свои жилища, искали в течение 12 лет и возвращали на старые места. По истечении указанного срока поиск крестьян прекращался, их уже регистрировали в налоговом реестре по новому месту жительства. Упадок сельского хозяйства резко снизил поступления в шахскую казну и доходы отдельных феодалов. Данное обстоятельство вызвало недовольство феодалов шахским правительством. Шах пытался увеличить доходы Ирана от внешней торговли и с целью ослабления влияния голландских купцов (бывших фактически монополистами в ирано-европейских торговых сделках) заключил два торговых договора с Францией (в 1708 и 1715 гг.) На основании этих договоров французским купцам предоставлялись большие льготы и привилегии, чем голландцам. Французских купцов освободили от таможенных сборов и, в то же время, они пользовались особыми привилегиями шахского правительства.

Опустошение деревень ударило и по внутренней торговле, ослабла экономическая связь между отдельными областями. Под влиянием шиитского духовенства Шах Солтан Хоссейн преследовал суннитов, дервишей-суфиев и последователей крайнешиитских сект.

Из сведений Есаи Хасан-Джалалянца видно, каким образом происходила опись населения с целью обложения новыми налогами: в каждой деревне выбирали несколько человек – деревенского старосту, духовных лиц и уважаемых людей, которых по-отдельности заставляли давать показания о жителях села, их хозяйстве и объектах, подлежащих обложению. Эти показания, записанные чиновниками,

сравнивали друг с другом. С людьми, которые, по мнению чиновников, давали неверные показания, жестоко расправлялись (Хасан-Джалалянц 1971: 20).

Доуре Эфенди, направленный в 1720 году послом в Иран Турецким султаном, по возвращении на родину говорит о Сефевидском Иране, что когда-то блестящее и устроенное государство приближается к своему концу (Арунова/Ашрафян 1958: 54). Посол Петра I-го в Иране Артемий Волынский также указывает на экономический упадок Сефевидского Ирана и приписывает это явление недобросовестным правителям (там же).

В начале XVIII века в окраинных областях государства Сефевидов начались народные волнения. Восстали явно подвергавшиеся преследованиям туркмены, армяне, грузины, полукочевое племя афганцев-гильзаев (Кандагарская область) во главе с вождем племени Мир Вайсом.

Общая картина стремительного упадка государства, засвидетельствованная в историографии того периода, следующая: экономические проблемы, внутренние разногласия, тяжелая налоговая политика, коррупция, утриванная роль гарема, аморальное поведение и, в частности, злоупотребление алкоголем, должностных лиц, растрата денег на удовлетворение низменных желаний. По мнению историков, одна причина обостряла другую.

«Шах Солтан Хоссейн, Сын Солеймана, не рассматривался в качестве логического правителя, когда в 1694 году скончался его отец, но его восхождению на престол способствовали евнухи царского гарема, придворные вельможи и бабушкина сестра, воспитавшая его, – Марьям Бегум (которая пользовалась довольно большой властью и влиянием в Сефевидском Иране того периода), так как покладистый правитель для них в большей степени упростил бы дело, чем независимая личность» (Mathee 2005: 27). Ослабление Ирана было очевидно и для подчиненных государства, и для соседей – Османской империи и России, которые с сомнением и враждебностью разведывали ситуацию друг у друга, пишет Н. Бердзенишвили, отмечая, что тем временем «в Исфахане сидел шах – бездарный сибарит, государственный двор которого превратился в царствие безответственных взяточников» (Бердзенишвили 1971: 301).

Выше мы уже отмечали серьезное влияние шиитского духовенства на шаха Солтана Хоссейна. Г. Саникидзе считает, что деятельность шаха контролировал Мохаммад Бакер Маджлеси, ставший в 1687 году шейх ол-эсламом Исфахана, а в 1694 году получивший титул предводителя духовенства – молабаши. «Именно Маджлеси наделил Солтана Хоссейна королевскими символами во время инаугурации. На вопрос последнего, чего бы он пожелал в виде компенсации, Маджлеси потребовал издание королевского указа о запрещении винопития и объявлении дуэлей и спортивных зрелищ вне закона. Кроме того, он потребовал изгнания всех суфиев из Исфахана. Запрет винопития оказался довольно-таки

условным, так как сам шах оказался большим любителем алкоголя.¹ Однако в другом направлении Маджлеси достиг определенных успехов» (Саникидзе 2005: 142).

Ряд русских историков также считает шаха Солтана Хоссейна неумелым и слабовольным правителем и полагают, что он был марионеткой в руках некоторых влиятельных придворных (Арунова/Ашрафян 1958: 53). Те же исследователи, впрочем, отмечают, что сама по себе одиозная личность шаха не могла быть причиной упадка и распада Сефевидского государства. Этому, безусловно, послужили, прежде всего, объективные исторические предпосылки: обострение противоречий внутри господствующего класса, упадок общей экономики страны, что впоследствии вызвало расстройство всего государственного аппарата (Пигулевская 1958: 308). Исследователи указывают на очевидную взаимосвязь комплекса причин. Так, к примеру, с одной стороны, введение незаконных налогов было результатом начавшегося процесса экономического упадка, с другой же, новый, резкий рост феодальной эксплуатации еще больше усиливал дальнейшее уничтожение деревни и экономический упадок» (Кацитадзе 2009: 403). Внутрифеодальная борьба красной нитью проходит через всю историю XVIII века, приводя Иран к полному опустошению и уничтожению, отмечает З. Шарашенидзе (1970: 3).

Джон Форан особо выделяет фактор сокращения спроса иранского шелка, исходя из того, что возрос спрос на шелк бенгальского производства. Историк делает особый акцент на проблеме коррупции и отмечает, что после большого визиря Мохаммада Таки, который боролся с искоренением коррупции, используя шпионов, за что и был убит, ни один большой визирь не только не пробовал бороться с коррупцией посредством такой системы, но и наоборот — даже способствовали ее распространению, что в результате вылилось в тяжелую налоговую политику и невозможность решить финансовые проблемы (Foran 1992: 281).

«Выдвижение гарема на первые позиции и увеличение его значимости, рост фракционализма и моральное падение шахского двора следует рассматривать в качестве причин упадка Сефевидов. В этот период наблюдается склонность шахов к алкоголю, а также привязанность к гарему. Явным примером этого является влиятельность Марьям Бегум, сестры бабушки шаха Солтана Хоссейна в государстве Сефевидов» (Axworthy 2007: 149).

Того же мнения по вопросу падения престижа последних сефевидских шахов придерживается и Руди Мэти, отмечающий, кроме прочего, что все они, фактически, проводили большую часть основного времени исключительно в своих дворцах и, если не считать их приближенных, были недоступны для публики (Mathee 2015b: 291; см. также Babayan 2003; Lockhart 1958; Mathee 2009; Sanson 2017; Floor 1988).

¹ Так, например, 6 000 бутылок вина, найденных в королевских погребках, были демонстративно вылиты на площадь. Указ также распространился на запрет всех видов «асимметричного» поведения, таких как производство и потребление алкоголя, посещение кофеен молодыми людьми и женщинами, выходящими без сопровождения мужчин. Были запрещены и разного вида развлекательные мероприятия. Указ был обнародован в провинциях и записан на каменных фризах мечетей (Fendereski 2009: 35-36, 82-83; Nasiri 1994: 35-40; Navai 1984: 61-63; Mathee 2005: 92-95)

К 1722 году, отмечает Джон Перри, 220-летняя империя Сефевидов оказалась на грани распада. Лучшим периодом Сефевидов Перри, как и остальные западные ориенталисты, считает время шаха Аббаса Великого. А эпохи правления шаха Солеймана и шаха Хоссейна автор характеризует как мертвую, подчеркивая коррумпированность шахского аппарата, жестокость, неуравновешенность шаха Солеймана и вредную для страны политику шаха Хоссейна. Оба монарха отличались равнодушием по отношению к государственным делам. Перри полагает, что хрупкую структуру Сефевидов укрепляли великие завоевания ее основоположников, пока Мир Махмуд Афганский за какие-то восемь месяцев не покончил с ней, как с политическим субъектом (Регу 1971: 59).

В период правления шаха Солтана Хоссейна было очевидно, что он окажется последним шахом столь продолжительной Сефевидской династии, пишет Эндрю Ньюман. (Newman 2009: 115).

В целом, данные первоисточников довольно объективно отражают главные причины падения Сефевидов, а среди современных исследователей существует определенный консенсус по этому вопросу. Несмотря на тот факт, что разные авторы могут акцентировать разные причины, особо выделяя те или иные факторы, комплексный подход к проблеме позволяет воссоздать достаточно убедительную общую картину постепенного падения Сефевидского государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арунова М. Р., Ашрафян К. З. (1958), *Государство Надир-Шаха Афшара*, Москва.
- Бутков П. Г. (1869), *Материалы для новой истории Кавказа (1722-1803)* I, Санкт-Петербург.
- Бердзенишвили Н. (1973), *Вопросы истории Грузии VI*, Тбилиси.
- Кацитадзе Д. (2009), *История Ирана III-XVIII вв.*, Тбилиси.
- Натрошвили Т. Г. (1991), *От Маширика до Магриба*, Тбилиси.
- Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Строева Л. В., Беленицк А. М. (1958), *История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века*, Ленинград.
- Саникидзе Г. (2005), *Шиизм и государство в Иране*, Тбилиси.
- Хасан-Джалалянц Е. (1971), *Краткая история страны Агван* (подготовка к изданию, перевод и комментарии К.К. Куция), Тбилиси.
- Шарашенидзе З. (1970), *Иран во второй половине XVIII века*, Тбилиси.
- Axworthy M. (2008), *A History of Iran Empire of the Mind*, New York.
- Babayan K. (2003), *Monarchs, Messiahs and Mystics: Landscapes of Early Modern Iran*, Cambridge, Mass.
- Chardin J. (1810-11), *Voyages du Chevalier Chardin, en Perse, et autres Lieux de L'orient*, ed. Louis Langles, 10 vols. and map, Paris.
- Foran J. (1992), "The long fall of the Safavid dynasty: Moving beyond the standard views", *International journal of Middle East Studies*, vol. 24,2 (May): 281-304.
- Farrokh K. (2011), *Iran at War 1500-1988*, Oxford.

- Fendereski Sayyed Abu Taleb Musawi (2009), *Tohfāt al-alam: dar awsaf wa akbar-e Shah Soltān Hosayn Safawi*, ed. Rasul Ja'farian, Tehran.
- Floor W. (1988), *The Afghan Occupation of Safavid Persia 1721-1729*, Paris.
- Ja'farian R. (1993), *Elal-e bar ofitādan-e Safavian, Mokhafat-nama*, Tehran.
- Kāzēm-e Mervi M. (1995), *Ālem Ārāi-ye Nāderi* (be tashih va bā moghadāme doktor Mohammad Āmin Riāhi), Tehrān.
- Krusinski J. Th. (1735), *A History of the Late Revolutions of Persia*, 2 vols., London.
- Lockhart L. (1958), *The fall of the Safavid Dynasty and the Afghan Occupation of Persia*, Cambridge.
- Mathee R. (2005), *The Pursuit of Pleasure*, Princeton-Oxford.
- Mathee R. (2009), *Persia in Crisis, Safavid Decline and the fall of Isfahan*, London-New-York.
- Mathee R. (2015a), "Soltān Hosayn", *Encyclopædia Iranica*, online edition, 2015, <http://www.iranicaonline.org/articles/soltan-hosayn> (accessed on 26 June 2015).
- Mathee R. (2015b), "The decline of Safavid Iran in Comparative Perspective", *Journal of Persianate Studies*, 8: 276-308.
- Nasiri Mohammad-Ebrāhim (1994), *Dastur-e: Sālhā-ye 1105 tā 1110 h.q., pādeshāhi-e Shāh Soltān Hosayan Safawi*, ed. Mohammad-Nāder Nasiri Moqaddam, National Archief, Records of the Verenigde Oostindische Compagnie (VOC), Tehran.
- Navā'i Abd-al-Hosayan (1984), ed., *Asnād wa mokātabāt-e siāsi-e Irān az sāl-e 1105 tā sāl-e 1135 h.q.*, Tehrān.
- Newman A. J. (2009), *Safavid Iran-Rebirth of a Persian Empire*, London-New York.
- Perry J.R. (1971), "The Last Safavids 1722-1773", *Iran, Journal of British Institute of Persian Studies* IX: 58-69.
- Rostam al-Hokama M-H. (1973), *Rostam al-tavarikh*, ed. Mohammad Mosiri, Tehran.
- Sanson N. (2017), *Estat présent du royaume de Perse*, ReInk Books.
- Savory R. (2007), *Iran under the Safavids*, Cambridge University Press, New-York.
- Zakaria of Agulis, (2003), *The Journal of Zakaria of Agulis*, tr. and ed. G.A. Bournoutian, Costa Mesa.

О НЕКОТОРЫХ ВАЖНЫХ МОМЕНТАХ ТРЕТЬЕГО ДАГЕСТАНСКОГО ПОХОДА НАДИР-ШАХА АФШАРА (1741 ГОД)

(По текстам посланий Ибрагима Урадинского)

Тимирлан Айтберов

Дагестанский государственный университет, Махачкала

Abstract

The article focuses on the three letters (in Arabic) by Ibrahim of Urada addressed to the people of Avaristan during the campaign of Nadir Shah to Dagestan. The letters presented in the Russian translation and provided with commentaries, shed light on a number of details of this yet poorly studied historical event.

Keywords: *Ibrahim of Urada (Uradinskij), Dagestani Campaign of Nadir Shah, Avaristan*

Аннотация

В статье представлены три письма-обращения (на арабском) Ибрагима Урадинского народу Аваристана, написанные им в период военной кампании Надир Шаха в Дагестане. Снабженные русским переводом и комментариями, письма проливают свет на некоторые детали этого все еще недостаточно изученного исторического события.

Ключевые слова: *Ибрагим Урадинский, Дагестанская кампания Надир Шаха, Аваристан*

Ибрагима Урадинского, жившего в XVIII в. и оставившего после себя обширное письменное наследие, справедливо считают самым цитируемым, а, следовательно, самым авторитетным правоведом (*факих*) Восточного Кавказа из числа живших там в последние 250 лет. Исследователи, изучающие историю Дагестана, отмечают при этом еще и важную роль данной персоны в военно-политической борьбе того периода за Восточный Кавказ. Причем, его выделяют как особо активного и успешного военного деятеля XVIII в., а точнее — как фактического организатора вооруженного противостояния дагестанцев войскам Надира (*Тахмаскули-хан*) Афшара, будущего Надир-шаха (Айтберов 2012: 226-228; Сотавов 1991: 93; Гаджиев 1996: 161-163).

Важно отметить, что хотя советские историки имели доступ к русским переводам публикуемых в данной статье *Посланий*, выполненным в 60-70-е гг. XX в. дибиром (*мулла*) М.Г. Нурмагомедовым, полностью разобраться в их содержании так и не удалось (Гаджиев 1996: 162, 163). Помимо прочего, это объясняется и тем фактом, что работавшие над *Посланиями* исследователи были, фактически, первопроходцами в данной области истории Восточного Кавказа.

Главная погрешность их, безусловно, ценной работы – в том, что они не разделяли *Послания* по времени их написания. В их трудах смешанно представлены и проанализированы *Послания* относящиеся к 1735 г., то есть ко второму дагестанскому походу, к тому времени, когда Надир (в то время *Тахмаскули-хан*; у дагестанцев *Таймаз-хан*) Афшар сумел напугать многих дагестанцев и, как результат, получить от их руководителей подписки о покорности, и *Послания* более поздние, а именно - относящиеся к 1741 г. (Гаджиев 1996: 162, 163, 179). При этом 1741 — год поражения Надир-шаха на территории Южного Аваристана, где он был разбит войсками Дагес-

тана, сформированными из аварцев, но при самом активном участии лакцев и кайтагцев.

Ибрагим – выходец из старинного аварского селения Урада, которое в 1844 г. насчитывало, вроде бы, 500 дворов, хотя известны и более низкие цифры - 300 дворов в 1828 г. (мне лично, именно это количество кажется наиболее верным для эпохи Надир-шаха) и 200 дворов (Хашаев 1961: 17; Айтберов 2012: 10, 13). Происходил Ибрагим из местной аристократической фамилии якобы арабского происхождения, из которой в XVII- начале XVIII вв. вышли, *хаджи*, чем, кстати, Ибрагим очень гордился, и мусульманские ученые.

Дедом Ибрагима был «кроткий» по характеру человек, известный как **Али-хаджи** (жил он в 1-й половине XVII в.), что зафиксировали достоверные источники — дагестанская арабоязычная эпиграфика, отразившая в себе местную культурно-историческую традицию XVIII в., и рукописный материал XVII в. (Айтберов 2012: 46-52, 74).

Отцом Ибрагима был ученый урадинец, известный по старому Дагестану как **Мухаммад-хаджи** (умер в 1742 г.) и упоминаемый в дагестанских материалах с 1082/1671-72 г. (Айтберов 2012: 46-52, 74). Родился этот человек, как мне представляется на основании различных источников, в середине XVII в.; то есть прожил он примерно 90 лет.

От Мухаммада-хаджи Урадинского, которого современники считали «умнейшим человеком своей эпохи», до наших дней дошли несколько арабских книг, переписанных его рукой (одна из них – в Каире, Египет), а также значительное количество небезынтересных записок. Последние представляют собой рукописный материал на арабском (доступен в копиях XIX в.), имеющий отношение к вопросам арабской грамматики и шафиитскому пониманию суннитского направления в шариате. Многие из этих записок посвящены тем или иным сторонам «женского» вопроса, который, оказывается, существовал в тогдашнем Дагестане. Речь идет, например, о положении законной жены, которая принесла в дом недвижимость, и о реальном статусе «наложницы», которая уже находится в постоянной сексуальной связи с хозяином дома (Айтберов 2012: 52-54, 58-60).

Правовед Мухаммад-хаджи был затянут – реалиями восточно-кавказской жизни 30-40-х годов XVIII в., - и в проблемы внешнеполитического характера. Решением их он, впрочем, сам заниматься не стал, а возложил – по причине, вероятно, своей старости (ему было тогда около 80 лет) – на плечи своего сына Ибрагима. Последний, что немаловажно, уже в 1734-1735 гг. считался «выдающимся ученым» на фоне всех современных ему ученых мужей Восточного Кавказа (Айтберов 2012:72). Примечательно, что в то время как современники титуловали Ибрагима Урадинского «**эфенди**» (авар. *апанди*) (Гаджиев 1967: 106), сам он называл себя всего лишь «**сыном хаджия из Урада**» (Гаджиев 1967: 124). После кончины последнего (в 1742 г.) и убийства Надир-шаха (в 1747 г.), Ибрагим-эфенди Урадинский совершает свой первый в жизни *хаджж*. Как результат, в арабской записи из Дагестана от 1750 г. (Айтберов 2012: 153) он уже фигурирует с титулом «**хаджи**».

Ибрагима Урадинского высоко оценивали как историческую фигуру еще в XIX-начале XX вв. Среди персон, понимавших калибр личности Ибрагима Урадинского, следует, прежде всего, назвать А. Бакиханова (умер в 1846 г.), иранца, выходца из прикаспийского Табаристана, родившегося в пределах современного Азербайджана в знатной татской фамилии (Бакиханов 1926: IX – X, 108, 176-180). Этот ученый, мусульманин-шиит (кстати, выросший на российской военной службе до полковника),

считал, что в Дагестане за все века исламской эпохи было всего семь ученых, достойных упоминания. Вторым в его составленном по хронологии списке значится Ибрагим Урадинский (Бакиханов 1926:176). Высокую оценку Ибрагиму Урадинскому дают также лезгин Хасан Алкадарский (XIX в.), лакец Абдурахман – зять имама Шамиля, известный по Восточному Кавказу шейх накшбандийского тариката Шуаиб Багинубский (конец XIX-начало XX вв.); хаджалмахинский даргинец Назир – составитель объемного сборника биографий дагестанских ученых, лакец Али Каяев – собиратель и исследователь местных письменных источников (Айтберов 2012:100-105).

Ибрагим из Урада прославился на Восточном Кавказе и как мусульманский ученый (его записки, написанные на арабском языке, дошли до наших дней¹), и как военно-политический деятель. Надиру Афшару – будущему шаху Ирана – Ибрагим еще в 1735 г. написал дерзкое по форме *Послание* на арабском, известное своей фразой: мы, дагестанцы, «победим ... вас».²

Приводимые ниже тексты *Посланий* Ибрагима Урадинского имеют важное значение для понимания и объективного освещения дагестанского похода Надир-шаха, предпринятого осенью 1741 г. Следует отметить тот факт, что названный поход, закончившийся поражением иранской армии, очень плохо освещен в восточных, европейских и русских источниках XVIII в., чему есть вполне определенные причины.³ А вот в дагестанских арабоязычных материалах информация о данной военной кампании имеется. Собранная автором этих строк из различных источников в государственных и частных библиотеках, она была обобщена и проанализирована. Нами восстановлены пути, по которым двигался Надир-шах, вступив в 1741 г. на территорию Горного Дагестана, указаны места сражений между иранской армией и дагестанцами, названы имена реальных героев той эпопеи.⁴ (Айтберов 2011: 73–127).

Изначально содержание *Посланий* стало известно науке благодаря трудам известного кавказоведа 2-й половины XX в. В.Г. Гаджиева, знатока российских архивов, мастера прочтения и анализа русских архивных документов.

В 2016 г., уже после выхода в свет таких изданий как «Надир-шах Афшар и дагестанцы в 1741 г.» и «Ибрагим-хаджи Урадинский: новые страницы биографии», нам удалось получить ксерокопии приводимых ниже *Посланий* Ибрагима Урадинского. Предоставил их, причем с правом на публикацию, ныне покойный И.Х. Бутаев, известный краевед, выходец из селения Тидиб Шамильского района Республики Дагестан.

¹ Он поднимал те же вопросы дагестанской жизни XVIII в., что и его отец Мухаммад-хаджи, но писал и о другом. Подробнее см. Айтберов 2012: 96-205.

² Об этом послании XVIII в. и об одном из его списков см. Айтберов 2012: 110-115 (в данном издании, однако, послание Надиру Афшару ошибочно датировано 1741 г.). См. также Айтберов 2011: 69.

³ Иранским историкам XVIII в. писать подробно о серьезной неудаче своего любимца, постигшей его на территории Горного Дагестана в 1741 г., естественно, не хотелось. Поэтому они свели все к природному фактору – к действиям «генерала Зима». Русских же военных атташе, писавших отчеты для Петербурга, Надир-шах в 1741 г. оставил в Дербенте, так что они ничего увидеть и, соответственно, подробно описать не могли.

⁴ О ней см. Гаджиев В.Г. 1996: 163; Гаджиев 1967: 214.

Подлинник. *Послание* хранилось в личной библиотеке ныне покойного М.Г. Нурмагомедова – родом из сел. Аракани Унцукульского района РД.⁵ Нынешнее его местонахождение неизвестно.

Написано *Послание* тростниковым (?; авар. *муцIи*) *каламом*, черными (?) чернилами (авар. *цакъи*), почерком *наsx*, рукой Ибрагима-эфенди Урадинского, на листе (15,8 x 13,3 см) белой фабричной бумаги (авар. *кагъат*) западноевропейского производства.

Количество строк – 14. Текст частично огласован. Для передачи аварского специфического (латерального) звука *лъ* употреблена арабская буква *лам* с тремя точками внизу.

Оттиска печати здесь нет, как и на других *Посланиях* Ибрагима-эфенди Урадинского. Очевидно, он не имел тогда личной печати, так как не занимал какой-либо официальной должности в пределах Гидатля (авар. Гьидаль), авароязычного округа,⁶ центром которого с давних времен было крупное село Урада (авар. Гурада).

На полях этого *Послания* имеются выписки, сделанные на арабском языке, не имеющие отношения к его тексту – извлечения из популярных в Дагестане книг по мусульманскому праву (из «*Анвары*», из «*Ибн Хаджара*» и т.д.). Сделаны они позже 1741 г., несомненно из-за дороговизны бумаги и, соответственно, из-за нежелания хранителя *Послания* тратить ее на второстепенные – по его мнению, – нужды.

Перевод текста

Да будут над вами мир, милость всевышнего Аллаха и Его благословение!
От бедного раба [божьего],⁷ коим является [Ибрагим]⁸ – сын хаджия Урадинского (*Уради*),⁹ а также от военачальника¹⁰ по имени Деньга (*Динка*),¹¹ как и от остальных больших людей из числа тиндинцев (*тиндал*; авар. *тIиндал*)¹² *Послание* большим людям, ученым и главарям – жителям таких [аварских] округов как Баклулал (авар.

⁵ Мы располагаем, как уже говорилось выше, лишь ксерокопией этого *Послания*, что, безусловно, отражается на точности его описания.

⁶ В южной части Шамильского района.

⁷ Слово «раб» (араб. *абд*), которое употреблял Ибрагим-эфенди Урадинский в знак самоуничужения, личной скромности, породило позднее ошибочное мнение, что этот деятель происходил-де из рабского сословия (авар. *лагъ*, араб. *абд*).

⁸ Ибрагим Урадинский совершил паломничество в Мекку и Медину между 1748 и 1750 гг. и только с того времени стал носить почетный титул *хаджи*. Об этом см. Айтберов 2012: 152, 153.

⁹ Речь идет о вышеупомянутом Мухаммаде-хаджи Урадинском (ум. в 1742 г.). Пока жив был отец, Ибрагим Урадинский употреблял, из личной скромности, отмеченный здесь формуляр в своих письмах и в записках. К нему же обращались тогда титулом *эфенди*.

¹⁰ В устной речи аварцев в значении «военачальник» или «предводитель войска» употреблялись как грузинское слово персидского происхождения *белад* (от *балад*), так и чисто аварское *цевехан* (*цевехъан*) – «лидер».

¹¹ Популярное в западном Аваристане имя собственное. Потомство этого Деньги было известно в следующем столетии как кровно-родственное объединение, подвергнутое разгрому мюридами имама Шамиля.

¹² Тинди (*ТIиндиб*) – община в западной части Аваристана; находится в южной части нынешнего Цумадинского района РД. В конце XVIII в. тиндинское «войско» состояло примерно из 1500 активно действовавших, можно сказать, профессиональных, воинов, участвовавших в нападениях на Грузию (См. Гамрекелли 1980: 173).

Бакъльуал),¹³ Андия (Андал; авар. Гандал),¹⁴ Ботлих (Балхал; авар. Бальхал)¹⁵ и Унцукуль (Ансал).¹⁶

1. Послание Ибрагима-эфенди Урадинского, аварского военачальника, известного как Деньга Тиндинский, а также остальных влиятельных тиндинцев, которое адресовано: «большим людям, ученым и главарям» северной части Аваристана – андийцам, ботлихцам, гумбетовцам и унцукульцам (1741 г.)

¹³ Речь идет о той части современного Гумбетовского района РД, которая примыкает к Чечне. В конце XVIII в. состояло баклулальское «войско» из 1500 активных воинов, нападавших на Грузию (там же).

¹⁴ Объединение, состоявшее из нескольких относительно многолюдных общин, расположенных на территории современного Ботлихского района РД. В конце XVIII в. Оттуда вышло порядка полутора тысяч воинов, которые, проявляя активность, участвовали в нападениях на Грузию (там же).

¹⁵ Это, по всей видимости, не одно лишь большое селение Ботлих (в 1844 г. в нем стояло, якобы, 400 дворов), а все «общество» *Технуцал* с центром в Ботлихе. В конце XVIII в. оттуда вышло примерно 2 тыс. воинов, которые совершали вторжения в пределы Грузии (там же).

¹⁶ Исторически воинственная община, считавшаяся подчиненной *шамхалам*, которые сидели в Тарках. Состояла она из нескольких крупных селений, находившихся на территории нынешнего Унцукульского района РД. В конце XVIII в. на унцукульской территории проживало порядка 4 тысяч профессиональных воинов, участвовавших в нападениях на Грузию (там же). Впрочем, здесь может быть понято не как Унцукуль, а несколько иначе – *Ансалта*, аварское селение в Ботлихском районе.

Да укрепит всевышний Аллах ислам – как через нас, так и через них! Да поможет Он нам и им – против неверного племени!¹⁷ Аминь.

А далее.

Мы просим вас, [гумбетовцев, андийцев, ботлихцев и унцульцев], как людей благородных, одеть лучшие ваши платья и в таком виде подготовиться затем к выступлению на неверных,¹⁸ приложив здесь соответствующие старания. Этого требуют мужество, которым одарил вас всевышний Аллах, и ваша блистательная храбрость, которая обретена таким же образом.

Мы сейчас узнали, что представился самый удобный момент. По этой причине мы – [сын хаджия из Урады по имени Ибрагим и Деньга Тиндинский] – отделились от других людей и стали [направлять обращения] в разные стороны. Поступили же мы так ради сбора войск.

Крайне необходимо, чтобы [вы] выступили в этом месяце – двадцать второго или двадцать третьего числа.¹⁹ Вы не ожидайте, что появится другой удобный момент для [вашего выступления]. Этого никто больше не увидит.

Клянемся Аллахом, что если бы вы [гумбетовцы, андийцы, ботлихцы и унцукульцы] знали истинное положение неверных, в котором они оказались сейчас — настолько, причем, насколько узнали его мы, — то поспешили бы вы к нам.

Мощь и сила только через Аллаха – Высокого и Великого. Какой же Он прекрасный покровитель, какой же прекрасный защитник! Нам достаточно того, что есть Аллах. Какой же Он прекрасный помощник!²⁰

Все.

¹⁷ Здесь следует обратить внимание на два немаловажных момента: а) в письме, которое приводится ниже (II) врагов Дагестана Ибрагим-эфенди называет *рафизитами*, то есть иранскими шиитами, причем с атрибутом «крайние» (*зулат*); б) под влиянием жизненных реалий конца XV-XVII веков, а также пропаганды со стороны османской элиты, дагестанские ученые XVII-XVIII вв. объявляли шиитов (имеется в виду кызылбашей) «неверными», то есть не-мусульманами, которых допустимо убивать, не беря греха на душу. Поэтому, несомненно, что в данной части текста *Послания* речь идет о воинах Надир-шаха Афшара.

¹⁸ Существует мнение, что к 1741 г. Надир-шах был уже чуть ли не суннитом, а в его войсках настоящих суннитов было более чем достаточно. Вместе с этим, однако, в 1743 г. в зону расселения этнических дагестанцев поступило, якобы, письмо из Стамбула, присланное от имени Великого визиря Османской империи. В нем говорилось, что Надир-шах и его войско придерживаются сейчас такого направления в исламе, которое полностью противоречит четырем «общепринятым» суннитским мазхабам. Мало того, Надир-шах и его войско находятся в «противоречии» с самой «исламской религией». Они, по сути дела, обыкновенные «кызылбашаи», то есть «крайние шииты» – сектанты, стоящие за рамками ислама, «а поэтому вы», дагестанцы, «должны убивать их», где бы «вы их ни обнаружили, в каком бы месте они вам ни повстречались» (см. Айтберов 1996: 87, 88 (авар. яз.)). Отсюда становится понятным, по какой причине Ибрагим Урадинский употребил в своем *Послании* термин «неверные» в отношении воинов Надир-шаха Афшара, хотя среди них было очень много афганцев и среднеазиатских тюрок.

¹⁹ Речь идет, как мне представляется, о 22-23 числе месяца *джумада ас-сани* 1154 г.х., что соответствует 5-6 сентября 1741 г. (см. Айтберов 2011: 95, 97, 101).

²⁰ Эти фразы встречаются в различных мусульманских книгах.

II. Послание Гидатлинского войска, а также жителей аварского округа именуемого Андалал, направленное воинам аварского округа Карах (1741 г.)

Подлинник. Послание хранилось в библиотеке М.Г. Нурмагомедова; нынешнее его местонахождение неизвестно. Тростниковый (?) калам, черные чернила, *наسخ*, рука Ибрагима-эфенди Урадинского, лист (19,2 x 12 см.) белой фабричной бумаги западноевропейского производства. Строк - 16. На полях *Послания* имеются выписки (из словаря *Камус*, из сочинения Ибн Хаджара ал-Аскалани и т.д.), сделанные на арабском языке.

السلام عليكم ورحمة الله وبركاته من حضرة
 عنكريد الى بقاياهم اخاذنا الله تعالى من
 ظفر الاغداء آمين اما بعد فلكم بجزاة
 سورتي طين وسنن ما شئتم من
 القوت فاننا حينئذ لعل قد نزلنا
 في قف الاغداء بعد ظفرهم ببعضهم وختا
 ان شاء الله تعالى نختار في جمع عمل المسلمين
 وقرهم الى قر منين وفي دعاء الاغداء
 الى الصلح ما لم تطعنا والا يصيل التوبة
 اليها فقد رواه اجدكم قبل الخطر
 والحاصل لا تخافوا بل اعظروا اولادكم

III. Послание гидатлинских воинов, находящихся в военном лагере, адресованное другим
 людям - оставшимся в глубине Аваристана
 (1741 г.)

Перевод текста

От войска гидатлинцев²¹ (авар. *гьид*) и от [населения] округа Андалал²² (авар. *Гандадал*) послание молодым людям Караха²³ (авар. *кьаралал*).

Да будут над вами мир, милость Аллаха и Его благословение!

Да избавит нас всевышний Аллах от возможности того, чтобы враги одержали бы над нами победу!

Аминь.

А далее.

До каких же это пор будете вы - карахцы - корчить из себя людей сообразительных и, при этом, проявлять лень в вопросе выступления против известного всем врага?²⁴ Неужели вы верите в то, что вас оставят спать на постелях жен ваших, после того как еретики (*рафиди*) одержат победу над остальными дагестанцами?

Если в ваших сердцах имеется хотя бы капля вспыльчивости, то выступайте против названных еретиков. Торопитесь, о карахцы, ибо тех, кто не проявляет сейчас жалости по отношению к другим, жалеть потом не будут.

Да, вот еще что: здесь имел [недавно] место бой, в котором приняло участие триста глупых дагестанцев, а затем имело место их бегство²⁵ от врага. Это, однако, ничего не значит. Вреда получили те дагестанцы мало.²⁶

Не верьте вы, о карахцы, словам чертей в человеческом обличье, болтающих, что названное обстоятельство удержало истинно верующих от боя, или же что оно замедлило их выступление из [лагеря].

С выступлением нужно спешить и еще раз спешить. Следует, также, доставить в [наш лагерь] продукты питания, собрав их из тех мест, которые находятся около вас.

Все.

Подлинник. Лист (15 x 9 см.) белой фабричной бумаги западноевропейского производства. В тексте употреблены вспомогательные подстрочные значки. *Послание* хранилось в библиотеке М.Г. Нурмагомедова; нынешнее его местонахождение неизвестно. Тростниковый (?) калам, черные чернила, насх, рука Ибрагим-эфенди Урадинского. Данное Послание написано, возможно, немного раньше двух предыдущих (I, II). Строк – 11.

²¹ Согласно официальному документу от 1828г., вышедшему из недр канцелярии ханства Аварского, в Гидатле было примерно 4 тыс. дворов, хотя есть и другие данные (Айтберов 2011: 13, 14).

²² Территория с аварским населением, соответствующая южной части современного Гунибского района РД. В конце XVIII в. из андалальских селений вышло порядка 4 тыс. активных воинов, совершавших нападения на Грузию (см. Гамрекелли 1980: 173). К 1843 г., в условиях Кавказской войны и проистекавшей отсюда российской блокады в отношении аварской зоны Горного Дагестана, только в трех главных селениях Андалала насчитывалось 2300 домов (Хашаев 1961:16, 17).

²³ Северная часть территории Чародинского района РД. В конце XVIII в. в Карахе насчитывалось порядка 2 тыс. активных воинов, совершавших вторжения в пределы Грузии (Гамрекелли 1980: 173).

²⁴ Дело в том, что незадолго до получения *Послания* от гидатлинцев и андалальцев адресанты подписали бумагу о своем подчинении Надир-шаху (Айтберов 2011: 89–91).

²⁵ Речь идет об отступлении; старо-авар. *лутуи*.

²⁶ Ибрагим-эфенди Урадинский говорит, вероятно, о добровольцах - людях смелых, решительных, но не знающих военных понятий, таких как «маневр», «коллективное движение» и т.д.

Перевод текста

Да будут над вами мир, милость Аллаха и Его благословение!
 От гидатлинских воинов послание тем, кто остались [дома].
 Да защитит нас всевышний Аллах от возможной победы врага!
 Аминь!

А далее.

Вы – те, кто остались [дома] – обязаны: во-первых, построить, точнее, оживить, крепостную стену (*сур*) селения Тидиб; во-вторых, укрыть пищевые продукты – те, по отношению к которым сделать это будет вам возможно.

Далее.

Население округа Андалал проявило *небрежность* по отношению к [нашим] врагам. Случилось же это после того, как обозначенные враги одержали победу над частью андалальцев.

Мы – находящиеся в [военном лагере] гидатлинцы – приложим теперь свои старания, если, конечно, захочет всевышний Аллах, к тому, чтобы собрать всех мусульман [-суннитов] и затянуть их затем на настоящую войну. Мы постараемся также – конечно, в меру наших сил – призвать к миру известных вам [наших] врагов. В противном случае, очередь [страдать ?] дойдет и до нас. Поэтому вы, прежде, чем делать определенный шаг, определите то место, куда будете ставить свои ноги.

Итог здесь, в общем, таков: не бойтесь врага, но при этом, издайте запреты на [общение] с ним. Да и вообще, не будьте беспечными.

Краткий комментарий к текстам Посланий

Стараниями Ибрагим-эфенди Урадинского и его товарищей, в 1741 году против иранской армии, которую возглавлял лично Надир-шах Афшар, на южных и восточных границах Аваристана было собрано несколько тысяч хорошо подготовленных аварских воинов, вместе с которыми были представители и других народностей Дагестана. Важно отметить, что во второй половине XVIII века канцелярия царей Грузии считала, что дагестанцы – представители практически всех национальностей «Страны гор», за исключением лезгин-кюринцев самурского правобережья²⁷ – могли выставить 44 тыс. бойцов, из числа которых от 14 до 15 тыс. воинов были особо агрессивны и активны. Из всей этой массы прямое участие в сражениях с Надир-шахом приняли лишь 11 тыс. воинов, писали в Санкт-Петербург из Тбилиси.²⁸ Эти данные грузинских источников близки, как нам представляется, к тому, что вытекает из иных источников, в том числе дагестанских. Нельзя здесь не отметить и того факта, что к осени 1741 г. значительная часть аварцев – мирных сельчан, горожан и профессиональных воинов – боялась победоносных иранцев. Дагестанское командование, в структуре которого одно из важнейших мест занимал *Ибрагим-эфенди Урадинский*, думало – причем до самой последней минуты, – как бы решить вопрос с иранцами в 1741 г. миром, без сражения. У них это, однако, не получилось. И, скорее всего, 12 сентября 1741 г. по линии фронта длиной в несколько десятков километров началось сражение. В нем, кстати, приняли участие войска всех аварских общин, которые названы в публикуемых здесь *Посланиях*: и гидатлинцы, и

²⁷ В этом аварском селении, по данным канцелярии Аварского ханства, датированным 1828 г., стояло 180 дворов (см. Айтберов 2012: 11, 13).

²⁸ Гамрекелли 1980: 174.

тиндинцы, и гумбетовцы, и андийцы, и ботлихцы, и унцукульцы, и андалальцы и карахцы, равно как и войска иных аварских социально-политических объединений, бок о бок с которыми сражались и другие дагестанцы.

Сам Надир-шах, вместе со своей гвардией, наступал с горного плато Турчи-даг (авар. – *Чалда-меглер*) в направлении Андалала, а точнее – против аварских населенных пунктов Обох и Мегеб, которые иранцы тогда захватили, разорили и сожгли. Затем Надир-шах, вернувшийся на Турчи-даг, направил свои наиболее подготовленные части на андалальское селение Согратль (*Сугьраль*), где находился один из главных военных лагерей дагестанцев, в котором пребывал тогда Ибрагим-эфенди Урадинский. После двухдневного ожесточенного боя, в котором приняли активное участие унцукульцы, пришедшие из глубины Грузии (из под г. Гори), иранцы начали отступать, причем в панике. Шли они в тот момент по направлению к Турчи-дагу, где стоял шатер Надир-шаха. В это время, в рамках общего плана сражения, иранцев атаковали и другие дагестанские войска. Так, например, иранцы были атакованы в горной местности над аварским селением Чох (*Чухь*).

Надир-шах, разгневанный поражением своей армии и наблюдая, как войска Аварского ханства приближаются к лагерю отступивших из-под селения Согратль иранцев, решил, по своему обычаю, вызвать на поединок любого из дагестанцев. Из рядов элитных аварцев, во главе которых стоял тогда известный горский военачальник лакец Муртазали Казикумухский, выступил свободный воин (*озден*) родом из Хунзаха (по местному хунзахскому преданию, звали его Хаджимахама Корголилав). В поединке Надир-шах лишился своей сабли – индийского трофея, вывезенного из дворца Великих Моголов в Дели. Данная сабля хранится сейчас в Дагестанском государственном музее, как приобретение довоенных лет, купленное тогда у одного из хунзахцев, к предкам которого попала она после разорения сокровищницы ханов Аваристана в 1834г., во время утверждения там власти имама Хамзата.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Айтберов, Т.М. (1996), *История войн аварцев Закавказья*, Махачкала.
— (2011), *Надир-шах Афшар и дагестанцы в 1741 г.*, Махачкала.
— (2012), *Ибрахим-хаджи Урадинский: новые страницы биографии*, Махачкала.
Бакиханов, А. (1926), *Гюлистан-Ирам*, Баку.
Гаджиев, В.Г. (1996), *Разгром Надир-шаха в Дагестане*, Махачкала.
— (1967), *История Дагестана*, Т. I, Москва.
Гамрекели, В.Н. (1980), *Межкавказские политические и торговые связи Восточной Грузии: конец 60-х—начало 90-х годов XVIII в.*, Тбилиси.
Сотавов, Н.А. (1991), *Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в.*, М.
Хашаев, Х.-М. (1961), *Общественный строй Дагестана в XIX в.*, М.

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ГЮЛИСТАНСКОГО (1813 г.) И ТУРКМАНЧАЙСКОГО (1828 г.) РУССКО-ИРАНСКИХ МИРНЫХ ДОГОВОРОВ

Марина Имашева

Казанский (Поволжский) Федеральный университет, Казань

Abstract

The article discusses the trade and economic aspects of the Treaties of Gulistan and Turkmenchay. The author argues that these international legislative acts were supposed to secure the most favoured nation principle for Russia in its trade with Iran. They ultimately helped Russia to expand its economic and political influence in the region, as well as to optimise the initial stage of the industrial revolution in the country.

Keywords: *Treaty of Gulistan, Treaty of Turkmenchay, Trade Relations, Trade Duties, Merchants, Economic Interests*

Аннотация

В работе рассматриваются статьи Гюлистанского и Туркманайского мирных договоров между Россией и Персией, которые касаются торгово-экономических отношений между двумя странами. На основе их анализа автор доказывает, что международные законодательные акты были призваны создать режим наибольшего благоприятствования для развития российской торговли на иранском направлении и, в конечном итоге, способствовали расширению сферы экономического и политического влияния России в регионе, а также оптимизации начальной стадии промышленной революции в стране.

Ключевые слова: *Гюлистанский договор, Туркманчайский договор, торговые отношения, торговые пошлины, купечество, экономические интересы.*

Вопрос о доминировании России на иранском внутреннем рынке скрывался под обстоятельствами политического и стратегического характера (Георгиев 1975: 6), приведшими к вооруженному столкновению между Россией и Персией в начале XIX века. Войны с Персией и их результаты (мирные и торговые договоры России с Ираном, заключенные в 1813 и 1828 гг.) были лишь небольшой частицей того «русского разлива», который шел параллельно с ростом русской промышленности в начале XIX века (Булгарин 1826: 225-246; Карпов 1928: 162).

Вступив в стадию промышленной революции, Россия остро нуждалась в выгодных рынках сбыта для своих товаров и в рынках дешевого сырья для мануфактурной промышленности. На протяжении многих столетий Иран являлся одним из основных торговых партнеров России. Поэтому не случайно, что в рамках решения политических проблем, которые были призваны решить мирные договоры между двумя странами, затрагивались и вопросы экономического характера.

Россия, выиграв обе войны, могла, в определенной степени, позволить себе диктовать условия. Но, тем не менее, учитывались и интересы страны-контрагента.

Нельзя было, в частности, игнорировать тот факт, что в русско-иранской торговле на Каспии, начиная с 1790-х гг., уверенно доминировали персидские купцы, потеснив позиции русского и армянского купечества на этом направлении (Имашева 2010: 154).

Торгово-политические тенденции русского правительства в отношении Персии в момент заключения договора между Персией и Россией можно уяснить из директив, изложенных в письме гр. Румянцева к ген. Ртищеву от 7 апреля 1812 года:

«... 5) выговорить единственное владычество российскому флагу на Каспийском море.

9) О торговых сношениях нужно выговорить все, что может послужить к обоюдной пользе, но с наблюдением, чтобы ничего не было в нарушении коренных наших узаконений в рассуждении купечества и торгога» (АКАК, т. V: 650).

Гюлистанский договор о вечном мире и дружбе (Юзефович 1869: 208) был заключен 12 (24) октября 1813 года и вступил в силу после обмена ратификациями 15 сентября 1814 года. Статья 5 этого договора превращала Каспийское море во внутреннее российское озеро. Собственно торговым взаимоотношениям в договоре посвящены статьи 8, 9 и 10, построенные на взаимности и равенстве обеих сторон. Статьи 8 и ст. 9 устанавливали общий порядок и свободу товарообмена между Россией и Персией и обещали взаимное покровительство купцам.

Кроме того, статья 9 определяла ввозные и вывозные пошлины обоих государств в размере 5% с цены товаров, переходящих границу, причем, как обычно в ту эпоху, размер фиксированных пошлин был связан не с происхождением товара, а с принадлежностью его гражданам другой страны.

В результате заключения Гюлистанского мирного договора укрепилось политическое и экономическое влияние царизма в Закавказье, через которое Россия начинает активно развивать отношения с Ираном. Все же главные результаты Гюлистанского мира просматривались не в экономической, а в политической области. Победа России над Ираном явилась сильным ударом по планам Англии и Франции, стремившихся превратить Иран в плацдарм для проникновения на Кавказ и в Среднюю Азию (Абдуллаев 1965: 12).

Мирный трактат 1813 г. о взаимоотношениях двух соседних стран, казалось бы, заложил юридические основы для дальнейшего плодотворного развития двухсторонних экономических связей. Однако историческая практика не претворила в жизнь некоторые важные пункты из общего комплекса принятого договора. Прежде всего, 5% пошлины на деле не применялись в торговле между обеими странами. Вплоть до 1822 г. продолжал действовать Астраханский тариф

1755 г., по которому со всех товаров (за исключением иранского шелка-сырца) брались 23% пошлины в таможенных и портах Каспийского моря (Зоннештраль-Пискорский 1931: 124; Семенов 1859:166-167).

Российское правительство и министерство финансов не были удовлетворены Гюлистанским договором и указывали на необходимость в будущем договоре с Персией внести ряд усовершенствований (АКАК, т. VI, ч. 2: 118-119; Бушуев 1955: 84). Он был подписан в ночь с 9 на 10 февраля старого стиля (22 февраля по н.ст.) 1828 г. Петербургским правительством Туркманчайский договор был ратифицирован 20 марта 1828 г. Шах подписал его 3 июня 1828 г. (Зоннештраль-Пискорский 1931: 128).

Своим содержанием Туркманчайский договор, по словам современников «поразил дипломатов, точно удар дубиной» (Шильдер 1903: 92). Сильное впечатление дипломатов вполне соответствовало громадному значению этого события, Туркманчайскому трактату суждено было стать осью всей договорной системы Ирана вплоть до I Мировой войны (Зоннештраль-Пискорский 1931: 130).

Основными документами Туркманчайского договора (Полное собрание законов Российской Империи (*далее* - ПСЗ РИ) № № 1794,1795; Юзефович 1869: 214 Сборник торговых договоров... 1915: 432-442; Овчинников 1901: 61-67, 507-513 Сборник действующих трактатов... 1889: 41-46, 284-289; Эйхельман 1887: 372-382 Ключников, Сабанин 1925: 140-141; Ивановский 1890: 471-480; Александренко 1906 144-154; Грацианский 1877: 154-160) являются мирный трактат, содержащий 14 статей, и особый дополнительный акт, заключающий в себе 9 статей. Статья 10 Мирного Договора в первой своей части указывала на выделение всех постановлений торгово-политического характера в отдельную конвенцию составлявшую интегральную часть всего договора в целом. Этот отдельный документ был назван *Особым Актом о Торговле* и представлял собою, в сущности договор о торговле и о поселении.

Статья 8 Мирного трактата 1828 г. определяла права плаванья российских и персидских судов на Каспийском море и представляла собою почти точное воспроизведение статьи 5 Гюлистанского договора (Тер-Гукасов 1916: 92-93).

Статья 3 Туркманчайского договора посвящена вопросам таможенного обложения. Она, прежде всего, закрепляла уровень таможенного обложения как по экспортной, так и по импортной торговле обеих сторон в размере 5% со стоимости провозимых товаров, т.е. в том же размере, который, как мы видели выше, был установлен по Гюлистанскому договору и который в дальнейшем применялся в практической действительности (ПСЗ РИ, собр.2, т. 4, №2606).

5% пошлина была подтверждена и в императорском Указе 20 января 1827 г., т.е. еще во время активных военных действий между Россией и Персией. Согласно тексту документа, «для поддержания торговли в Закавказском крае и в губерниях, лежащих между Черным и Каспийским морями», было велено «с персидских товаров, провозимых в Грузию и к портам Астраханского таможенного округа, российскими или персидскими подданными, взимать впредь до времени по 5% с цены, не подвергая никакой дополнительной пошлине при ввозе оных из Грузии в Россию» (ПСЗ РИ, собр.2, т.2, №831).

Далее устанавливалось глубокое различие между товарами, ввозимыми купцами российскими в Иран, и товарами, ввозимыми в Россию персидскими купцами, хотя ввозные и вывозные пошлины в обоих случаях составляли 5% со стоимости товара. Первые уплачивали эту пошлину вне зависимости, откуда они доставляли свой товар в Персию или куда везли товар персидский. Следовательно, такому же обложению подлежали провенансы третьих стран, и товары персидские, реэкспортом которых в третьи страны не занимались. Эта привилегия, приобретенная по Туркманчайскому договору русскими купцами, впоследствии сыграла отрицательную роль в отношении русской промышленности, так как право на пятипроцентное обложение независимо от страны производителя товара, при условии его принадлежности русскому подданному, приводила к тому, что этот последний нередко предпочитал ввозить в Иран товары не российские, а западноевропейские.

Иначе обстояло дело с купцами персидскими, которые уплачивали в указанном размере таможенную пошлину только с товаров России, привозимых в Иран, и с произведений Ирана, отправляемых в Россию.

Проблемы транзита затронуты в статьях 1 и 4 Туркманчайского договора, однако четкой трактовки этот вопрос в тексте не получил, поскольку в нем отражены только интересы России. Статья 1 предусматривает только свободный транзит русских купцов через Персию и ничего не говорит о подобном же праве персидских купцов провозить принадлежащие им товары через Россию в том или ином направлении. Вопросы о транзитных пошлинах указанные статьи совершенно не затрагивают. Наконец, статья 4 говорит о праве транзитной торговли одной из сторон через территорию другой стороны с третьим государством, находящимся в состоянии войны со второй страной.

Туркманчайский договор был пополнен конвенцией 1844 года. Заключенная в развитие 14 статьи Туркманчайского трактата, конвенция от 3 июля 1844 г. (ПСЗ РИ, собр.1, т.19, №18242; Собрание трактатов... 1845: 150) была посвящена вопросу об обязательном наличии у граждан другой страны паспортов и

особого разрешения своего правительства на переход границы при передвижении из одной страны в другую.

Конвенция эта имела более серьезное значение, чем это могло бы показаться на первый взгляд, так как статья 1 данной конвенции на практике толковалась как запрещение персидским гражданам переходить в русское подданство без разрешения своего правительства.

Данное постановление было напрямую связано с желанием персидского правительства удержать своих подданных от этого шага, вызванного наличием преимуществ, которыми пользовались в Иране граждане России по Туркманчайскому трактату.

В результате, после ратификации статей Гюлистанского и Туркманчайского договоров был создан экономически выгодный для обеих стран режим, о чем свидетельствует долговечность этих соглашений (до 1917 г.) и объемы торговых отношений между двумя странами в последующие десятилетия.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абдуллаев Ф. (1965), *Из истории русско-иранских отношений и английской политики в Иране в начале XIX в.*, Автореф. дисс. канд. истор. наук, Ташкент.
- АКАК (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией), т. V, Тифлис, 1873.
- АКАК, т. VI, ч. 2, Тифлис. 1875.
- Александренко В.Н. (1906), *Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (1774-1906)*, Варшава.
- Булгарин Ф. (1826), *«Рецензия на Путешествие из Оренбурга в Бухару в 1820 г. полковника барона Мейендорфа»*, Северный Архив, ч.22, №№14-15: 225-246;
- Карпов Н. (1928), *Экономика современной Персии*, Тифлис.
- Бушуев С.К. (1955), *Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20-70-е гг. XIX в.)*, Москва.
- Георгиев В.А. (1975), *Внешняя политика России на Ближнем Востоке в к.30-н.40-х гг. XIX в.*, Москва.
- Грацианский И. (1877), *Собрание ныне действующих торговых трактатов России с иностранными государствами*, Санкт-Петербург.
- Зоннештраль-Пискорский А.А. (1931), *Международные торговые отношения Персии*, М.;
- Семенов А. (1859), *Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности*, ч.1, Санкт-Петербург.
- Ивановский И. (1890), *Собрание действующих договоров, заключенных Россией с иностранными державами*, т.1, ч.1, Одесса.
- Имашева М.М. (2010), *Вопросы русско-азиатской торговли через Астрахань в первой половине XIX века*, Саратов.
- Ключников Ю, Сабанин А. (1925), *Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях*, ч.1, Москва.

- Овчинников И.А. (1901), *Сборник действующих трактатов, конвенций и других международных актов, имеющих отношение к военному мореплаванию*, Санкт-Петербург.
- Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами и касающихся вопросов частного международного права*, Санкт-Петербург, 1889: 41-46, 284-289.
- Сборник торговых договоров и других вытекающих из них соглашений, заключенных между Россией и иностранными государствами*, 6, Петроград, 1915: 432-442.
- Собрание трактатов, конвенций и других актов, заключенных Россией с Европейскими и Азиатскими державами, а также с Северо-Американскими соединенными штатами (1845)*, Санкт-Петербург.
- Тер-Гукасов Г. (1916), *Политические и экономические интересы России в Персии*, Петроград.
- Шильдер Н.К. (1903), *Император Николай I, его жизнь и царствование*, т. II, Санкт-Петербург.
- Эйхельман О. (1887), *Хрестоматия русского международного права*, ч. I, Киев.
- Юзефович Т. (1869), *Договоры России с Востоком (политические и торговые)*, Санкт-Петербург.

ИЗ ИСТОРИИ АРМЯНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ В АЛАЗАНСКОЙ ДОЛИНЕ (СЕЛЕНИЕ БАСИНДЖАГ И СУДЬБЫ ЕГО ЖИТЕЛЕЙ)

Шахбан Хапизов

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала

Abstract

This article discusses the history of a medieval Armenian settlement in the valley of the Alazani River. Its first attestation dates back to the 17th century, when it was part of the Kakhetian kingdom. At the beginning of the XVIII century, Basinjag was burned, and its inhabitants were moved to several settlements on the left bank of the Alazani river, which was then part of the so-called Jar Republic and Elislu sultanate. Part of the Basinjagi Armenians have by now been assimilated among the Azerbaijanis (the village of Verkhoviani/Bahmatli of the Zakatala district of Azerbaijan), while some settled in Georgian Sighnaghi and preserved their ethnic identity.

Keywords: *Kakheti, Armenians, Assimilation, Basinjag, Jar Republic*

Аннотация

В данной статье прослежена судьба средневекового армянского поселения в долине реки Алазани. Первые упоминания о нем датируются XVII в., когда оно входило в состав Кахетинского царства. В начале XVIII в. Басинджаг был сожжен, а его жители – расселены по нескольким населенным пунктам левобережья Алазани, входившего в состав т.н. Джарской республики и Елисуйского султанства. Часть басинджагских армян к настоящему времени ассимилировалась среди азербайджанцев (сел. Верхвиани/Бахматли Закаतालского района Азербайджанской Республики), а часть расселилась в грузинском Сигнахи, где сохранила этническое самосознание.

Ключевые слова: *Кахети, армяне, ассимиляция, Басинджаг, Джарская республика*

Басинджаг (авар. *Бисинжагъ*; армян. *Բազինջաղ*; груз. *ბაზობჯაღ*) – современное название местности в южной части Кахского района, где было расположено поселение, прекратившее свое существование в XVIII в.

О существовании этого населенного пункта в XVII в. говорит его упоминание Парсаданом Горгиджанидзе. Описывая маршрут охоты кахетинского царя Ростома (1650-1659 гг.) со свитой, историк пишет, что после прибытия в Кизики, т.е. на правобережье Алазани, они «остановившись там и, поохотившись в балках и лощинах, спустились к берегу Алазани и стали выше Башинджага. Через три дня царь снялся оттуда и на четвертый день охотился в Топкарагадже» (Горгиджанидзе 1990: 115).

Согласно данным исторических хроник, поселение это было разрушено в самом начале XVIII в. Согласно Е.Х. Джалаляну, сделали это джарские и елисуйские аварцы: «С этой стороны Кавказских гор, в местах, которые называются Ках, Дчар, Тала и

во многих других селениях поднялись народы, именуемые лезгинами, а во главе их стал Али-Султан, до этого по приказу шаха управлявший страной. Все они объединились, объявили себя самостоятельными, отвернулись от царя и восстали против него в 1161 г. (1712). До этого они опустошили и пленили области: Инисели, Шекинскую, Пасынджуг, Мумпарак и много других селений. Теперь же они, прибыв в село Кяндаг увели из него поголовно всех [жителей]» (Джалалян 1989: 14). О разорении указанного населенного пункта говорит и джарская хроника XVIII в.: «В 1118 г. неверные сожгли селение Джар с помощью властей области, но после того, как был занят Бисинджаг, селение армянина, неверующие, с помощью бога всевышнего, были обращены в бегство, и в руки джарцев попало много добычи» (Хроника войн Джара в XVIII 1931: 9; Хроника войн Джара в XVIII столетии 2009: 8). То есть сел. Басинджаг стало жертвой противостояния создаваемой закавказскими аварцами так называемой «Джарской республики» и царей Кахетии, чьими подданными были басиджагцы. После сожжения самого Джара, последние в отместку начали разрушать поселения, принадлежавшие правителям Кахетии.

Привлечение дополнительных источников позволяет более точно датировать разорение Басинджага. Согласно материалам Закатальской сословно-поземельной комиссии, к которым мы вернемся ниже, джарцы и елисуйцы «в 1-й день пасхи сделали набег на это селение» (ЦИАГ, Ф. 236, Оп. 2, Д. 39, Л. 44). Если учесть, что 1118 год хиджры длился с 15 апреля 1706 по 3 апреля 1707 г., а пасха в 1706 г. приходилась на 4 апреля, а в 1707 г. – на 24 апреля, то с датировкой этого события возникает некоторая путаница. На наш взгляд, событие это, скорее произошло, 24 апреля 1707 г.

До последнего времени неясность возникала и с локализацией Басинджага. Согласно примечаниям Е.А. Пахомова к тексту вышеуказанной джарской хроники: «текст изобилует географическими названиями, которые в передаче арабским письмом, в большинстве случаев без огласовок, не всегда могут быть читаемы с уверенностью и потому снабжены в переводе знаком вопроса. Селения Бисинджаг на современных картах не имеется; оно находилось, как видно из последующего, где-то близ границ джаро-белоканских земель» (Хроника войн Джара...2009: 52). Не смог локализовать Басинджаг и З.М. Буниятов – автор примечаний к «Краткой истории страны Албанской». Если области Инисели и Шекинская установить несложно: это Алибадский участок Закатальского района и Шекинский район, то два следующих названия З.М. Буниятов не смог идентифицировать: «Пасынджук и Мумпарак локализовать не удалось», также и последнее село: «Кяндак — это, вероятно, Гендоб Агдашского района Азерб. ССР» (Джалалян 1989: 14). Однако эти названия имеются на прилагаемой топографической карте 1905 г. и расположены на левом берегу Алазани, ниже впадения в нее Агри-чая, а Кяндак – это селение Кандах Закатальского района.

Фрагмент топографической карты 1905 г.

Кстати, здесь же во время предварительных разведок 1979-1980 гг., проведенных Алазанским отрядом Кабалинской археологической экспедиции в Шеки-Белоканской зоне, было отмечено большое количество разновременных памятников. На берегу Алазани, у слияния ее с Курой, собран подъемный материал эпохи поздней бронзы и раннего железа. Выяснилось, что у устья каждой реки, впадающей в Алазани, находились поселения, площадь которых, в ряде случаев, достигала 7 кв. км. Раскинуты они на холмах, компактно и часто известны под названием «Торпаг гала». Одно из них, расположенное у слияния рек Агричай и Алазани, исследовано в 1950-60 гг. Р.М. Ваидовым. На поверхности холмов алазанских поселений собрана яллойлутепинская керамика (Карахмедова 1986: 6).

Сейчас мы можем не только точно указать местоположение Басинджага, но и проследить дальнейшую судьбу его жителей после разорения. Жители разрушенного джарцами и елисуйцами селения, разделились на несколько групп. Часть жителей Басинджага бежала на территорию современного Нагорного Карабаха (Арцаха). На территории Шаумянского района в местности «Закин нахатак» у реки Инджа находится селище, на кладбище которого найдены надгробия 1741 и 1744 гг., в эпитафиях на надгробиях указано, что усопшие – басинджагцы (Карапетян 1995). Как пишет К. Каграманян: «Армянское поселение Башинджаг (Пашинджаг) с сохранившимися развалинами церкви и кладбища находится в районе Шаки, на левом берегу Куры (Карапетян 1985: 79). Есть факты, свидетельствующие о том, что часть жителей этого села составляли беженцы из Хачена и Джраберда (Бархутарянц 1895: 261). Мы считаем, что «Закин нахатак» – это именно то место, где поселился юзбаша Кара Абов¹ с несколькими приведенными с собой семьями» (Каграманян 2004: 35-36). Также в XIX в. зафиксировано наличие басинджагцев среди сигнахских армян. Сделано это благодаря наличию среди сигнахцев армянской

¹ По преданиям, основатель карабахского меликства Гюлистан, переселившийся с 7 семьями из сел. Нидж в сел. Талыш возле монастыря Орех. Умер в 1632 г. и похоронен около указанного монастыря.

фамилии Башинджагян, один из представителей которой (Геворк Захарович, 1857 г.р.) стал известным армянским живописцем (среди наиболее известных его картин – «Алазанская долина», 1902). Рассуждая о происхождении сигнахских басинджагцев, необходимо иметь в виду и то, что в течение XVIII в. из Карабаха в Сигнах и вообще на территорию Грузии мигрировало много армян, среди которых могли оказаться и потомки басинджагцев. Однако не исключено и то, что малая часть басинджагцев могла напрямую из родного селения бежать в Сигнахи.

Большая часть басинджагцев была, впрочем, пленена организаторами разрушения этого села и расселена в пределах своих владений. Как рассказали членам ЗСПК в сел. Котуклу (ныне Кахский район АР): *«По преданию, селение это населяли армяне. Откуда они пришли и когда – неизвестно. Существует предание, что первые поселенцы были пленные с селения Басынджа, бывшее на Сарыджге, над Алазанью. Лезгины джарские и здеиные Елисуйские в 1-й день пасхи сделали набег на это селение, и пленных джарцы поселили в Верхияне, а Елисуйские беки – здесь. Потом к этим поселенцам присоединились несколько семейств ингелойцев из Баглара и Каха. Судя по двум кладбищам... около селения, видно, что число первых поселенцев (т.е. армян – Х.Ш.) было значительнее»* (ЦИАГ, Ф. 236, Оп. 2, Д. 39, Л. 44). Басинджагцы, судя по всему, в 1845 г. переехали из султанства в Нуху: *«Через год после бегства султана им удалось выбраться, и они все отправились в Нухинский уезд, осталось здесь только 6 дымов ингелойцев»* (там же). Если елисуйские басинджагцы, в конце концов, бежали в Нухинский уезд, а оттуда в 1920-х гг. ушли в Грузию и Армению, то «джарские» басинджагцы остались на территории современного Закатальского района и стали в этническом плане уже азербайджанцами. Согласно представлениям местных грузин-мусульман, часто называемых ингилойцами, 80% жителей сел. Верхвиани (в 1992 г. переименовано в Vəhmətli) Закатальского района являются по происхождению грузинами, а 20% – армянами (Бурджаев, Исаев, Алибегов 2003: 27). При этом, армяне эти считаются потомками поселенных здесь якобы в 1808 году (правильнее – в 1708 г.) «армян численностью до 20 семей, уцелевших после погрома джарцами Басинджага» (там же: 29). Необходимо напомнить, что жители Верхвиани (груз. – «осиновое») вплоть до рубежа XIX-XX вв. сохраняли в массе своей грузинский язык и самосознание, хотя и были мусульманами. В XIX в. предпринимались попытки вернуть их в христианство, но успеха они не имели. Есть интересное свидетельство того, что жители Верхвиани, наряду с грузинским, сохраняли и армянское самосознание. Согласно докладной записке о состоянии Закатальского округа в 1855 г. в селе «Верхиян», из 142 дворов мусульман приняли христианство «по обряду армяно-григорианскому» 7 хозяйств, в то время как в других селениях крещенные ингилойцы переходили все без исключения в православие (ЦИАГ, Ф. 1585, Оп. 1, Д. 13, Л. 44об). В 1860-70-х гг. большая часть крещенных грузин-ингилойцев снова стали мусульманами, их примеру последовали и верхвианцы.

Интересно, что еще до включения Елисуйского султанства в состав Российской империи, его правители имели планы по восстановлению сел. Басинджаг, однако, им так и не суждено было осуществиться. Среди документов, оставленных Даниял-беком

при уходе в горы в 1844 г., было найдено недатированное «Предписание Магомед хана Ахмед хану о сборе армян на свое место Баскинджа и о водворении их» в этом месте (ЦИАГ, Ф. 2, Оп. 2, Д. 1411, Л. 5об).

После разрушения в начале XVIII в., Басинджаг уже не имел постоянного населения, хотя здесь располагались зимние стойбища и временные поселения елисейцев и частично выходцев из Горного магала. Зимой 1926 г. в местности «Баскинджах» проживало 6 пастухов, осевших в зимнем стойбище. Также упоминается местность «Багкинджах», где жило 8 пастухов (Список населенных мест Азербайджана по данным переписи 1926 г.). В этническом плане пастухи были представлены как дагестанцами, так и азербайджанцами.

БИБЛИОГРАФИЯ

- «Список населенных мест Азербайджана по данным переписи 1926 г. АзЦСУ», *Рукописный фонд ИИАЭ*, Ф. 1, Оп. 1, №482.
- Бархутарянц М. (1895), *Арцах*, Баку.
- Бурджаев Т. (Асистиавишвили), Исаев С. (Датунашвили), Алибегов Б. (Моуравишвили) (2003), *Трагедия грузин-ингилойцев*, Тбилиси.
- Горкиджанидзе Парсадан (1990), *История Грузии*, (пер. Р.К. Кикнадзе, В.С. Пугуридзе, исслед. и указ. Р.К. Кикнадзе), Тбилиси.
- Джалалян Есаи Хасан (1989), *Краткая история страны Албанской (1702-1722 гг.)*, (пер. Т.И. Тер-Григоряна, пред. и изд. З.М. Бунятова), Баку.
- Каграманян К. (2004), *Книга очага: земля зовет*, Ереван.
- Карапетян С. (1985), «Исторический Хошкашен и его памятники», *Лрабер (Вестник)*, №10, Ереван.
- Карапетян С. (1995), «Селище Пашинджаг, имя которого стоит помнить», *Газета «Айастан Иранпетутюн»* (12.08. 1995), Ереван.
- Карахмедова А. А. (1986), *Христианские памятники Кавказской Албании (Алазанская долина)*, Баку.
- Хроника войн Джара в XVIII столетии* (2009), (комм. А. Дибирова), Махачкала.
- Хроника войн Джара в XVIII столетии* (1931), (пер. П.К. Жузе, прим. Е.А. Пахомов, пред. В. Хулуфлу), Баку.
- Центральный исторический архив Грузии (ЦИАГ), Ф. 236, Оп. 2, Д. 39, Л. 44.
- ЦИАГ, Ф. 1585, Оп. 1, Д. 13, Л. 44об.
- ЦИАГ, Ф. 2, Оп. 2, Д. 1411, Л. 5об.

ГЕНЕРАЛ АЛЕКСАНДР РОМЬЕ – ПЕРВЫЙ ЭМИССАР НАПОЛЕОНА В ПЕРСИИ (1805)

(По французским архивным материалам)

Ирина Начкебия

Институт востоковедения им. Г. Церетели, Тбилиси
Государственный университет им. Ильи Чавчавадзе, Тбилиси

Abstract

This article focuses on the mission of Alexander Romieu, sent in 1805 by Napoleon to Persia with the aim to clarify the capabilities of this country in the context of the Indian expedition. Having overcome all the difficulties of travel, Romieu reached Teheran on September 24, 1805. He was warmly received by Fath-Ali Shah, but on October 12 of the same year he died. According to archival materials, he fell a victim to British conspiracy.

An important document of Romieu's mission is his letter addressed to Minister Talleyrand. This manuscript, kept in the archives of the Ministry of Foreign Affairs of France, consists of 2 parts: the first contains a full report of the talks held in Tehran, and the second deals directly with the information about Persia. Noting the exceptional weakness of the Persian army, Romieu presented Persia as an unreliable political and military partner. According to the French historian Lefebvre de Bekur (1839), Napoleon never received the letter about the mission of Romieu, which cost him his life.

Keywords: French-Persian Relations, Napoleon, Fath-Ali Shah, Letter of Romieu, Persian Militia

Аннотация

В статье рассмотрена миссия генерала Александра Ромье, направленного в 1805 годы Наполеоном в Персию с целью ознакомления с возможностями этой страны в контексте индийской экспедиции. Преодолев все трудности путешествия, Ромье добрался до Тегерана 24 сентября 1805 года, был благосклонно принят Фатх Али шахом, но скончался 12 октября того же года. По данным архивных материалов, он пал жертвой политического заговора, инспирированного англичанами. Важным документом для анализа миссии Ромье является его письмо министру Талейрану. Рукопись состоит из 2-х частей: первая содержит полный отчет проведенных им в Тегеране переговоров, а вторая касается непосредственно сведений о Персии. Отмечая исключительную слабость персидской армии, французский офицер тем самым представил Персию ненадежным политическим и военным партнером. Исключительно дальновидно составленное письмо свидетельствует о его высоком профессионализме и хорошей осведомленности. По мнению Лефевра де Бекур (1839), Наполеону не было представлено письмо о миссии Ромье, стоившей ему жизни.

Ключевые слова: французско-персидские отношения, Наполеон, Фатх-Али шах, письмо Александра Ромье, персидское ополчение

“Большой восточный проект Наполеона”. В начале XIX века одним из ключевых вопросов восточной политики Наполеона был план сухопутного похода на Индийские владения англичан, в котором Персии была отведена функция стратегического

союзника. К этому времени между Францией и Персией уже давно были прерваны как дипломатические отношения, так и торговые связи. Поэтому, в октябре 1803 года Наполеон поручил комиссарам коммерческих отношений Франции в Багдаде и Алеппо – Жану-Франсуа-Ксавье Руссо¹ и Алессандро де Коранчези² – собрать точные сведения о Персии и разведать отношение тегеранского двора к Франции. Согласно информации, полученной Ж.-Ф. Руссо от исфаханского шейх-ул-ислама Мирзы Мортезы, Фатх-Али шах был положительно настроен к восстановлению франко-персидских отношений (AMFAE, CP/Perse, vol. 8, doc. 64, fol. 182r-189v). Эти события совпали с подготовкой третьей коалиции против Франции и первой Русско-персидской войной 1804-1813 годов. Война затягивалась, так как Россия, вступившая в антифранцузскую коалицию не могла посылать на Кавказ значительный военный контингент, а Персия не была в состоянии изгнать российскую армию; Фатх-Али шах потерял надежду на поддержку англичан – своих соседей в Индии. По совету Тавризского бегларбега Ахмед Хана, а также Давида, Католикоса Эчмиадзина, он написал письмо Наполеону, предлагая ему совместный поход против России и прося о посылке в Персию военных инструкторов для обучения своего войска на европейский лад (AMFAE, MD/Perse, vol. 7, 41, fol. 108r; Tancoigne, 1819: I, 130; Gardane, 1865: 13; Dumas, 1815: 31; Dehérain, 1930: vol. II, 28-29).

Получив письмо Фатх-али шаха в январе 1805 года, Наполеон решил срочно послать в Тегеран агента. Персия, таким образом, на несколько лет включилась в “Большой восточный проект” Наполеона – термин, которым французский историк Лефевр де Бекур (1839) обозначил план похода на Индию. Впоследствии этим термином воспользовался и известный французский историк Эдуард Дрию (AMFAE, MD/Perse, vol. 8, doc. 25, fol. 234r; Driault, 1912: 82).

Миссия Александра Ромье в Персии. Несмотря на заслугу Ж.-Ф. Руссо в подготовке почвы для Французско-персидских отношений, 7 марта 1805 года император послал в Персию владеющего восточными языками своего личного секретаря-переводчика Амедя Жобера.³ Эта миссия была столь засекречена, что даже семья Жобера ничего не знала о его поездке (Amini, 1995: 71-72). После его отъезда, Наполеон, желающий срочно и подробно узнать о состоянии Персии, почти аналогичную миссию поручил 41-летнему Александру-Антуану Ромье.⁴ Он, как и

¹ Жан-Франсуа-Ксавье Руссо (1738-1808) – известный французский дипломат и видный востоковед, рожденный и воспитанный в Персии, в Джульфе. Его отец, часовщик-ювелир Жак Руссо (1679-1753), прибыл в Персию в 1705 году вместе с посольством Луи XIV к шаху Солтану Хуссейну, остался в этой стране, женился на армянке и стал придворным ювелиром Сефевидов и Надир шаха (Pluchet, 2014: 28).

² По образованию математик, Алесандро-Луиджи де Коранчези сопровождал Бонапарта в Египте, был генеральным консулом в Алжире, где снискал большое уважение (Gafarel, 1908: 391-392).

³ Амедя Жобер (1779-1847) – офицер почетного легиона, впоследствии видный востоковед, дипломат, государственный деятель и пэр Франции.

⁴ Антуан-Александр Ромье де Сегюр (1764-1805) – офицер национальной гвардии Ниона; в 1791 году был членом директории этого же округа, а в 1792-1793 годах – департамента Дрома. В 1798 году он – уже адъютант-генерал (l'adjutant-général) и начальник бригады (chef de brigade). В 1800

Амедей Жобер, должен был добыть информацию о состоянии Персии, характере шаха и министров. Как профессиональный военный он должен был детально изучить военные возможности Персии, уровень подготовки персидских офицеров, разведать побережье Аракса до русской границы, собрать информацию об опасности угрожающей Персии извне, о населении в этой пограничной зоне и планах России в отношении них (AMFAE, MD/Perse, vol. 8, doc. 2, fol. 45r; AMFAE, CP/Perse, vol. 8, doc. 25, fol. 238r; Amini, 1995: 79; Gotteri, 1993: №468, 412-413). Александр Ромье выехал из Парижа в начале апреля; в мае 1805 года и он и Жобер одновременно находились в Константинополе, но из этого города выехали в разное время по разным маршрутам и больше никогда не встречались друг с другом.

Несмотря на принятые меры, от русских и английских агентов не скрылось появление в Константинополе двух французов, что их весьма встревожило. Согласно неопровержимым сведениям русской разведки (26.07.1805), за Жобером, ехавшим в Персию, по другому маршруту следовал еще один эмиссар, Ромье. Оба француза упоминались как влиятельные лица при дворе Наполеона и профессионалы своего дела. Было отмечено, что они везли в Персию большие суммы денег с целью использования против России; предполагалось, что при напряженных отношениях между Россией и Персией французы могли без труда склонить шаха к походу на Грузию (Акты, 1868: II, д. 1743, с. 841; д. 1803, сс. 882-883).

В средних числах августа Александр Ромье выехал из Константинополя в Персию, до Скутари его проводил даргоман Французского посольства в Константинополе Антуан Франкини.⁵ Ромье был снабжен фирманом до Алеппо, имел при себе оригиналы и переводы писем Наполеона и Талейрана, предназначенные Фатх-Али шаху, и два письма Великого визиря Османской империи,⁶ адресованные пашам Алеппо и Багдада. В качестве переводчика до Алеппо его сопровождал солдат, участник Египетской экспедиции, претендовавший на знание турецкого языка.

Ромье прибыл в Алеппо 15 июля 1805 года. Согласно указам Талейрана, его сопровождение в Персию предписывалось сыну Багдадского консула Ж.-Ф. Руссо – Жозефу, назначенному к тому времени комиссаром торговых отношений в Басре. Однако отец и сын Руссо не повиновались приказу министра, хотя Ромье предоставил Руссо-сыну десятидневный срок для подготовки, но тот не желал ехать в течение нескольких месяцев из-за опасного пути и личных дел. Руссо-отец тоже не пожелал отъезда своего сына всего лишь в качестве переводчика. С целью оправдания

году Первый консул присвоил ему звание бригадного генерала и вручил Южную армию, а в 1801-1803 годах, по рекомендации генерала Мортье, первый консул назначил его в Корфу в качестве генерального комиссара коммерческих отношений. По ходатайству Маршала Империи Бернадота, 13 июня 1804 года Александр Ромье стал офицером Почетного легиона (AN, Légion d'Honneur, 2278/13, n. 878, fol. 6; Gotteri: 1993, № 468, 412-413).

⁵ Драгоманы братья Эжен и Антуан Франкини в 1798 году поступили на дипломатическую службу Франции в Константинополе (Dehéain, 1938: 10).

⁶ 6. Имеется ввиду Хафиз Исмаил-паша (1757-1807) – Великий визирь Османской империи в 1804-1807 годах.

неповиновения министерскому указу, в письме Талейрану Руссо сослался на свой преклонный возраст, работу, порученную ему министром над сочинением о Персии,⁷ и слабое здоровье своего сына. Переводчиком Ромье отец-Руссо приставил свояка Руссо-сына – Жоржа Утрея, сына обосновавшегося в Багдаде врача, Кристофа Утрея. Так как Жорж Утрей временно оставлял свои торговые дела, с целью компенсации Руссо-отец обещал ему заплатить 4,000 пиастров, а в случае успеха миссии – место драгомана в Багдаде. Сверх того, Ж.-Ф. Руссо заплатил ему 2,000, а Ромье – 3,500 пиастров. Руссо-отец предупреждал генерала об опасности пути и советовал подождать (Gotteri, 1993: № 469, 514-518), но французский офицер не учел его советов – он спешил выполнить задание императора, и ему пришлось перенести много трудностей в пути.

Английские резиденты, подозревая, что целью миссии Ромье является склонение шаха на поход в Индию, были весьма встревожены. Английский агент в Алеппо Эдуард Баркер и его брат Джон Баркер, английский консул Антиохии, составили план убийства генерала, приставив к нему убийцу. Об этом намерении англичан узнал Алессандро де Коранчези и успел вовремя предупредить Ромье, который соблюдая все соответствующие меры, сам устроил засаду приставленному убийце и убил его. В багаже убийцы нашли письмо на турецком языке, согласно которому Эдуард Баркер поручал начальнику ружейников Мосула, Султану-Аге, убить Ромье и обещал ему вознаграждение в 5000 пиастров (AMFAE, MD/Perse, vol. 8, doc. 2, fol. 44r; AMFAE, CP/Perse, vol. 9: doc. 15, fol. 25r-25v-26r; doc. 21, fol. 41r-42r). Это событие получило столь широкую огласку, и ситуация была столь напряженной, что этот вопрос вышел за рамки дипломатических отношений и переместился на страницы французской прессы (AMFAE, CP/Perse, vol. 9, doc. 16, fol. 26r-30v; *Le Moniteur*, 142, 22.05.1806).

Русские не теряли надежды на задержание Ромье. 13 августа 1805 года князь Цицианов поручил Хойскому хану Джафару Кули, желающему покровительства России, поставить на посты надежных людей, задержать француза, привезти его, “не потеряв не одной его бумаги”, в Бамбак. Русскими агентами маршрут Ромье был установлен позже: министр Чарторыжский сообщал Цицианову (8.09.1805), что француз ехал в Персию через Алеппо. Русские, которых очень тревожила цель миссии Ромье, потеряли надежду на его задержание в пути и для его устранения обратились к другому способу: во избежание какой-либо неприятности со стороны Персии, иного пути, кроме щедрого подкупа в широком смысле этого слова, не существовало, и выделенная Цицианову сумма, 2200 рублей, предназначалась для устранения Ромье (Акты, 1868: II, д. 1788, с. 866; д. 1809, сс. 886-887). Таким образом, для убийства

⁷ Хотя Жан-Франсуа Руссо писал Талейрану, что, согласно требованию последнего, он был занят работой над сведениями о Персии, а с целью продвижения на дипломатическом поприще своего сына Жозефа как знатока Востока, представил его единственным автором *Tableau général de la Perse moderne ou mémoire géographique, historique et politique sur la situation actuelle de cet Empire* (AMFAE, MD/Perse, vol. 6, doc. 19, fol. 70r-169r).

наполеоновского эмиссара и англичане, и русские обращались к одной и той же схеме – убийству и подкупу.

В то время, когда Амеде Жобер был брошен в темницу Баязетской крепости,⁸ через Урфу, Диарбакир, Мардин, Мосул, Керманшах и Казвин 24 сентября 1805 года Александр Ромье прибыл в Тегеран, где вскоре, 12 октября, он скончался.

Официальное письмо о смерти Александра Ромье, адресованное Талейрану, было послано в ноябре 1805 года от имени Мирза Реза Кули. В письме отмечалось, что в Тегеране Ромье заболел, его лечение оказалось тщетным, 12 октября 1805 года “он покинул этот преходящий мир”, “его останки предали земле с большим уважением и соблюдением всех правил христианской религии”. (AMFAE, CP, Perse, vol. 17, fol. 36r-37r). Кристоф Утрей, отец чудесным образом выжившего драгомана Жоржа Утрея, сообщал Талейрану, что по приказу шаха Ромье был похоронен с большими почестями, “каждому христианину и священнику, находящемуся в Тегеране, шах подарил по 200 пиастров. На похоронах присутствовали многие знатные лица шахского двора, в том числе и даруга. Ромье были оказаны почести, достойные вельмож. На его кладбище шах воздвиг мавзолей на личные средства” (AMFAE, CP/Perse, vol. 8, doc. 169, fol. 422v). Аккредитованные в то время в Османской империи французские консулы в смерти Ромье обвиняли англичан и подкупленных ими персидских ханов.⁹

Письмо Александра Ромье. Перед смертью генерал Ромье успел написать отчет о своей миссии. Этот недатированный документ под названием “Копия письма

⁸ Амеде Жобера и его спутников 5 июля 1805 года по приказу Баязетского паши Махмуда бросили в темницу Баязетской крепости, где он провел 8 месяцев (5.05.1805 – 14.03.1806). Свое освобождение он приписывал блестящей победе Французской армии под Аустерлицем 2 декабря 1805 года (AN, AF IV, 1686, doc. 16).

⁹ В донесении Талейрану (12.01.1806) Алессандро де Коранчези писал: «Это несомненно результат заговора англичан... (...) Деньги всемогущи на Востоке. Последнее посольство Англии оставило в Персии несметное богатство. Корыстные изменники – персидские министры, несомненно, были первыми, предавшими интересы своей страны и принесли в жертву отраве жизнь призванного Фатх-Али шахом офицера» (AMFAE, CP/Perse, vol. 9, doc. 8, fol. 13r). Жан-Франсуа Руссо, сторонник похода на Индию, в письме к Талейрану так выразил свою позицию в связи с кончиной Ромье: «Я не мог представить, что у англичан могло быть столько сторонников при дворе Фатх-Али шаха; по слухам, распространенным в Багдаде и Алеппо, Ромье был отравлен» (AMFAE, CP/Perse, vol. 9, doc. 10, fol. 18r-19v). Позиция Руссо вызывает определенное удивление, так как он, проживший всю жизнь на Востоке, хорошо был знаком с методами английских агентов по отношению к французам: еще в 1798 году первой заботой английского консула в Багдаде, Харфорда Джонса, было именно выдворение Руссо из этого города и заточение в крепость (AMFAE, CP/Perse, vol. 8, doc. 165, fol. 401r). В отличие от Руссо-отца, его сын, Жозеф, прямо обвиняет англичан в скоропостижной кончине французского офицера. Согласно его сведениям, посредством щедрых подарков Малькольм преобрел много преданных сторонников среди персидской знати, которые, ослепленные золотом англичан, тайно защищали их интересы. Англичане, имея при дворе «всецело преданную им свору», легко ухитряются вникать «в тайны тегеранского кабинета и узнавать цели других государств» (AMFAE, MD/Perse, vol. 6, doc. 19, fol. 137v-138r). 19 апреля 1807 года в официальной французской газете, *Le Moniteur Univesrel* была опубликована информация о деятельности англичан при шахском дворе. «(...) Фатх-Али часто бывает обманут интригами англичан, которые не гнушаются жертвовать его друзьями ради своих интересов (*Moniteur*, 19.04.1807). Альфред Гардан, сын генерала Гардана, отмечал, что в Тегеране смерть Ромье считали политическим преступлением (*Gardane*, 1865: 169).

г-на Ромье его превосходительству министру иностранных дел” (Copie de la lettre de M. Romieu à Son Excellence le Ministre des Relations Extérieures) был адресован Талейрану и хранится в архиве Министерства иностранных дел Франции (AMFAE, CP/Perse, vol. 9, doc. 27, fol. 54r-60r). Собственно миссия Ромье упоминается многими исследователями, но его письму не было уделено особого внимания. По всей вероятности, письмо Ромье было зашифрованным, что было необходимым при составлении секретных отчетов,¹⁰ так как в нескольких местах текста копии отмечается, что в ней пропущено несколько цифр. Последняя фраза письма Ромье – «Вот, Монсеньёр, все, что я смог собрать после моего прибытия в этот город», позволяет предположить, что он указал в письме все добытые им сведения. Письмо Ромье, датированное 3 октября, на имя Пьера Рюфена, поверенного в делах французского посольства в Константинополе, завершается следующими словами: «Мы все больны, я при смерти» (AMFAE, CP/Perse, vol. 8, doc. 164). В докладной записке Талейрану, Коранчези отмечал, что указанное письмо Ромье не было датировано, и оно «должно было быть написано в первых числах октября, так как после этой даты у г-на Ромье была высокая температура, что его привело к смерти через 6 дней. Он скончался 12-го того же месяца» (AMFAE, CP/Perse, vol. 9, doc. 8, fol. 13r-14v). Исходя из анализа текста и указанных писем, предполагаем, что оно было написано в промежутке между 1 и 6 октября.

Письмо генерала Ромье состоит из 2-х частей: первая содержит полный отчет проведенных им в Тегеране переговоров, а вторая касается непосредственно сведений о Персии. В Тегеране Ромье поселили в доме Мирзы Реза Кули – приближенного визиря Фатх-Али шаха. По мнению французского эмиссара, основной причиной этого было намерение скрыть от него осложнившиеся русско-персидские отношения (AMFAE, CP/Perse, vol. 8, doc. 164, fol. 397r). В то время во Франции имели довольно поверхностные знания о Персии и Тегеранском дворе, о чем свидетельствуют следующие слова Ромье: «Я очень усердно отнесусь к моей миссии в Персии, но должен отметить и то, что будет разумнее с подозрением отнестись к тем связям, которые создаются в кабинете, а не на местах, которых они касаются». Он также выражал серьезное беспокойство из-за полного отсутствия информации о судьбе Жобера (AMFAE, CP/Perse, vol. 9, doc. 27, fol. 54r). Александр Ромье дважды, 1 и 4 октября, был принят Фатх-Али шахом. На первой аудиенции генерал передал шаху письмо Наполеона, датированное 30 марта 1805 года. Приводим отрывок из этого письма: «(...) Персия – самая благородная страна Азии, а Франция – первая страна Европы... Я послал к тебе отважного и разумного человека. Ему специально поручено узнать все, что тебе нужно для победы.

¹⁰ В архиве Министерства иностранных дел Франции хранятся и другие документы за 1805-1811 годы, частично зашифрованные цифрами. Например, в одном из писем (4.05.1805) Пьер Рюффен благодарит Талейрана за доверие ему шифра (AMFAE, CP/Perse, vol. 8, doc. 108). В конце мая 1809 года генерал Гардан вверил атташе миссии Адриану Дюпре шифры A13, A14, архив миссий и копии своих записей для доставки во Францию (AMFAE, CP/Perse, vol. 11, doc. 209, fol. 344r-350v).

(...) Завоевать твою страну сегодня может даже 25000-ая армия, обученная по европейскому, но когда твои подданные смогут производить оружие, а твои солдаты – быстро маневрировать, когда они будут хорошо управляемы, тыл – укреплен переносной артиллерией, твои границы – защищены множеством крепостей, а на Каспийское море встанет персидский флот, на твоё государство никто не сможет напасть, ты же станешь непобедимым» (AMFAE, MD/Perse, vol. 8, doc. 2, fol. 41v, 43v).

По сведению французского посланника, Фатх-Али шах очень хотел заключить союз с Наполеоном, о чем свидетельствует его следующее высказывание: «Когда Императоры Персии и Франции объединятся, даже весь мир не сможет восстать против них. Я сильно желаю заключить союз с Вашим Императором; он единственный монарх Европы, слову которого можно доверять, а все другие – лжецы». На второй, состоявшейся 4 октября, аудиенции шах расспросил эмиссара о климате и производстве Франции, заинтересовался площадями территорий европейских королей, расстоянием между Францией и Англией и другими морскими государствами и оценкой российских моряков. (AMFAE, CP/Perse, vol. 9, doc. 27, fol. 54r, 55v, 57r). Эти вопросы шаха имели целью сравнение возможностей сильного врага – России – и потенциального союзника Франции.

Не теряя времени, Ромье старался собрать нужные сведения, о чем свидетельствуют его письма. В письме от 3 октября 1805 года он поручал Жозефу Руссо добыть информацию у Багдадских купцов о торговле Персии в Персидском заливе. Кроме того, Руссо должен был установить: 1. в каких портах было бы возможным введение французских кораблей и фрегатов; 2. стояли ли в этих портах военные корабли Персии, и если стояли, каковы были их возможности; 3. возможность получения точных сведений о южных и юго-восточных провинциях Персии. Он советовал Руссо на несколько дней приехать в Исфаган и детально узнать следующие данные от Шейх-ул-Ислама, старинного друга Руссо-отца: 1. сколько бойцов могла вывести каждая провинция Персии; 2. какую сумму вносили эти провинции ежегодно в шахскую казну; 3. полные сведения о доходах шаха; 4. возможность подстрекательства афганцев против англичан; 5. местоположение больших таможен Персии и их доходы; 6. мнение народа о шахе и его министрах (AMFAE, CP/Perse, vol. 8, doc. 163, fol. 393r-396v). Из этих заданий ясно видно, что Ромье очень серьезно относился к порученной ему миссии.

Во время переговоров с Ромье наделенные доверием шаха визири Мирза Шафи и Мирза Реза Кули, постарались установить его полномочия и высказали желание отправить во Францию посла, но из-за интриг русских и турков опасались его убийства на территории Турции. Визири устроили настоящий допрос французскому эмиссару: они хотели узнать в подробностях о политической ситуации в Европе, об отношении Франции к России, Турции и к разным государствам Европы, военных возможностях Франции и, в случае войны, возможности нападения Франции на Россию. Они интересовались, «было ли море Франции то же самое, что и море

Константинополя», могли ли корабли Франции войти в Черное море, а Наполеон – напасть на Турцию. (AMFAE, CP/Perse, vol. 9, doc. 27, fol. 54r-56r). Из постановки вопросов очевидно, что шах и его визири имели весьма смутное представление не только о Европе и России, но и об их непосредственном соседе – Османской империи.

Во время переговоров с Ромье первый визирь шаха Мирза Шафи, сторонника союза с Францией, назвал Наполеона «самым великим и могущественным монархом Запада» и заинтересовался, действительно ли причиной триумфа Наполеона была его верность своим союзным суверенам, как доносила молва. Ромье, преданный солдат императора, искренне ответил, что для верного союзника Наполеон был готов принести в жертву «все сокровища до последнего бойца». Со своей стороны, Ромье наметил ему пути нападения на Россию и Турцию, объяснил местоположение Турецких владений в Европе и отметил, что если даже вся Европа и Восток объединятся против императора Франции, он достаточно могуществен для победы над ними. Генерал обнадежил персов, что считающаяся на всем востоке наилучшей персидская кавалерия, укрепленная на французский лад переносной артиллерией, может победить все силы России, Турции и Англии (AMFAE, CP/Perse, vol. 9, doc. 27, fol. 54v-56r).

В течение переговоров с французским эмиссаром персы многократно выражали свое недовольство в адрес англичан. Главной причиной их жалоб было невыполнение договора, заключенного майором Малькольмом, согласно которому, если бы Персия наладила Англо-афганские отношения, Англия напала бы на Россию; по словам визирей, персы были верны этому обещанию, а англичане – нет. Вместе с этим, оба визири обещали Ромье, что в случае заключения союза между Францией и Персией, Персия направит свои войска в Индию против англичан. Ромье узнал от Мирзы Шафи, что англичане очень интересовались причиной его прибытия в Персию, а также были встревожены из-за нарушения договора, заключенного между Англией и Персией в январе 1801 года.¹¹ По убеждению Ромье, тегеранский двор желал установления связи с Францией, что было бы единственным эффективным средством для выведения Персии из создавшегося трудного положения, Россия же в этом случае, приобретала сильного врага (AMFAE, CP/Perse, vol. 9, doc. 27, fol. 54r, 55v).

¹¹ В 1800 году Английское правительство отправило послом к Тегераскому двору из Ост-Индской компании молодого шотландского офицера, капитана Джона Малькольма, который своим поведением произвел хорошее впечатление на персов. Его дорогие подарки произвели большое впечатление на Тегеранский двор. Между Персией и Англией был заключен очень выгодный для Англии торговый договор (AMFAE, CP/Perse, vol 8, doc. 165, fol. 403v-404r).

de ce motif, l'assiduité que vous avez eue à
 le dire les chemins des bords de la mer Noire, dont elle n'a pas encore eu possession
 elle connaît bien la situation par suite de la longueur d'Asie, elle ne manquera
 pas quand le moment sera venu de s'y mesurer de nombreuses paroles
 se dira elle n'y enbretera pas des intelligences secrètes, comme le font les
 à la croire & comme vous pourriez vous en convaincre par la lecture de quelques
 articles du Courant de nos jours sur divers points de l'Asie, que j'ai recueillis dans mon
 Voyage et que je joins à ma dépêche d'aujourd'hui numéro 1.
 qui l'est mis dans la dépendance de son plus cruel ennemi, ne voit pas le sort
 qui le menace, il ne voit pas qu'il étoit déjà assez malheureux pour avoir été
 forcé en 1783 de laisser franchir les gorges de à cette Puissance
 Ambitieuse sans souffrir qu'en envahissant le territoire de son Vassal elle
 s'avance dans la plaine pour porter des coups plus hard, c'est à ce lachar de
 Muscovite gouvernement à venir aux secours de la Perse pour compenser le dommage
 à étaler sur lui, et c'est quand ses malheurs qu'il attendoit et qui sont
 bien vus à prévoir avoient fondus sur sa tête il ne devoit pas aller aucun regard
 si de crainte ne compromettait pas d'une manière alarmante l'équilibre général.

Ce n'est que tout à point de vue seul Monsieur, que je pense qu'il étoit de
 l'intérêt de Sa Majesté de former une alliance avec la Perse pour empêcher d'une
 part l'accroissement de la Moscovie et de l'autre les restes de l'Empire Ottoman,
 si cette mesure politique se trouve dans ses Vues, qu'il ne m'appartient pas de
 sonder, les autres avantages que Sa Majesté pourroit retirer de cette union
 sont ou bien ignorés ou bien éloignés, en effet l'influence de la Perse sur
 les Agghans pour les tamer contre les Anglois, est si grande que nulle, je crois, n'en
 envoie véritablement un Commissaire au près du Roy du Gandar pour sonder
 ses dispositions, et Monsieur Roussin fils qui parle toutes les langues orientales
 et qui se trouve à portée de tout pourroit être chargé de cette mission, je
 recueilliray jusques au moment de son arrivée tout les renseignements possibles
 sur ce Royaume, et sur ses relations avec l'Inde, il offre que fait la Perse
 faire marcher un Corps de troupes contre les Anglois dans l'Inde ne pourroit
 s'effectuer que de deux manières, la première en traversant le Tadjikistan; mais
 outre qu'il faudroit près de six mois à cette armée pour se rendre sur les bords de
 l'Inde, elle seroit débandée avant d'y arriver, en traversant les Provinces désertes
 ou barbaresques; la seconde manière en embarquant les troupes dans les ports du
 Golfe Persique; il faudroit supposer que la mer seroit libre, et que la marine
 Française dans cette partie de l'Inde eût une supériorité sur celle des Anglois
 mais dans cette hypothèse je doute que Sa Majesté voudrait employer des
 secours étrangers, ou pourroit à la vérité, espérer une diversion de la part de la
 Perse en cas de guerre avec la Perse, elle pourroit lutter avec grand avantage
 en ligne de bataille contre les armées Ottomanes, si elle trouvoit son

Несмотря на просьбу Ромье, тегеранский двор не спешил его отпускать. Он же догадался, что Мирза Реза Кули намеревается задержать его в Тегеране до получения сведений от персидского посла в Индии о планах англичан в отношении Персии, на основе информации английского консула в Багдаде Харфорда Джонса (AMFAE, CP/Perse, vol. 9, doc. 27, fol. 55v). С этой целью в следующем письме генерал поручал Жозефу Руссо узнать с помощью отца, откуда у Джонса была информация о его прибытии в Персию. Он просил Руссо-отца не жалеть денег и приставить шпиона ко двору Багдадского паши, узнать содержание переписки между Мирзой Реза Кули и находящимися в Багдаде англичанами, так как эта информация была весьма важной для правительства Франции (AMFAE, CP/Perse, vol. 8, doc. 163, fol. 393r-396v). Но все письма Ромье до адресатов дошли лишь после его кончины.

Хотя французский эмиссар уверял шахских визирей, что не имеет никаких полномочий в вопросе заключения союза между Францией и Персией, Мирза Реза Кули использовал его присутствие в Персии для усугубления противоречий между Францией и Англией. Он написал Харфорду Джонсу, что Ромье предлагал им заключение союза и уверял, что французы готовы были прогнать русских и нанести им такую атаку, «что имя России навсегда исчезло бы из списка наций мира». Взамен персы обязывались передать французам один из портов Персидского залива. Подкупленный англичанами Мирза Реза отмечал, что договор с англичанами был в силе, и они не предполагали заключения союза с Францией, но в свете этих событий внезапная смерть Ромье показалась бы сомнительной. Визирь напоминал англичанам, что достигнув мира между Персией и Россией и вернув Грузию и занятые русскими ханства, их дружба могла быть вечной (Amini, 1995: 90).

Во второй части письма Александр Ромье описывает состояние Персии. По его сведению, Фатх-Али шаху было тридцать пять лет, и у него было пятьдесят четыре ребенка – тридцать дочерей и двадцать четыре сына. Двенадцать из них стояли во главе больших губерний. Шах был рожден в провинции Мазендаран, которой он оказывал особое внимание. Он покровительствовал христианам, последователям разных сект и иностранным торговцам, считался честным и верным своему слову человеком. Шах очень любил женщин, охоту на косуль и драгоценные камни. Часть своего дохода он использовал для их приобретения, часть платил находившейся всегда при нем личной охране (10000-12000 воинов) и покрывал расходы армии во время кампании. В случае недостаточности своего дохода он увеличивал налоги. Шах мог вывести 5000 всадников, вооруженных луками, изогнутыми мечами и копьями, а также инфантерию, вооруженную ружьями без штыков и копьями. В кампании он обычно выводил 80000-100000 человек. Народ любил шаха, однако армия ненавидела его «из-за скупости и недооценки их геройских дел». Информация о том, что шах не платил войску денег, но в то же время платил большие деньги за украшения (1000000 франков), подчеркивает его равнодушное отношение к армии. Для наполеоновского офицера это было совершенно непонятно, и поэтому он писал, что шах не имел

никакого военного таланта.¹² Как видно, такое впечатление о шахе у Ромье создано на основе факта, что он доверил ведение войны с Россией шестнадцатилетнему принцу Аббасу Мирзе (1789-1833).

Особое внимание заслуживают сведения генерала о военном положении Персии. Воюющее против России персидское ополчение распалось бы, если бы не наследник престола Аббас Мирза, которого воины любили, и которому шах не доверял, завидуя его репутации. Ромье был ошеломлен военной слабостью Персии, хотя его убеждали, что персидский воин был смелым и при надлежащем обучении мог стать хорошим солдатом. Несмотря на численное превосходство – 40000-80000, персидское ополчение не могло оказать сопротивление 8000-10000 российским солдатам. Русская артиллерия прекрасно действовала, каждая установка стреляла пять раз, а персидская – только один раз и требовала до восемнадцати человек для использования одного орудия. С такими малочисленными силами русские не терпели значительных поражений, несмотря на то, что из-за распространенных в Персии разных болезней солдаты заболели и дезертировали. По заключению Ромье, Россия для Персии была опасным врагом и при мобилизации сил, несомненно, легко проникла бы до центра страны. Учитывая эти факты, Персия не была в состоянии открыть второй фронт против англичан, а для выяснения отношения кандагарского правителя к индийской экспедиции следовало послать к нему владевшего всеми восточными языками Руссо-сына. Мнение Ромье о включении персо-афганской армии в индийскую экспедицию, в отличие от мнения Руссо-отца, ярого сторонника этой кампании, менее оптимистично и является заключением профессионального военного. Для похода в Индию было два маршрута: 1. через Систан – но, кроме того, что для достижения правого берега реки Инд французской армии потребовалось бы 6 месяцев, она распалась бы в пустыне до достижения назначенного пункта; 2. через Персидский залив, но только в случае преимущества французского флота над английским. Ромье аргументированно отрицательно оценивал перспективу этого похода и считал, что влияние персов на афганцев «равнялась нулю» (AMFAE, CP/Perse, vol. 9, doc. 27, fol. 57v-60v).

По мнению Ромье, Турция и Персия должны были объединиться против России, которая постепенно продвигалась на юг. Его заключение было следующим: «Я думаю, Монсеньор, что установление союза с Персией лишь в этом случае может быть в интересах Его Величества, если оно, с одной стороны, помешает усилению Москвы, а с другой — сохранит остатки Османской Империи. Если такой политический шаг входит в его интересы, о чем не мне судить, тогда другие преимущества, которые Его Величество могут получить из этого союза, будут очень неблагонадежными и отдаленными» (AMFAE, CP/Perse, vol. 9, doc. 27, fol. 58v, 59v-60r).

¹² И. О. Симонич, в 1834-1835 годах российский посол в Персии, писал, что Фатх-Али шах совсем не был военным человеком и, если и вел войну, больше по обязанности, чем из-за честолюбия (Симонич, 1967: 30).

Заключение. Будучи при смерти, генерал Александр Ромье – офицер с высочайшей степенью ответственности – добросовестно выполнял свой долг до последнего вдоха. При оценке французско-персидских отношений наполеоновского периода, Лефебр де Бекур писал: «Если бы Ромье лично доложил императору все соображения о той миссии, которая ему стоила жизни, Наполеон, без сомнения, отверг бы всякий план альянса с Персией как бесполезный» (AMFAE, MD/Perse, vol. 8, doc. 25, fol. 234-259). Дальнейшее развитие французско-персидских отношений (после блистательной победы Французской армии над третьей антинаполеоновской коалицией под Аустерлицем (2.12 .1805) и, в частности, военизированная миссия генерала Гардана в Персию (1807-1809), дает все основания для предположения, что Наполеону не представляли отчета миссии Александра Ромье, стоившей ему жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ, АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, под ред. Ад. Берже (1868), Тифлиς, 1866-1893. II Тифлиς, Тип. Главного Управления Наместника Кавказского.
- Симонич, И. О. (1967), Воспоминания полномочного министра 1832-1838 гг. Отв. ред. Н. А. Халфин. Москва: Наука.
- Amini, Iradj (1995), Napoléon et la Perse, Les relations franco-persanes sous le Premier Empire dans le context des rivalités entre la France, l'Angleterre et la Russie. Préface de Jean Tulard de l'Institut. Paris, Fondation Napoléon.
- Archives du Ministère des Affaires étrangères (AMFAE), Correspondances Politiques, Perse (CP/Perse): vol. 8, doc. 25, 64, 84, 163, 164, 165, 169; vol. 9: doc. 8, 10, 15, 16, 21, 27; vol. vol. 11, doc. 209; 17, doc. 35.
- Archives du Ministère des Affaires étrangères (AMFAE), Mémoires et Documents, Perse (MD/Perse): vol. 6, doc. 19, vol. 7, doc. 41; vol. 8, doc. 2, 25.
- Archives Nationales de France (AN), Légion d'Honneur (LH), 2278/13, n. 878, fol. 6.
- Archives Nationales de France (AN), AF IV, 1686, Relations extérieures, Perse (Re/Perse), doc. 16.
- Dehérain, Henri (1929-1930), La vie de Pierre Ruffin, orientaliste et diplomate, 1742- 1824. I-II. Paris, Édition P. Geuthner.
- Driault, Edouard (1904), La politique orientale de Napoléon – Les missions de Sébastiani et de Gardane, 1806-1809. Paris, Editeur Félix Alcan.
- Dumas, Jean-Baptiste (1915), Un fourrier de Napoléon vers l'Inde: les papiers du Lieutenant Général Trézel. Paris, Henri Charles-Lavauzelle – Éditeur militaire.
- Gaffarel, Paul (1908), La politique coloniale en France de 1789 à 1830. Paris, Felix Alcan, Éditeur.
- Gardane, Alfred de (1865), Mission du Général Gardane en Perse sous le Premier Empire. Paris, Librairie de Ad. Lainé.
- Gazette National ou le Le Moniteur Universel, 1806, 1807.
- Gotteri, Nicole (1993), “Antoine-Alexandre Romieu (1764-1805), général et diplomate”, *Revue drômoise, archéologie, histoire, géographie*, t. 88, trimestriel, № 468, Paris: 411-456.

- (1993), “Antoine-Alexandre Romieu (1764-1805), général et diplomate”. *Revue drômoise, archéologie, histoire, géographie*, t. 88, trimestriel, №469, Paris: 476-564.
- Pluchet, Régis (2014), André Michaux 1782-1785. L’extraordinaire voyage d’un botaniste en Perse. Paris, Privat.
- Tancoigne, Joseph Michel (1819), *Lettres sur la Perse et la Turquie d’Asie*, par J. M. Tancoigne, Attaché à la dernière Ambassade de France en Perse, et depuis Interprète et Chancelier du Consulat de la Canée (île de Candie), ornées de gravures coloriées d’après des peintures persanes. I-II. Paris, Nepveu - Libraire.

КТО ВЫ, ХАДЖИ-МУРАТ МУГУЕВ?

Нугзар Тер-Оганов

Тель-Авивский университет, Тель-Авив

Abstract

This paper examines unknown pages from the life of the Soviet writer Haji-Murat Magometovich Muguev. His novels, stories, articles and verses reflect particular events of World War I, as well as the Civil War in Russia and World War II. The article focuses on some biographical facts related to the early period of his mysterious military career, when he was serving as interpreter in the Expeditionary Cavalry Corps of General N. N. Baratov in Iran, during WWI. Based on a comparison of these facts with the events described by him in his well-known novel "The Baghdad Gates" (which was later reedited and republished by him under the title "To the Banks of Tigris"), this paper argues that Haji-Murat Muguev personally took part in the famous cavalry raid of V.D. Gamalii's Cossack detachment from Iran to Mesopotamia to join the British troops in 1916. It turns out that, long before the beginning of WWI, certain Afanasii Grigoryevich Muguev had been working at the Russian Intelligence Department, affiliated to the staff of the Caucasian military district as a clerk. He had two sons; the eldest was called Nicholas, and the younger Boris. Both of them worked in the same department as military intelligence officers. According to a member of the intelligence department from the Caucasian military district, Staff-Captain K.N. Smirnov, who was familiar with A.G. Muguev, his son Boris later became known as the writer Haji-Murat Muguev. "Haji-Murat" became his literary pseudonym. At the same time, the research reveals that this Muslim name was previously used by the staff of the Caucasian military district as a cover for Boris to carry out his intelligence mission on the Caucasian front. After all, it wasn't accidental that the invented name of his hero in his novel was the same as his own – Boris. We argue that his name Haji-Murat, as well as his middle name Magometovich, was not only his literary pseudonym, but an assumed name of the Russian Intelligence officer Boris Afanasievich Muguev. Хаджи-Мурат Магометович Мугуев – советский писатель, автор многих художественных произведений, в которых описаны события, разыгравшиеся на фронтах Первой мировой, Гражданской и Второй мировой войн. Несмотря на то, что советским читателям имя Хаджи-Мурата Мугуева было достаточно хорошо знакомо, вряд ли кому-нибудь из них и даже исследователям его писательского наследия были известны некоторые детали из его прошлого, тесно связанного с военной разведкой.

Keywords: *Haji-Murat Muguev, B. A. Muguev, A. G. Muguev, K.N. Smirnov, the Caucasus Front, General N.N. Baratov in Persia (Iran), V.I. Gamalii, "The Baghdad Gates", "To the Banks of Tigris"*

Аннотация

В статье предпринята попытка анализа обнаруженных нами неизвестных фактов из его биографии о том периоде жизни писателя, когда он служил в разведке в составе Экспедиционного кавалерийского корпуса генерала Н.Н.Баратова в Иране (Персии) в период Первой мировой войны. Сопоставление и анализ этих фактов с изложением событий, описанных Хаджи-Муратом Мугуевым в своем романе «Врата Багдада» (в поздней редакции - «К берегам Тигра»), дает нам основание утверждать, что Хаджи-Мурат Мугуев лично принимал участие в известном рейде кавалерийской сотни В.Д.Гамалея из Ирана в Месопотамию в мае 1916 года. В ходе исследования было установлено, что Хаджи-Мурат – это не только писательский псевдонимом, но и вымышленное имя офицера разведки Штаба Кавказского военного округа Бориса

Афанасьевича Мугуева. Есть основание полагать, что его новые имя Хаджи-Мурат и отчество Магометович были использованы командованием Кавказской армии для прикрытия его работы в тылу противника.

Ключевые слова: *Хаджи-Мурат Мугуев, Б. А. Мугуев, А. Г. Мугуев, К.Н.Смирнов, Разведка Штаба Кавказского военного округа, Эспедиционный корпус генерала Н.Н.Баратова в Иране, поход есаула Д.В.Гамалея в Месопотамию, роман «Врата Багдада» («К берегам Тигра»)*

Предисловие

Целое столетие отделяет нас от первого, невиданного по своему масштабу кровопролития в истории человечества. Враждующие стороны, разделенные на два военно-политических лагеря (Центральные державы – с одной стороны, и страны Антанты – с другой), вели активные военные действия в Европе, в Африке и на Ближнем Востоке.

Как известно, в период Первой мировой войны (1914-1918 гг.) Россия воевала как на Европейском континенте, так и на Ближнем Востоке. На Кавказском фронте, а именно на территории Турции и Ирана, русские войска действовали против турецких войск.

Следует заметить, что история Первой мировой войны привлекла внимание многих ученых и исследователей. Тем не менее, советская историография о Первой мировой войне меркнет перед лицом западной историографии, которая богато представлена огромным количеством опубликованных первоисточников в виде мемуаров, воспоминаний, записок, докладов непосредственных участников этой войны, сборников документов, а также впечатляющим количеством научных исследований.¹ Что касается советской историографии о Первой мировой войне и, в частности, о Кавказском фронте, то она с самого начала была обременена идеологическими клише, что существенно ограничивало число лиц, желавших изучать этот период русской истории (Козенко 2001: 3-27). Вместе с тем, русская зарубежная или эмигрантская историография не выделяется особым богатством опубликованных материалов (См.: Емельянов 1923, Масловский 1933, Елисеев 2001, Корсун 1938, Корсун 1940, Стеклов 1969, Арутюнян 1971, Стеклов 1969, Арутюнян 1971; также Готовцев 1940: 87-101, Стеклов 1950: 241-270, Ахаткин 1925: 105-128, Штейфон 1929: 49-66).

Подход к изучению истории Первой мировой войны кардинально изменился после распада Советского Союза в 1991 г., когда фактически было снято негласное табу на изучение истории русской армии в период Первой мировой войны. В результате этого в последнее время многие исследователи заново «открыли» для себя этот интересный период русской истории, также как напомнили имена многих незаслуженно позабытых героев Великой войны (Пронин 2002: 99-106, Стрелянов 2002, Шишов 2002, он же 2010, Тер-Оганов 2014, №4: 209-235, *ibid.*, №7: 14-29). Среди тех, кто принял активное участие в военных операциях, были многие воевавшие на так называемом «Персидском фронте», в частности, в рядах Экспедиционного кавалерийского корпуса генерала Н.Н.Баратова. Одним из таковых был и Хаджи-Мурат Мугуев, чья малоизвестная сторона военно-разведывательной деятельности в Персии была исследована нами в предлагаемой статье.

¹ См.: Bibliography of World War I; https://en.wikipedia.org/wiki/Bibliography_of_World_War_I

Хаджи-Мурат Мугуев, а точнее, Борис Мугуев и его семейные традиции.

На первый взгляд, подобный вопрос – «Кто Вы, Хаджи-Мурат Мугуев?» – может показаться банальным. Ведь известно, что Хаджи-Мурат Магомедович Мугуев (1893-1968) был довольно популярным советским писателем, автором более ста художественных произведений на русском языке. Его перу принадлежат стихи, рассказы, статьи, повести и романы. Сюжеты многих его произведений взяты из его прошлой личной жизни или же из тех памятных событий, непосредственным участником которых ему довелось быть. В основном они связаны с отдельными эпизодами из его боевого прошлого, имевшими место на фронтах Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн.

Здесь мы не собираемся заниматься анализом и разбором тех или иных сторон его творчества или художественных особенностей его произведений. Наша задача состоит в анализе некоторых не известных широкому кругу исследователей фактов из раннего периода биографии Хаджи-Мурата Мугуева, связанных с его военным прошлым. Это поможет нам в дорисовке его многогранного портрета. Для этого нам придется обратиться к тем источникам информации, которые раскрывают перед нами с совершенно новой стороны незаурядную личность писателя.

Из этого круга источников, несомненно, заслуживают внимание воспоминания офицера-восточника и работника разведки Штаба Кавказского военного округа, штабс-капитана Константина Николаевича Смирнова (АНЦРГ 39, 27; о деятельности К.Н.Смирнова и его воспоминаниях о работе Разведывательного отделения Штаба Кавказского военного округа смотри нашу работу: Нугзар Тер-Оганов 2015: 83-93, 151-155, 162-262). Согласно его сообщению, в Отделе окружного Генерального штаба в Тифлисе чуть ли не со дня его основания, то есть с конца 1870-х годов, служил в должности писаря некий Афанасий Григорьевич Мугуев, урядник Горско-Моздокского полка Терского казачьего войска (АНЦРГ 39, 27, л21)². Здесь уместно напомнить, что Отдел Генерального штаба занимался делами военной разведки³. Из этого отдела в качестве сверхсрочного урядника А.Г.Мугуев перешел в Отчетное отделение окружного штаба, а оттуда в 1906 г. - в новообразованное штатное Разведывательное отделение. В качестве писаря он продолжал служить и в штабе Кавказской армии в период Первой мировой войны. Следует заметить, что К.Н.Смирнов и А.Г.Мугуев служили вместе в Разведывательном отделении (АНЦРГ 39, 27, л.24об) и, следовательно, знали друг о друге многое. Поэтому естественно, что дошедшие до нас сведения К.Н.Смирнова о А.Г.Мугуеве заслуживают особого внимания. Так, со слов К.Н.Смирнова, А.Г.Мугуева очень ценил основоположник разведки Штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенант А.С.Зеленой, бывший военный агент в Константинополе, который ему открыто покровительствовал (АНЦРГ 39, 27, л.21). Видимо, было за что.

Судя по воспоминаниям К.Н.Смирнова о работе Разведывательного отделения ШКВО, жена Афанасия Григорьевича была сродни видным терским казачьим офицерам. У Мугуевых было два сына, Николай и Борис, которые, кончив Коммерческое училище и Тифлисское военное училище, во время Первой мировой войны служили офицерами в том же Терском войске.

² Как известно, терские казаки, известные как *терцы*, или *гребенцы*, жили вдоль берегов рек Терек, Сунжа, Кура, Малка, Кума и Подкумок на Северном Кавказе.

³ О военной разведке Штаба Кавказского военного округа смотри: Нугзар Тер-Оганов 2015.

Следует заметить, что при установлении советской власти на Кавказе старший сын Николай Мугуев был назначен в Карс для выполнения какого-то военного поручения. По сообщению Смирнова, находясь в Карсе, он был убит при таинственных обстоятельствах машинисткой того же отделения. По объяснениям отца, А.Г.Мугуева, Николай погиб из-за того, что слишком много знал...⁴

Младший сын, Борис Мугуев, служил в Горско-Моздокском полку и участвовал в военных операциях на Персидском фронте. Как выясняется, еще в начале 1918 г. Борис Мугуев служил в рядах добровольцев под командой известного полковника Л.Ф. Бичерахова (АНЦРГ 39, 27, л.24)⁵, деятельности которого советская историография дала крайне негативную оценку. Между прочим, кажется неслучайным, что Борис Мугуев примкнул к Бичерахову, поскольку одно время они вместе служили в Горско-Моздокском казачьем полку. Позднее, в конце Первой мировой войны, в 1918 г. некоторая часть русских офицеров под влиянием большевистской пропаганды поступила на службу в Красную Армию. В 1921 г., когда части 11-ой Красной Армии вступили в Тифлис, «продолжая отцовскую традицию», Борис Мугуев вместе со своим братом Николаем Мугуевым поступил на службу в Разведывательное отделение Штаба Кавказского военного округа (АНЦРГ 39, 27, л.23об).

Хаджи-Мурат - вымышленное имя и литературный псевдоним бывшего офицера военной разведки Бориса Мугуева.

Что же касается Бориса Мугуева, объекта нашего исследования, то после того, как он перешел на сторону большевиков, он стал быстро подниматься по карьерной

⁴ 10. АНЦРГ. Фонд 39, Дело 27, л.23об.-2

⁵ Представляется весьма интересным тот факт, что Борис Мугуев служил в Горско-Моздокском казачьем полку именно под командованием полковника Л.Ф.Бичерахова. По причине того, что Бичерахов самоотверженно сражался против большевиков на Северном Кавказе, советская историография удостоила его ярлыком «реакционера» и «контр-революционера». Тем не менее, русские архивные источники характеризуют его как обладателя высоких личностных качеств, который верно служил своей родине (О Лазаре Федоровиче Бичерахове смотри: Безугольный 2011). Следует заметить, что согласно сообщению генерал-майора английской службы Л.С.Денстервиля, который был послан британским военным командованием с ограниченным контингентом в Иран и на Кавказ для выполнения особой миссии, полковник Бичерахов принадлежал богатой осетинской семье и во время Первой мировой войны служил в составе Экспедиционного кавалерийского корпуса генерала Н.Н.Баратова (между прочим, мать генерала была осетинкой) в Иране. После большевистского переворота в октябре 1917 г., когда началась полная дезорганизация русских войск и, согласно приказу большевиков, им следовало покинуть Иран, Бичерахов оказался единственным русским офицером, который отказался выполнять этот приказ. Между тем, когда русские войска стали покидать Иран, и некому было воевать против турок, полковник Бичерахов высказал свою готовность оказать помощь английскому генералу в решении поставленной перед ним задачи. Согласно договору, подписанному генералом Денстервилем с Бичераховым, последний должен был остаться в Иране до получения английским генералом военной помощи. Бичерахов должен был воевать с Кучик-ханом Джангали и очистить дорогу от противника между Казвином и побережьем Каспийского моря с тем чтобы военная группа генерала Денстервиля смогла бы двигаться в том направлении. В награду за эту помощь генерал Денстервиль обещал полковнику Бичерахову поддержку в осуществлении его планов на Кавказе. Как известно, в конце марта 1918 г. русские войска, за исключением добровольческого отряда полковника Бичерахова, полностью покинули Иран. Следует напомнить, что полковник Бичерахов также принял участие в защите Баку от турецких войск. Позднее он смог установить свой контроль над обширными территориями Северного Кавказа пока не был вынужден эмигрировать в Англию (см.: Zhenal Dunsterville 1362 (1983), Dunsterville ((1362/1983)).

лестнице. Сначала он служил начальником Разведывательного пункта в Батуме, а потом демобилизовался и занимал большую должность в кинопромышленности (Госкинопроме) в Москве. По сообщению Смирнова, именно тогда Борис Мугуев и стал писателем. Согласно советской «Краткой литературной энциклопедии», Хаджи-Мурат Мугуев стал заниматься литературной деятельностью в 1926 г. (Краткая литературная энциклопедия 1967: 1005). Причем, в качестве псевдонима он взял себе имя Хаджи-Мурат (Нугзар Тер-Оганов 2015: 186).

Тем не менее, в биографии писателя вы не найдете ни малейшего упоминания о том, что Хаджи-Мурат - не настоящее его имя, а литературный псевдоним Бориса Афанасьевича Мугуева («Осетия и осетины»).

Роман «Врата Багдада», или его поздняя редакция «К берегам Тигра» — свидетельство того, что Хаджи-Мурат Мугуев (он же Борис Афанасьевич Мугуев) принял личное участие в военном походе сотника Гамалея из Персии в Месопотамию.

Прежде всего, не будем спешить с выводами, а будем искать дополнительные аргументы в пользу нашего утверждения. Между прочим, Смирнов упоминает о Хаджи-Мурате Мугуеве как об авторе романа «У врат Багдада»⁶, в котором рассказывается «о походе Экспедиционного корпуса в Персию в империалистическую войну» (Нугзар Тер-Оганов 2015: 187).

Как известно, роман «Врата Багдада» (1928 г.) в дальнейшем претерпел некоторые изменения в тексте и позднее, уже в виде повести, был опубликован под новым названием – «К берегам Тигра» (1951 г.) (См.: Мугуев 1951)⁷. Исходя из содержания текста романа, можно сказать, что ее автор поступил резонно, сменив название своего произведения. Поскольку роман был посвящен историческому походу есаула В.Д.Гамалея с сотней казаков из тогдашней Персии в Месопотамию, а именно по направлению среднего течения реки Тигр, то, следовательно, название «К берегам Тигра» более соответствовало содержанию этого произведения.

Следует напомнить, что в повести речь идет об известном рейде есаула Гамалея в мае-июне 1916 года, когда его сотня прошла более четырехсот верст из Майдешта через Пушти-Кух Луристана в Месопотамию, к Али-Гарби, в тыл турецких войск на встречу с союзниками – англичанами. Примечательно, что в предисловии к книге «Врата Багдада» или «К берегам Тигра», ее автор представил изложенную в ней историю о походе Гамалея как «записки молодого казачьего офицера сотника Бориса Петровича». Согласно легенде автора произведения, в 1917 г., возвращаясь из Персии, в Хамадане произошла его случайная встреча с Борисом Петровичем, от встречи с которым в качестве памяти и остались у него упомянутые записки, которые он впоследствии и опубликовал.

Таким образом, Хаджи-Мурат Мугуев предлагает нам легенду о том, что автором упомянутых «записок» якобы является участник похода Гамалея в Месопотамию некий Борис Петрович. В то же время, согласно сведениям полковника Кубанского казачьего войска Ф.И.Елисеева, близко знавшего В.Д.Гамалея и записавшего его воспоминания о том памятном походе, Хаджи-Мурат Мугуев, имея

⁶ Очевидно, что К.Н.Смирнов имел в виду роман Хаджи-Мурата Магометовича Мугуева «Врата Багдада» (см. Хаджи-Мурат Мугуев 1928).

⁷ Следует заметить, что составитель справки о Хаджи-Мурате Мугуеве, помещенной в Краткой литературной энциклопедии, М.Л. Бахрах допустил неточность, назвав повесть «К берегам Тигра» сборником повестей (см.: КЛЭ: 1005).

чин сотника, был переводчиком Гамалея! (Елисеев 1957: 8). Из этого следует, что Хаджи-Мурат Мугуев и сам является участником этого похода! Таким образом, мы находим еще одно подтверждение того, что во время Первой мировой войны Хаджи-Мурат Мугуев действительно находился на Персидском фронте.

Роман предлагает нам достоверный нарратив событий, в которых и сам автор Хаджи-Мурат принял личное участие.

Читая роман «Врата Багдада» или ее позднюю редакцию «К берегам Тигра», бросается в глаза не только правдивое изложение событий, развернувшихся на Персидском фронте, с действующими в них реальными героями, но и подробное описание пройденного маршрута, правильное написание различных географических пунктов со звучными восточными названиями, а также мельчайших деталей быта местного населения. Создается такое впечатление, что автором этого произведения не мог быть рядовой сотник, некий Борис Петрович, и что написан он человеком близко знакомым с Востоком. В качестве примера, на наш взгляд, достаточно привести хотя бы комментарий автора относительно географического названия «Гилян».

Общеизвестно, что Гилян – прикаспийская провинция Ирана (Персии) и находится она на севере этой страны. Однако в одном месте повести, где автор рассказывает о выборе генералом Н.Н.Баратовым двух маршрутов движения для сотни Гамалея, первый – через Курдистани второй – через Луристан, он пишет: «Генерал пожимает ему руку.

– Итак, каким же путем: через Курдистан или в обход на Гилян?».

Здесь, чтобы у читателя, более или менее знакомого с географией Ирана, а также с конечной целью рейда Гамалея, не возник бы недоуменный вопрос: «Разве это возможно? Разве провинция Гилян находится по пути в Месопотамию?!», автор дает необходимое пояснение. Как выясняется из его комментария, под топонимом «Гилян» в контексте с Персидским Курдистаном, он имел в виду одноименную малоизвестную деревню, затерянную в горах Луристана! По этому поводу он пишет: «Здесь упоминается о Гиляне, граничащем с Месопотамией, а не провинция Гилян на севере Ирана» (Мугуев 1951: 30). На наш взгляд, только человек, побывавший в том крае и участвовавший в рейде Гамалея, мог дать подобный комментарий.

В романе мы находим упоминание о многих российских офицерах, действительно служивших в Экспедиционном корпусе генерал-лейтенанта Н.Н.Баратова. Здесь и начальник штаба, генерал фон Н.Ф. Эрн, офицер Генерального штаба В.Д. Каргаретели, штабс-капитан Н.Г.Корсун - офицер по поручениям, прикомандированный к британскому военному агенту при Экспедиционном корпусе майору Робертсу (*ibid.*: 24), сотник В.Д. Гамалий и другие. Причем автор четко описывает известные и из других источников характерные черты конкретных военных чинов. Так, например, используя прилагательные, автор рисует весьма непривлекательный физически и, вместе с тем, едкий образ офицера Каргаретели: «Полковник Каргаретели, невысокий, смахивающий на обезьяну человек, с хитрыми глазами и подобострастными жестами, говорит речь» (*ibid.*). Справедливости ради, со ссылкой на мнения знавших его людей, следует заметить, что в окружении Каргаретели, за исключением самого Баратова, его действительно не считали достойным человеком. Кстати, такого же мнения придерживался и К.Н.Смирнов (Гер-Оганов 2014: 216). Согласно А.Г.Емельянову, его даже считали «злым гением Баратова» (Емельянов 1923: 87).

В книге есть и множество других фактов, которые находят свое подтверждение и в других источниках, например, упоминание о сумме, в размере 50000 рублей золотом, которую везла с собой сотня Гамалея на расходы, а также на подарки для туземных царьков (Мугуев 1951: 34), которые дают нам возможность утверждать, что рейд Гамалея описан для художественного произведения с чрезвычайной достоверностью. Таким образом, можно не сомневаться, что «Борис Петрович» предельно правдиво описал рейд Гамалея. Другое дело, что автор книги, видимо, намеренно изменил имя и отчество В.Д. Гамалея, которого в повести он назвал Иваном Андреевичем, а фамилии офицеров почему-то дал без имен и отчеств. Но, не следует судить так строго: ведь перед нами все-таки художественное произведение!

Что побудило Бориса Мугуева использовать вымышленный литературный псевдоним «Хаджи-Мурат»?

После всего, что было сказано выше, естественно, возникает вопрос: кто из двоих – Борис Петрович, герой романа, или сам писатель Хаджи-Мурат Мугуев (он же Борис Афанасьевич Мугуев) – является автором этого произведения? Вместе с тем нам следует выяснить, почему Борис Мугуев поменял не только имя, но и отчество и стал Хаджи-Муратом Магометовичем?

Для того чтобы решить этот вопрос придется еще раз обратиться к Елисееву. Согласно последнему, со ссылкой на Гамалея, «Хаджи-Мурат Мугуев был, будто, перс по происхождению, знавший много восточных языков» (Елисеев 1957: 8). В таком случае, судя по приставке «хаджи», Хаджи-Мурат Мугуев должен был быть истинным правоверным мусульманином, совершившим хадж в Мекку и, следовательно, строго соблюдавшим все догмы своей веры. Таким образом, по утверждению Ф.И.Елисеева, Хаджи-Мурат Мугуев был перс. Однако в отличие от Елисеева, Смирнов указывает на осетинское происхождение семьи Мугуевых (Тер-Оганов 2015: 184).

Таким образом, как мы видим, сведения этих офицеров о национальном происхождении Хаджи-Мурата Мугуева совершенно противоположны. Тогда, кому же верить? Следует заметить, что если Елисеев всего лишь упоминает о персидском происхождении Хаджи-Мурата Мугуева и роде его занятий, то у Смирнова, лично знавшего отца писателя Хаджи-Мурата Мугуева, имеется более полная и достоверная информация обо всей семье Мугуевых. Следовательно, за основу необходимо брать сведения Смирнова о писателе Хаджи-Мурате Мугуеве. Кстати, Хаджи-Мурат Мугуев не мог быть персом, хотя бы потому, что Мугуевы, как уже было выше отмечено, по происхождению были осетинами. Другой вопрос – христиане или мусульмане. Судя по имени и отчеству отца писателя – Афанасий Григорьевич, Мугуевы были христианами.

Тогда резонен следующий вопрос: с чего это Елисееву причудилось персидское происхождение Хаджи-Мурата Мугуева? Для разгадки этого ребуса следует еще раз вернуться к вопросу о «семейных традициях» Мугуевых. Как нам уже известно, сын Афанасия Григорьевича Мугуева Борис Афанасьевич Мугуев, продолжая отцовскую традицию, также стал разведчиком⁸. Вместе с тем, учитывая

⁸ Еще одним косвенным свидетельством его особого "интереса" к разведке может служить опубликованный еще в 1940 г. сборник его рассказов "В разведке", в котором нашли отражение некоторые события гражданской войны в России (см. Мугуев 1940).

знание восточных языков, а также легенду о его «персидском» происхождении, нет ничего удивительного, если окружной штаб посылал Бориса Мугуева под видом перса Хаджи-Мурата с различными разведывательными заданиями в Персию. Следовательно, есть основание предполагать, что, находясь в Персии и не раскрывая своего истинного происхождения, Борис Мугуев пользовался этой легендой и был известен даже в ближайшем окружении как Хаджи-Мурат Магометович Мугуев.

В заключение, с большой долей уверенности можно утверждать, что Хаджи-Мурат – не только вымышленное имя, но также писательский псевдоним российского разведчика Бориса Афанасьевича Мугуева, чья жизнь тесно переплелась с драматическими событиями на Кавказском фронте в период Первой мировой войны. И, наконец, нам кажется не случайным, что как героя романа «Врата Багдада», так и самого автора этого произведения звали ...Борис.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архив национального центра рукописей Грузии, Фонд 39, Дело 27 (далее: АНЦРГ).
 АНЦРГ, Фонд 39, Дело 27, л.21.
 АНЦРГ, Фонд 39, Дело 27, л.21.
 АНЦРГ, Фонд 39, Дело 27, л.23об.
 АНЦРГ, Фонд 39, Дело 27, л.24.
 АНЦРГ, Фонд 39, Дело 27, л.24об.
 Арутюнян А. О. (1971), *Кавказский фронт. 1914-1917 гг.*, Ереван.
 Ахаткин К. З. (1925), «Сарыкамыш», *Военный сборник общества ревнителей военных знаний и кружков высшего военного самообразования.*, кн.6: 105-128,
 Безугольный А. Е. (2011), *Генерал Бичерахов и его кавказская армия. 1917-1919*, Москва.
 Готовцев А. И. (1940), «Борьба за Месопотамию и Персию в войне 1914-1918 гг.», *Военная мысль*, №8: 87-101.
 Елисеев Ф. И. (1957), *Рейд сотника Гамалея в Месопотамию в мае 1916 года*, Нью-Йорк.
 — (2001), *Казаки на Кавказском фронте. Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадах*, (ред. П. Р. Стрелянов (Карабулаков)), Москва.
 Емельянов А. Г. (1923), *Персидский фронт 1915-1918*, Берлин.
Краткая литературная энциклопедия (1967), (гл. ред. А. А. Сурков), Том 4, Москва.
 Козенко В. Д. (2001), «Отечественная историография Первой мировой войны», *Новая и новейшая история*, №3: 3-27.
 Корсун Н. Г. (1938), *Ерзерумская операция*, Москва.
 — (1938), *Сарыкамышская операция*, Москва.
 — (1940), *Алашкертская и Хамаданская операции на Кавказском фронте мировой войны в 1915 году*, Москва.
 Масловский Е. В. (1933), *Мировая война на Кавказском фронте, 1914-1917 гг.*, Париж.
 Мугуев Хаджи-Мурат (1928), *Врата Багдада*, Москва-Ленинград.
 — (1940), *В разведке*, Москва.
 — (1951), *К берегам Тигра*, Москва.
 Пронин А. (2002), «Поход на Хамадан. Экспедиционный корпус генерала Баратова на Персидском фронте», *Родина*, №5: 99-106.
 Стеклов А. П. (1950), «Русская армия Кавказского фронта накануне февральской буржуазно-демократической революции», *Труды Тбилисского педагогического института имени Пушкина*, т.8: 241-270.
 — (1969), *Революционная деятельность большевистских организаций на Кавказском фронте. 1914-1918 гг.*, Тбилиси.

- Стрелянов (Калабуков) П. Н. (2002), *Корпус генерала Баратова 1915-1918 гг.*, Москва.
- Тер-Оганов Н. К. (2014), «Письма русского офицера-восточника К.Н.Смирнова с Кавказского фронта о военно-политической обстановке в Турции и Иране в 1914-1917», *Военный сборник*, №4 (6): 209-235; №7 (1): 14-29.
- (2015), *Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1878-1918 гг.)*, Саарбрюкен.
- Шишов А. В. (2010), *Персидский фронт (1909-1918). Незаслуженно забытые победы*. Москва.
- Шишов А. В. (2002), *Генерал Юденич*, Москва.
- Штейфон Б. А. (1929), «Штурм Ерзерума», *Военный сборник общества ревнителей военных знаний*, кн.10: 49-66.
- «Осетия и осетины», osetins.com/2007/10/26/muguev-khadzhi-murat-18931968.html.
- Dunsterville (1362/1983), Khaterat-e Zheneral Dunsterville, *Sarkubgyar-e Jangal. Tarjomeh-e Hosein Ansari. Ba mokadame-ie tahlili va fahares Ali Dabhashi*, Tehran.

ГАЗЕТА "КАВКАЗ" И ЕЕ КОРРЕСПОНДЕНТ АДОЛЬФ БЕРЖЕ О КАДЖАРСКОМ ИРАНЕ, 1851-1861 гг.

Нугзар Тер-Оганов

Тель-Авивский университет, Тель-Авив

Abstract

Adolf Petrovich Berzhe (1828-1886) made a great contribution to the development of historiography and archaeology in the fields of Caucasian and Oriental studies. He was one of the founders of the Caucasian Museum, and the Editor of the large collection of historical documents known as "Acts, Collected by the Caucasian Archaeographical Commission". Adolf Berzhe was among the prominent authors of the Russian-language news-paper "Kavkaz", having published articles and commentaries, as well as numerous reviews on Iran, which remain a valuable source of information for a contemporary researcher of Qajar Iran. The paper deals with the analyses of materials published in the "Kavkaz" newspaper during 1851-1861.

Keywords: "Kavkaz" Newspaper, Adolf Berzhe, Caucasus, Tiflis, Count Vorontsov, Caucasian Museum, Qajar Iran, Russia, Herat

Аннотация

В предлагаемой статье анализируются материалы о Каджарском Иране, публиковавшийся в газете «Кавказ» в период 1851-1861 гг. В газете находили отражение все важнейшие военно-политические события в жизни Ирана. Публиковались материалы о состоянии внутренней торговли той или иной провинции страны, об административном устройстве, военной структуре и т.д. На страницах газеты периодически появлялись отдельные статьи или же отрывки из рассказов русских путешественников, составленные на основе впечатлений от поездок по этой стране. Следует заметить, что не всегда взгляд путешественников на Иран, а также их оценки относительно тех или иных сторон жизни народа, были зеркальным отражением действительности. Особое место в контексте «Кавказа» занимают статьи молодого востоковеда Адольфа Петровича Берже (1828-1886), отличавшиеся высоким профессионализмом. Адольф Берже не только публиковал свои впечатления, например, в виде "Писем из Персии", полученные в ходе его двух научных командировок в Иран в 1853-1854 гг. и 1855 г., но и был прекрасным рецензентом многих работ по Ирану, отклики о которых находили свое место на страницах газеты. Глубокое знание предмета позволяло Адольфу Берже делать и ценные комментарии по отдельным сторонам жизни современного ему Ирана, которые, несомненно, заслуживают внимание исследователей.

Ключевые слова: газета «Кавказ», Адольф Берже, Кавказ, Тифлис, граф Воронцов, Кавказский музей, Каджарский Иран, Россия, Герат

Исследуемый период - это время, когда в Иране потерпели неудачу финансовая, административная и военная реформы инициативного первого министра Мирзы Таги-хана (1848-1851) и окончательно развеялась иллюзия военного могущества государства в ходе краткой англо-иранской войны 1856-1857 гг., а также его

способности решить в свою пользу наболевшую проблему Герата. Конец 50-х годов в Иране отмечился очередной попыткой реорганизации армии со стороны третьей по счету французской военной миссии.

Для России этот промежуток времени был характерен обострением так называемого «Восточного вопроса», приведшего к Крымской войне 1853-1856 гг. Поражение России в этой войне и подписание Парижского мирного договора 1856 г. подтолкнули страну к проведению целого ряда реформ, в результате которых началась модернизация российского общества в целом.

В разрезе русско-иранских отношений следует отметить их относительное потепление, вызванное ожиданиями сторон. После смерти непримиримого иранского премьер-министра, взявшего курс на завоевание страной полной военно-политической и экономической независимости, не сочетавшийся с интересами ни России, ни Англии, Россия надеялась привлечь Иран на свою сторону или, в крайнем случае, добиться его нейтралитета в Крымской войне. Что касается Ирана, то эта страна, в обмен за свой нейтралитет, потребовала от России отказа от последнего взноса денежной контрибуции (в размере одного курура туманов), наложенной на него еще Туркманчайским мирным договором 1828 г. Кроме того, Иран не надеялся на поддержку Россией его претензий на право владения городом Герат.

Таков был, вкратце, внешнеполитический фон, на котором начали освещаться события в соседнем Иране на страницах газеты «Кавказ». Как известно, русскоязычная газета «Кавказ» была учреждена в 1846 г. по личной инициативе наместника на Кавказе графа М.С.Воронцова. Газета представляла собой литературно-политический орган, в котором часто публиковались сообщения о жизни не только народов Кавказа, но и соседних стран. Особое место среди них занимали сведения об Иране.

Тематика материалов, связанных с Ираном, была многообразной: здесь можно было найти не только переводы сообщений из иранской официальной прессы, выходящей на персидском языке, но и описания страны и ее отдельных провинций, составленные русскими ориенталистами и путешественниками. На страницах газеты нередко публиковались официальные сообщения, тексты международных договоров или соглашений, заключенных Ираном с европейскими странами, материалы по проблеме Герата. Газета давала возможность читателям не просто ознакомиться с жизнью этой страны, но и обогащать свои познания тонкостями систем административного, религиозного и военного управления Каджарского Ирана.

Газета «Кавказ» регулярно черпала информацию о различных сторонах общественной и экономической жизни Ирана из официальной иранской газеты того времени *Рузنامه-йе эттефакийе* («Дневник происшествий»). Кстати, «Кавказ» анонсировал выход *Рузنامه-йе эттефакийе* (26 января 1851 г.) в Тегеране уже в середине февраля 1851 г. «Ориенталисты, - сообщала газета, - вероятно, поблагодарят нас за извещение, что в нынешнем году будет издаваться в Тегеране, по распоряжению первого министра Мирзы Таги-хана, газета под редакцией известного всем бывшим последние 10 или 15 лет в Тавризе великобританского подданного Бёрджеса» (Газета «Кавказ»¹ 1851, №13). Вместе с тем, редакция газеты напомнила читателям о неудачной попытке 7-летней давности прежнего первого министра Хаджи Мирзы Агаси по учреждению еженедельного листка — свет увидели всего три номера данного издания.

¹ Далее в ссылках - «Кавказ»

«Кавказ» публиковал сведения о торгово-экономическом положении Ирана, которые представляли интерес в качестве вспомогательного материала для исследователей региона: «Записки о Персии» («Кавказ» 1852, №75), «О состоянии торговли Тавриза в 1851 г.» (там же: 348), «О состоянии торговли в Гиляне в 1852 г.» («Кавказ» 1853, №5), «О состоянии торговли в Астарбаде и Мазандеране в 1852 г.» («Кавказ» 1853, №19) и др. Проявляя интерес к данной тематике, газета «Кавказ» руководствовался не только познавательной стороной вопроса. Учитывая традиционные тесные торгово-экономические связи кавказского региона с Ираном, а также тот факт, что Кавказ служил своеобразным транзитным мостом между Ираном и европейскими странами, любая информация, касающаяся торгово-экономического положения Ирана, имела и практическое значение для заинтересованных лиц и учреждений. В этом ключе следует рассматривать, например, публикацию документа «Правила транзита через Закавказский край европейских товаров в Персию и азиатских товаров из Персии в Европу» («Кавказ» 1853, №№ 18-19), который четко определял порядок транзитных перевозок.

В газете публиковались пространные отрывки из записок путешественников, посетивших Иран. Среди последних было немало востоковедов, проявлявших особый интерес к этой стране. Их материалы стали существенным вкладом в историю, географию и этнографию региона. Следует упомянуть, например, статью Александра Ходзько (1804-1891 гг.), востоковеда и бывшего российского консула в Иране «Гилян, или прикаспийские болота (историческое и географическое описание страны, лежащей на южном берегу Каспийского моря)» («Кавказ» 1851, №№ 7; 8; 10; 11; 16). Позже появилась целая серия подобных работ: «Записки о Персии» («Кавказ» 1852, №75), «Поездка в Персидский Курдистан (извлечение из письма Н.Ханыкова к А.В.Головину)» («Кавказ» 1853, №№22,23), «Остров Ашураде» («Кавказ» 1853, №29), «Курды и страна, ими обитаемая» («Кавказ» 1853, №№38,39), «Курды» («Кавказ» 1854, №5), «Письма с дороги в Персию» («Кавказ» 1856, №47) Адольфа Берже, материал о поездке Н.В.Ханыкова в Хорасан («Кавказ» 1858, №86) и др.

Постоянной темой для обсуждений было положение вооруженных сил Ирана, военные реформы и деятельность иностранных военных инструкторов в этой стране. Причем, основное внимание обозревателей газеты было приковано к вооруженным силам граничащих с Кавказом отдельных северных провинций Ирана. Так, например, в 13 номере газеты за 1851 г. был опубликован отрывок из книги Ходзько о военной силе Гиляна, способе ее комплектования, составе и количестве. Автором справедливо отмечена одна ее особенность: из-за преимущественно лесной и болотистой местности этой провинции использование там кавалерии справедливо считалось бесполезным, и по этой причине единственную вооруженную силу Гиляна представляла пехота так называемых *тофангчиев* («Кавказ» 1851, №13) (стрелков), что находит свое подтверждение во многих документальных источниках того периода.

В 1853 г. на страницах газеты была опубликована статья «Военная сила Персии», написанная на основе известной работы подполковника русской военной службы И.Ф. Бларамберга «Статистическое описание Персии». Сама работа была написана еще в 1841 г., и редакция газеты отмечала, что с тех пор в иранской армии многое изменилось («Кавказ» 1853, №№ 36, 37). Газета ознакомила читателей с переводом сообщения из иранской газеты о деятельности «Военной Академии» в Тегеране – первого учебного заведения европейского типа в Иране *Дар оль-Фонуне*, открытие которого, как известно, произошло по инициативе иранского реформатора

Мирзы Таги-хана («Кавказ» 1854, №49). Газета перечисляет имена иностранных преподавателей, которые были заняты в процессе обучения молодых иранцев. Темы военной академии коснулся еще раз Адольф Берже, один из активных авторов газеты. В своей очередной статье под общим заголовком «Письма с дороги в Персию» Берже рассказал об учебных дисциплинах и деятельности преподавательского состава *Дар аль-Фонуна* («Кавказ» 1856, №47).

Любая значимая информация военного характера находила свое место на страницах газеты: проведение военных маневров и обучении войск в Тегеране, положении армии вообще («Кавказ» 1855, №31; «Кавказ» 1856, №26). Например, в одном из номеров газеты содержится критическое замечание иранского шаха в адрес *садр азама* за отсутствие надлежащего порядка в иранских войсках. Как свидетельствует статья, со ссылкой на иранский источник, первой и основной проблемой иранской армии была невыплата жалования войскам. Другой проблемой армии было незаслуженное присвоение военных чинов. По заявлению шаха, "*Серхенг* [полковник – *Н.Т.-О.*] домогается степени *мир-пенджа* [корпусной генерал – *Н.Т.-О.*], *мир-пендж* – степени *амир-тумана* [дивизионный генерал – *Н.Т.-О.*"]". Кроме того, шах был недоволен, что «Военные офицеры и учителя в училищах ... нисколько не радеют об обучении солдат и дурно занимаются своим предметом. Вследствие чего, приписывается всем *сердари-кюльям* [главнокомандующим – *Н.Т.-О.*], объявить своим подчиненным, что после этого приказа, пока кто из военных чинов не прослужит известного срока к достижению следующей степени, царские награды никому раздаваемы не будут». Еще одна проблема состояла в широком распространении фальшивых *баратов*, или векселей, в войсках на получение определенного количества пшеницы вместо причитаемых денег и жалования. В своем приказе шах требовал не принимать векселя без печати главнокомандующих и доносить им о лицах, нарушивших его приказ. Тем, в свою очередь, следовало сообщать об этом *садр азаму*, который был обязан докладывать уже самому шаху («Кавказ» 1855, №31). Следует заметить, что газета «Кавказ», как правило, не подвергала критическому анализу поступавшие в редакцию материалы из иранских источников. Так, например, она без каких-либо примечаний воспроизвела сведения о количестве родов войск в Иране, которые, на наш взгляд, были слишком преувеличены и не соответствовали действительности («Кавказ» 1857, №75).

В газете нашли отражение события, связанные с подготовкой и проведением иранскими войсками похода на Герат в 1856 году. 12 января 1856 г. была опубликована интересная статья по проблеме Герата. Газета изложила свои соображения о причинах заинтересованности иранского правительства в походе на Герат, со ссылкой на объяснение, приведенное по этому поводу иранским официальным источником 9 декабря 1855 г. Согласно этому сообщению, афганский эмир Дост Мухаммед-хан захватил Кандагар, намереваясь то же самое проделать с Гератом. За этим, по мнению властей, могли последовать беспорядки в провинциях Хорасан, Белуджистан, Керман и других местах. Поэтому, якобы с целью защиты нынешней власти в провинции Хорасан, иранское правительство и предприняло этот поход («Кавказ» 1856, №4).

Газета пристально следила за событиями на подступах к Герату, а также поместила сообщение о его взятии иранскими войсками и о награждении отличившихся во взятии города военных («Кавказ» 1856, №№ 90; 94; 101). Анализу событий англо-иранской войны 1856-1857 гг., возникшей из-за захвата иранцами Герата, была посвящена специальная статья. Причем в качестве источника был

использован материал, опубликованный в иранской официальной газете *Рузнаме-йе эттефакуйе* за декабрь 1856 г. Иранские власти обвиняли Англию в том, что она использовала в качестве предлога для разрыва отношений, а затем и для развязывания войны, инцидент, связанный с неким Мирзой Хашем-ханом и гератской проблемой. В статье изложен весь ход конфликта («Кавказ» 1857, №3). В своем следующем номере газета продолжила обсуждение гератской проблемы: на этот раз на страницах газеты была помещена статья из иранской газеты «О причинах, предшествовавших занятию Герата», переведенная с персидского языка Адольфом Берже («Кавказ» 1857, №4).

Проблема Герата и англо-иранская война также стала предметом обсуждения и неизвестного автора под псевдонимом *Le Nord*. Он рассказал о них в своей статье «Россия, Англия, Герат, Персия» («Кавказ» 1857, №9). Кроме того, было опубликовано сообщение Шоджи оль-Молька о военных действиях под Буширом в феврале 1857 г («Кавказ» 1857, №25).

После заключения 4 марта 1857 г. Парижского мирного трактата по случаю окончания англо-иранской войны газета «Кавказ» опубликовала полностью весь его текст.

В газете часто публиковались частные корреспонденции, поступавшие из Ирана. Причем, когда в тексте использовались не известные читателю персидские названия различных военно-административных или придворных должностей, то, как правило, в примечаниях автор давал необходимые пояснения к ним. Например, в корреспонденции, опубликованной 15 февраля 1859 г. автор поясняет значения таких военно-административных должностей, как *кешикчи-баши*, *насакчи*, *фарраши*, *гулямы*, *гулям-пишхедметы* и т.п. («Кавказ» 1859, №14).

Несомненно интересный материал содержит частная корреспонденция неизвестного автора о попытках Насер эд-Дин-шаха по реформированию административной системы государства. Согласно корреспонденции, зимой 1859 г. «для обсуждения дел» шах учредил «совет министров», а вскоре за тем — и «низший совет», состоящий из 24 человек, которым поручалось рассмотрение и обсуждение различных предметов, за исключением политических вопросов. Оба органа получили название *маслахат-хане* («дом советов или совещаний»). Судя по названию нового органа, шах жаловал ему лишь совещательные функции. Был назначен председатель (*раис*) совета. По мнению шаха, именно отсутствие подобного органа в прошлом и было основной причиной того, что страна не находилась на должном уровне. По повелению шаха, раз в неделю крупные сановники и чиновники должны были собираться вместе и совещаться по государственным делам, а окончательные соображения, выработанные на совете, — представлять шаху на утверждения. По решению шаха, для большей активности в государственных делах следовало учредить еще один совет — *меджлис*, «члены которого, - по словам шаха, - будут заниматься каждый день по шесть часов государственными интересами и улучшениями народного благосостояния». Шах призывал участвовать в деятельности этого совета, подавать проекты по улучшению народного быта и представлять их председателю совета. Члены совета могли передавать свои проекты в виде докладов *пишхедмат-баши* (придворная должность), который во время официального шахского приема передавал бы их шаху. В тех случаях, когда не удавалось достичь согласия между членами совета, вопрос должен был решаться в пользу большинства. Если же голоса делились поровну, предложения должны были передаваться на рассмотрение совету министров, которому и следовало принимать окончательное решение.

Вместе с тем, было строго оговорено, что в функции совета (*маслахат-хане*) не входит обсуждение политических вопросов. По определению шаха, «он обязан заниматься рассуждениями о развитии торговли и земледелия, о введении полезных и уничтожении вредных постановлений и обычаев, о расширении просвещения и промышленности, проведении каналов и орошении земель искусственным образом, о разведении садов, устройстве заводов, улучшении дорог, об увеличении казенных доходов и уменьшении расходов, о возвышении справедливости и уничтожении притеснений, об усилении народонаселения и безопасности наших подданных и тому подобных предметах» («Кавказ» 1859, №99).

«Кавказ» не оставлял без внимания деятельность французских военных инструкторов, прибывших в страну в 1858 г., и следил за результатами их деятельности («Кавказ» 1859, №№ 4; 19; 22; 63; 91; «Кавказ» 1860, №47; «Кавказ» 1862, №89).

Из серии материалов, посвященных административному устройству Каджарского Ирана, в первую очередь, следует отметить статьи известного русского исследователя Кавказа и народов Востока Адольфа Петровича Берже (1828-1886 гг.), внесшего неоценимый вклад в развитие исторической науки, археологии, кавказоведения и востоковедения на Кавказе. Особая заслуга Адольфа Берже состоит в том, что под его редакцией в 1866-1886 гг. в Тифлисе был издан редчайший по своему богатству документов огромный сборник «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией». Как известно, эта комиссия находилась в ведении Главного управления Наместника Кавказского. «Акты» и по сей день являются ценнейшим документальным источником по изучению Кавказа и народов Востока. Не следует забывать и о том, что Адольф Берже — одним из основателей Кавказского музея в Тифлисе. После его смерти во дворе Кавказского музея друзья поставили ему памятник, который в дальнейшем, как известно, бесследно исчез.² В нашем распоряжении находится фотография этого памятника, которую мы здесь помещаем.

Статьи и комментарии Берже свидетельствуют о его глубоких знаниях по Ирану. Наглядным примером может служить его статья «О должностях в нынешней персидской администрации (Из записок русского путешественника, посетившего Персию)», вышедшая сразу после возвращения Адольфа Берже из поездки в Иран в 1853-1854 гг.³ Как известно, Берже послали в Иран с целью научных исследований в 1853 г. и в 1855 годах. Статья привлекает внимание, прежде всего, тем, что автор, в отличие от многих современных ему путешественников, к трактовке тех или иных вопросов подходит с позиции востоковеда, а не праздного, стороннего наблюдателя. Его анализ — это не впечатления рядового путешественника, а умозаключения зрелого исследователя-ираниста. В упомянутой статье Берже дает развернутую картину структуры административного устройства Ирана. Следует заметить, что исследователь находился в Иране в тот период времени, когда там по инерции, заданной бывшим премьер-министром и реформатором Мирзой Таги-ханом, продолжали упражняться в проведении ряда реформ, затрагивающих, в том числе, и административную часть. Автор дает детальные объяснения значения и функций

² Сложно сказать, когда конкретно памятник А. Берже исчез со двора Кавказского музея в Тифлисе - в период меньшевиков или в ранний советский период. Ясно одно, что убрать его могли после празднования названия «Кавказский музей», когда культурное наследие прежнего режима стали подвергать ревизии.

³ Позднее, в 1855 г., вышла в свет его книга «Отрывки из путешествия в Персию в 1853-1854 гг.» (Берже 1855).

каждой административной должности. Берже, к примеру, делает ценные замечания о трансформации значения должности *визиря*. Указывая, что «визирем в настоящее время называется то лицо, которое управляет администрацией, препорученной какому-либо губернатору», Берже тут же поясняет, что есть различие между визирями, назначаемыми от правительства (это большей частью – родственники великого визиря) и назначаемыми от самих губернаторов. «В настоящем положении в Персии, - добавляет автор, - они имеют на своей стороне всю власть, честь же принадлежит губернатору».

Берже останавливается на трактовке таких военных терминов, как например, *амир незам*, *вазир незам*, *сардар-е колл* и проч. Им подробно разобрана функция *мустоуфи оль-мамалека*, или министра финансов, рядовых *мустоуфи*, или тех *провинциальных мустоуфи*, за которыми были закреплены определенные провинции Ирана (Газета "Кавказ" 1854, №77).

Интересны его трактовки должностей, связанных с исполнением функций финансовых инспекторов – так называемых *мухассилов*, а также с чеканкой монет, системой перевода денег, взиманием долга и проч. Берже касается и специфики таких придворных должностей, как *саркешикчи-баши*, *пишхедмет-баши*, *мир-ахор* и т.п.

В 1855 г. в газете была опубликована серия из шести его писем под названием «Фельетон. Письма с дороги в Персию». Первое письмо было опубликовано в №38, а шестое, озаглавленное «Письма путешественника К.Перски» – в №71 газеты («Кавказ» 1855, №№ 38; 71).

Адольф Берже часто выступал с рецензиями и комментариями по поводу публиковавшихся в газете материалов по Ирану. Например, в №71 за 1855 г. он написал отзыв на книгу востоковеда И.Н.Березина «Путешествие по северной Персии» (Березин 1852). Работа Березина заслужила много хвалебных отзывов. Тем не менее, Адольф Берже нашел немало неточностей в шестой главе книги и в своем отзыве указал на необходимость исправления ошибок, допущенных ориенталистом, который к тому времени уже успел завоевать авторитет в России. Например, в противовес Березину, Берже утверждает, что не только религиозные, но и светские дела рассматриваются и решаются шариатом. Берже оспаривает семантическое значение терминов *мобарак* и *халат* и дает в этой связи их определение, он справедливо указывает на неверное понимание Березиным значения и функций таких высших должностей в военной администрации, как *везир-е низам*, *везир-е лешкер* и *лешкер-невис-баши*. К числу подобных погрешностей автора относится и несуществующая должность *эмир-дариа* – адмирала, в связи с чем Берже поясняет, что подобной должности в Иране не существует, но есть два человека, носящих титул *дариа-беги* – адмирала, в ведении одного из которых находится несуществующий флот на Каспийском море, а в ведении другого – Персидский залив. Берже находит в книге Березина и другие неточности. По утверждению Берже, например, таких придворных должностей как *ич-агаси*, *утакдар-баши* и *куречи-баши* в Персии никогда не было. Он также считает ошибочным определение Березиным должности *Мелик-уш-шуары*, когда тот пишет: «Почетную должность при дворе занимает Мелик-уш-шуара, князь поэтов и государственный историограф» (там же: 227). По верному замечанию Адольфа Берже, «эти две – совершенно различные должности».

Комментарии Берже содержат много интересных деталей о личности одной из наиболее противоречивых фигур в истории Ирана – первого министра Мохаммад Али-шаха Каджара (1834-1848) Хаджи Мирзы Агаси. Берже находит, что Березин несправедливо ругает Хаджи Мирзу Агаси, приписывая ему такие качества, как

злость и скупость. Согласно Берже, после смерти шаха Хаджи Мирза Агаси сел в бест в Шах Абдул Азиме, после чего было конфисковано все его имущество, где впоследствии не обнаружили ни денег, ни сокровищ. Что же касается его огромной библиотеки, то еще при жизни шаха он намеревался передать ее в качестве вакфа в Кербелу. Однако после его смерти библиотека была расхищена. Еще за год до кончины шаха он передал ему все свое имущество на основании «полюбовной сделки». Причем, по замечанию Берже, Хаджи Мирза Агаси так и не принял от шаха титула *садр азама*, т.е. первого министра, а довольствовался скромным титулом *аги* (господина) и называл себя дервишем. По утверждению Берже, было общеизвестно, что Хаджи Мирза Агаси не любил турок, в меньшей степени – англичан, а по отношению к русским был проникнут верностью. Вместе с тем, он не был фанатиком: он покровительствовал не только армянам, но и также гебрам и евреям. И, наконец, Берже характеризует его, как «замечательного человека» («Кавказ» 1855, №71).

Таким образом, материалы, опубликованные на страницах газеты «Кавказ» в период с 1851 по 1861 гг., включая оригинальные статьи и комментарии молодого востоковеда Адольфа Берже, затрагивают важнейшие события, происходившие в Каджарском Иране, дают многосторонний анализ реалий Ирана того времени. Газета «Кавказ» остается важным вспомогательным источников для исследования русско-иранских отношений середины XIX века.

Памятник А. Берже, некогда находившийся во дворе Кавказского музея
(фото из архива автора)

БИБЛИОГРАФИЯ

- Березин И.Н. (1852), *Путешествие по северной Персии*, Казань.
- Берже А. (1855), *Отрывки из путешествия в Персию в 1853-1854 гг.*, Тифлис.
- Газета «Кавказ»* (1851), №№ 3,7,8,10,11,16, Тифлис.
- Газета «Кавказ»* (1852), №75, Тифлис.
- Газета «Кавказ»* (1853), №№ 5,18,19, 22,23, 29, 36,37, 38,39, Тифлис.
- Газета «Кавказ»* (1854), №№5,49,77 Тифлис.
- Газета «Кавказ»* (1855), №№ 31,38,71, Тифлис.
- Газета «Кавказ»* (1856), №№ 4, 26, 47, 90, 94, 101, Тифлис.
- Газета «Кавказ»* (1857), №№ 3,4, 9,25,75 Тифлис.
- Газета «Кавказ»* (1858), №86, Тифлис.
- Газета «Кавказ»* (1859), №№4,14,19,22,63, 91, 99, Тифлис.
- Газета «Кавказ»* (1860), №47, Тифлис.
- Газета «Кавказ»* (1862), №89, Тифлис.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ МОРАЛЬНОГО РЕАЛИЗМА¹

Янь Сюэпун

Университет Цинхуа, Пекин

Если у вас большая страна, но бестолковая политика, то это ограничит её влияние; если у вас маленькая страна, но компетентная политика, то это приведёт к развитию.

«Гуань-цзы», 23:4

Abstract

In the 1980s, having been traumatised by the experience of the Cultural Revolution, the Chinese government avoided ideology in foreign policy shaping and thus tabooed its role. However, in the 1990s, communist ideology as the starting point for determining China's foreign policy, was being consistently replaced by the concept of "national interests". The author of the present research, who also contributed to this process, noticed later that people tend to approach the concepts of "interest" and "morality" as opposites. "Morality" as a policy determining factor is then narrowed to a notion that obviously contradicts "national interests". The present work focuses on the idea of how to combine the concepts of "interest" and "ethics" while pursuing the broader goal of strengthening social and international justice.

Keywords: *Morality, Ethics, Ideals, Social Justice, World Order, Political Leadership, USA, China*

Аннотация

В 1980-е годы XX века, будучи травмированным опытом Культурной революции, китайское правительство избегало идеологии в формировании внешней политики и табуировало её роль. Однако в 1990-е годы, в том числе, не без влияния автора настоящего исследования коммунистическая идеология в качестве отправной точки определения внешней политики стала заменяться понятием «национальные интересы». Впоследствии автор заметил, однако что люди часто считают понятия «интерес» и «мораль» противоположными друг другу. В результате, зачастую нравственность при определении политики государства рассматривается как понятие, заведомо противоречащее национальным интересам. Именно разработке идеи совмещения интереса и этики в целях укрепления социальной и международной справедливости посвящается эта работа.

Ключевые слова: *Мораль, этика, нравственность, социальная справедливость, мировой порядок, политическое лидерство, США, Китай*

Основные вопросы теории морального реализма² – каким образом возвышающаяся страна может занять положение лидирующей страны в мире, а также вопрос об изменении «мирового центра силы». Основной ответ, который моральный реализм даёт

¹ Данная статья – часть более широкого исследования Яня Сюэпуна, озаглавленного «Смещение мирового центра силы. Политическое лидерство и стратегическая конкуренция», Пекин: Издательство Пекинского университета. 2015. - 233 с. (на кит. языке). Перевод статьи – Татьяна Жирова и Дай Чуан, редактор перевода - Лариса Смирнова.

² «Моральный реализм» - термин, введённый в оборот доцентом Австралийского национального университета Чжаном Фэном. Он предложил называть «моральным реализмом» результат смещения западной теории реализма в международных отношениях и древнекитайской философии «таоизма».

на эти вопросы, следующий: возвышающаяся страна может достичь успеха в том случае, если потенциал её политического лидерства превысит потенциал лидирующей на мировой арене страны. В определённой степени данное толкование подходит и для других, более слабых государств, которые сталкиваются с проблемой преодоления давления более сильных государств в международной политике. Теоретическая конструкция морального реализма сталкивается с двумя основными проблемами: во-первых, может ли теория, уделяющая такое большое внимание морали, считаться реализмом; во-вторых, возможно ли, рассматривая политическое руководство в качестве одной из независимых переменных, создать систематическую научную теорию. Мы постараемся ответить на два этих вопроса, а именно: как соотносятся понятие морали и теория реализма и как научно аргументировать логику теории морального реализма.

Раздел первый. Понятие морали в теории морального реализма

1. Ошибочное толкование реализма

Изначально термин политического реализма был введён в теорию мировой политики американским политологом Гансом Моргентау. Некоторые ошибочно полагали, что теория реализма отрицает нравственные принципы в политике. В этой связи, Кен Томпсон и Дэвид Клинтон отмечали: «Именно по этой причине Моргентау больше всего подвергался критике. Теория политического реализма включает в себя правовые доктрины, моральные ценности, либерализм, конструктивизм и так далее, тем самым объединяя в себе различные научные подходы» (Morgenthau 2004: 23). В 2013 году автор этих строк работал с американским политологом Джоном Миршаймером, основоположником теории «наступательного реализма», который, критикуя меня за внесение понятия морали в теорию реализма, сказал мне: «Истинный реалист должен больше всего избегать как раз чувства морали, больше всего избегать лезть не в своё дело» (Mearsheimer/ Yan Xuetong 2013). Он также сказал: «Профессор Янь предлагает реализацию такой дипломатической стратегии Китая, где приоритетом станет достижение морального превосходства, но, на мой взгляд, такой подход только увеличивает риски для Китая. Поверьте мне, я как раз родом из такой страны. США – это нация с самым сильным и устойчивым чувством моральной ответственности, но американская дипломатия, основанная на моральном превосходстве, привела нас к вмешательству в большое количество международных споров и даже к образу агрессора» (там же).

Обратившись к фундаментальному труду Г. Моргентау «Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир», в котором он раскрывает тему морали в теории политического реализма, читатель заметит, что реализм не только не избегает вопросов морали, но, напротив, подчёркивает необходимость правильно оценивать роль морали в международных отношениях. Г. Моргентау пишет: «Говоря о международной морали, необходимо избегать двух крайностей: нельзя переоценивать влияние этики на международную политику, но нельзя и недооценивать её влияние, нельзя отрицать, что в своих действиях политики и дипломаты руководствуются и другими мотивами, помимо реальной силы» (Morgenthau 2004: 240). Два из шести принципов политического реализма Моргентау касаются морали. Один из них подчёркивает, что международная мораль конкретна, а не абстрактна. Моргентау пишет «Реализм настаивает на том, что международные моральные принципы не могут служить абстрактным обоснованием действий государств; их применимость должна

рассматриваться в контексте конкретного времени, места и среды». Другими словами, страна не имеет права от имени представляемого ею народа полагать, что «ради справедливости можно не пожалеть уничтожить мир». Другой принцип реализма Моргантау предполагает, что мораль отдельной страны – это не то же самое, что международная мораль. «Политический реализм отказывается идентифицировать моральные цели определённой нации с основополагающими общечеловеческими моральными законами» (там же: 12).

В книге Г. Моргантау - целых две главы, в которых рассматриваются вопросы международной морали. Он не приводит доказательств полезности морали для международной политики, а показывает, насколько ошибочной, и даже вредной, может быть замена международной морали моралью национальной. По мнению автора, невозможно отрицать позитивную роль моральных принципов в международной политике, однако, необходимо различать истинную международную мораль и ложную международную мораль. Моргантау пишет: «Ошибочным является путать ситуацию, когда люди на самом деле следуют моральным нормам, с ситуацией, когда они делают вид, будто придерживаются моральных норм. Не следует также путать её с ситуацией, когда только писатели в своих произведениях требуют, чтобы люди следовали моральным правилам» (там же: 240). В реалистичной международной политике люди сталкиваются с дилеммой морального выбора. С одной стороны, они должны следовать основному этическому принципу, согласно которому никто не может быть лишён жизни с другой стороны, требуется лояльность интересам своей страны, а в случае войны основной целью становится уничтожение сил противника. Г. Моргантау называет это моральное противоречие «конфликтом между наднациональной этикой и национальной этикой» (там же: 260). Он считает, что после появления национальных государств лояльность своей стране постепенно стала основным правилом морали, что привело к ослаблению общечеловеческого этического принципа, согласно которому никто не может быть лишён жизни. Именно поэтому Г. Моргантау выступает против начала войны под предлогом защиты моральных ценностей одной страны, а также против подмены общепринятых в международном сообществе нравственных норм моралью одной страны. Он открыто говорит о том, что политика США по разжиганию войн якобы в целях защиты «прав человека» является ошибочной (там же: 267). На основе этих аргументов, Г. Моргантау объясняет причины Первой Мировой Войны развитием в то время националистических идей, в этом его позиция схожа с взглядами многих его современников. Тем не менее, всё это показывает, что он отнюдь не отрицает роль морали, но полагает, что основанные на верных моральных принципах действия государств оказывают позитивное влияние на международный порядок.

Джон Миршаймер считает, что призыв автора этих строк подчёркивать мораль во внешней политике Китая скрывает в себе опасность. На первый взгляд, его доводы выглядят близкими аргументам Г. Моргантау, но на самом деле отталкиваются от неправильного понимания теоретической базы принципов Моргантау. Г. Моргантау полагает, что подмена международной морали моралью одной страны является опасной однако, он отнюдь не считает, что опасно следовать общепринятым этическим нормам и выражает беспокойство по поводу того, что роль общепринятой морали непрерывно ослабевает. Дж. Миршаймер ошибочно полагает, что автор этих строк призывает Китай подчёркивать свою собственную мораль, а не универсальные моральные принципы. В действительности моральный реализм оперирует этическими концептами, имеющими универсальную, а не национальную ценность, а говоря конкретно, такими понятиями,

как справедливость, правосудие, цивилизованность и честность (Yan Xuetong 2013: 15-28).

Кроме того, по вопросу о том, как реализовать на практике международные моральные принципы, наша теория морального реализма схожа с аргументами Г. Моргентау. Г. Моргентау считает, что мораль нельзя навязать другим военной силой, а можно только привлечь другие страны своим примером. В частности, он писал:

«Джон Куинси Адамс (John Quincy Adams) полагает, что Соединенные Штаты должны не навязывать свои принципы управления другим, а, скорее, выступить в качестве ролевой модели для других народов. Как правило, Соединённые Штаты так и поступают. По словам Томаса Пейна (Thomas Paine), Американская революция была «не только для американцев, но и для всего человечества», но, тем не менее, в своей политике американцы придерживались принципа, что эти универсальные принципы не должны распространяться огнем и мечом, а становиться известными человечеству благодаря примеру американских успехов. В этом заключается огромная разница между, с одной стороны, пониманием ранними Соединёнными Штатами своих отношений с остальным миром, а с другой – пресловутыми вильсоновскими принципами» (Morgenthau 2004: 266).

Идеи Моргентау очень близки к понятию «подавать личный пример» (“以身作则”, «и шэнь цзо цзэ») в китайской культуре. В ответ на критику Миршаймера, автор этих строк объяснил, почему акцент на общечеловеческие этические принципы в китайской внешней политике не содержит в себе военной опасности (Mearsheimer/Yan Xuetong 2013). Моя логика основывается на том, что существует большая разница между конфуцианской идеей «если к тебе обращаются за знаниями, не отказывай; но не стремись по собственной инициативе поучать других» (“来而不拒, 不往教之”, «лай эр бу цзюй, бу ван цзяо чжи») и христианским прозелитизмом. На основании приведённых выше взглядов Моргентау, некоторые из ранних американских мыслителей полагают, что нет нужды в использовании военной силы для экспорта этических ценностей. Достижение моральных целей не может быть предлогом для развязывания войн. Однако многолетняя американская практика развязывания войн под предлогом реализации моральных целей привела к тому, что американские теоретики международных отношений стали ошибочно путать понятия «достижение моральных целей» и «экспорт моральных ценностей военным путём».

В классической теории реализма, представителем которой является Моргентау, рассматриваются взаимосвязи между следованием моральным ценностям и развязыванием войны, однако, не рассматриваются взаимосвязи между следованием этическим ценностям, с одной стороны, и повышением комплексной реальной силы государства, а также укреплением его международного авторитета, с другой; не рассматривается и потенциал, который возникает у отдельных государств, в случае следования им этическим ценностям в деле лоббирования этим государством эволюции международных правил. Именно здесь и открывается исследовательское поле для морального реализма. Международные этические принципы наполняются различным конкретным содержанием в разные исторические эпохи, поэтому при разработке теории морального реализма необходимо не только оценивать международные моральные ценности сами по себе, но и исследовать роль международных этических принципов в эволюции обществ.

2. Взаимосвязь между следованием моральным принципам и повышением силы и авторитета государства

Поскольку моральный реализм является разновидностью теории реализма, он также рассматривает действия государства через призму основных понятий реализма, а именно: власти, силы и интереса. Следовательно, нам необходимо семантически определить четыре понятия: «власть», «сила», «интерес» и «мораль».

В английском языке слово «сила» (“power”) обозначает сразу несколько понятий, в том числе «контроль», «авторитет», «власть», «влияние», «сила», «способность» и так далее.³ Таким образом, в англоязычных книгах и статьях по международным отношениям слово «сила» (“power”) часто без разграничений используется для обозначения понятий «власть» и «сила». Ещё Моргентау писал о том, что в теории международных отношений нюансы значения между понятиями «власть» и «сила» необходимо чётко разделять: именно поэтому в своей книге «Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир» он использует слово «сила» “power” для обозначения понятия «власть», но выражение «элементы власти» (“elements of power”) - для обозначения понятия «сила» (Morgenthau 2004: 13, 122). Однако, в его использовании выражение «элементы власти» можно понимать и как «элементы власти», и как «элементы силы». Моргентау включает в своё понятие «элементов власти» такие факторы, как география, природные ресурсы, трудоспособность, военный потенциал, население, национальный характер, национальный дух, дипломатические таланты, качество управления и т.д. Все эти факторы вместе сливаются в его теории в единое понятие власти (там же: 122-162). Объективно говоря в работе Моргентау понятие «власть» (“power”) всё же иногда обозначает «могущество», а иногда - «силу», а порой и то, и другое. Неспособность Моргентау чётко разграничить понятия «власть» и «сила» определяет два недостатка в его концепции. Во-первых, он предложил использовать «power» для определения национальных интересов, но не учёл, что “power” может по себе быть как национальным интересом, так и основой для определения национального интереса (Янь Сюэтунь 1996: 47-50). Если “power” обозначает «власть», то она является национальным интересом сама по себе; если же “power” обозначает «силу», то она служит основой для определения национальных интересов. Второй недостаток связан с тем же: Моргентау не даёт чёткого разъяснения, является ли “power” самоцелью внешней политики или же инструментом для достижения целей. Если “power” – это «власть», то она скорее является политической целью; если же это «сила», то она служит инструментом для достижения целей. Именно вследствие отсутствия чёткого разграничения между понятиями «власть» и «сила» Моргентау оказывается не в состоянии ответить на вопрос о взаимосвязях между «моралью» и «властью» (“power”).

В китайском языке понятия власти (权利, «цзюаньли») и силы (实力, «шили») обозначаются двумя разными словами, первое из которых подчёркивает политическое влияние, а второе – способность это влияние оказывать. К примеру, юрисдикция полиции – это власть, а уровень физического состояния спортсмена – это сила. Эти два понятия невозможно перепутать. Благодаря чёткому смысловому различию между «силой» и «властью» в китайском языке, китайские теоретики международных

³ Webster’s New Collegiate Dictionary (1977), Massachusetts: G. & C Merriam Company: 902.

отношений имеют возможность точнее ответить на вопрос о том, как эти два понятия взаимосвязаны с национальным интересом, а также как эти два понятия взаимосвязаны с моралью. Возможно, для китайских теоретиков морального реализма язык становится фактором некоторого сравнительного преимущества.

Моральный реализм подразумевает, что власть является ключевой составляющей национального интереса, а, следовательно, целью, достижение которой ставит перед собой внешняя политика. Национальный интерес может включать в себя четыре аспекта: политику, безопасность, экономику и культуру, но все они касаются власти. Национальный суверенитет – это политический интерес, боеспособность – это интерес безопасности, экономическое развитие – это экономический интерес, вероисповедание – это в широком понимании культурный интерес (там же: 23). С точки зрения международной политики, суверенитет над территорией, права на использование моря, право голоса в международных организациях, права на освоение космического пространства – всё это входит в понятие национальных интересов. Пояснив, что власть сама по себе является национальным интересом, мы сможем избежать замкнутого круга, присущего теории Моргентау, когда при определении понятия «национальный интерес» через понятие «власть» (“power”), фактически понятие интереса оказывается определяемым через само себя.

Моральный реализм признаёт, что «сила» является основой для определения национальных интересов, а также инструментом для их достижения. Составляющими силы являются как материальные, так и нематериальные ресурсы страны. Она включает в себя четыре группы элементов: политические, культурные, военные и экономические. Политика играет роль активной силы, а три другие группы элементов – её ресурсы (Yan Xuetong 2011: 100-102). Все вместе эти четыре группы элементов составляют общую силу государства, на основе которой определяются его национальные интересы (Янь Сюэтуан 1996: 47-49). Например, сила, находящаяся в распоряжении страны-гегемона, определяет её интерес в поддержании существующего баланса власти в международных отношениях, однако, растущая сила возвышающейся страны определяет её интерес в перераспределении власти в международных отношениях. Интерес региональной державы – в том, чтобы поддерживать своё региональное лидерство, а не в том, чтобы стремиться к мировому лидерству. Ярким примером являются США, которые после Холодной войны стали самым мощным государством в мире, что определило их интерес в поддержании своей гегемонии на международной арене. С другой стороны, после распада СССР Россия потеряла присущую великой державе мощь, а, следовательно, борьба за мировую гегемонию уже не отвечает её интересам.

Методика определения национальных интересов с помощью силы имеет ещё одно преимущество: она позволяет, очертив верхние и нижние границы национальных интересов, верно выбрать рациональный стандарт для действий государства. Очерчивание нижнего предела позволяет избегать ошибочного преследования, под видом национальных интересов, нереалистично завышенных надежд. К примеру, после терактов 11-го сентября правительство Джорджа Буша младшего поставило перед собой радикальную цель в сфере стратегической безопасности в виде полного искоренения терроризма в мире, что привело к огромным растратам силы США, но не позволило достичь поставленной цели. Террористическая деятельность, как и казнокрадство – это вещи, которые всегда были в мире, и как бы государство ни применяло силу, искоренить их полностью не получится никогда. На своём

собственном опыте американское правительство быстро пришло к пониманию того, что цель искоренения терроризма является превосходящей возможностью США, завышенной и нереалистичной целью, в результате чего снизило приоритеты стратегической безопасности до целеустановки снижения террористической угрозы вместо её полного искоренения.

Очерчивание нижнего предела национальных интересов позволяет избегать катастрофически конфронтационных ситуаций вследствие игнорирования фундаментальных интересов других стран. К примеру, в 2012 году мощь японского и китайского флота оставались на паритетном уровне, и стороны имели возможность сохранить статус-кво в территориальном споре вокруг островов Дяоюйдао, отложив в сторону принципиальные разногласия. Однако японское правительство проигнорировало, что мощь китайского флота определяет грань допустимого при определении китайских интересов и что Китай не сможет легко смириться с «национализацией». Односторонние действия японского правительства привели к тому, что китайское правительство объявило о прохождении через острова Дяоюйдао сходной линии и начало морское и воздушное патрулирование в их районе.⁴ Из-за изначально неверной оценки нижней грани китайского терпения, определяемой достигнутой Китаем мощью, японская сторона поставила перед собой нерациональные цели, что, в конечном счёте, привело её к нежелательному политическому поражению.

Чётко определив для себя различия между понятиями «власть» и «сила», нам также необходимо прояснить значение понятия «мораль», а также взаимосвязь между следованием моральным принципам и повышением собственной власти и силы. Хотя конкретное содержание международных моральных принципов меняется с течением времени, некоторые универсальные принципы остаются незыблемыми на протяжении эпох, например: соблюдать договоры, не убивать дипломатов и эмиссаров, возвращать долги, оказывать почести главам государств и др. Эти неизменные испокон веку нормы представляют собой самые базовые стандарты морали в международных отношениях, но в то же время, именно благодаря своей сравнительной нетребовательности, они и получили всеобщее признание среди стран мира. Эти базовые моральные принципы стали общепринятой практикой для подавляющего большинства стран. Следовательно, можно сказать, что в международной политике моральные нормы низкого уровня, в конечном счёте, обладают большим общественным влиянием, чем моральные нормы высокого уровня. Так, подавляющее большинство государств – в состоянии соблюдать заключённые договоры, однако, лишь относительно небольшое число стран имеют возможность предоставлять экономическую помощь странам, пострадавшим от стихийных бедствий.

Мораль, по способу своего воздействия на власть, можно проанализировать в двух различных типах ситуаций. Есть ситуации, когда следование международным моральным нормам или их нарушение способствует повышению или, соответственно, понижению легитимности и авторитета этой страны, даже если это не обязательно приводит к росту или ослаблению её силы. Например, сопротивление Палестины политике Израиля по поглощению её территории путём создания поселений соответствует международным моральным нормам, поэтому в 1955-2013 гг. Палестине удалось 77 раз добиться категорического осуждения Израиля при голосовании в

⁴ “China Ships in Disputed Waters: Japan Coast Guard”, *Press TV*, (August 2, 2013), <http://www.presstv.ir/detail/2013/08/02/316811/china-ships-in-disputed-waters-japan> (accessed on August 11, 2014).

Генеральной Ассамблее ООН.⁵ Хотя соответствующие международным моральным нормам действия Палестины повысили её легитимность в вопросе защиты своего территориального суверенитета, однако, отнюдь не привели ни к росту её реально-силовых возможностей по охране своей территории, ни дали ей возможность остановить расширение Израиля за счёт строительства поселений. Обратным примером является пришедшее к власти в 2012 году в Японии правительство Синдзо Абэ, которое, в целях освобождения Японии от международных обязательств и военного строительства, предприняло попытку отрицать японские преступления во время Второй мировой войны. Посещение Абэ, в официальном статусе премьер-министра, храма Ясукуни, где почитаются японские военные преступники класса «А», нарушало международные моральные нормы, что привело к критике не только со стороны Китая и Кореи – стран, подвергшихся японской агрессии во время Второй мировой войны, но и к регулярной критике его действий со стороны европейских средств массовой информации, и даже к тому, что США, главный союзник Японии, приказали своему послу в этой стране опубликовать декларацию с «выражением разочарования» (Oshima/Takashi 2013). Хотя аморальные действия правительства Абэ ослабили легитимность наращивания им военной мощи, однако, отнюдь не сократили потенциал японского военного строительства: расходы правительства Абэ на оборону в 2013 году увеличились на 3%, превысив темпы роста ВВП за этот год (Sweetman 2013).

Во-вторых, есть и такие ситуации, когда следование международным моральным нормам или их нарушение не только способствует повышению или понижению легитимности и авторитета этой страны, но и приводит к усилению или, соответственно, ослаблению государства. Следование международным моральным нормам помогает укрепить мобилизационные возможности страны во внутренней и внешней политике, а мобилизационные возможности могут преобразовываться в материальную силу. К примеру, в 1990 году США предприняли военную операцию в Персидском заливе в целях наказания иракского правительства Саддама Хусейна за аннексию Кувейта, что соответствовало признаваемому ООН принципу защиты территориальной целостности. В результате, более двадцати государств направили свои войска на поддержку американской операции (Ежегодник "Знания о мире" 1992: 2). С точки зрения США, следование международным моральным нормам значительно усилило американские военные возможности по проведению этой операции. Что касается правительства Саддама Хусейна, то, совершив противоречащий международным моральным нормам акт аннексии Кувейта, оно хоть и не снизило свой военный потенциал, но навлекло на себя военное противостояние с военными силами многих государств во время войны в Персидском заливе. Таким образом, даже если нарушение моральных норм не обязательно приводит к реальному ослаблению конкретного государства, оно может с большой долей вероятности привести к снижению его относительного потенциала.

⁵ If Americans Knew. "UN Resolutions Targeting Israel and the Palestinians. <http://ifamericaknew.org/stat/un.html> (accessed on February 10, 2018).

3. Взаимосвязь между международным авторитетом и международным лидерством

Моральный реализм рассматривает существование государства в качестве первостепенного национального интереса, так как в случае, если государство прекращает своё существование, уже не может идти речи ни о каких его интересах. Именно поэтому теория морального реализма игнорирует вопросы нравственности в том случае, если речь идёт о вопросах безопасности, затрагивающих выживание государства. Вопрос выживания, в целом, не стоит перед страной-гегемоном и возвышающейся страной: их волнуют скорее вопросы перераспределения влияния в системе международных отношений, чем вопросы существования как таковые, а их конкуренция связана с тем, что страна-гегемон стремится к сохранению своих лидерских позиций, а возвышающаяся страна – к повышению своего влияния. В ситуации подобного конфликта интересов сила, требующаяся для реализации целей каждой из сторон, непосредственно связана с вопросами морали. Стратегическая репутация возвышающейся страны и страны-гегемона связана с соблюдением ими базовых международных моральных норм, а хорошая или плохая стратегическая репутация, в свою очередь, играет решающую роль для расширения или поддержания международного лидерства.

Сюнь-цзы писал: «Добродетельная власть основана на справедливости, гегемония основана на вере, а политические интриги ведут к краху» (Сюнь-цзы, 11 : 2). Эта фраза означает, что для добродетельного государства необходима моральная основа, для гегемонии необходима вера (а если нет морали, то нет и веры), а государство, которое практикует политические интриги, доведёт себя до катастрофы. Заимствовав эту точку зрения у Сюнь-цзы, моральный реализм также полагает, что для продолжительного мирового лидерства необходима моральная основа, а работа над своей стратегической репутацией – это самое минимальное моральное требование для закладывания такой основы. Нравственность и честность позволяют создать свой международный авторитет, а при отсутствии авторитета невозможно эффективно организовывать и возглавлять международное сообщество. Авторитет отдельного государства в мире основан на добровольном признании его лидерства другими государствами. В любой группе, будь она культурной, религиозной, политической партией, общественной силой или даже мафиозной структурой, честность является неотъемлемым качеством авторитетного лидера. В международном сообществе стратегическая репутация является важной опорой стратегического авторитета и лидерских позиций в мире.

Подчёркивая важность соблюдения моральных норм для создания международного авторитета, необходимо различать неодинаковую природу международного авторитета и международной власти. Международный авторитет непосредственно связан с соблюдением моральных норм, однако, наличие международной власти не относится к вопросам из категории морали. «Власть» - это способность лидировать с опорой на принуждение. Типичным примером власти может послужить то, как полиция управляет дорогами. США называют «мировой полицией», потому что они часто полагаются на военную мощь и заставляют другие страны соблюдать международные правила, на которых настаивают США. В отличие от власти, «авторитет» представляет собой способность лидировать с опорой на доверие. Типичным примером авторитета может послужить то, как врач лечит пациентов. Теоретически, возвышающаяся страна могла бы опираться только на рост своей материальной силы для повышения своей международной власти, однако, это не

приведёт к росту её международного авторитета, потому что международный авторитет строится на стратегической репутации, которая в свою очередь основывается на соблюдении моральных норм. То есть международный авторитет двух стран может быть различным даже при условии паритета их международной власти.

После распада Советского Союза в мире нет страны или группы стран, способных сбалансировать мощь американского государства. Именно поэтому международная власть США значительно увеличилась, и США сейчас обладают самой большой властью во всём мире. Хотя США уже долгое время сохраняют такую позицию, однако, в XXI веке их международный авторитет стал постепенно падать. Во время Холодной войны США были сторонниками советско-американского Договора об ограничении систем противоракетной обороны (Договор по ПРО), который стал краеугольным камнем международного мира и гарантией предотвращения ядерной войны. Тем не менее, администрация У. Клинтона стала рассматривать возможность одностороннего выхода из Договора по ПРО, чтобы снять международно-правовые барьеры на пути развёртывания американской системы ПРО. Поскольку даже в рядах самой администрации У. Клинтона существовала обеспокоенность, что подобные действия серьёзно подорвут стратегическую репутацию США, решение по выходу из договора по ПРО долгое время откладывалось (Daalder et.al. 2000). В 2001 году администрация Джорджа Буша младшего, едва оказавшись у власти, сразу же объявила о выходе из Договора по ПРО и в том же году отменила санкции в ответ на проведение ядерных испытаний Индией.⁶ Два этих шага ознаменовали начало снижения стратегической репутации США. В 2003 года США в качестве предлога для начала войны в Ираке использовали сфабрикованные данные о наличии у Ирака оружия массового уничтожения (Cohn 2013), что нанесло большой удар по международному авторитету США вплоть до того, что даже традиционные союзники США среди стран Европы выступили против этой войны. В 2005 году США продолжили техническое сотрудничество с Индией, несмотря на отказ последней присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия (Vande Hei/Linzer 2006), что стало ещё одним этапом на пути снижения американской стратегической репутации. Финансовый кризис 2008 года выявил махинации в финансовых кругах США, а в 2011 году международное рейтинговое агентство Standard & Poor's снизило кредитный рейтинг США с отметки AAA до AA+.⁷ Во время «арабской весны» в 2011 году Соединённые Штаты отказались от поддержки своего традиционного союзника президента Египта Хосни Мубарака, что значительно подорвало доверие к ним со стороны других ближневосточных союзников (Amos 2011). Даже Израиль отметил, что стратегическая репутация США покачнулась (Keinon 2011). В настоящее время стратегическая репутация США не просто сильно уступает уровню репутации периода войны в Персидском заливе в 1991 году, но и в целом уровню 90-х годов XX столетия.

⁶ Arms Control Association (referring to the U.S. Department of State as a source) (2002, January 1). "U.S. Withdrawal From the ABM Treaty: President Bush's Remarks and U.S. Diplomatic Notes" https://www.armscontrol.org/act/2002_01-02/docjanfeb02 (accessed on 13.02.2018).

⁷ Business News (2014), "Angry Geithner Once Warned S&P about US Downgrade: Filing," January 22, 2014, 11:47 am, <https://www.thestar.com.my/business/business-news/2014/01/22/angry-geithner-once-warned-sap-about-us-downgrade/> (accessed on 02.10.2018).

Раздел второй. Теоретическая аргументация морального реализма

Любая новая теория может только в том случае считаться одной из школ реализма, если она основывается на ключевых постулатах классического реализма. Любая теория может только в том случае считаться научной, если её основанные на ключевых постулатах новые аргументы логичны и непротиворечивы. В предыдущем разделе мы рассмотрели значение центральных понятий теории морального реализма: мораль, интерес, сила, власть, авторитет, а также взаимосвязи между ними. В этом разделе будут рассмотрены основные аргументы теории морального реализма, построенные на основе этих понятий с теоретической базой в виде ключевых постулатов классического реализма.

Аргумент 1: Преследование интереса служит основной движущей силой действий государства и эволюции международных норм

Реализм предполагает, что человеческая природа по сути своей эгоистична, а следовательно страна, созданная людьми, также преследует свои интересы. Даже у младенца можно наблюдать преследование своих интересов, но у него совсем отсутствует стремление к соблюдению общественных и культурных правил, из чего можно заключить, что преследование интереса – это инстинкт человека, а следование общественным нормам – это развившаяся позже привычка. Поскольку люди определяют политику государства, то неизбежно движущей силой действий государства также становится их инстинкт преследовать собственные интересы. Приняв это в качестве данного, моральный реализм развивает на этой основе два аргумента: во-первых, преследование интереса – это главная, однако не единственная, движущая сила действий государства; во-вторых, эволюция международных норм также происходит в результате преследования государствами своих интересов.

Соглашаясь с тем, что преследование интереса – это главная движущая сила действий государства, сторонники морального реализма, тем не менее, полагают, что разница во взглядах людей оказывает влияние на принимаемые ими решения. Сюнь-цзы писал: «Природа человека задана от рождения <...>, её невозможно изменить образованием или каким-то другим путём; то, что заложено в человеке от рождения, - это природа человека; то, чему можно научить или то, что можно в человеке развить, - это уже не его природа. Понятия природного и приобретённого необходимо чётко различать» (Оригинал на древнекитайском звучит так: 荀子说: “凡性者, 天之就也.....不可学, 不可事, 而在人者, 谓之性; 可学而能, 可事而成之在人者, 谓之伪, 是性伪之分也。”) (Сюнь-цзы, 23 : 4). Заимствуя эту идею у Сюнь-цзы, моральный реализм полагает, что развитые в человеке, например, путём образования убеждения, которые Сюнь-цзы называет приобретёнными, также оказывают важное влияние на процесс принятия государственных решений. Однако их влияние отличается от того влияния, которое на процесс принятия решений оказывает природный инстинкт человека преследовать свои интересы. Преследование интересов – это прирождённое качество человека, присущее всем людям, поэтому и его влияние на процесс принятия решений одинаково вне зависимости от того, кто эти решения принимает. Мыслительные конструкты, однако, являются приобретёнными и различны у каждого человека, следовательно, каждый человек, принимая решения, испытывает на себе влияние присущих именно ему убеждений, эффект которых оказывается различным в зависимости от убеждений. В предыдущем разделе мы видели различия в выборе стратегий у Билла Клинтона и Джорджа Буша по вопросу о выходе из Договора по ПРО.

Моральный реализм полагает, что влияние убеждений на стратегические решения в основном проявляется в двух аспектах. Во-первых, при расстановке приоритетов в национальных интересах, то есть при определении того, какая цель является первостепенной для страны при данных условиях; во-вторых, при определении методов достижения этих целей. Другими словами, убеждения влияют только на решение вопросов о том, какой из интересов важнее и о том, каким способом его достичь, но не влияют на решение вопроса о существовании национальных интересов как таковых, а также на то, ставят или нет принимающие решения люди перед собой цель достижения этих интересов. Особо следует пояснить, в чём моральный реализм отличается от конструктивизма в вопросе о влиянии убеждений на определение национальных интересов. Моральный реализм полагает, что национальные интересы существуют объективно и что убеждения влияют лишь на принятие решений о приоритетности тех или иных интересов и на выбор методов их достижения. Конструктивизм же не считает национальные интересы объективными и полагает, что национальные интересы как таковые формируются общественной средой (Wendt 1999: 233-238).

Сторонники морального реализма считают, что преследование своих интересов со стороны лидирующего в мире государства является основной движущей силой при определении международных норм и их эволюции (Янь Сюэтунь/Ян Юань 2013: 287). Поддержание любого международного порядка требует наличия и сочетания военной силы и международных норм, при отсутствии хотя бы одного из этих элементов долгосрочное поддержание международного порядка становится невозможным. Приоритетным стратегическим интересом лидирующей в мире страны является сохранение того международного порядка, в котором она пользуется господствующим положением, так как этот порядок обеспечивает нахождение наибольшей международной власти в распоряжении этой страны. Лидирующая страна стремится создать такие международные нормы, которые будут способствовать долгосрочному поддержанию этого международного порядка. Эти международные нормы призваны выполнять две функции: поддержание стабильности международного порядка и снижение затрат на его поддержание. Разумеется, международные нормы могут ограничивать, в том числе, и действия лидирующей страны, однако, такие ограничения приносят ей больше пользы, чем вреда. В случае же, если вред для лидирующей страны от соблюдения каких-то правил превосходит пользу, она будет стремиться к пересмотру этих правил: именно так и происходит эволюция международных норм. Например, после мирового финансового кризиса 2008 года, США, столкнувшись с тенденцией потери господствующего положения в мировой торговле, предложили заменить ранее отстаиваемый ими принцип свободной торговли на принцип справедливой торговли. Они же стали продвигать идеи Транс-Тихоокеанского партнёрства (ТТП) и Транс-Атлантического торгового инвестиционного партнёрства (ТТИП), которые стали вытеснять правила международной торговли в рамках Всемирной торговой организации (ВТО) (Brudzinska/Rostowska 2014: 1-2).

Аргумент 2: В условиях анархии государства разных типов могут иметь различные стратегии обеспечения собственной безопасности

Реализм предполагает, что международное сообщество является анархической системой. Так, в международном сообществе нет организации, имеющей монополию на использование военной силы, следовательно, каждая страна сама в ответе за

собственную безопасность, а это приводит к многочисленным дилеммам безопасности (Янь Сюэтунь/Ян Юань 2013 : 137-139). Принимая этот базовый принцип, моральный реализм, обобщив реалии выполняющих разные функции государств разных типов, предлагает скорректировать два аргумента конструктивистского реализма и наступательного реализма. Во-первых, лидирующие страны могут принадлежать к разным типам, что будет приводить к отставанию ими разных международных норм. Во-вторых, принадлежность государств к разным типам определяет разницу в их стратегиях обеспечения собственной безопасности.

Приверженцы конструктивистского реализма считают, что функции государства одинаковы, как одинакова и их роль в международной системе. Кеннет Уолтц писал: «В анархических системах похожие единицы (государства – прим. авт.) сотрудничают. В иерархических системах отличные единицы взаимодействуют. В анархических системах единицы схожи по своим функциям и, как правило, остаются такими. Схожие единицы стремятся сохранять свою долю независимости и даже могут стремиться к деспотизму. В иерархических системах единицы различны и стремятся усиливать свою специализацию (Waltz 2004: 204). В целях систематизации, Уолтц в своей теории как бы запикивает все государства в «чёрный ящик», то есть не принимает во внимание, что государства разных типов играют разные роли в международной системе. Моральный реализм рассматривает разницу в типах государств в качестве объективной реальности и полагает, что отрицание этой объективной реальности обязательно приведёт к отрыву теории от реальности. К примеру, США и Ватикан – два совершенно разных государства, которые совершенно по-разному функционируют в международной системе. США доминируют в определении международных правил в сферах политики, безопасности и экономики, а Ватикан доминирует в вопросах католицизма и его реформирования. С точки зрения морального реализма, только разделив государства на типы, можно объяснить, почему изменения в типах лидирующих стран приводят к изменению международных норм и даже к изменению типов международных систем. Сюнь-цзы разделял китайские государства доциньского периода на три типа: добродетельные, гегемонистские и основанные на грубой силе (Сюнь-цзы, 11). Если принять его классификацию, то все европейские державы накануне Второй мировой войны были колониальными государствами, основанными на грубой силе, а США и СССР после Второй мировой войны могут быть отнесены к типу держав-гегемонов. Из-за разницы в типах доминирующих в международных отношениях государств международные нормы, сложившиеся до и после Второй мировой войны, также отличаются друг от друга. До Второй мировой войны аннексия была нормальным явлением в международных нормах, а после Второй мировой войны основным принципом стала борьба за гегемонию, но аннексия территории других государств была запрещена (Устав ООН, ст. 2(4); Ли Течэн 1993: 647).

Наступательные реалисты считают, что необходимость обеспечения собственной безопасности в условиях анархической международной системы вынуждает большие государства прибегать к военной агрессии. Миршаймер не согласен с идеей деления государств на типы. Он пишет: «<...> Структура системы международных отношений заставляет государства, которые стремятся прежде всего к обеспечению собственной безопасности, тем не менее, вести себя агрессивно по отношению друг к другу. <...> Государства полагают, что чем сильнее они по отношению к своим конкурентам, тем больше они имеют шансов на выживание». (Другими словами, стремление к выживанию приводит к агрессивному поведению. – прим. авт.). И далее: «Эта ситуация,

которую никто на самом деле специально не провоцирует и к которой никто особенно не стремится, весьма трагична. Хотя у великих держав нет особенных причин соперничать друг с другом и в действительности они озабочены, прежде всего, своим собственным выживанием, тем не менее, вынуждены стремиться к власти и к доминированию над другими государствами в системе» (Mearsheimer/ John 2001: 21). В аргументации Миршаймера есть логические недостатки, так как всегда имеется несколько путей решения проблем, даже если одни и те же причины привели к их возникновению. Например, китайская медицина и западная медицина имеют разные подходы к лечению одних и тех же болезней. С точки зрения морального реализма, агрессия – это распространённый, однако не единственный стратегический выбор, к которому прибегают великие державы в целях расширения своей власти. Существуют различия в типах стран, в типах международных норм, в международном статусе, в военных технологиях – и все эти различия могут диктовать великим державам разных типов выбор разных стратегий для достижения целей расширения своей власти. Здесь можно привести ряд примеров. В период до Первой мировой войны европейские державы в своём стремлении к гегемонии прибегли к стратегии колонизации неевропейских стран. После Первой мировой войны Германия, Япония и Италия в своём стремлении к гегемонии прибегли к стратегии аннексии соседних государств. В период Холодной войны США и СССР в своём стремлении к гегемонии избрали стратегию войн через посредников. В анархическом международном сообществе маленькие страны не имеют таких возможностей поддержания собственной безопасности, как большие страны, поэтому они склонны передавать функции обеспечения их безопасности большим странам (Сунь Сюэфэн 2011: 33-49). Подобная тактика передачи функций безопасности привела к тому, что многие средние и маленькие страны уже в полной мере не обладают суверенитетом. Вследствие этой тактики даже такая крупная экономическая держава как Япония не располагает полным суверенитетом. Как раз в этом и состоит причина провозглашения правительством Синдзо Абэ цели сделать Японию «нормальным государством» (Tata 2013). Таким образом, современные национальные государства можно как минимум разделить на два типа: суверенные и полусуверенные.

Аргумент 3: Игра с нулевой суммой во властных отношениях приводит к структурным противоречиям и системному давлению на возвышающуюся страну.

Власть в теории реализма определяется как отношения контроля и подконтрольности между государствами (Янь Сюэтун/Ян Юань 2013: 107-108). Исходя из этого определения, все реалисты предполагают, что власть по своей объективной природе является игрой с нулевой суммой, то есть увеличение власти в одних руках автоматически приводит к снижению власти в других руках. Моральный реализм вносит два аргумента в развитие этой идеи: во-первых, структурных противоречий между возвышающейся страной и лидирующей страной невозможно избежать; во-вторых, сокращение разницы в силе между возвышающейся и лидирующей страной приведёт к всё более серьёзным дилеммам на пути возвышения.

«Структурные противоречия» определяются как противоречия между возвышающейся страной и лидирующей страной в процессе перераспределения власти (Янь Сюэтун/Ян Юань 2013: 124). Эти противоречия естественным образом возникают в результате сокращения разницы в комплексном силовом потенциале конкурирующих друг с

другом стран – и избежать их невозможно. Возвышение новой великой державы происходит в процессе непрерывного сокращения её отставания по комплексному силовому потенциалу от лидирующей страны. По мере того как потенциалы их силы сближаются или даже меняются местами, их международная власть также претерпевает изменения. Международная система является замкнутой, то есть международная власть не может увеличиваться бесконечно. Следовательно, возвышение новой великой державы сталкивается с нежеланием лидирующей державы уступать свои властные позиции вследствие снижения своего относительного силового потенциала. В то же время, возвышающаяся держава требует роста своей международной власти в соответствии с её растущим силовым потенциалом. Так возникают противоречия, касающиеся перераспределения международной власти. Субъективным политическим проявлением этих противоречий является стремление лидирующей страны к поддержанию существующего международного порядка, а возвышающейся страны – к созданию нового международного порядка. На самом деле, объективная природа этих противоречий заключается в том, что лидирующая страна стремится к сохранению существующей властной структуры в международных отношениях, а возвышающаяся страна ищет пути изменения существующей властной структуры. Именно поэтому эти противоречия получили название «структурных». Противоречия между Германией и Великобританией в 30-40 годы XX века являются классическим примером таких структурных противоречий.

«Дилемма возвышения» означает, что по мере быстрого усиления возвышающейся страны, растущее влияние, которое она оказывает на другие страны, приводит к росту сопротивления, то есть, к повышению ответного давления на неё со стороны международной системы (Сунь Сюэфэн 2013: 24). Всё это подобно третьему закону механики Ньютона, согласно которому сила действия равна силе противодействия. В приложении к возвышающейся стране можно сказать, что чем больше её сила, тем больше и вызовы международной безопасности, с которыми она сталкивается. Этот закон соответствует данному нами в первом разделе принципу ограничения интересов. По мере роста силы возвышающейся страны масштабы имеющихся у неё интересов за пределами её территории увеличиваются и у неё постоянно возникают новые международные интересы, в процессе чего она сталкивается с растущими рисками безопасности. Этот закон вполне соответствует посылке о власти как игре с нулевой суммой. Чем быстрее расширяются интересы возвышающейся страны за пределами её территории, тем больше конфликтов интересов возникает между ней и другими странами, и тем больше число стран, с которыми у неё возникают конфликты интересов. Растущее системное давление – это и есть феномен увеличения как интенсивности сопротивления со стороны других стран, так и числа оказывающих сопротивление стран. В качестве подтверждения можно привести ситуацию, когда после проведения в 2008 году Олимпиады в Пекине появилась так называемая «теория ответственности Китая», а после 2010 года, когда ВВП Китая превысил ВВП Японии, подобные международные теории получили дальнейший импульс (Цзинь Цаньжун 2009).

Аргумент 4: Изменения политической силы могут изменять баланс сил.

Все приверженцы реализма признают неравенство государств в процессе развития силы (Янь Сюэтуан/Ян Юань 2013 : 110-113). Скорость развития силы различается у разных держав, что приводит к изменениям силовой структуры международной системы, которые в свою очередь приводят к смещению мировых центров силы.

Приняв принцип неравенства государств в процессе развития силы за данность, моральный реализм приводит два аргумента в его развитии: во-первых, лидерский потенциал государства определяет рост его общей реальной силы; во-вторых, разница в лидерских потенциалах государств определяет изменения международной обстановки. Моральный реализм – это теория политического детерминизма, то есть он предполагает определяющую роль политики, поэтому мы стараемся ответить на вопрос, может ли общая сила государства, определяемая разницей в лидерских способностях государств, расти непрерывно, а также насколько быстро или медленно она может расти. Общая сила государства складывается из двух факторов: действий и ресурсов. Действия – это способность правительства к лидерству, ресурсы – это военные, экономические, культурные и другие общественные ресурсы, имеющиеся в руках принимающих решения людей. Если лидерские способности правительства высоки, то общая сила государства быстро возрастает, в противном случае, этот процесс замедляется, stagnирует или даже принимает отрицательный вектор. Высокие лидерские способности правительства способствуют во внутренней политике быстрому экономическому, военному и духовному росту, а во внешней политике - увеличению числа союзников и привлечению международной поддержки. Только рассматривая политическую силу в качестве коренного элемента комплексной силы государства, можно объяснить, в чём причина неравенства государств в процессе развития силы. Мягкая сила государства складывается из культурной и политической сил, но именно политическая сила определяет, сможет ли страна воспользоваться любыми другими факторами силы. Например, в 2003-2006 гг. американская военная, экономическая и культурная силы продолжали расти, однако, вследствие начала в 2003 году администрацией Дж. Буша младшего войны в Ираке без достаточных международно-правовых оснований, мобилизационные возможности США во внутренней и внешней политике резко снизились. За эти три года произошло сокращение комплексной американской мощи и наметилась тенденция снижения международного статуса США. Пример США тех лет, также как и пример распада СССР доказывают, что политическая сила определяет действие, а военная, экономическая и культурная силы предоставляют ресурсы для этого действия, но что при отсутствии силы действия ресурсы сами по себе бесполезны. На **рис. 1-1** представлены взаимосвязи между различными факторами силы.

Рис. 1-1. Взаимосвязи между различными факторами силы

Введём следующие обозначения: КС – комплексная сила; В – военная сила; Э –

экономическая сила; К – культурная сила; П – политическая сила. На основе рис. 1-1 можно составить следующую простую формулу комплексной силы:

$$КС = (В + Э + К) \times П$$

Уравнение комплексной силы в теории политического детерминизма схематизирует изречение Гуань-цзы, приведённое в эпиграфе к этой главе: «Если у вас большая страна но бестолковая политика, то это ограничит её влияние; если у вас маленькая страна, но компетентная политика, то это приведёт к развитию» (Гуань-цзы, 23 : 4). Это заключение соответствует приведённому выше аргументу о том, что следование моральным нормам усиливает государство и придаёт легитимность его действиям. Многочисленные примеры как из всемирной, так и из китайской истории доказывают, что возвышение государств и закат империй всегда были связаны с компетентным или неспособным политическим лидерством.

Моральный реализм полагает, что разница в лидерских качествах держав приводит к изменениям международной обстановки. Международная обстановка определяется силовой структурой и стратегическими отношениями между державами, следовательно изменения международной обстановки зависят не только от баланса сил между державами, но и от изменений их стратегических взаимоотношений (Янь Сюэту/Ян Юань 2013: 44-45). Превращение биполярного мира в однополярный после окончания Холодной войны произошло не только в результате радикального изменения баланса силы между США и СССР, но и в результате потери Россией большого числа союзников. Изменения стратегических отношений между державами в значительной степени зависят от морального уровня страны, находящейся во главе того или иного альянса. Честная держава в состоянии создать устойчивый союз, а также впоследствии расширять его. Если же держава теряет союзников, то она оказывается в изоляции. С точки зрения союзнических отношений, стратегическая репутация главы альянса оказывает непосредственное влияние на прочность союза во времени, рост или сокращение числа его участников, а также степень их единства. По словам Си Цюэ (*политический деятель периода Весны и Осени, годы жизни: ок. 636-600 до н.э. – прим. ред.*): «Если не наказывать отступников, то как доказать свой авторитет? Если не помогать друзьям, то как доказать свою заботу? Без авторитета и без заботы, как доказать свою нравственность? А без нравственности, как привлечь союзников?» (Цзо-чжуань, Седьмой год правления герцога Вэнь). В этой фразе говорится о том, что глава альянса сможет обеспечить его надёжность, только если он будет различать друзей и врагов, помогая друзьям и наказывая врагов. Во время Холодной войны США и СССР создали, соответственно, два военных союза – НАТО и Организацию Варшавского договора (ОВД) – на примере которых можно с двух противоположных сторон продемонстрировать важность стратегической честности главы альянса.

Требуется одно пояснение по вопросу о взаимосвязи морали и политического лидерства. Моральный реализм отнюдь не придерживается точки зрения, что мораль полностью исключает использование силы. Напротив, мы полагаем, что полный отказ от использования силы аморален. В анархическом международном сообществе средние и маленькие страны не имеют возможности защищать себя, поэтому они прибегают к стратегии передачи своих оборонных функций большим странам. Если держава полностью откажется от использования силы, то это будет означать, что она не сможет защитить подвергшиеся нападению средние и маленькие страны. Для средних и маленьких стран это будет означать, что данная держава не выполнит своих моральных обязательств и что стратегически на неё невозможно полагаться.

Раздел третий. Логика теории морального реализма

На протяжении истории человечества уже неоднократно происходило такое явление, как смещение центра мировой власти. Моральный реализм пытается объяснить общую логику этого явления. Говоря конкретно, нам необходимо объяснить, почему возвышающаяся страна, уступающая по силе лидирующей стране, оказывается в состоянии в этих условиях выиграть конкуренцию и занять ведущую позицию в мире. В данном разделе речь пойдет о типах лидерства, стратегическом выборе, стратегическом престиже, международных нормах и международном порядке, а также о материальных и логических взаимосвязях между этими понятиями.

1. Типы политического лидерства и стратегические предпочтения

Роберт Джексон (Robert H. Jackson) и Карл Розберг (Carl G. Rosberg) полагают, что типы политического лидерства оказывают большее влияние на мир, порядок, стабильность и другие нематериальные аспекты безопасности, чем любой другой фактор (Jackson and Rosberg 1982: 3). Позаимствовав у них эту идею, моральный реализм исходит из того, что феномен победы слабого над сильным в международных отношениях имеет место тогда, когда слабая сторона превосходит сильную по политическим лидерским качествам. В свою очередь, способность политического лидерства той или иной страны зависит от типов лидерства. Центральная логика морального реализма чрезвычайно проста: стратегический выбор страны зависит от двух факторов, а именно: объективных стратегических интересов этой страны и от убеждений её лидеров касательно приоритетности интересов и методов их реализации. Стратегические интересы государства и убеждения его лидеров в свою очередь определяются комплексной силой этого государства и типом её лидеров (Рис. 1-2). Между политическим лидерством и комплексной силой существует внутренняя взаимосвязь, но в целях анализа нам необходимо сделать независимыми эти две переменные. Для этого моральный реализм рассматривает комплексную силу в качестве постоянной, то есть условно предполагает, что уровень силы не может изменяться одновременно с изменением типов лидерства и что имеющаяся в распоряжении сила выполняет объективную функцию определения границ стратегических интересов. Типы лидерства наоборот, рассматриваются в качестве переменной, то есть понимается, что в условиях неизменного уровня комплексной силы могут происходить изменения типов лидерства, которые могут оказывать субъективное воздействие на заданную основу в виде комплексной силы. Понятие типов политического лидерства относится к группе людей, принимающих ключевые решения в государстве, а не только лично к высшему руководителю. С точки зрения внешней политики, принятие стратегических решений – это не личный выбор высшего руководителя, а коллективный выбор принимающей решения группы. В современном обществе правительство, как правило, состоит из представителей разных партий, поэтому тип руководителя правительства может не совпадать с типом высшего руководителя. Однако политические особенности высшего руководителя оказывают самое большое влияние на групповой тип лидерства, поэтому высшего руководителя можно рассматривать в качестве типичного представителя руководящей группы.

Рис. 1-2. Взаимосвязь между стратегическими интересами государства, убеждениями его лидеров и предпочтениями при стратегическом выборе

Чтобы углубить наше понимание логических взаимосвязей, представленных на рис. 1-2 нам необходимо выделить разновидности государств на основе критериев их комплексной силы и лидерских качеств. На этой основе мы сможем научиться определять, в зависимости от уровня комплексной силы государства, его важнейшие стратегические интересы, а также, в зависимости от типов политических лидеров, к каким убеждениям они будут склонны.

Мы выделяем четыре типа государств на основе критерия комплексной силы: лидирующая страна, возвышающаяся страна, региональная держава и маленькая страна. Лидирующая страна – это страна, которая обладает потенциалом оказания лидирующего воздействия на происходящее в определённой независимой международной системе, хотя и не обязательно в глобальном масштабе. Например, древнекитайская система не была глобальной, но была независимой международной системой. В этой системе в разные периоды существовали разные лидирующие страны (к примеру, пять гегемонов в период Весны и Осени). Возвышающаяся страна – это страна, которая приближается по силовому потенциалу к лидирующей стране и которая делит с ней международное лидерство (например, СССР в 50-е годы XX века или Китай в настоящее время). Региональная держава – это государство, которое хотя и испытывает на себе влияние более крупных стран за пределами своего региона, но в независимой международной системе своего региона обладает способностью оказывать влияние на происходящее. В настоящее время часто выделяют главные региональные державы (например, Германия и Бразилия) и вторичные региональные державы (например, Индия или ЮАР). Маленькие страны – это страны, не обладающие способностью воздействовать даже на дела своего региона. Приведённое разделение стран на типы производится на основе их относительного силового потенциала, а не абсолютной силы. Например, Канада и Австралия примерно равны по комплексной силе, но Канада находится на североамериканском континенте рядом с США, поэтому Канада является не региональной державой, а только лишь маленькой страной. Зато Австралия находится в Океании, где все остальные государства уступают ей по силе, поэтому Австралия региональной державой является. На основании приведённых четырёх уровней силы мы можем заключить, что лидирующая страна и возвышающаяся страна видят свой главный стратегический интерес в получении лидерской власти в международной системе, региональная держава стремится к власти в рамках своей региональной системы, а стратегический интерес маленькой страны сводится к сохранению своего права на выживание.

Мы выделяем четыре типа политического лидерства: бездейственное, консервативное, активное и воинственное. Типы политического лидерства государства определяются не силой государства и не особенностями страны, а характером, возрастом, воспитанием, представлениями о мире и другими личными факторами её лидеров (вопрос о причинах формирования лидеров тех или иных типов находится за пределами данного исследования). Описываемые нами четыре типа лидеров могут появиться в любой стране. Бездейственный лидер не имеет определённой политической цели, ему не хватает мотивации для расширения государственных интересов, верит в философию бездействия, поэтому он склонен принимать решения на основе своих представлений. Консервативный лидер стремится к сохранению статус-кво, в условиях отсутствия непосредственной военной угрозы он рассматривает экономику в качестве высшего приоритета, а экономическую силу – в качестве основы комплексной силы, поэтому он склонен принимать решения исходя из экономических интересов. Активный лидер стремится к повышению международного статуса своей страны, в его философии успех зависит от предпринятых усилий, расцвет и упадок государства он рассматривает как определяемый сильными или слабыми способностями его политического руководства, поэтому этот лидер склонен принимать решения исходя из политической выгоды. Воинственный лидер стремится к достижению целей посредством напористых и силовых действий, рассматривает военную силу как наиболее эффективное средство атаки на противника, поэтому этот лидер склонен принимать решения исходя из военных соображений (Рис. 1-3).

Рис. 1-3. Взаимосвязь между комплексной силой, политическим лидерством, стратегическими интересами государства и убеждениями его лидеров

На рис. 1-3 представлены четыре типа государств и четыре типа лидерства, исходя из которых, можно составить шестнадцать предпочтений стратегического выбора. В качестве примера мы ограничимся анализом возможностей стратегического выбора для четырёх типов лидеров возвышающейся державы. По определению возвышающаяся страна не может избежать дилеммы возвышения. Хотя дилеммы возвышения, с которой сталкиваются разные страны, принципиально схожи, но лидеры разных типов могут

выбрать разные стратегии в ответ на них. Далее рассмотрим четыре возможные стратегии.

Лидер бездейственного типа имеет склонность к стратегии избегания дилеммы. Инстинкт избегать опасности и трудности присущ как животным, так и людям. Допустим, что страна сталкивается с дилеммой сохранения своего единства. При невозможности достижения целей сохранения единства мирным путём, остаётся путь силовой, который, однако, ведёт к военной опасности. Избежать дилемму можно, отказавшись от цели сохранения единства, то есть, выбрав своего рода стратегию «уступки ради светлого будущего». Бездейственный лидер предпочитает такой путь, так как, хотя и упустив возможность сохранения государственного единства, он сможет таким образом избежать риск военного поражения. Дилемма возвышения приводит к тому, что возвышающаяся держава сталкивается с непрерывно растущим системным давлением, главным источником которого являются структурные противоречия между возвышающейся и лидирующей державами. Следовательно, если возвышающаяся держава добровольно откажется от преследования своих стратегических интересов, то напряжение в её отношениях с лидирующей державой ослабнет. В действительности стратегия избегания имеет два преимущества: во-первых, она не требует больших лидерских талантов от руководства возвышающейся страны; во-вторых, она позволяет лидерам доказать верность избранной стратегии за счёт того, что в отношениях с лидирующей державой действительно наступает разрядка напряжения. В Китае сторонники стратегии избегания часто приводят в свою пользу аргументы, основанные на философии бездействия Лао-цзы (Ван Хунсюй 2011:11).

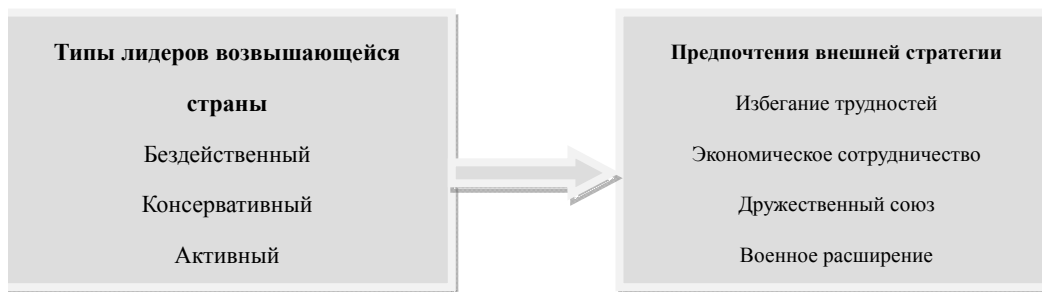
Лидер консервативного типа имеет склонность к стратегии экономического сотрудничества. Этот лидер ставит во главу угла экономические интересы, рассматривает экономику как базу комплексной силы, считает экономические интересы первостепенными ключевыми интересами государства, поэтому он анализирует структурные противоречия между возвышающейся и лидирующей державами и испытываемое возвышающейся державой системное давление через призму конфликта экономических интересов. Естественным ответом становится стратегия экономического сотрудничества, призванная ослабить конфликт интересов и снизить системное давление. Хотя, в отличие от стратегии избегания, стратегия экономического сотрудничества не позволяет полностью отстраниться от дилеммы, но она выполняет функцию временного снижения напряжения в отношениях с лидирующей страной. Добившись временного снижения напряжения, лидер может использовать это в качестве аргумента, доказывающего эффективность избранной стратегии экономического сотрудничества. В современном Китае сторонники расширения внешнеэкономического сотрудничества в целях снижения напряжённости международной обстановки являются адептами философии, согласно которой экономический базис определяет надстройку (см. рис. 1-4) (Се Сюйжэнь, s.a.).

Лидер активного типа имеет склонность к стратегии заключения союзов с соседями. Активный лидер стремится повысить международный авторитет государства до уровня соответствующего его растущей мощи. Это приводит к росту структурных противоречий между возвышающейся и лидирующей державами, а также к усилению превентивных мер, принимаемых лидирующей страной в отношении возвышающейся страны. В процессе расширения своего влияния возвышающаяся страна неизбежно сначала распространяет его на близлежащие страны, а уже оттуда – далее. Следовательно, чтобы прорвать превентивные меры со стороны лидирующей страны,

лидер активного типа избирает стратегию привлечения международной поддержки путём заключения союзов с соседними странами. Эта стратегия кроет в себе опасность военного противостояния с лидирующей страной в близлежащих к возвышающейся стране регионах, поэтому эта стратегия требует наличия достаточного мужества у руководителей возвышающейся страны. Стратегия заключения союзов подвергалась критике как «мышление времён Холодной войны», следовательно, её реализация требует сильной стратегической воли (Хэ Тяньтянь 2014, Хуанцю Ван 2014). В Китае многие сторонники стратегии заключения союзов – это реалисты, которые исходят из объективной ситуации: сегодня Китаю не хватает решительных стратегических сторонников в международном сообществе (У Сюй 2012; Янь Сюэтуан 2014: 21).

Лидер воинственного типа имеет склонность к стратегии военного расширения. Получение пользы насильственным образом – природное свойство человека. К тому же насилие позволяет быстрее всего достичь цели. Когда возвышающаяся страна уступает по силе лидирующей стране, ее воинственный руководитель может организовать вооружённое нападение на более слабые страны и даже на страны с одинаковой мощностью. Стратегия военного расширения содержит в себе большой риск поражения, так что человеку, принимающему подобные решения, надо не бояться войны. В современном Китае люди, которые поддерживают стратегию военного расширения, основывают свои аргументы на истории эпохи европейской колонизации и полагают, что лидирующие позиции в мире можно заполучить только военным путём (Чжао 2013:11).

Рис. 1-4: Взаимосвязь между типами лидерства и стратегическими предпочтениями

Разделение лидеров на указанные четыре типа – бездейственный, консервативный, активный и воинственный – помогают пролить свет не только на отношения между типами лидеров и их стратегическими предпочтениями, но и на выбор внешнестратегических решений лидирующей страны, региональных держав и малых стран. В международной политике бывает такое явление: изменение лидеров страны часто приводит к изменениям подходов во внешнеполитической стратегии даже при неизменности силы этой страны. Например, в 2010-2013 гг. комплексная сила Японии как региональной державы не претерпела качественных изменений, но Наото Кан (*яп.* - 菅直人, премьер-министр Японии в 2010-2011 гг. прим. ред.) и Синдзо Абэ (*премьер-министр Японии с 2012 г. – прим. ред.*) принадлежат к двум разным типам руководителей, вследствие чего внешнеполитическая стратегия Японии за период 2010-2013 гг. демонстрирует два резко отличающихся подхода. Наото Кан – руководитель консервативного типа, поэтому он выбрал внешнеполитический курс, направленный на создание стратегически взаимовыгодных отношений с Китаем на основе экономического сотрудничества с конечной целью в виде сохранения Японией

своего положения в качестве региональной державы в Восточной Азии (Ван Хуань 2011). Синдзо Абэ – руководитель воинственного типа, поэтому он выбрал стратегию противодействия Китаю с той же конечной целью в виде поддержания японского влияния (Тагун 2013).

Определений стратегии бесконечно много, но мы считаем дефиницию У. Мюррея (Willanson Murray) наиболее подходящей. По его мнению, «стратегия – это процесс, постоянная адаптация к изменяющимся условиям и обстоятельствам в мире, где доминируют случай, неопределённость и двусмысленность» (Williamson/Grimsley 2004 1). Стратегия представляет собой план действий, который непрерывно подстраивается под изменения среды, так что вышеуказанные четыре типа стратегии не являются постоянными. Хотя у всех стран различные стратегии, мы можем предсказать предпочтения внешнеполитической стратегии у руководителей четырёх типов в странах четырёх видов на основании модели, представленной на рис. 1-3 (см. Табл. 1-1).

Таблица 1-1. Виды стран, типы руководителей и их стратегические предпочтения

Типы руководителей	Бездейственный	Консервативный	Активный	Воинственный
Виды стран				
Лидирующая держава	Безопасное умиротворение (Н. Чемберлен, Великобритания)	Военное сокращение (Б. Обама, США)	Вооружённое вмешательство (У. Клинтон, США)	Всестороннее подавление (Г. Трумэн, США)
Возвышающаяся держава	Безопасное избегание (Уно Сосукэ, Япония)	Расширение экономического сотрудничества в мире (Кайфу Тосики, Япония)	Дружественный союз (Н.С. Хрущёв, СССР)	Военное расширение (Л.И. Брежнев, СССР)
Региональная держава	Интервенции в соседних странах (И.К. Гуджрал, Индия)	Укрепление регионального экономического сотрудничества (А. Меркель, Германия)	Региональный союз (В.В. Путин, Россия)	Военное противодействие (С. Абэ, Япония)
Маленькая страна	Нейтралитет (Швейцария)	Неприсоединение (Дж. Кениата, Кения)	Участие в союзе (Ли Куан Ю, Сингапур)	Самоизоляция (Ким Чен Ын, Северная Корея)

Все представленные в Таблице 1-1 виды стран, типы руководителей и стратегические предпочтения типичны, однако между ними обязательно существуют различные промежуточные модели. С учётом разницы между промежуточными и типичными моделями читатели могут делать предположения о вероятном стратегическом выборе руководителей промежуточного типа. Необходимо также обратить внимание на то, что успех или поражение стратегии той или иной страны является результатом интерактивной стратегической игры многих стран и объективной стратегической ситуации, поэтому между стратегическим выбором и результатом нет прямой причинно-следственной взаимосвязи. Как говорит Гуань Цзы, «если политика одного государства – хорошая, а соседнего – плохая, то этому государству легко достигнуть гегемонии» (Гуань-цзы, 23: 4). Это означает, что удача зависит не только от стратегии одной стороны.

2. Стратегическая репутация и международный порядок

С точки зрения морального реализма, ядро правительственной морали для внутренней политики – гуманность, а для международной политики – стратегическая репутация. Ценит ли правительство свой международную стратегическую репутацию или нет - это зависит от типов руководителей. Бездейственный и воинственный руководители не придают большого значения международной стратегической репутации; консервативный руководитель хочет сохранить репутацию малой ценой, но не готов платить много; а активный руководитель считает репутацию имеющей ключевую важность для государства. От того, в какой степени руководитель возвышающейся страны ценит свой международную стратегическую репутацию, зависит структура международного соотношения сил, формирование нового международного порядка и его стабильность.

Наличие стратегической репутации помогает возвышающейся стране изменять существующую международную структуру (Yan Xuetong 2011: 101-102). Политическая сила – сила управляемая: *при умелом использовании (ред.)* она позволяет увеличить комплексную силу страны в несколько раз. Поэтому в ситуации превосходства материальной силы лидирующей страны возвышающаяся страна может изменять баланс сил с помощью укрепления своей политической силы. Высокий международный стратегический престиж является важным составным элементом политической силы для возвышающейся страны, так как он увеличивает число союзников и укрепляет поддержку международной политики, что способствует повышению комплексной силы. Увеличение числа союзников ведёт к росту международной материальной силы, к которой может прибегнуть возвышающаяся страна, а увеличение поддержки её международной политики – к уменьшению международной материальной силы в распоряжении лидирующей страны. Когда международная сила возвышающейся страны больше, чем лидирующей страны, право лидерства переходит в другие руки и возвышающаяся страна, замещая ведущую страну, превращается в господствующую мировую силу. Предоставление гарантий безопасности для слабых стран через союзнические отношения является главным путём создания международной стратегической репутации. Поэтому число союзников и его изменения являются важными показателями стратегического престижа страны. После окончания Холодной войны число союзников США в НАТО непрерывно росло (Ivanov 2013: 201-213), но Арабская весна привела к сокращению числа американских союзников на Ближнем

Востоке (Amos 2011).

Высокий стратегический престиж возвышающейся страны помогает ей формировать новый международный порядок. Создание нового международного порядка является процессом перераспределения власти в международных отношениях. Перераспределение власти происходит вследствие изменения баланса сил между державами. Стратегическая репутация возвышающейся страны также оказывает влияние на перераспределение власти между державами, поэтому новый баланс власти не обязательно находится в точном соответствии с балансом сил. Если возвышающаяся страна пользуется высоким стратегическим престижем и имеет много союзников, то её план перераспределения власти легко принимается в международном сообществе. В противном случае, её план сталкивается с сопротивлением. США, в процессе своего становления как мировой господствующей державы, встретились с разным восприятием своих планов переустройства мирового порядка после двух мировых войн что наглядно демонстрирует роль стратегического престижа. Так, после Первой мировой войны американское правительство проявило инициативу создания Международного союза, но сенат США отказался от Версальского договора, в результате чего Америка сама решила не участвовать в Международном союзе (Ван Шэнцзу—4 1995: 100). Это такая ситуация, как будто муж нарушает договор по причине несогласия жены. Непоследовательность американской позиции привела к потере международного стратегического престижа, поэтому американское предложение о создании Международного союза не получило поддержку других крупных держав. С другой стороны, после начала Второй мировой войны американское правительство отошло от политики изоляционизма: до вступления в войну США предоставляли военную поддержку участвующим в войне государствам, а после вступления США в войну они стали важной боевой силой союзников, что, конечно, сильно подняло международный стратегический престиж Соединённых штатов. К концу Второй мировой войны американская инициатива по созданию ООН сразу же получила поддержку большинства государств. В июне 1945 года 153 представителей от 50 стран подписали Устав ООН (Ван Шэнцзу – 6 1995: 519).

Высокий стратегический престиж возвышающейся страны также помогает создавать новые международные правила. Становление нового международного порядка требует не только перераспределения власти, но и формирования новых международных правил. Многие учёные отмечают, что возвышающаяся страна играет ключевую роль в процессе создания новых международных правил, однако они анализируют её роль с точки зрения силы, полагая, что возвышающаяся страна обладает материальной силой, чтобы поощрять те страны, которые следуют новым правилам, и наказывать те страны которые эти правила нарушают (Ikenbery and Kupchan 1990: 290 – 292). Согласно теории морального реализма, возвышающаяся страна должна, прежде всего, сама следовать новым правилам, а её превращение в образец для подражания станет основой для формирования новых международных правил (Yan Xuetong 2011: 241-243). Любая держава сохраняет свою стратегическую репутацию, только если она следует тем международным правилам, которые она предлагает другим. Все действия по исполнению подписанных международных договоров являются нравственными и способствуют повышению престижа, а те действия, в которых проявляются двойные стандарты, являются безнравственными и ведут к снижению престижа.

Обладание международным стратегическим престижем ещё важнее для поддержания существующего международного порядка, чем для создания нового порядка.

Теоретически существует возможность того, что возвышающаяся страна сможет создать новый международный порядок, основываясь только на материальной силе, но она точно не может поддерживать долговременную стабильность этого порядка только на основе материальной силы. После того, как возвышающаяся страна удачно выстроит новый международный порядок, она станет господствующей страной этой системы. Всеобщее следование международным правилам является одним из необходимых условий долговременной стабильности этого порядка, а всеобщее исполнение правил требует того, чтобы господствующая страна, сама следуя новым международным правилам, сохраняла свой высокий стратегический престиж. Существует положительная взаимосвязь между стратегической репутацией возвышающейся страны и долговечностью нового порядка. Для возвышающейся страны высокий стратегический престиж означает международный авторитет, который помогает ей надолго сохранить своё господствующее положение и сформированный ею новый международный порядок. Отсутствие же стратегического престижа приводит, соответственно, к обратным последствиям.

С точки зрения политических характеристик можно выделить три типа международного лидерства: добродетельная власть, грубая власть и гегемония по принципу «разделяй и властвуй». Грубая держава следует правилам жёсткой силы и основывает свои действия на законе джунглей, при котором сильные съедают слабых. Добродетельная держава следует нравственным нормам и основывает свои действия на существующих принципах морали. Держава-гегемон действует на основании двойных стандартов, когда для союзников применяются моральные правила, а для противников – закон джунглей (там же: 240). Международные правила оформляются и сохраняются в процессе международного взаимодействия. Добродетельная держава основывает своё лидерство в международной системе на собственном следовании моральным нормам и высоком стратегическом престиже. Она может поддерживать международные правила тремя способами: во-первых, она может сама следовать международным правилам, задавая пример для подражания; во-вторых, она может поощрять страны, следующие правилам, с тем, чтобы эти правила укоренились и стали общепризнанными; наконец, она может наказывать страны, нарушающие правила (там же: 241, 244, 245). Следовательно, международная система, в которой преобладает добродетельная власть, обладает долгосрочной стабильностью. В древнем Китае Западное Чжоу представляет собой широко известный среди учёных пример стабильности международной системы. В отличие от добродетельной державы, грубая держава лишена стратегического престижа. Она ослабляет моральные нормы и подчёркивает жёсткую силу, поэтому она не в состоянии поддерживать моральные нормы и способствовать их всеобщему признанию. Вследствие этого, международная система, в которой господствует грубая сила, отличается неустойчивостью и нестабильностью (там же: 244). Это можно проиллюстрировать на известном примере китайской династии Цинь (*династия, основанная знаменитым первым императором Цинь Шихуанди – прим. ред.*), которая имела историю длиной всего в двадцать лет. Держава-гегемон, действующая по принципу «разделяй и властвуй», прибегает к двойным стандартам. В результате она обладает стратегическим престижем и может поддерживать стабильность порядка только среди своих союзников, но не в международной системе в целом (там же: 245). В древнем Китае страна Ци периода Вёсен и осени (春秋, «чуньцю») представляла собой пример такого рода власти.

Необходимо пояснить, что моральный реализм отнюдь не предполагает обязательно то,

что международный стратегический престиж и следование моральным нормам, безусловно, приведут к желаемым результатам. На наш взгляд, следование моральным нормам приносит стратегическую пользу возвышающейся стране только в том случае, если она в состоянии обеспечивать свою основополагающую безопасность и обладает достаточно большой материальной силой. Кроме того, в случае возвышающейся страны следование моральным нормам способствует укреплению её лидерских позиций и повышению роли в формировании нового международного порядка, однако, следование тем же принципам не обязательно отвечает стратегическим интересам средних и маленьких стран. Формирование и поддержание международного порядка – это стратегический интерес больших или лидирующих возвышающихся стран, однако эти цели не являются основными для средних и маленьких стран. Средние и маленькие страны не обладают большой материальной силой, поэтому для них забота о собственном выживании часто важнее, чем поддержание международного порядка. Есть множество примеров того, как соображения стратегической репутации оказывались намного менее важными для средних и маленьких стран, чем для возвышающихся и лидирующих стран.

Выводы

Главная разница между моральным реализмом и другими школами реализма заключается в том, что вопрос об изменениях международного баланса сил моральный реализм изучает с точки зрения приобретения и замещения влияния, а не с точки зрения его сохранения и поддержания. Причина существования такой разницы проста: другие школы реализма созданы американскими учёными, которые заботятся о сохранении американского господства в мире, а моральный реализм создан китайскими учёными, в центре внимания которых находятся задачи возвышения и обновления Китая. Хотя угол зрения у этих двух групп учёных разный, у них одинаковый объект исследования – международное лидерство и его изменения.

Моральный реализм является одной из школ теории реализма, поэтому он продолжает основные постулаты реализма, хотя и дополняет их новыми положениями о принципах и путях перехода власти. Моральный реализм вносит две важные переменные – властные основы политического лидерства и международный стратегический престиж. Основы власти политического лидерства рассматриваются в качестве центрального элемента при выборе внешнеполитической стратегии в процессе укрепления влияния возвышающейся страны. Моральный реализм признает материальную силу основой успеха возвышающейся страны, но одновременно вводит понятие властных основ политического лидерства в качестве ключевого элемента международного баланса сил. Следование моральным нормам и высокий стратегический престиж помогают возвышающейся стране улучшать свои международные мобилизационные возможности в целях изменения мирового порядка и создания новых правил и новой международной системы. Моральный реализм черпает истоки в политическом детерминизме, присущем древнекитайской доинской философии. Благодаря философской концепции политического детерминизма, понимание принципов изменения международных правил в теории морального реализма глубже, чем в теориях структурного реализма и наступательного реализма.

Моральный реализм вносит новое слово в теорию международных отношений. Выделяя политических руководителей четырёх типов, он объясняет и анализирует внешнеполитические предпочтения каждого из них, а также вытекающие из них

механизмы изменения международной структуры, тенденции эволюции международных правил, основы стабильности международного порядка и процессы изменения типов международной системы. Можно использовать разные принципы при классификации политических руководителей подобно тому, как животных по их пищевым предпочтениям разделяют на травоядных, плотоядных и всеядных, а по времени активности – на дневных и ночных. Когда характер руководителей вносится в качестве переменной в теорию международных отношений, то критерии выделения типов руководителей необходимо определять согласно исследуемым вопросам. Если при изучении разных проблем применяется один и тот же стандарт, то это приводит к слепому подражанию. В теории международных отношений внешнеполитические решения и международные правила – две разные вещи, так что существуют разные критерии выделения типов политических руководителей. Международные правила представляются составным элементом международного порядка, и эволюция международного порядка сильно влияет на международные правила.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Amos, Deborah. "Arab Leaders Feel U.S. Abandoned Egypt's Mubarak," *NPR News*, February 9, 2011, <http://www.npr.org/2011/02/09/133614346/Egypt-Arab-Leaders> [11.08.2014].
- Brudzinska K., Rostowska M., "North American's New Tread Deals: From NAFTA to TPP and TTIP," *PISM Bulletin*, No. 22 (617), February 18, 2014: 1-2.
- Cohn M. (March 19, 2013), "Iraq: A War of Aggression. No WMDs, No Connection to Al Qaeda," *Global Research*, <http://www.globalresearch.ca/iraq-a-war-of-aggression-no-wmds-no-connection-to-al-qaeda/5327548> [August 11, 2014].
- Daalder I., Goldgeier J., Lindsay J., "By Focusing Now, Clinton Can Renegotiate ABM Treaty," *Los Angeles Times*, April 2, 2000, <http://articles.latimes.com/2000/apr/02/opinion/op-15129> [February 16, 2018].
- Ikenbery J., Kupchan, Ch., "Socialization and Hegemonic Power," *International Organization*, Vol 44, No. 3, 1990, P.290-292.
- Ivanov, I. D. (2013). *Transforming NATO: New Allies, Missions, and Capabilities*. Translated by 赵文亮 (Чжао Вэнлянь), Пекин.
- Jackson R., Rosberg C. (1982), *Personal Rule in Black Africa: Prince, Autocrat, Prophet, Tyrant*, Berkeley: University of California Press.
- Keinon H. (2011). "Israeli Critics Open Up on US 'Abandonment' of Mubarak". *The Jerusalem Post*. <http://www.jpost.com/Diplomacy-and-Politics/Israeli-critics-open-up-on-US-abandonment-of-Mubarak> [February 13, 2018].
- Mearsheimer J., Yan Xuetong (2013). 阎学通对话米尔斯海默：中国能否和平崛起？ [Yánxuētōng duìhuà mǐ'ěr sī hǎi mò: Zhōngguó néng fǒu héping juéqǐ?] *Диалог Яня Сюэтуна и Джона Миршаймера: мирное возвышение Китая - возможно ли оно?* December 3, 2013, http://www.guancha.cn/YanXueTong/2013_12_03_189543.shtml [February 11, 2018].
- Morgenthau H. (2004), *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*, eds. by Kenneth W. Thompson and W. David Clinton, Peking University Publication, Beijing.
- Oshima T. (2013), "U.S. Expresses Disappointment at Abe Visit to Yasukuni Shrine," *The Asahi Shimbun*, December 27, 2013,

- http://ajw.asahi.com/article/behind_news/politics/AJ201312270048 [checked on 02.10.2018, but could not accede].
- Sweetman B. (2013), "Japan Increases Defense Spending," *Aviationweek*, December 17, 2013, <http://aviationweek.com/defense/japan-increases-defense-spending> [02.10.2018].
- Tarun Kh. (2013, October 26), "Japan Ready to Confront China, Says PM Shinzo Abe", *Zee News*, http://zeenews.india.com/news/world/japan-ready-to-confront-china-says-pm-shinzo-abe_886170.html [accessed on August 11, 2014].
- Tata S. (2014), "Japan's Quest for a New Normal - Analysis", *Eurasia Review*, May 16, 2014. Accessed February 13, 2018, <http://www.eurasiareview.com/16052014-japans-quest-new-normal-analysis>.
- VandeHei J., Linzer D. (2006). "U.S., India Reach Deal on Nuclear Cooperation", *The Washington Post*, March 3, 2006, <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/03/02/AR2006030200183.htm> [February 10, 2018].
- Waltz K.N. (2004), *Theory of International Politics*, Peking University Publication, Beijing.
- Wendt A. (1999), *Social Theory of International Politics*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Williamson M., Grimsley M. (1996). "Introduction: on Strategy", In *The Making of Strategy: Rulers, States, and War*, (translated into Chinese by Shi Yin Hong et al.), Beijing.
- Yan Xuetong (2011), *Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power*, Princeton: Princeton University Press, 2011.
- Yan Xuetong (2011), "International Leadership and Norm Evolution." *The Chinese Journal of International Relations* 4 (3).
- Yan Xuetong (2013), "New Values for New International Norms", *China International Studies*, Vol.38, No.1, Jan./Feb. 2013: 15-28.
- Ван Хуань (2011) 王欢, "菅直人将公布新外交政策 称与中国建立战略互惠关系【Jiān zhírén jiāng gōngbù xīn wàijiāo zhèngcè chēng yǔ zhōngguó jiànli zhànlüè hùhuì guānxì】 (Наото Кан объявит о новой дипломатической политике, призовет к вступлению в отношения стратегической взаимовыгоды с Китаем" 环球网 (Интернет-сайт газеты "Глобальные времена"), <http://world.huanqiu.com/roll/2011-01/1433322.html>? 01 17, [02 15, 2018].
- Ван Хунсюй (2011) 王红续, "新中国外交的价值取向与战略抉择【Xīn zhōngguó wàijiāo de jiàzhí qǔxiàng yǔ zhànlüè juézé】 (Определение ценностей в современной китайской дипломатии и проблемы стратегического выбора)." *国际关系学院学报【Guójì guānxì xiéyuàn xuébào】* (Вестник Института международных отношений- 6).
- Ван Шэнчзу (1995) 国际关系史【Guójì guānxì shǐ】 (История международных отношений), В 12-ти т. / Ред. 王绳祖【Wáng Shéngzǔ, Т. 4, 6. 北京(Пекин).
- Гуань-цзы 管子 (Электронный ресурс) // Портал «Chinese Text Project»; <http://ctext.org/guanzi> [15.02.2018].
- Ли Течэн (1993) 李铁城, 联合国的历程 [liánheguó de lìcheng] (История ООН). 北京 (Пекин): 北京语言学院出版社 (Издательство Пекинского института иностранных языков).
- Се Сюйжэнь п.д. 谢旭人, "发展互利共赢的中美经济合作关系【Fāzhǎn hùlì gòng yíng de zhōng měi jīngjì hézuò guānxì】 Взаимовыгодное развитие и китайско-американские отношения экономического сотрудничества." 中华人民共和国商务部网 (Интернет-портал Министерства коммерции КНР). http://www.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/caizhengxinwen/201005/t20100523_319021.html [February 15, 2018.]

- Сунь Сюэфэн (2011) 孙学峰, "东亚准无政府体系与中国的东亚安全政策 [Dōngyà zhǔn wú zhèngfǔ tǐxì yǔ zhōngguó de dōngyà ānquán zhèngcè] (Анархическая система восточноазиатского типа и китайская политика безопасности в Восточной Азии)." 外交评论 [Wàijiāo pínglùn] (Комментарии по внешней политике) (6): 33-49.
- Сунь Сюэфэн (2013) 孙学峰, 中国崛起困境 [Zhōngguó juéqǐ kùnjìng] (Дилеммы возвышения Китая). 北京 (Пекин): 社会科学文献出版社 (Академическое издательство социальных наук).
- Сунь-цзы 荀子 (Электронный ресурс) // Портал «Chinese Text Project»; <http://ctext.org/xunzi> [15.02.2018].
- У Сюй (2012) 吴旭, "中国应放弃不结盟政策 【Zhōngguó yīng fàngqì bù jiéméng zhèngcè】 (Китаю следует отказаться от политики невступления в союзы)." 中国新闻周刊 (Еженедельник "Китайские новости"), 01 10. [15.02, 2018].
- Хэ Тяньтянь (2014) 何天天 【Hé Tiāntiān, 尹卓 : 军事集团化有冷战思维 结盟不符合中俄利益 【Yīn zhuō: Jūnshì jítuán huà yǒu lěngzhàn sīwéi jiéméng bù fúhé zhōng é liyì】 (Инь Чжуо: военная корпоративизация несёт на себе отпечаток менталитета Холодной войны, вступление в союз не соответствует российско-китайским интересам). 人民网 (Интернет-сайт газеты "Жэньминь жибао"), 05 19, http://news.ifeng.com/a/20140519/40363851_0.shtml [02 10, 2018.]
- Цзинь Цаньжун (2009) 金灿荣, 从“中国威胁论”到“中国责任论”, 中国国际舆论环境的变化与应对 [cong "zhong guo wei xie lun" dao "zhong guo ze ren lun"] (Как Китаю реагировать на изменение отношения к нему в направлении от «доктрины китайской угрозы» до «доктрины китайской ответственности»), June 7, 2009, <http://m.aisixiang.com/data/27810/html> [February 20, 2018].
- Цзо Чжуань 左传 (Электронный ресурс) // Портал «Chinese Text Project»; <http://ctext.org/text.pl?node=18368&if=en&show=parallel> [15.02.2018].
- Чжао Пи (2013) 赵丕, "关于新军事变革若干问题的战略思考 【Guānyú xīn jūnshì biàngé guògān wèntí de zhànlüè sīkǎo】 (Каким образом новая военная революция изменяет стратегическое мышление)", 战略研究 (Стратегические исследования) (2).
- Янь, Сюэтун (1996), 中国国家利益分析 [Zhōngguó guójiā liyì fēnxī] (Анализ национальных интересов Китая), 天津人民出版社 (Тяньцзиньское народное издательство), Тяньцзинь.
- Янь Сюэтун, Ян Юань (2013) 阎学通, 和 杨, 国际关系分析 [Guójì guānxì fēnxī] (Анализ международных отношений), 北京 (Пекин): 北京大学出版社 (издательство Пекинского университета).
- Янь Сюэтун (2014) 阎学通, "权力中心转移与国际体系转变 【Quánli zhōngxīn zhuǎnyí yǔ guójì tǐxì zhuǎnbìan】 (Смещение мирового центра силы и изменения мировой системы международных отношений), 当代亚太 【Dāngdài yàtài】 (Современные азиатско-тихоокеанский регион).

«ВЕК ПРОШЕЛ, ЧИСЛО СМЕНИЛОСЬ – НИЧЕГО НЕ ИЗМЕНИЛОСЬ»:

К СТОЛЕТИЮ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ БЕСЕД
АЛИМАРДАНА ТОПЧИБАШЕВА В СТАМБУЛЕ

Яна Амелина

Кавказский геополитический клуб, Москва/Владикавказ

Abstract

A century has passed since Alimardan Topchibashev, Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary of the Republic of Azerbaijan, was holding his diplomatic conversations in Istanbul. Notes on his impressions of his meetings with representatives of the Ottoman Empire's government circles, as well as with European and eastern diplomats, were published in 1994 in Baku as a separate book, "Diplomatic Conversations in Istanbul". What really impresses in the "Conversations" above all, is neither the personality of the author (no doubt, very interesting in itself), nor the proper content of his talks, but the obvious parallels with the present-day reality. The essence and driving forces of events in Europe and the Middle East have not changed at all over the century.

Keywords: Alimardan Topchibashev, Azerbaijan Republic, Turkey, Karabakh, Russia's Policy in the Caucasus, Iran, «Independent» Ukraine

Аннотация

В 2018 г. исполняется сто лет со времени проведения чрезвычайным посланником и полномочным министром Азербайджанской Республики Алимарданом Топчибашевым дипломатических бесед в Стамбуле. Записи его впечатлений от встреч с представителями правительственных кругов Османской империи, а также европейских и восточных дипломатов, были изданы в 1994 г. в Баку отдельной книгой «Дипломатические беседы в Стамбуле». «Беседы» производят огромное впечатление, причем не столько личностью автора (хотя она сама по себе очень интересна) или непосредственным содержанием разговоров, сколько четкими параллелями с современной нам реальностью. Суть и движущие силы происходящих в Европе и на Ближнем Востоке событий за столетие совершенно не изменились.

Ключевые слова: Алимардан Топчибашев, Азербайджанская Республика, Турция, Карабах, политика России на Кавказе, Иран, «самостийная» Украина

В 2018 году исполняется сто лет с того времени, когда **Алимардан Топчибашев** вел свои дипломатические беседы в Стамбуле. Записи чрезвычайного посланника и **полномочного министра**¹ Азербайджанской Республики² о международной

¹ В апреле-июле 1906 г. – депутат от Бакинской губернии и председатель мусульманской фракции I Государственной думы, один из авторов «Выборгского воззвания»; с 20 августа 1918 г. – чрезвычайный посланник и полномочный министр Азербайджанской Республики в Стамбуле; с октября 1918 г. – министр иностранных дел АР. 7 декабря 1918 г. заочно избран председателем парламента АР, 28 декабря 1918 г. назначен председателем азербайджанской делегации на Парижской мирной конференции, фигурирующей в документах, как «мирный конгресс».

ситуации в октябре 1918 – январе 1919 гг. выпустило в 1994 г. бакинское издательство «Эргюн».³

Эта небольшая (всего 159 страниц) книга – издание подлинника рукописи Топчибашева, записывавшего свои впечатления от встреч с представителями правительственных кругов разваливавшейся на глазах Османской империи⁴ и бесконечного круговорота советников, посланников и авантюристов всех мастей и национальностей, обдываявших в Стамбуле разного рода политические дела, – производит колоссальное впечатление. Прежде всего – даже не личностью автора (хотя она сама по себе очень интересна) или непосредственным содержанием его разговоров столетней давности, а теми параллелями с современной нам реальностью, которые столь четко прослеживаются в «Дипломатических беседах в Стамбуле».

«Теперь вы остались одни и сами по себе»

Интересно проследить, как стремительно меняется отношение официального Стамбула к внезапно появившемуся на карте мира Азербайджану (которому поначалу, хотя бы на словах, обещали - и даже отчасти оказывали - всевозможную поддержку и помощь) в зависимости от положения Турции на дипломатических и военных фронтах, и как невероятно велики эти изменения, произошедшие всего за три месяца.

Топчибашев свидетельствует, что существование независимого азербайджанского государства изначально связывалось только и исключительно с поддержкой – политической и иной – со стороны Стамбула. «Нет слов выразить большую благодарность великой нашей союзнице и покровительнице Турции в вашем лице за стремление видеть Азербайджан самостоятельным государством, – говорит Топчибашев **великому визирю Талаат-паше** во время их первой встречи 2 октября 1918 г. – В разрешении этого вопроса все наше будущее: от него зависит, быть или не быть (жизнь или смерть) на свете азербайджанским туркам. ...*Азербайджанские мусульмане считают себя турками*, и мы надеемся, что и в этом мы получили полное признание» (стр. 10).

В начале миссии Топчибашева турецкие должностные лица активно заверяют его в поддержке молодого государства, раздают представителю Азербайджана многочисленные обещания. «Турецкое правительство, нет сомнения, всегда готово прийти к вам на помощь», - уверяет 2 октября 1918 г. **министр иностранных дел Турции Ахмед Насими-бей** (стр. 13). На следующий день Топчибашев благодарит военного **министра Турции Энвер-пашу** за поставку «вооружения, оружия и прочей военной амуниции», а также тяжелых орудий, и выражает надежду на новые поставки, а также прибытие в Азербайджан турецких «специалистов по изготовлению всяких снарядов» (стр.17).

Однако всего через три недели Стамбулу становится не до Баку в целом и не до Топчибашева в частности. «Да, время идет быстро, и все меняется, а теперь не по дням, а по часам, - печально говорит ему на аудиенции 21 октября 1918 г. **новый великий визирь Турции Иззет-паша**. - Посмотрите, что было вчера и что

² Провозглашенной 28 мая 1918 г.

³ А.А.Топчибашев, *Дипломатические беседы в Стамбуле (1918-1919 гг.)*, Баку, 1994 г. Здесь и далее беседы Топчибашева цитируются по данному изданию с указанием страниц.

⁴ Османская империя участвовала в Первой мировой войне в составе блока Центральных держав и вместе с ними потерпела сокрушительное поражение.

происходит сегодня... Вчера еще мы находились в положении, когда могли чувствовать себя хорошо, а сегодня мы... побеждены» (стр. 19). И хотя Алимарданбек по-прежнему уверяет, что «все азербайджанцы преисполнены искренних чувств благодарности турецкому правительству за все сделанное Азербайджану» и продолжает настаивать на поддержке, «в которой мы так еще нуждаемся», Иззет-паша меланхолично отвечает: «Естественно, естественно: старший брат всегда будет и должен помогать младшему, в чем только может. Но вы сами видите, что обстоятельства изменились, изменилось резко положение наше и наших союзников. Слово теперь не за нами, а за Вильсоном⁵ и его сторонниками» (стр. 20).

К 27 октября 1918 г. – встрече с **новым министром иностранных дел Турции Наби-беем** – Алимардан Топчибашев уже преисполнен раздражения, которое особо не пытается скрыть. «Я уже около месяца здесь», – говорит он министру, перечисляя встречи с его предшественниками по кабинету и указывая на министерский кризис как причину явной пробуксовки вопроса о становлении независимого Азербайджана и в Стамбуле, и в Европе (стр. 22). «Мы по-прежнему будем относиться к Азербайджану любовно и поможем, чем в силах, так как желаем, чтобы ваше молодое государство организовалось и крепло, – дает дежурные обещания Наби-бей. – Но, конечно, изменившееся радикально положение наше, к сожалению, не дает нам возможности действовать прежним темпом» (стр. 23). Он прямо отказывает Азербайджану в дальнейшей военной поддержке, объясняя это давлением держав-победительниц.

Еще более жесткий разговор происходит 3 ноября 1918 г. с **морским министром и председателем турецкой делегации на Батумской и Трапезундской конференциях**⁶ Рауф-беем. Топчибашев возмущен тем, что в перечне условий подписанного Турцией Мудросского перемирия есть пункты, касающиеся Азербайджана, но не согласованные с ним: «Мы не участвовали при переговорах ваших с антантистами и без нашего ведома столица Азербайджана, Баку, и наша Закавказская железная дорога отданы англичанам». Рауф-бей, прерывая, отрицает подобные договоренности, подтверждая, впрочем, что представители Антанты действительно настаивали на этом. Но Топчибашева тревожит другое: «в переговорах турецкого правительства с антантистами не было места суждениям о Баку, вам, Турции, не принадлежащем».

Морской министр рассказывает, как туркам выкручивали руки, азербайджанский дипломат вспыхивает: «Дело получает такой оборот, что вряд ли будет польза от моего пребывания здесь, почему я предпочел бы сейчас вернуться обратно в Азербайджан». «Как знакомый хорошо с создавшимся положением, считаю

⁵ Вудро Вильсон – 28-й президент США (1913-1921 гг.). Четырнадцать пунктов Вильсона – проект мирного договора, завершавшего Первую мировую войну, – включал, в том числе, п.5, гласивший: «Свободное, чистосердечное и абсолютно беспристрастное разрешение всех колониальных споров, основанное на строгом соблюдении принципа, что при разрешении всех вопросов, касающихся суверенитета, интересы населения должны иметь одинаковый вес по сравнению со справедливыми требованиями того правительства, права которого должны быть определены». Документ пользовался невероятной популярностью в послевоенной Европе, на него возлагались огромные надежды, однако предложения Вильсона были реализованы лишь частично.

⁶ Речь идет о переговорах между делегациями Турции и Закавказского сейма о заключении мирного договора, проходившие в марте-апреле 1918 г. в Трабзоне и в мае 1918 г. в Батуми.

обязанным себя вам заявить, что никакое противодействие сейчас пользы не может дать», – непреклонен Рауф-бей. По его словам, если бы Турция не согласилась на условия победителей, то «мы должны были бы проститься с мыслью о дальнейшем существовании турецкого государства». Он советует Топчибашеву «приложить все усилия, чтобы получить признание самостоятельности Азербайджана», для чего следует вступить в переговоры с прибывающей в Стамбул «делегацией антантистов». «Получается положение, из которого трудно найти выход, – размышляет вслух Топчибашев. – *Как это все случилось столь неожиданно. Ведь еще вчера...*». «Да, вчера сила была на нашей стороне, – прерывает его Рауф-бей. – Сегодня этого уже нет» (стр. 34-36).

16 ноября 1918 г. следующий **министр иностранных дел Турции Мустафа Рашид-паша**, несмотря на предварительную договоренность, принимает Алимардана Топчибашева буквально на бегу: он ждет британского адмирала Гальтропа и явно показывает, что Британия для Стамбула значительно важнее Азербайджана (стр. 52).

25 ноября 1918 г. очередной **военный министр Турции, маршал Абдулла-паша**, ссылаясь на ситуацию в стране, прямо отказывает Азербайджану в любой поддержке: «Теперь вы остались одни и сами по себе; мы вам помочь не можем, вы должны сами о себе позаботиться». «Но вам известно, что единственно озабочивающий нас теперь вопрос – это добиться признания нашей независимости», – взывает Алимардан Топчибашев. «Конечно, на мирном конгрессе наши представители помогут вам, чем в силах, но сейчас, к сожалению, мы ничего не можем для вас сделать: мы бессильны, мы побеждены...», – жалуется Абдулла-паша и добавляет: – *Да притом теперь вообще правительства от всего устраняются не только у нас, но и везде.* Читали речь Гендерсона? Он прямо говорит, что на мирном конгрессе будут говорить и действовать не правительства и их представители, а лишь народы и их представители. Может быть, это и лучше. Вот надо и вам, как народу, готовиться к мирному конгрессу. Сообщите об этом вашему правительству» (стр. 71-72).

В том же духе проходят и другие встречи с турецкими государственными чиновниками. Чем дальше, тем менее любезен Топчибашев, понимающий, что его просьбы не выполняются, а обещания помощи – хотя бы организационной и дипломатической – ничего не значат. «Сейчас я и г. министру говорил, что вы все забыли наш Азербайджан», – не скрывает своих чувств азербайджанский представитель, случайно увидев 9 января 1919 г. в коридоре министерства иностранных дел Турции **мушташара (советника министра) Ришад Хекмет-бея**. «Этого не может и не должно быть, – вяло возражает чиновник. – Но только мы все это время сильно обременены. Есть ли у вас сведения об Азербайджане?» – «Откуда могут быть сведения, когда вы не посылаете моих телеграмм и возвращаете обратно». – «Это не наша вина. Мы с большим удовольствием...» – «Затем я просил вас установить между мной и антантистами контакт. Вы записали это и обещали сообщить, я ждал некоторое время». – «Мы обсудили и решили, что лучше вам самим вступить в непосредственные с ними переговоры» (стр. 110). Турки заняты своими делами, которые оставляют делать много лучшего, и дела и чувства «младшего брата» волнуют их в последнюю очередь.

«Вопрос именно в спорности территории Карабаха»

Значительное внимание на переговорах с турецкими государственными деятелями уделялось вопросу азербайджанско-армянских взаимоотношений. Очевидно, что позиции официального Баку за прошедшее столетие абсолютно не изменились. «С

самого начала образования нашего государства мы сочли долгом идти в полном согласии с государственной политикой Турции, – комментирует Топчибашев призыв **Талаат-паши** к мирному сожительству с соседями – грузинами и армянами. – ...Но должен откровенно сознаться в крайней трудности достигнуть этой благой цели, ибо если мы можем сойтись мирно еще с грузинами (*даже это, как видим, вызывало у автора сомнения - прим.*), то это представляется очень трудным с армянами, в искренности коих наши мусульмане давно изверились. Достаточно указать на их поведение сейчас; у них столько ориентаций, сколько существует держав»⁷ (стр. 11).

«Мы боимся, что не удастся сойтись с армянами, у которых чрезмерные аппетиты и которые, в целях удовлетворения своих намерений на чужой, т.е. за наш счет, чуть не во всех столицах действуют в ущерб наших интересов, **выставляя нас за нацию, неспособную к государственной жизни и непримиримую с другими народностями**», – жалуется Топчибашев **министру иностранных дел Турции Ахмеду Насими-бею**. «Я понимаю ваше заявление, касающееся соседей, но все-таки мирная жизнь с ними – необходимое условие существования для них и для вас», – увещевает его турецкий дипломат (стр.14). Представить данный диалог в наши дни не сложнее, чем сто лет назад.

С **новым министром Наби-беем** беседа идет уже непосредственно о Карабахе. Перечисляя входящие в него «четыре санджака», Топчибашев заверяет, что «все они входят в состав территории Азербайджана, и наше правительство имело право посылать в эти районы свои войска для восстановления на своей территории спокойствия, нарушенного бандами такого авантюриста, как Андроник». Между тем, армяне «забили тревогу и по обыкновению кричат везде об этом обстоятельстве» (*азербайджанской карательной операции - прим.*). Он просит министра не предпринимать в этой связи никаких шагов. «Никаких шагов в этом отношении не предпринято, – отвечает Наби-бей. – Но с точки зрения момента желательно, конечно, от подобного рода действия, как посылка войск, воздержаться». «Должен доложить, что, вопреки заявлению представителей армян, это – наши войсковые части и они отправлены на нашу же территорию, настаивает Алимардан-бек. – Во всяком случае, я удовлетворен» (стр. 24-25).

«Я не верю, чтобы учинялись насилия над армянами, – продолжает он обсуждение карабахской темы на приеме у **мусташара министра иностранных дел Турции Ришад Хекмет-бея** 18 ноября 1918 г. – Думаю, все это сочиняется и преувеличивается, чтобы по обыкновению обратить внимание Европы, и теперь держав согласия, на армян, часто прибегающих к таким приемам» (стр. 63). Однако мусташар, ссылаясь на армянских представителей в Стамбуле, поправляет Топчибашева: «Вопрос не в водворении спокойствия, а в том, что **армяне оспаривают у Азербайджана Карабах, в котором, по их словам, большинство населения армяне. ...Словом, вопрос именно в спорности территории Карабаха**. Над всем этим надо сильно призадуматься. ...Не забывайте, что там, где армяне в большинстве, они неминуемо все равно возьмут верх, их поддержат все державы, особенно антантисты; наконец, это будет подходить и к требованиям принципов Вильсона».

⁷ К сожалению, на фоне антироссийских заявлений представителей отдельных политических партий и НПО современной Армении подобные подозрения поневоле возникают не только у топчибашевых, но и у многих дружественных наблюдателей.

Турецкий дипломат настойчиво предлагает азербайджанскому коллеге решить дело миром: «Согласитесь, что от присоединения или отторжения 5 или 10 селений Азербайджан не будет богаче или беднее». Разумеется, Топчибашев бросается в атаку: по его словам, речь идет о гораздо большей территории, говорить о значительном большинстве армян в Карабахе не приходится, но, несмотря на все это, «мы также сторонники миролюбивого разрешения вопроса». Затем коллеги переходят к обсуждению идеи конфедерации Азербайджанской, Армянской и Грузинской республик, к которой, по словам мусташара, «присоединится, вероятно, и Северный Кавказ».⁸ «Уверен, что при такой организации легче получить признание со стороны держав», - комментирует он практическую пользу подобного решения (стр. 64-65).

25 ноября 1918 г. **военный министр Абдулла-паша** говорит Топчибашеву, что «от нас антантисты требуют принятия мер к обезопасению армянского населения Карабаха», на что тот отвечает, что это **«старый вопрос» – ведь события в Карабахе происходили «месяца два тому назад»**.⁹ «Очень может быть, но от нас требуют обезопасить армян Карабаха, и мы должны это сделать», – разъясняет военный министр. «Раз им не угрожает опасность, о каких мерах можно говорить, – возмущается Топчибашев. – Это же несправедливо». «Ничего не поделаешь, когда перед нами торчат иноземные пушки, а у нас нет сил», – разводит руками Абдулла-паша (стр. 74).

При этом встреча с **председателем армянского Национального совета и армянской делегации на Парижской мирной конференции Аветисом Агароняном** 16 января 1919 г. проходит совсем в другом ключе. Тот называет грузино-армянские отношения «очень скверными», добавляя, что «грузины объявили нам форменную войну»: в столкновениях погибли представители обеих сторон, в Тифлисе шла «форменная облава на армян», которые задерживались тысячами, причем «невнимательность» грузин отражалась не только на простых людях, но и на членах официальной армянской делегации, которой отвели «одно купе в грязном вагоне 2 класса, в котором везли какую-то провизию». Отношения же с Азербайджаном, по словам Агароняна, «куда лучше. Правильно они налаживаются». Идея закавказской федерации представляется ему не очень привлекательной, причем именно из-за отношений с грузинами, обострившимися, убежден Агаронян, «из-за Тифлиса, на который будто мы, армяне, претендуем, а между тем, у нас никаких претензий на Тифлис нет».

«Как печально, что наши народы начинают свою жизнь самостоятельную при таких ненормальных отношениях! – констатирует Алимардан Топчибашев. - Я все же не теряю надежды на улучшение этих отношений и на достижение конечной цели – федерации». «Прекрасная идея! Посмотрим, что скажет конгресс», – отзывается Агаронян (стр. 127-132).

⁸ Идеи закавказской конфедерации с участием отделившегося от России Северного Кавказа, несмотря на их полную несостоятельность, активно обсуждались в девяностые годы, да и по сей день иногда всплывают в трудах кавказских пропагандистов разного толка.

⁹ Ссылки на «старый вопрос», когда речь идет о событиях двух-трехмесячной давности, демонстрируют особые отношения азербайджанцев со временем. Топчибашев действительно считает обсуждение столь «старого» вопрос совершенно не уместным.

«Я опасюсь, что ваша страна не совсем готова к независимой жизни»

Переживавшая сложнейший период своей новейшей истории Турция ничем не могла, да и не особенно стремилась помочь Азербайджану. Осознав это, Топчибашев сосредоточил усилия на информировании о независимой республике представителей европейских держав и США. Однако и они не испытывали особого желания заниматься азербайджанской проблематикой - конечно, когда вообще представляли, где находится это новое независимое государство. При этом они были хорошо осведомлены о реальном отношении азербайджанцев к армянам.

Показательна беседа с посетившим Топчибашева в гостинице Pera Palace (воистину легендарное место) **английским полковником Трамплом**. «Итак, вы из Азербайджана, не так ли, господа?» – «Да, господин полковник». – «Стало быть, вы персы, так как Азербайджан расположен в Персии». – «Нет, господин, мы из Кавказского Азербайджана». – «А, это Баку и окрестности, это там, не так ли? ... У вас есть географическая карта? (Показывают карту). *Где находится Карабах?*¹⁰ (Мы показываем). Мы слышали, что недавно вы отправили в Карабах экспедиционный корпус, который истребил там много армян, и что то же самое произошло в Баку во время захвата города объединенными силами турок и татар. Почти половина лиц армянской национальности была уничтожена турками, и нам было тягостно услышать еще об истреблении армян вами!» – «Господин, *события, о которых вы говорите, достаточно давние и имели место три месяца тому назад*. В настоящее время все вернулось в нормальное состояние и повсюду господствует самый полный порядок» (стр. 66-67).

Топчибашев приводит множество аргументов, осложняющих, по его мнению, решение карабахского вопроса. Поскольку подавляющее большинство мусульманского населения Карабаха живет за счет животноводства, «лишение их своих гор будет означать для них настоящую экономическую катастрофу». При этом, сообщает Топчибашев, представители армянского правительства неоднократно заявляли, что добровольно откажутся от притязаний на Карабах, если им будет предоставлен порт на берегу Черного моря; «они также удовлетворились бы обменом населения», поскольку в Эриванской губернии проживает около 200 тысяч мусульман, что равно числу армянского населения Карабаха.

«Что касается бесчинств, на которые вы намекаете, то будьте уверены, что они были взаимными», – заверяет Топчибашев, поясняя, что «к несчастью, *акты несправедливости, совершенные по отношению к нам, неизвестны в Европе, в то время как армяне имеют представителей в Лондоне, Париже и в Вашингтоне, где они кричат, преувеличивая факты, и добиваются у Европы и Америки заинтересованности в их делах*»¹¹ (стр. 67-68). «Все это очень интересно, – парирует полковник, по всей видимости, подавляя зевоту. – Но, хотя должен быть принят принцип свободы каждой нации выбирать свою судьбу, мне кажется, что *с обретением независимости всеми этими малыми государствами будут иметь место вспышки насилия, бесконечные конфликты между соседними и вашим народами*. Кавказ превратится в Балканский полуостров, который будет предметом постоянных тревог европейских держав». Что же предлагает британец Темпл? «Иметь

¹⁰ Нынешние полковники темплы и мистеры брауны, надо признать, хорошо изучили и географическую, и политическую карту Кавказа.

¹¹ Эту мысль практически дословно постоянно использует азербайджанская пропаганда в наши дни.

там силы, стоящие выше различных элементов, которые будут иметь задачей сдерживать насилие и установить порядок и спокойствие в регионе» (стр. 67), то есть тогдашний аналог нынешних миротворческих сил под эгидой ОБСЕ или ООН.

Игнорируя это предложение, Топчибашев рассказывает Темплу, что внешние противоречия «между элементами» на Кавказе являются следствием политики Российской империи «разделяй и властвуй». Но, несмотря на это дурное наследие, кавказцы прилагают все усилия, «и мы уверены в этом, *достичь создания кавказской конфедерации по образцу Швейцарии*».¹² Но даже это смелое заявление не может поколебать сомнения британца: «Ваш народ более развит, чем оттоманцы?» – «Да, несомненно». – «Каков процент грамотных у вас?» – «25%». – «*Я опасуюсь, что ваша страна не совсем готова к независимой жизни*».

Выяснив, что до захвата «Азербайджана» русскими эта территория находилась «под персидским господством», заместитель полковника Темпла интересуется: «Не считаете ли вы, что обязаны своим развитием русской культуре?». «Мы не скрываем, что вначале русская оккупация представлялась для нас благом, но в последнее время – чтобы помешать нашему народу ясно видеть пути своего освобождения – российское правительство беспощадно сдерживало наше развитие», – не отрицает Топчибашев. Он просит связать его с адмиралом Гальтропом, и Темпл обещает содействие, предупреждая, однако, что «адмирал получил формальные указания официально не принимать представителей государств, отделившихся от Российской империи. *Он не принимает даже украинцев*» (стр. 70). Встреча (которая так и не состоялась – Я.А.) возможна лишь в частном порядке. Полковник также просит передать ему «карту Кавказа с письменным представлением о вашей ситуации».

«Американец мистер Браун», не имевший в Стамбуле официальных функций, но игравший «роль в американском военном ведомстве и в то же время очень близкий к Вильсону человек», продемонстрировал еще более глубокое знание региона, чем полковник Темпл. «*Ах, Азербайджан! Вы, значит, из армян?*», – начинает он беседу с Топчибашевым 23 декабря 1918 г. Тому приходится объяснять реальное положение дел. «А, Баку! – выказывает понимание американец и просит секретаршу принести атлас. – *Я очень прошу вас показать мне ваш Азербайджан и главные его пункты*». После этой демонстрации азербайджанский представитель вручает Брауну меморандум с рассказом о своей стране и уходит (стр. 87).

Представитель Итальянского королевства **граф Сфорца**, будучи нездоровым, 31 декабря 1918 г. вовсе не принимает Топчибашева, заверив его через секретаря в полной поддержке малых народов со стороны Италии (стр. 88). В аналогичной поддержке со стороны Швеции уверяет его и **шведский посланник Анкархверд**, советуя представителю Азербайджана ознакомиться с положением его страны «большие круги», хотя именно этим Топчибашев и занимается (стр. 91).

Значительно занимательнее беседа Топчибашева с **американским дипломатическим представителем в Турции Хэйком**, сменившем мистера Брауна. Азербайджанский дипломат приходит к нему 6 января 1919 г. В это время Хэйк принимает американского посланника в Тегеране, приехавшего с персидской делегацией, но заминка длится всего несколько минут. Он рассказывает Топчибашеву,

¹² Из чего приходится делать не вполне серьезный вывод, что нынешний интерес Швейцарии к ситуации в Закавказье далеко не случаен.

что знает арабский и персидский, а также довольно долго жил в Константинополе. Хэйк выражает сомнения относительно солидарности народов Кавказа, но делает вид, что верит словам Топчибашева о его наличии на основе общей ненависти к царскому режиму. *«Как вы думаете, согласились бы ваши народы опять быть с Россией?»*, – спрашивает американец о том, что его действительно интересует. «Я не сомневаюсь, что ни один из кавказских народов не захочет больше жить совместно с русскими», – уверяет Топчибашев, ссылаясь на разницу мировоззрений и утверждая, что *«мы видим в американцах наилучших друзей и покровителей»*.¹³ Однако Хэйк не предлагает ничего конкретного, кроме обещаний передать азербайджанский меморандум своему правительству (стр. 98-99).

«Прежде всего, Россия сама ушла от нас, а не мы от России»

Охваченная гражданской войной Россия, не контролирующая свою территорию, также не думала об Азербайджане. По-своему трогательна встреча старых знакомых по Государственной думе – бывшего депутата Алимардана Топчибашева и **бывшего министра иностранных дел российского временного правительства Павла Милюкова**. «А-а, мое почтение, очень рад вас видеть, – приветствует коллегу Милюков 7 декабря 1918 г. в стамбульском отеле «Токотлиан». – *«Про вас ведь тоже писали, что вы расстреляны в Баку или Тифлисе – не помню»*. *«Интересно, как вы и ваши друзья спаслись?»*, – парирует Топчибашев. Милюков кратко обрисовывает ситуацию в Петрограде, подробно – состояние дел в большевистской и добровольческой армиях, рассказывает, что «Россия, что называется, начинает собираться и организовываться у вас на Кавказе», то есть на Кубани и на Дону.

«Главнейшее – это освобождение нас от большевиков: если сойдут со сцены большевики, Россия будет спасена», – резюмирует Милюков (стр. 81). «А как же отделившиеся части?», – вопрошает Топчибашев, говоря о трех закавказских республиках. И Милюков начинает влиять: «Я понимаю, что ваши народы должны были спасать себя и в этих видах образование ваших республик естественно, вы должны были так и поступить». С другой стороны, в этом «нельзя не видеть дела рук немцев и их восточной политики за последнее время». «По поводу вашего заявления о немцах можно спорить, ибо это вряд ли так, но *совершенно верно, что Россия сама ушла от нас, ушли сами войска, ушли власти*, – возражает Топчибашев. – Ну, а дальше, какое будет отношение к отделившимся?». Но разве от Милюкова добьешься прямого ответа? «Дальше? – раздумывает он. – Трудно сказать: очень сложно и запутанно. Конечно, важно решение самого населения таких частей. Впрочем, для нас сейчас важнее всего центральная Россия. А как вы думаете?». – «Я думаю, что народы уже решили свою судьбу, и в том числе мы, азербайджанцы».

И здесь Азербайджан действительно показывает себя достойным младшим братом Турции. О том, что по итогам Первой мировой войны «одна наша надежда, без сомнения, сбылась: это развал царской России», с удовлетворением говорит в ходе первой встречи с Топчибашевым 2 октября 1918 г. **великий визирь Турции Талаат-паша**. «Это наше действительное приобретение, которое должно иметь хорошие последствия для нас, как и для вас, для всех народов России, и в частности Кавказа», – констатирует чиновник (стр. 9-10).

¹³ Точно такие же заявления неоднократно звучали из Баку в девяностые-двухтысячные годы, однако, как и в 1918 г., не были услышаны в Вашингтоне.

Возвращаясь к беседе с Милюковым, очевидно, что он не представляет и ситуацию в Поволжье, да и не особо интересуется ей: «Ведь мусульмане сами везде устраивают свою жизнь и тяготеют к Турции. И притом я вот сейчас вижу вас первого из мусульман за все это время» (встреч с армянами и грузинами было достаточно много). «Я тоже сожалею, что так игнорируются мусульмане внутренних губерний, – раздражается Топчибашев. – Ведь они-то во всяком случае в России и с Россией. **О каком тяготении их к Турции можно говорить? Неужели и после этого будут совершаться и повторяться прежние ошибки в отношении мусульман!**».¹⁴ Милюков вяло соглашается, что «ошибок в прошлом было много» (стр. 84-85). Не говорит он лишь о том, что многие из них – на его совести.

Иное, но столь же тягостное впечатление оставляет запись беседы Топчибашева с **бывшим министром иностранных дел Российской империи Сергеем Сазоновым**, состоявшейся 5 января 1919 г. Обругав Милюкова за «нетактичность» и отсутствие понимания происходящего («достаточно сказать, что Милюков стал держаться немецкой ориентации как раз в тот момент, когда уже общее поражение немцев было несомненно», стр. 93), Сазонов обрушивается на самих немцев, а потом и на грузин. «Скажите, пожалуйста, какое могут образовать государство грузины: ведь они же – нищие, у них ничего нет?», – вопрошает бывший министр. «А марганец, а леса и прочее?», – возражает Топчибашев. «Вот единственно – марганец, – соглашается Сазонов. – Но на этом далеко не уедешь». «Видите ли, **несмотря на всю важность экономических вопросов, дело все же не в них пока**», – теряет терпение Топчибашев.

Он рассказывает собеседнику об отделении от России трех закавказских республик, поясняя, что, в частности, азербайджанцы, «как народ отсталый и во всяком случае далекий от крайних социалистических тенденций, находят, что они не в состоянии идти нога в ногу с русским народом, не будучи в силах усвоить и перенять жизнь на основах социализма-большевизма». «Значит, татары на Кавказе, т.е. мусульмане, уже похоронили Россию и поставили на ней большой крест?!», – возмущается Сазонов. «Нисколько, – успокаивает его Топчибашев. – Напротив: мы, азербайджанцы, желая идти своей дорогой и жить по своим представлениям и силам, тем самым облегчаем задачи будущей России из чисто русских провинций и с чисто русским населением. Такой России мы всегда будем желать счастья. Затем мы, азербайджанцы, хотели жить в дружном сожительстве с нашими соседями грузинами и армянами и намечаем образование единой федеративной республики наподобие швейцарского союза». «Вряд ли это окажется возможным: слишком большая разница между народами Кавказа, – справедливо отмечает Сазонов. – Особенно с вами не пойдут армяне».

Бывший министр напоминает Топчибашеву, что «кавказские мусульмане очень расположены к русским и не хотят отделиться от России», о чем ему рассказывали русские чиновники, которых прекрасно принимали в Елисаветполе (*ныне Гянджа – прим.*) и других местах, тогда как «грузины гнали из Тифлиса, отстраняли от службы и проч.». «А теперь вы говорите о сепаратизме тех же мусульман, которых в России мы вообще очень любим! – восклицает Сазонов. –

¹⁴ Абсурдные и не имеющие ничего общего с действительностью подозрения относительно «ориентации на Турцию» предъявляются казанским татарам вплоть до сегодняшнего дня.

Конечно, вам лучше их знать!». «Позвольте сказать вам, что *прежде всего, Россия сама ушла от нас, а не мы от России*», – прерывает его Топчибашев (стр. 95-96).

Рассказ о второй беседе с Сазоновым (6 января 1919 г.) начинается с описания салона Pera Palace, где в тот день собралась вся персидская миссия во главе с министром иностранных дел, к которой чуть позже присоединился и американский представитель Хэйк. Там же были и новый испанский посланник с секретарем, и греческий представитель, множество русских, английские и французские офицеры и моряки. 58-летний Сазонов говорит Топчибашеву, что «внешняя физиономия Константинополя за последние 10-15 лет резко изменилась»: на улицах города, даже в чисто турецких кварталах, все меньше женщин в чадре, «разве только с легкой вуалью». Собеседники продолжают прерванный днем ранее разговор о принципиальной, мировоззренческой, по мнению Топчибашева, невозможности для азербайджанцев, да и для всех кавказцев, продолжать находиться под русским правлением.

«Россия дала всем окраинам все, что она сама имела, – не соглашается Сазонов. – Мало того, она себя обижала и давала вам. ...И как только мы избавимся от большевиков, мы скажем народам, желающим отделиться от России: а пожалуйте-ка обратно, опять к нам». Кроме того, отмечает он, на отделение Кавказа от России не согласятся, прежде всего, союзники: «поверьте, они раньше нас скажут это вам, грузинам, армянам». «Я убежден, что *народы Кавказа не в состоянии жить самостоятельно*, – констатирует Сергей Сазонов. – Ну скажите, пожалуйста, могут образовать свое государство эти глупые бараны-грузины?! ...Армяне - народ куда интереснее. А ваши азербайджанцы не желают отделяться от России, хотя вы теперь говорите обратное». Самостоятельно, по его мнению, способны жить сербы или чехи, но никак не украинцы или кавказцы. Крайне скептичен он и по отношению к принципам Вильсона: «это одна идеология!», которая не будет иметь решающего значения (стр. 103-105). В этом самодовольный бывший министр оказался прав.

«Самостийная Украина – одно недоразумение, она не может жить без России»

Украинский вопрос также неоднократно затрагивается в «Дипломатических беседах». Описание встречи Алимардана Топчибашева с **украинским посланником в Турции Суковкиным** оставляет столь острое ощущение злободневности обсуждаемых вопросов, что ее дата – 15 ноября 1918 г. – кажется какой-то ошибкой. «Украина не будет против федерализации отдельных государств, образовавшихся в разных частях России, – излагает Суковкин политическое кредо «самостийников». – Такая федерализация может быть наподобие Штатов Северной Америки. Но *нельзя допустить, чтобы снова могло образоваться и существовать единое Российское государство, как раньше. Это немыслимо*».

Впрочем, обрисовывая положение «самостийников» и симпатии простых украинцев к большевикам, украинский посланник демонстрирует определенный здравый смысл и прогностический талант. «Тем не менее сейчас нам приходится смириться с держами согласия, которые, быть может, уже составили свою карту для всех нас и по-своему определили наши судьбы», – говорит Суковкин практически то же, что несколькими днями ранее – Рауф-бей. «Ну а где же тогда принципы Вильсона?», – наивно или, скорее, растерянно спрашивает Топчибашев. *«Знаете, эти принципы принципами и могут остаться»*, – доверительно сообщает Суковкин. И Топчибашев берет себя в руки: «Возможно. И я не особенно на них полагаюсь. Это еще больше говорит за необходимость совместных шагов» (стр. 49-50).

Проходит совсем немного времени, и в разговоре с Милюковым Топчибашев делится своим заключением – Украина больше самостоятельно не желает существовать»: вот и посланник Суковкин спустил на своем пароходе «Александр Михайлович» национальный украинский флаг и поднял андреевский. Милюков говорит о помощи, обещанной «нам и Украине» союзниками для борьбы с большевиками, отмечая, однако, что «до сих пор пока этой помощи нет» (*она так и не пришла – Я.А.*) (стр. 79-81).

Мнение же бывшего министра иностранных дел Российской империи Сергея Сазонова по поводу украинской независимости абсолютно определено: **«самостийная Украина – одно недоразумение, она не может жить без России»** (стр. 105). «Из среды самих интеллигентных малороссов нет никого, искренне желающего отделения от России. Это и понятно, ибо никакой разницы между ними и русскими, т.е. великороссами, нет», – отмечает Топчибашев в заметках на полях встречи с Сазоновым (стр. 106).

Однако в начале 1919 г. ситуация принципиально (хотя и вновь ненадолго) меняется: к власти в Киеве приходит «национально-украинское правительство, которое и будет действовать в духе самостоятельности». 12 января 1919 г. украинский посланник в Болгарии А.Шульгин убеждает Топчибашева, что «теперь никакой примеси начал всероссийского единения не будет. Украина была и останется самостийной». Забавно, что, как и спустя столетие, в те годы Киев был настоящей Меккой для разного рода русских «деятелей»: «Все находили приют у нас. Мы охотно их принимали, так как многие сами предлагали нам свои услуги». Правда, тогдашние русские вместе с гетманом Скоропадским намеревались «на шею украинцев восстановить старую Россию» (стр. 121).

Независимость Украины на тот момент, по словам Шульгина, была признана не только Германией и ее бывшими союзницами, но и Францией и Англией. «Не думаю, чтобы теперь державы все подняли вопрос о нашей независимости, – предполагает он. – Впрочем, кто знает... Во всяком случае, к другим народностям, как к азербайджанцам, грузинам и др., отношение Украины, я могу сказать с уверенностью, было и остается благоприятным, дружеским».¹⁵ «Этого-то нам и нужно», – завершает разговор Алимардан Топчибашев (стр. 123).

«Значит, Персия предъявляет свои права на наш Азербайджан?»

Гораздо большее понимание ситуации – как и желание изменить ее в свою пользу – демонстрируют представители Персии и ислама. Показательна беседа Топчибашева с **шейхом-уль-ислам Турции** «родом из Дагестана».¹⁶ «Я очень интересуюсь Азербайджаном и Дагестаном, ведь это одно и то же, один и тот же Кавказ, разницы нет. Не так ли?», – приветствует его глава мусульманского духовенства 28 октября 1918 г. «Совершенно верно: **мы тоже не отделяем Дагестан от Азербайджана**», – заверяет Топчибашев (стр. 28).

Среди прочего, он жалуется шейх-уль-исламу на отсутствие в Азербайджане «хорошо подготовленных, просвещенных мулл и вообще духовенства», что, по его

¹⁵ Нынешняя «самостийная Украина» в прочном тандеме с либеральными кругами Вашингтона пытается поддерживать как российскую оппозицию, так и Грузию и другие государства, противостоящие, по мнению Киева, «российскому империализму».

¹⁶ Омер Хулуси эфенди, занимавший этот пост в 1918 г.; в тексте по имени не назван.

словом, является результатом «стараний русского правительства, которое не только не давало должностей по духовному ведомству, но преследовало всячески тех мусульман, кои получали образование в Турции, Египте и Персии». «Как же, как же: я сам подвергся этой участи и потому не мог вернуться в родной Дагестан (село Инах, около Гуниба, в Аварии», – подхватывает религиозный деятель.¹⁷ И тут Топчибашев радуется его новостью, которая и сейчас, и тогда существовала лишь в воображении прогрессивных политических деятелей мусульманского происхождения.¹⁸ «Существовавший раньше пагубный взгляд на религиозную якобы рознь между шиитами и суннитами предан забвению и теперь этому обстоятельству никакого значения уже не придается». «Слава Аллаху, что на Кавказе уже сознали этот вред», – воодушевляется шейх-уль-ислам (стр. 30-31).

Рассказывая об административном устройстве российского мусульманского сообщества, Топчибашев говорит о трех муфтиях и одном шейх-уль-исламе, места которых «занимались обыкновенно слабыми людьми. Русское правительство этого и добивалось. Население к ним относилось не с должным доверием».¹⁹ Что касается недавно избранного муфтия Северного Кавказа и Дагестана Гаджи Наджмедина эфенди, то «он не оправдал наших ожиданий. ...Он больше занимался житейскими делами: он человек богатый и имеет стада баранов».²⁰ Кроме того, «он находил, что в мусульманском мире должен быть лишь один язык – это язык арабский». «Быть может, было бы хорошо, если бы все мусульмане говорили на языке Корана, – рассуждает в ответ шейх-уль-ислам. – Но это невозможно, ибо каждый народ любит и должен любить свой родной язык, который ему и дорог как свой. Не только турки, но никто не может отказаться от своего родного языка» (стр. 32).

Еще более поразительно современная беседа состоялась 16 ноября 1918 г. с **иранским посланником в Турции Мирзой Махмуд-ханом**. Персидский дипломат, даже не вспоминая о восточной учтивости, с одной стороны, заявляет Топчибашеву, что персы «от души рады вашей свободе», с другой ставит вопрос ребром: «Но вы назвали ваше государство «Азербайджаном», что это означает? *Означает ли это притязание ваше на настоящий Азербайджан, который находится в пределах Персии?»*».

Дальнейший диалог захватывает и сейчас, через столетие. Топчибашев пытается объясниться, мол, «Азербайджан» – всего лишь географический термин, но персидский посланник зрит в корень: «Нет, Excellence. *Тут больше, чем одна география*. Далее, вы себя считаете азербайджанскими турками. Между тем, в Азербайджане – вообще на Кавказе и в Персии – нет вовсе турок: все персы, ваши

¹⁷ Большинство представителей российских силовых структур и сейчас крайне подозрительны по отношению к выпускникам зарубежных исламских учебных заведений. Отчасти их озабоченность оправдана, но лишь отчасти, – тем более, что полноценная система исламского образования в России до сих пор не создана.

¹⁸ Перед Первой мировой войной Топчибашев и его друзья и коллеги неоднократно обсуждали проблему шиитско-суннитского противостояния, приходя к необъяснимому сейчас выводу, что в самом скором будущем данные противоречия перестанут иметь для мусульман какое-либо значение.

¹⁹ В нынешнем российском мусульманском сообществе в целом бытует аналогичное мнение.

²⁰ Такие примеры также известны современной истории северокавказского мусульманского сообщества.

отцы и деды – все были персами». «Разрешите мне...», – пытается возражать Топчибашев, но персидский посланник «с волнением прерывает» его, требуя слушать дальше: «У вас цивилизация, культура, традиции, обычаи, даже костюм – все персидские». Впрочем, Махмуд-хан возлагает вину за эту «фатальную ошибку» на Стамбул, где «вместе с немцами явно создавались планы, направленные против нас», а Баку является лишь разменной монетой в этих раскладах.

Топчибашев, в изумлении выслушавший эту горячую речь, осторожно напоминает персидскому посланнику: «ведь вы же, насколько я знаю, туркофил». «Да, это верно, - не отрицает дипломат. – Но верно и то, что я туркофил или франкофил (*беседа велась на французском – Я.А.*) лишь для Персии, ибо я прежде всего персофил, люблю именно свою страну и должен охранять ее интересы». Далее он констатирует, что является верующим мусульманином, предан религии и почитает Коран, и вспоминает, как рассказывал свой сон о падении одного из минаретов Айя-Софии сидевшему «вот на этом самом кресле, на котором сейчас вы» Талаату-паше. «К большому несчастью, сон сбился и пал скоро Багдад, – напоминает Махмуд-хан. – ...Эти господа (*тогдашнее турецкое руководство - прим.*) погубили страну свою, хотели погубить и нас». Он обвиняет турок в коррупции и разврате, обещая Топчибашеву «быть полезным, чем смогу» (стр. 52-54). Не трудно представить, однако, в каком смятении покидал последний персидское посольство.

Встреча с **персидским министром иностранных дел Мушаверелем Мемалеком Ага Гули-ханом**, последовавшая 11 января 1919 г., несколько сгладила впечатления. Прежде всего, министр сообщает Топчибашеву, что Персия признает все три закавказские республики, особенно сочувствуя Азербайджану, независимость которого «выгодна нам во всех отношениях, и прежде всего, как некоторая гарантия против будущей России». При этом он выразил сомнения и в возможности «удержания независимости», и в реалистичности планов создания закавказской конфедерации - в первую очередь, потому что «грузины и в особенности армяне не пойдут с вами».

Не дав даже формальных гарантий поддержки Азербайджана на предстоящем мирном конгрессе, персидский министр открыто говорит, что этот международный форум «не может игнорировать исторических прав»: «нам хорошо известно положение ханств Закавказья, подчинявшихся власти персидских шахов». «Т.е., значит, Персия предъявит или предъявляет свои права на наш Азербайджан? – не скрывает своих чувств Топчибашев. – ...Что же, если у нас не хватит сил и мы окажемся беспомощными, то возможно, что такая комбинация, как у нас с Персией, получит осуществление!». Стороны договариваются обдумать эту возможность (стр. 115-119).

15 января 1919 г. персидский министр говорит об этом уже совершенно определенно: «Не знаю, каково ваше окончательное решение, но мне кажется, **вопрос о вашем Азербайджане можно было разрешить всего удобнее для вас в смысле союза и единения с Персией**». «Как?!» - только и может воскликнуть Топчибашев. Министр поясняет, что имеет в виду не полную зависимость от Тегерана – «ваш Азербайджан сохранит, конечно, внутреннюю автономию». Азербайджанского представителя задевает, что этот вопрос вообще не обсуждался с руководством страны, однако персидский министр прямолинеен: «В настоящих условиях никакие представители из Тегерана в Баку и обратно отправляемы быть не могут» (стр. 124-125). Оформить все это предлагается на мирном конгрессе, однако к тому времени обстоятельства в очередной раз полностью меняются.

«С очаровательной улыбкой, весь сияя...»

Алимардан Топчибашев снабдил свои записи короткими замечаниями, рисующими яркие портреты собеседников. Насими-бей встречает его «с весьма приятной улыбкой», Энвер-паша - «с очаровательной улыбкой, весь сияя», Наби-бей «принимает очень тепло, стоя посредине кабинета», на лице Мустафы Рашид-паши, ожидающего британского адмирала Гальтропа - «нервная тревожность, он разводит руками и с умоляющим лицом смотрит на меня»

Образы этих политических деятелей, как и самого автора, встают перед нами, как живые. Совсем не сложно представить, с какой «очаровательной улыбкой, весь сияя» знакомился бы с нынешними политическими реалиями тот же Энвер-паша. Посмотрев пару дней популярные телепередачи и интернет-сайты, он легко смог бы вникнуть в суть происходящего, поскольку она совершенно не изменилась.

Со времен описываемых событий прошло сто лет, но движущие силы и направляющие Истории все те же – разве что Великобритания во многом утратила ведущую роль, уступив ее США, да о принципах Вильсона никто уже не вспоминает. Чиновники, дипломаты, самостийники, «русские деятели», «мистеры брауны», отели, переговоры - все осталось прежним, как и общая ситуация в регионе Большого Кавказа - Ближнего Востока.

И все-таки что-то – должно быть, суть времени – неуловимо изменилось. Возможно, именно поэтому чтение «Дипломатических бесед» воскрешает в памяти кадр из фильма «121» современного татарского режиссера Салавата Юзеева. Казанский литератор и просветитель Фатих Амирхан, волей автора ленты перемещенный из начала XX века в наше время, с улыбкой говорит пареньку-журналисту: «Дорогой, мы гораздо реальнее вас».

СКОЛЬКО НАС – ТАЛЫШЕЙ?

Фахраддин Абосзода

Талышская национальная академия, Минск

Abstract

The Talyshis are the biggest non-state autochthonous ethnos of the Caucasian-Caspian region. One of the main problems of the issue is the number of the Talysh people. As a result of the assimilation policy, as well as targeted distortion of all the census data both in Azerbaijan Soviet Socialist Republic and in modern Azerbaijan Republic, the number of the Talyshis is still among the demographic enigmas of the region. The article focuses on the analysis of various sources, which could help shed light to this problem.

Keywords: *Talysh People, Talysh/Talyshistan, Russia, Azerbaijan Republic, Number of the Talyshes, Data Corruption*

Аннотация

Талыши – крупнейший негосударственный автохтонный этнос Кавказско-Каспийского региона. Одна из важных проблем *Талышского вопроса* – число талышей. Из-за политики ассимиляции, а также последовательного искажения данных переписей населения – как в Азербайджанской ССР, так и в современной Азербайджанской Республике – точное число талышей по-прежнему остается неизвестным. В статье анализируется ряд источников, способных пролить свет на данную проблему.

Ключевые слова: *Талыши, Талыш/Талышистан, Россия, Азербайджанская Республика, переписи населения, число талышей, искажение данных*

Первые сведения о численности талышей после присоединения Талыша к России мы встречаем в статье «Провинция Талышинская», опубликованном в *Журнале МВД* в 1831: (Заболоцкий 1831: 79-81), где говорится, что «Талышинская Провинция делится рекою Большар-чай (имеется в виду Болару – «Полноводная река» - *Ф.А.*) на две почти равные части: Северную и Южную: Первая включает в себе степь Муганскую, на которой пасут стада зимою и на которой, по причине большого количества змей, нет постоянных жилищ, а только находятся зимники. Вторая – постоянно обитаема и состоит из 8 магалов, кои, начиная с северных, суть следующие:

I – Аконский (Аркеванский), с главным селением Акон, лежащим на правом берегу реки Виляш;

II – Ланконский (Денкоранский), с главным городом Ланкон (Ленкорань), находящимся на берегу моря, при устье Вазару;

III – Осторинский (Астаринский), с главным селением Осторо (Астара), лежащим на берегу моря, верстах в 25-ти от южной границы. Все магалы лежат по берегу моря, а Осторинский занимает пространство от берега до западной границы с Персией.

От юга к северу лежат следующие магалы:

IV – Зуянский (Зувантский);

V – Дырыгский;

VI – Аларский;

VII – Себиджанский;

VIII – Муранкунский».

В статье указывается, что в этих магалах, кроме города Ланкона, насчитывается 228 селений, на территории которых проживают около 26000 душ обоого пола, а именно в магалах: Аконском 4165; Ланконском – 4590; Осторинском – 1489; Зуянском (Зувандском) – 591; Дегском (Дрыгском) – 2002; Аларском – 597; Себиджанском – 1550; Муранкунском – 720. Итого: мужского пола – 15513.

В середине 30-х годов XIX века лекарь 1 отделения Павел Заболоцкий опубликовал свое «Обозрение Тальшинского ханства в медико-топографическом и статистическом отношении, за 1836 год» (Заболоцкий 1837), где тоже собрано немало данных по численности тальшей. Он пишет, что «народонаселение сей части Закавказия состоит, за исключением русских чиновников и солдат, из персиян (природных Тальшинцев, говорящих особенным наречием персидского языка, исповедующих Магометанскую веру шиитского толка) и небольшого числа армян, живущих в Ланконе. Количество народонаселения простирается до 30000 душ обоого пола, и именно в магалах:

Аконском – 8000

Ланконском - 9000

Осторинском - 2800

Зуянском – 1000

Дырыгском – 4000

Аларском – 1200

Себиджанском – 3000

Муранкунском – 1200».

В 1855 г. вышла статья П.Ф. Рисса «О тальшинцах, образе жизни и языке» (Рисс 1855), где приводятся данные «Свода статистических сведений о населении Закавказского края».¹ Согласно этим сведениям, тальшинцы живут в 161 населенном пункте, в 6612 домах. Число тальшей здесь указывается 50510 чел.

Кавказский календарь на 1894 г. (Тифлис, 1893) фиксирует уже гораздо большее число тальшей – 88449 ч. Разночтение в данных о численности тальшского и вообще иранского населения происходит, по мнению многих авторов того времени, от смешения местной администрацией иранцев-магометан с магометанами же татарами. По мнению большинства из них, «последние (татары) присвоили своему языку термин мусульманский и, являясь в роли представителей мусульманской религии, стараются держать в тени аборигенов края» (см., в частности, Рисс, ук. соч.).

Как видно из приведенных примеров, ни в одном из них данные не отражают собственно результатов переписи населения, поэтому они и расходятся между собой. Кроме того, в этих сведениях отсутствует точное число тальшских населенных пунктов, что также дает основание сомневаться в достоверности приведенных данных.

В свете сказанного особую ценность представляют данные переписи 1857 года, опубликованные в книге «Бакинская губерния. Итоги переписи населения» (составитель Н. Зейдлиц), где приводится и список населенных пунктов, и число проживающих в них. Интересны данные издания по этническому составу и по этнографии населения всей Бакинской губернии, в том числе Тальша. Зейдлиц пишет, что «тюркское племя составляет по нашему списку 44960 общего итога (210223 человека) населения Бакинской губернии. Если же считать и городских жителей,

¹ *Свод статистических сведений о населении Закавказского края* (1893), Тифлис.

которые по Бакинской губернии по большей части также принадлежат к этой народности, то оказывается, что татары составляют далеко более половины всего ее населения» (Зейдлиц 1857: 85). Тут автор указывает на интереснейший факт, отмечая, что «официальные сведения показывают еще несравненно большее число татар, причисляя к ним все народы за исключением русских и армян. И действительно, весьма трудно различить и выделить из числа мусульман, каковым именем называют себя татары, прочих Мухаммедан, так как на Востоке значение народности вполне ступшевывается перед вероисповеданием. Шиитская секта не есть принадлежность людей иранского (персидского) происхождения, которую они отличались бы от племени тюркского происхождения... Внимательное рассмотрение нашей карты указывает на то, что в Бакинской губернии немалое число татар принадлежит не к суннитскому, а, вместе с персиянами, к шиитскому толку; тогда как, наоборот, есть некоторые деревни (хотя их немного), жители которых при иранском происхождении и языке, придерживаются суннитской секты» (там же).

И. Зейдлиц анализирует ситуацию, связанную с распространением разных языков в уезде. По его мнению, «тюрко-татарский язык азербейджанского наречия господствует в большей части губернии и служит способом сношений между всеми народностями края, за исключением разве талышин, живущих особняком в южной части Ленкоранского уезда, в соседстве с одноплеменными им гилянцами» (там же).

Тут он обращает внимание на пришлый характер татарского населения в этот край, отмечая что «татары Бакинской губернии происходят от разных племен тюркских, переселившихся в этот край во время нашествий и управления краем владетелей сельджукских, монгольских, Черного и Белого Барана, тюркменских и сефевидских» (там же).

Далее автор дает антропологическое описание татар. В книге указывается, что татары Бакинской губернии не представляют по своей наружности ничего общего, типического: «начиная от широкоскульных, кривоглазых лиц монгольского типа, встречающихся, впрочем, весьма редко между кочевниками и оседлыми жителями, до самых благообразных форм индо-европейской физиономии, они представляют всевозможные переходы. Так как тюркские и монгольские племена, завладевшие нижне-куринской плоскостью, как и все вообще кочевники, были весьма малочисленны в сравнении с оседлыми жителями покоренного ими края, то они, принудив побежденных к принятию веры, языка и образа жизни победителей, незначительно лишь изменили физические свойства народонаселения» (там же: 87). Зейдлиц приходит к следующему выводу: «Таким образом, большинство татар Бакинской губернии – ни что иное, кроме как отатарившиеся древние обитатели края. В состав же нового народа азербейджанских татар вошли, как доказывает исторический очерк губернии, представители разных рас человеческого рода. Главным элементом послужили на востоке губернии, как это явствует из господства здесь шиитского толка, индо-европейцы (арийцы) иранского племени, предки которых распространились по Каспийскому побережью вверх до Дербента уже во времена Нуширвана, в VI столетии до Р.Х. В пределах Шемахинского уезда вошли в состав нынешних татар албанцы, вероятно, удины, другой народ индо-европейского племени, составляющий с некоторыми горскими народами особую, кавказскую ветвь арийской расы. Что удины населяли, кроме уезда Нухинского в Елисаветпольской губернии, также Ширванский и Кубинский в Бакинской губернии, о том свидетельствует Аббас-Кули-Бакиханов» (там же).

«Татары Бакинской губернии, даже сунниты, в нравах и обычаях более сходны с иранцами (персиянами), чем с тюрками. Весь склад мыслей, образование, поверья (насколько они нам известны) заимствованы из Персии. То же самое скажем и об образе их жизни и одежде», заключает он (там же: 88).

Интересны замечания по этническому составу населения Бакинского уезда: «...среди татского населения Бакинского уезда мы также замечаем небольшой оазис татарского населения, состоящий из 6-ти деревень» (там же), что является наглядным контраргументом популярной сегодня теории об автохтонности тюрков на этих землях.

Ценным кажется вывод И. Зейдлица о том, что «вообще тюркская народность Бакинской губернии и в настоящее время продолжает поглощать и ассимилировать менее устойчивые народности, в особенности иранскую (персидскую). Лучше противостоят ее влиянию, благодаря врожденной им силе и живучести, горские народцы, как кюринцы (лезгины). Вероятно, в силу разъединяющего свойства гористых местностей, даже более приступных, таты сохранили свою национальность на отрогах Кавказа, как родственные им талышин в горах Ленкоранского уезда» (там же: 89).

«Иранское племя (персидское), к которому принадлежит 25,07% (не считая жителей г. Ленкорани - также по большей части талышин) всего населения губернии, состоит из двух разных народностей – татов и талышин. Первые распространены по уездам Бакинскому, где они занимают 65,78% (считая и городских жителей – большинство) всего населения: по Шемахинскому (10,07%) и Кубинскому (30,52%). Последние составляют без малого половину населения Ленкоранского уезда (43,33% на 44,20 татар)... Таты, разбросанные по Бакинской губернии, суть остатки тех иранцев, которые поселились по Каспийскому побережью при Шапуре II (309-381 по Р.Х.), первом Сасаниде, значительно распространившем владения Персии на север». И далее: «Талышины, без сомнения, единственные аборигены Бакинской губернии, уцелевшие с незапамятных времен в своем неприступном уголке как от стремительных набегов аравитян в VII столетии, так и от вторжений в Иран сельджукийских турок (XII ст.). В XIII столетии Гулагиды водворили в Талыш несколько монгольских улусов, а в последние столетия татары успели занять все безлесные равнины Ленкоранского уезда» (там же: 89-90).

О талышском языке Зейдлиц пишет: «Талышинское наречие принадлежит к семье иранских языков и ближе всего подходит к персидскому, но не есть испорченный местный говор (patois), а развилось самостоятельно. В фонетическом отношении оно грубо, неблагозвучно, но без шипящих звуков, зато обильно гласными звуками, в чем сходствует с другой самобытной отраслью персидского корня – языком авганским» (там же).

Ценные сведения собраны автором книги об антропологических характеристиках талышей. «Талышины среднего роста и хорошо сложены; цвет лица у них смуглый, выражение его дикое, но отнюдь не свирепое; оно весьма отличает их от татар и персиян; нос острый, большой, чаще прямой, чем загнутый; малый круглый черень, украшенный на висках известными у персиян кудрями, покрыть низкою, заостренною папачой, не имеющей того объема, которым отличаются папачи абшеронских татов (бакинцев)... Талышины смиренного нрава, не воинственного духа; между тем, в среде их находится несколько замечательно храбрых охотников, поборовших не одного тигра. Женщины довольно хороши собою» (там же). Сведения о жилище также представляют научную ценность плане изучения этнографии

тальшского народа: «Дворы тальшинских деревень далеко разбросаны по лесу, со всех сторон их скрывающему. Дома их – деревянные срубы в двух жилых комнатах, выходящих иногда на балкон. Высокая камышовая крыша, образуя над ними чердак, с обоих концов скошена над хлевами. Перед ними стоит небольшой плетневый сарай, немного возвышенный над землею, также покрытый камышом; он служит для сохранения чалтыка. Нередко перед домом поставлена обширная вышка, назначенная для летнего жилья семейства, которое на ней спасается как от мошек и комаров, так и от миазматических испарений сырой почвы. Тальшины бывшего Астаринского магала не знают хлеба и питаются одним чалтыком и молоком от коров и буйволиц, без присмотра пасущихся по окрестному лесу» (там же: 90-91).

В книге дается многочисленные таблицы и списки, часть из которых, учитывая важность приводимых в них данных, мы приводим ниже. По списку, составленному на основании камерального описания, производившегося в 1859-1863 г., население Бакинской губернии состояло из 252,010 д.м. и 214,916 д.ж. пола, всего (со включением 351 души без обозначения пола) 468,277 д.об.п. (там же: 99).

Распределение населения по уездам:

а) В городах:

	число домов	ч и с л о ж и т е л е й		
		м.п.	ж.п.	об. п.
Баку	2264	6690	5501	12 191
Сальяны	1397	5650	4984	10 634
Шемаха	4972	13 999	11 088	25087
Ленкорань	827	2098	1641	3739
Куба	1292	4955	5213	10168
И Т О Г О:	10752	33392	28427	61819

б) В уездах:

	число домов	ч и с л о ж и т е л е й		
		м.п.	ж.п.	об. п.
Бакинском	7658	20799	18462	39261
Джевадском	11850	28185	22613	50798
Шемахинском	10854	38354	32862	71216
Ленкоранском	11157	41574	33594	75519
Кубинском	16764	63197	56414	75519
И Т О Г О:	68273	219618	186489	406458

в) В уездах с городами:

	число домов	ч и с л о ж и т е л е й		
		м.п.	ж.п.	об. п.
Бакинском	9922	27489	23963	51452
Джевадском	13142	33140	27826	60966
Шемахинском	15826	52353	43950	96303
Ленкоранском	11984	43672	35235	79258
Кубинском	18161	68847	61398	79258
И Т О Г О:	79025	253010	214916	468277

Из таблицы видно, что жители Ланкона составляют 16,69% от общего населения уезда. Число поселков в Ленкоранском уезде – 414; среднее число на 1 поселок д.об. п. – 191 чел.; на один кв. м. поселков – 2,04 чел.; среднее число дворов на один поселок – 29 домов; среднее число людей на один двор – 6,78 чел.; у талышей на 100 душ муж. пола приходится душ жен. - 85,04 чел (там же: 100-101, 103).

Ниже мы приводим список талышских населенных пунктов и численность проживавшего в них населения, согласно тому же источнику – «Бакинская губерния. Итоги переписи населения» (Зейдлиц 1857):

№№ Название	<i>число деревни</i>	<i>число дворов</i>	<i>национ. жителей (чел.)</i>	<i>вероиспов.</i>
Астаринский магал				
1. Алаша	45	244	Талыш	шиит
2. Аргупа	39	266	талыш	шиит
3. Руйакано	110	526	талыш	шиит
4. Гилакон	67	402	талыш	шиит
5. Капучимахалла	15	82	талыш	шиит
6. Санджаради	34	196	талыш	шиит
7. Пуи	37	230	талыш	шиит
8. Бутаса	203	1240	талыш	шиит
9. Ваго	79	441	талыш	шиит
10. Машхон	25	187	талыш	шиит
11. Арчон	115	575	талыш	шиит
12. Тулагуян (Тулиджони)	24	180	талыш	шиит
13. Малабын	5	21	талыш	шиит
14. Лалаканышт	6	21	талыш	шиит
15. Сийоку	65	334	талыш	шиит
16. Тангару	80	507	талыш	шиит
Бывший магал Хан-били				
1. Хымбалони 2	-	-	-	-
2. Тукакон	5	21	талыш	шиит
3. Шыхакон	27	180	талыш	шиит
4. Сийовору	5	34	талыш	шиит
5. Сайдакон	77	473	талыш	шиит
6. Каноавиша	18	108	талыш	шиит
7. Туйапешта	19	114	талыш	шиит
Бывший магал Руйадыла				
1. Торади	6	22	талыш	шиит
2. Биласа	3	11	талыш	шиит
3. Сафидор	27	224	талыш	шиит
4. Тулиджони	24	180	талыш	шиит
5. Баглакуджа	4	12	талыш	шиит
6. Вери	52	511	талыш	шиит
7. Наголуны	3	9	талыш	шиит
8. Шову	4	13	талыш	шиит

9. Рво	66	396	талыш	шиит
10. Аноабог	4	12	талыш	шиит
11. Балелабыр	6	32	талыш	шиит
12. Луйаса	54	316	талыш	шиит
13. Кагалона	15	129	талыш	шиит
14. Шаголакуджа	48	283	талыш	шиит
15. Даргоба	49	194	талыш	шиит
16. Серабыр	7	34	талыш	шиит
17. Микелан	4	12	талыш	шиит
18. Пена Нуйади	16	73	талыш	шиит
19. Куса	21	123	талыш	шиит
20. Сапенакон	22	111	талыш	шиит
21. Гаматук	106	633	талыш	шиит
22. Жина Нуйади	80	517	талыш	шиит
23. Велади	29	157	талыш	шиит

Части бывшего Астаринского магала

1. Шилво	72	412	талыш	шиит
2. Диго	3	16	талыш	шиит
3. Марышлы	13	29	талыш	шиит

Части г. Ленкорана

1. Гомушавон (Ольховка)	47	339	талыш	шиит
2. Гавзаву	15	87	талыш	шиит
3. Рази	11	93	талыш	шиит
4. Сиюты-Халю	9	57	талыш	шиит
5. Инчачола	8	79	талыш	шиит
6. Гырдани	23	126	талыш	шиит
7. Веравул	65	341	талыш	шиит
8. Вылвон	28	172	талыш	шиит
9. Молоджа	27	191	талыш	шиит
10. Домажъя	2	8	талыш	шиит
11. Дангабын (Тангабын)	28	194	талыш	шиит
12. Шурук	8	40	талыш	шиит
13. Джиль	39	324	талыш	шиит
14. Хахартон	21	127	талыш	шиит
15. Шаголасе	27	180	талыш	шиит
16. Сепади	29	254	талыш	шиит
17. Гагрон	21	167	талыш	шиит
18. Тырканджин	23	158	талыш	шиит
19. Осьокуджа	12	40	талыш	шиит
20. Дыройон	21	90	талыш	шиит
21. Гелекон (Джаблакон)	3	12	талыш	шиит
22. Улум	12	61	талыш	шиит
23. Амбурон	12	106	талыш	шиит

24. Завила	14	119	талыш	шиит
25. Болади	62	407	талыш	шиит
26. Мадо	94	724	талыш	шиит
27. Ходжаоба	2	8	талыш	шиит
28. Мамадиоба	90	622	талыш	шиит
29. Милябулон	5	29	талыш	шиит
30. Газвиноба	7	29	талыш	шиит
31. Тукоба	12	62	талыш	шиит
32. Бырадиго	261	1803	талыш	шиит
33. Ханалион	3	12	талыш	шиит
34. Сыгдашт	57	339	талыш	шиит
35. Бадалон	175	980	талыш	шиит
36. Годман	-	-	-	-
37. Кызылово	91	605	талыш	шиит
38. Акон	155	1050	талыш	шиит
39. Алару (Алар)	154	1086	талыш	шиит
40. Оранд ²	61	331	талыш	шиит
41. Оранд ³	66	455	талыш	шиит
42. Саградобод	49	455	талыш	шиит
43. Абушеобод	12	109	талыш	шиит
44. Шыхон	24	199	талыш	шиит
45. Куради	82	879	талыш	шиит
46. Варгазо	13	138	талыш	шиит
47. Овчадулон	10	58	талыш	шиит
48. Ханаго верхний	12	100	талыш	шиит
49. Билидул (вместе с Гендов)				
50. Гендов	7	63	талыш	шиит
51. Осойода	6	49	талыш	шиит
52. Зивирс (Зевирс)	18	162	талыш	шиит
53. Болтабюрь	5	45	талыш	шиит
54. Зовна	11	109	талыш	шиит
55. Былина	11	124	талыш	шиит
56. Зывуч	9	87	талыш	шиит
57. Бурзумбуль	8	83	талыш	шиит
58. Абособод	12	115	талыш	шиит
59. Шивла	17	124	талыш	шиит
60. Чашмон	4	30	талыш	шиит
61. Ангабын (Ангабиль)	17	186	талыш	шиит

² По родному языку талыши – 80624 чел. (мужчины - 41 851 чел. и женщины – 38 749 чел.) (Зейдлиц 1857: 30)

³ Если к этому добавить население входившего тогда в состав Сальянского уезда Биласыво (Биласуварского дайра) в 13 028 чел., то становится ясно, что общее количество населения Талышистана в то время составляло 221 280 чел. (там же: 6). Согласно данным, приведенным в *Studies in Languages of Azerbaijan* (Clifton 2002), даже в настоящее время 10-15% населения Биласуварского района составляют талыши (селения Хырмандалы, Бейдили и пр.).

62. Горовар (Хуравар)	7	72	талыш	шиит
63. Арта	16	130	талыш	шиит
64. Калала	3	9	талыш	шиит
65. Верову (Вараву)	8	82	талыш	шиит
66. Сардов	3	19	талыш	шиит
67. Кырабын	12	102	талыш	шиит
68. Зенони	38	272	талыш	шиит
69. Лейна	14	71	талыш	шиит
70. Лаладулон	13	118	талыш	шиит
71. Бурух	21	132	талыш	шиит
72. Ордахал	18	125	талыш	шиит
73. Бойканиль	13	106	талыш	шиит
74. Кумон	7	61	талыш	шиит
75. Арон	10	94	талыш	шиит
76. Джуллут	32	254	талыш	шиит
77. Сепади (близ реки Алару)	11	103	талыш	шиит
78. Ламай	16	87	талыш	шиит
79. Ныджу	21	127	талыш	шиит
80. Шынгадулон	20	140	талыш	шиит
81. Гырдаса	24	128	талыш	шиит
82. Сори	23	155	талыш	шиит
83. Ламон	12	72	талыш	шиит
84. Мылолон	11	53	талыш	шиит
85. Дурган	21	90	талыш	шиит
86. Ардабила	14	69	талыш	шиит
87. Джамоша	6	40	талыш	шиит
88. Лывая	25	131	талыш	шиит
89. Сорс	27	195	талыш	шиит
90. Казонакуджа (Кульзумакуджа)	14	66	талыш	шиит
91. Алиобод	14	106	талыш	шиит
92. Нуйади	12	63	талыш	шиит
93. Ниса-муйо	7	56	талыш	шиит
94. Ходжжуджа	6	31	талыш	шиит
95. Тыбабын	20	127	талыш	шиит
96. Оранд	44	267	талыш	шиит
97. Мастайл	20	132	талыш	шиит
98. Нода	11	61	талыш	шиит
99. Былина	17	93	талыш	шиит
100. Луйакон	36	240	талыш	шиит
101. Халифакуджа	-	-	-	-
102. Лик	58	400	талыш	шиит
103. Сайд- камалакуджа (при реч. Лик)	6	26	талыш	шиит

104. Джангамийон	32	237	талыш	шиит
105. Выстан	25	167	талыш	шиит
106. Оснагакуджа	10	35	талыш	шиит

Бывший Зувантский магал

107. Мистон	42	351	талыш	шиит
108. Халифади	16	145	талыш	шиит
109. Пирзода	6	65	талыш	шиит
110. Татони	14	123	талыш	шиит
111. Хий (Hiy)	11	88	талыш	шиит
112. Нимакаш	7	68	талыш	шиит
113. Госмалион	22	182	талыш	шиит
114. Года	18	143	талыш	шиит
115. Талажюран	-			
116. Гадик	-			
117. Хусейнобод	4	37	талыш	шиит
118. Таблагай (Таблаган)	15	114	талыш	шиит
119. Калваз	14	124	талыш	шиит
120. Калахан	17	157	талыш	шиит
121. Ходжадой	14	110	талыш	шиит
122. Кышлаг	48	333	талыш	шиит
123. Насиробод	9	84	талыш	шиит
124. Пена Амбуйада	8	74	талыш	шиит
125. Розано (Разано)	11	111	талыш	шиит
126. Жина Амбуйада	16	117	талыш	шиит
127. Хыледа (Hiledā)	34	259	талыш	шиит
128. Диго	9	67	талыш	шиит
129. Луйакон (при реч. Хыледару)	8	68	талыш	шиит
130. Халабын (halabin)	6	63	талыш	шиит
131. Пейасо	36	318	талыш	шиит
132. Шоначола	20	129	талыш	шиит
133. Амбу	10	58	талыш	шиит
134. Барзаву (Барзаку)	12	47	талыш	шиит
135. Бызай	18	159	талыш	шиит
136. Мондиго	36	276	талыш	шиит
137. Хой (hoу)	16	150	талыш	шиит
138. Нысли	26	142	талыш	шиит
139. Разго	42	303	талыш	шиит
140. Тангабын	32	262	талыш	шиит

141. Анзоли (Анзали)	14	133	талыш	шиит
142. Рывару	44	341	талыш	шиит
143. Пейакуджа	12	120	талыш	шиит
144. Андурма	51	87	талыш	шиит
145. Чайру	41	400	талыш	шиит
146. Альму	12	49	талыш	шиит
147. Бибиони	41	226	талыш	шиит
148. Гуш	7	44	талыш	шиит
149. Собакон (Севекон)	6	30	талыш	шиит
ИТОГО:	6168	36829		

Примечание: По не известным нам причинам не все талышские населенные пункты, в том числе такие крупные, например, Осторо, Ланкон, а также десятки крупных деревень - Кулатон, Сутамырдов, Холмили, Мамуста, Тукавила, Визазамин, Былабанд, Шинабанд, Муйо, Озобижон, Лалахийон, Хазови, Хамат, Сиов и т.д. вошли в этот список. Всего число талышских деревень того времени должно было составлять свыше 350, о чем писал впоследствии проф. Б.В. Миллер (Миллер 1926). Надо учесть, что даже после известной депортации 1949-1952 гг. в Ликском даже сегодня районе существуют 159 деревень, ни одна из которых не может быть отнесена к категории новой.

В этом же списке мы насчитали названия 127 деревень, где проживало 31896 чел. татарской национальности. Надо учитывать тот факт, что большое количество из этих татар были переселены в Талыш сразу после присоединения Талыша к России или незадолго до этого. Зейдлиц, например, написал, что «шахсеваны, явившиеся в числе тюркских переселенцев в иранские владения, по крайней мере, несколько столетий назад - уже до присоединения Талыша к России - приняли оседлость в деревне Едды-оймак на севере нынешнего Ленкоранского уезда, а по окончании последней войны нашей с Персией, поселились также на левом берегу Аракса, в бывшем Мустафа-ханлинском приставстве...» (Зейдлиц 1857: 86), и что «шахсеванские кочевники прославили себя грубыми проявлениями силы и ею злоупотреблениями» (там же).

О переселении шахсеванов в Талыш говорится в письме ген. Ермолова Мир Хасан-хану от 21 января 1822 года: «Многолюдное население Карабагского ханства не представляет без стеснения природных жителей никакой возможности в свободном помещении кочевых шахсеванцев... В Талышинском же ханстве, как мне известно, есть довольно пустопорозжих мест, остающихся без всякой пользы. В сем уважении я признал выгодным согласиться на неоднократные ко мне просьбы Шукур-аги о позволении ему с подвластным народом поселиться во владении, Высочайшему управлению Вашему вверенном. Для чего прошу, в. высокост., о получении сего отвести немедленно на 1000 семей достаточное количество земли для зимнего пребывания шахсеванцев по рекам Дизэ и Барзан... Дабы же шахсеванцы вели себя спокойно, ... предписано иметь неослабный за сим народом надзор и в особенности самыми строгими мерами искоренять всякое между ними воровство и грабеж».

Это был не единственный случай, когда татар переселяли в талышские земли, в результате чего их число в Талыше стремительно росло... Кроме этого, в сборнике многие населенные пункты поголовно записаны как «татарские», что

тоже вызывает подозрение. Например, Масалон (Масаллы) в книге указывается как татарский населенный пункт, тогда как изначально там жили талыши, переселившиеся в эти земли из иранского Масала. В последнем и по сей день нет тюркоязычного элемента, что говорит о том, что с юга Талыша на север турки не могли перебраться уже потому, что их там и в помине не было.

Тут следует принять во внимание и другие факторы. Во-первых, тысячелетние иноземные вторжения в Талыш заставляли этот народ отдавать предпочтение жизни в основном в горной местности, куда ни один захватчик не осмелился подняться. Во-вторых, жизнь в равнинных местностях имела свои, специфические сложности, связанные в основном с разными болезнями, которые не наблюдались в горах, что отмечается всеми исследователями Талыша.

В результате этих факторов до конца XVIII века развитие поселений на равнинной части Талыша шло медленно, чем и объясняется быстрое увеличение численности тюркоговорящего населения на этих землях.

В статье под названием «На самом юге Кавказе», вышедшей в 1903 году в журнале *Естествознание и География*,⁴ общее число жителей Ленкоранского уезда указывается в 120 тысяч чел. «Половина приходится на аборигенов страны - талышей, затем по количеству идут азербайджанские турки и, наконец, русские, которых более 10 тысяч». Неточность этих данных, впрочем, видна по тому, что в *Сборнике сведений по Бакинской губернии (Выпуск I)* (Терентьев 1911), изданном в 1911 года, но составленном более чем за десятилетие до этого, в 1889 году, указывается, что площадь Ленкоранского уезда составляет 1180,5 кв. вер. 487.350 дес., или 13,9% от всей площади Бакинской Губернии, в Ленкоранском уезде проживает 154443 жителей обоого пола (муж. - 81226, жен. - 73217), что составляет 23,3% всего населения Бакинской Губернии. Плотность коренного населения, составляя для всей губернии 19,8 человек на одну квадратную версту, в Ленкоранском уезде - самая высокая и составляет 32,7 человека на одну кв. версту. При этом составитель *Списков* предупреждает, что «первый отдел настоящего сборника представляет собою список населенных мест губернии с указанием числа жителей по семейным спискам. Списки составлены в 1889 г. и не претендуют на абсолютную точность, но все же дают довольно правильное понятие о населении губернии». Далее в Списках указывается, что среди всего населения первое по численности место занимают народности, исповедующие ислам, а именно 141126 чел. Городское население в Ленкоранском уезде составляет 18663 человек обоого пола. Согласно *Спискам*, в Бакинской Губернии наибольшее число русских проживает в Ленкоранском уезде. Русские в Ленкоранском уезде проживают в 15 селениях (2209 домов) и составляют 13317 человек обоого пола. Армяне и евреи в Ленкоранском уезде, по данным этого источника, не проживают.

Списки населенных мест Бакинской губернии Ленкоранского уезда: Аконский участок - 36445 человек, Зуянский участок - 38118 человек, Ланконский участок - 31268 человек, Себиджанский участок - 48612 человек.

В разделе «Распределение населения Закавказья по сельским обществам и народностям»⁵ указывается, что всего в Ленкоранском уезде проживает 127307 чел.

⁴ «На самом юге Кавказе», *Естествознание и География*, IX-X, Москва, 1903

⁵ *Кавказский календарь на 1910 г.*, Тифлис, 2009: 468

(муж – 66001, жен – 61306 чел.), из них: русские – 12522, талыши – 66851, трюки – 47934 человек.

Аконский участок - 38217 чел.: талыши -21459 (56,2%) чел., тюрки – 16010 (41,9%) чел., русские – 748 чел.

Зуянский участок – 28822 чел.: талыши -22152 (76,9%) чел., тюрки – 6670 (23,1%) человек.

Ланконский участок – 23562 чел., талыши -22352 (94,9%) чел., тюрки – 898 (3,8%) чел., русские – 312 (1,3%) человек.

Себиджанский участок – 36706 чел.: тюрки – 25244 (68,8%) чел., русские – 11462 (31,2%) человек.

Спустя всего несколько лет, в вышедшем в 1918 году 24-м томе «Нового энциклопедического словаря» Ф. Брокгауза⁶ отмечается, что в 1912 году в самом городе Ленкорани проживал 15 201 человек, а население Ленкоранского уезда составляло 154443 чел. Из них русских: всего – 14317 (православных – 5746, молокан – 4307, субботников – 3951, и старообрядцев 313); талышинов (шииты) – 77066; татары (сунниты) – 63060 (кроме прочего, тут все татары ошибочно причисляются к суннитам, что не соответствует действительности).

В другом «Энциклопедическом словаре»⁷ мы читаем совсем другие данные по тому же 1912 году, а именно: население Ленкоранского уезда к 1912 г. составляет 163856 чел. (вкл. 13611 чел. городского), плотность 34,7 чел. на 1 кв. версту. Там же указывается, что это число по переписи населения 1897 г. было 130987 человек. Ланкон – уездный город Бакинской губернии на низменном берегу Каспийского моря, при выпадении в него р. Ланкон, где проживает 13611 человек.

Изданный в 1914 г. Бакинско-Дагестанским Управлением земледелия и государственного имущества «Очерк сельского и лесного хозяйства Ленкоранского уезда»⁸ определяет количество талышей в уезде – 77066 душ обоего пола, тюрков же – всего 63060 человек.

Б.В. Миллер также останавливается над вопросом выявления численности талышей, указывая, что, по данным сельскохозяйственной переписи Азербайджана 1921 г., талышей в селениях Ланконского уезда насчитывается 66206 чел. (34382 м. и 31824 ж.), тогда как азербайджанских тюрков насчитывается в уезде 78380 чел.. Однако, имея в виду, что перепись 1921 г. проводилась в неблагоприятных условиях и страдает существенными недостатками (44 селения Ленкоранского уезда остались неописанными, некоторые талышские селения, напр. Бырадиго, записаны как тюркские, и пр.), он считает указанное число талышского населения (66206) недействительным: «Отуречением талышского населения низменной части Талыша объясняется, почему статистические данные о количестве талышей оказываются неточными и ненадежными» (Миллер, ук. соч.).

Далее Миллер пишет, что по данным Н. Зейдлица, относящимся к 1859-1864 годам, талышей в Ланконском уезде было 34444 чел. об. п.. По посемейным спискам 1886 года общее количество талышей в Ленкоранском уезде составляло 47296 чел. Цифры эти можно считать более или менее правильными: отуречение талышей в то время не успело еще сделать особенно крупных успехов, и талыши как народ вполне

⁶ Брокгауз Ф. А. (1918), *Новый энциклопедический словарь*, т. 24, Санкт-Петербург.

⁷ Энциклопедический словарь, СПб XXVII 1913, s.v.

⁸ *Очерк сельского и лесного хозяйства Ленкоранского уезда* (1914), ГУЗ и З. Бакинско-Дагестанское упр. земледелия и гос. имуществ, Баку.

жизнеспособный, обнаруживают нормальный естественный прирост, примерно 1,5% в год. В дальнейших статистических материалах наблюдается странное явление: количество талышей убывает. По данным первой всеобщей переписи 1897 г. талышей (по признаку родного языка) в Ланконском уезде оказывается уже только 34991 чел., в то время как «татар» в уезде насчитывается 84725 чел. После 1886 г. талыши не выселялись и не вымирали. Ясно, что значительная часть талышей по признаку языка причислена к тюркам (Сит.: 27-28, Изв. КИАИ IV).

В действительности талышей в Азербайджанском Талыше значительно больше, полагает Б. Миллер, указывая, что количество талышского населения в Советском Азербайджане составляет приблизительно 80.000 человек. Живут они в 350 селениях и отселках и в г. Ланконе. Эти цифру можно признать близкой к действительности.

Акад. Н.Я. Марр пишет в 1922 году, что в Талыше два района, Низменный (лесной) и Горный. Талышей 67552 в 297 селениях и отселках, а в г. Ланкон – 75824, т.е. талыши составляют более половины (54,7%) всего шиитского населения уезда. Талыши находятся и в Мугани, но кочующие. Проверки и установления конкретных данных требует распространение талышей на юг за пределами России, особенно в Карадаг и других местах Персии, в Муганской степи и до устья р. Диначол., меж округов Решта и Гаскера, о чем имеются свидетельства (Ходзько⁹, Дорн¹⁰). Исторически выясняется, – указывает Марр, – что талыши территориально также являлись звеном между севером, где есть татское население, и югом, где они остаются в соприкосновении с родственными обитателями Гиляна, с заходом уже в пределы Персии верст на 40-50. При ширваншахах талыши простирались на север до Кызылагаджа (Рисс), причем до ближайшего к нам времени, на памяти стариков, и в этой части население говорили по-талышски (Марр 1922).

А.Ф. Ляйстер и Г.Ф. Чурсин писали в 1924 году, что талыши населяют южную часть Ланконского уезда, известный под названием Талыш, и примыкающий к персидской провинции Гилян. Талыши является древнейшими обитателями занимаемого ими края. Общее количество их в Талышинском крае Азербайджана около 70000 человек (Ляйстер/Чурсин 1924).

Б.В. Миллер еще раз возвращается к вопросу о численности талышей в своем «Предварительном отчете о поездке в Талыш летом 1925 г.», где пишет, что новейшие статистические данные о Талыше, в частности, данные переписи Аз. СУ 1921 г., тоже крайне несовершенны. В Ланконском уезде было переписано всего 46 сельских обществ, из которых в северной, отчасти северо-западной и крайне западной частях уезда, в 24 сельских обществах население показано исключительно тюркским (и в большом числе – русским): в четырех сельских обществах талыши составляют незначительное меньшинство (в Болгаринском сел. общ. – 4 селения, в Перимбельском, Масаллинском и Шилванском – по 1). Но далее к югу талыши идут сплошной массой, а тюрки либо составляют незначительное меньшинство (в

⁹ Александр Леонардович Ходзько-Борейко (1804-1891) – польский востоковед. В январе 1830 года был зачислен на дипломатическую службу в Персию, где стал российским консулом. Работал переводчиком в Тебризе, Тегеране и Реште, затем стал секретарём генерального консула. Активно изучал страну – ее историю, быт, язык, этнографию, театр, религию. Один из первых занявшихся талышским языком.

¹⁰ Борис Андреевич Дорн (1805-1881) - востоковед-историк, иранист, семитолог, действительный член Императорской Санкт-Петербургской академии наук с 1842 года. Автор «Отчёт об учёном путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря (с рисунк.)» (Дорн 1864).

Аконском сел. общ. – 1 сел., в Бырадигинском – 3, в Кызылаварском – 3, в Порнаимском – 1, в Шингадуланском – 2), или же их вовсе нет. Сплошь талышских сельских обществ – 16: Джиль, Арчон, Бутасар, Сютамырдов, Гаматук, Гырдали, Рво, Руйакано, Тангару, Вери, Зенони, Келвез, Лик, Мистон, Оранд, Сори... Перепись происходила в год еще не затихшей гражданской войны, и 44 селения остались не переписанными... Данные переписи, по мнению Миллера, заслуживают мало доверия, как автору пришлось не раз убеждаться. Например, сел. Бырадиго показано тюркским, между тем, уточняет Миллер, «я в нем записывал талышские тексты от мальчиков школьного возраста... Общее число жителей Ланкона – около 12000 (11953); население города и теперь, как и раньше, огульно признается тюркским, но это не совсем верно, если принять во внимание тесную связь части ланконцев с талышами окрестных сел; даже в местных интеллигентных семьях иногда слышится талышская речь... Итак, учитывая вышеприведенные недостатки и пропуски переписи, общее число талышей Советского Азербайджана, мне кажется, – пишет Б.В. Миллер, – можно принять приблизительно в 80.000 чел., живущих приблизительно в 350 селениях и отселках и частью в Ланконе. Если сравнивать цифры населения талышского и тюркского по последовательным переписям (начиная с посемейных списков 1886 г.), можно прийти к заключению, что талыши нисколько не вымирают, что число их прогрессивно возрастает, не уступая в этом отношении тюркам и что процентное отношение между обеими племенными группами в Ланконском уезде не изменяется, и это несмотря на невольную тюркизацию, которой подвергаются не имеющие своей письменности талыши, вынужденные в школах и административных учреждениях пользоваться тюркским языком. Обратите внимание на вышеуказанные названия сплошь талышских сельских обществ, среди них перечисляются сел. общества Зенони и Келвез. Эти селения в данное время уже считаются тюркскими. В Перимбельском и Шилвонском сел. обществах находится по одному талышскому селению». По данным Б.В. Миллера, северная граница талышского населения проходил по среднему течению р. Вилашару, причем в нижнем ее течении тюркское население перешло на правый берег реки, доходя до Кумбашинского мырдова (болота-озеро) (Миллер 1926: 26-27) . По данным АЗУНХУ (Азербайджанское управление народно-хозяйственного учета), на 5 апреля 1931 г. талышей было 89398 человек. К этой цифре следует прибавить значительную часть населения города Ланкона, в котором живет много талышей, но все население которого (11 686 человек) было огульно отнесено к «тюркам», т.е. азербайджанцам (Миллер 1953: 9).

Сельско-хозяйственная перепись 1921 года: талыши в минусе

Перед нами книга под названием «Азербайджанская сельско-хозяйственная перепись 1921 года».¹¹ Мы обращаемся к ней с намерением восстановить объективное число талышей, вопреки своей воле оказавшихся после Октябрьской революции в составе новообразованной Азербайджанской ССР. Данное издание ценно, прежде всего, тем, что в нем отражены итоги пообщинного (поселенного) исследования, впервые проводимого в Аз. ССР. По замечанию составителей, «в России в этом не чувствовалось острой нужды благодаря прежним (в частности земским) переписям, тогда как Азербайджан в этом отношении совершенно не изучен. Правда, в 1917 году была произведена сельскохозяйственная перепись, но, помимо того, что материал в

¹¹ *Азербайджанская сельско-хозяйственная перепись 1921 года*, т. I, Баку.

отношении поселенного описания нельзя считать безусловно доброкачественным, значительная часть его из бывшего министерства торговли и промышленности пропала». Далее, составители отмечают следующую особенность Азербайджана: «он беден интеллигенцией», что не позволяло «набрать штат для проведения переписи». А «главная масса населения состоит из тюрков, не владеющих русским языком», что заставило авторов «выработать штат из тюркской интеллигенции» или из интеллигенции других национальностей, владеющих тюркским языком». Тут составители отмечают, что «только армянская интеллигенция обладала знанием тюркского языка; из представителей же других национальностей не-тюрков почти никто не знает» тюркского языка. Это замечание составителей книги свидетельствует о том, что ко времени проведения переписи абсолютное большинство талышей не владели тюркским языком, что развенчивает миф нынешних властей Азербайджанской Республики и местной пантюркистской интеллигенции о том, что якобы тюрки, талыши и другие народы, населяющие территорию этой республики, веками жили как одна семья. Указанное замечание подтверждает, что, даже будучи в составе Российской империи, живя по соседству с закавказскими тюрками, талыши не обнаруживали никакой тяги к смешению с ними, к изучению их языка. А процесс ассимиляции талышей, как и других коренных народов, начался позже – после того, как большевики подарили закавказским тюркам отдельное государство в виде Азербайджанской ССР. Кроме того, тот факт, что население некоторых талышских населенных пунктов, в которых до сих пор проживают только талыши, в списках переписи указано как «тюрки-азербайджанцы», скорее всего, связано с тем, что переписчики в основном были из числа тюрков. Например, населения сел Сори и Шынгадулон в нынешнем Ликском (Лерикском) районе, поселка Бырадиго нынешнего Масаллинского (талышск. Масалон) района относятся именно к категории таковых – обозначенных в переписи 1921 года как тюркские, но в действительности по сей день остающихся талышскими.

Что касается других территорий Азербайджана, например, Мугани, которые исторически являются талышскими, то переписчики там вообще «не нашли» ни одного талыша, не говоря уже о столице АССР г. Баку и его окрестностях, где к тому времени проихаживало немало талышей (напомним хотя бы о работниках нефтяных промыслов Апшерона, где трудились в том числе и талыши). В итоге, по данным упомянутой переписи, вырисовывается картина, согласно которой талыши жили в то время только на территории нынешних Ленкоранского, Лерикского, Астаринского, Масаллинского и отчасти Ярдымлинского районов. Кстати, центром нынешнего Ярдымлинского района тогда был поселок Варгадиз, население которого в списках переписи указывается как «талыши», а вот население деревни Алару (нынеш. Алар), где, согласно американским исследователям (Clifton 2002), 15% населения до сих пор разговаривает на талышском языке, в списках 1921 года указано как «тюрки-азербайджанцы». Уже в 1931 году руководство АССР, в целях ускорения ассимиляции талышей, перенесло районный центр в тюркоязычное село Ярдымлы, что дало основание пантюркистам после провозглашения независимости в 1991 году объявить территорию этого района «исконно тюркской».

Составители издания говорят и о большом количестве других препятствий, которые усложняли их работу и не позволяли охватить все населенные пункты. В том числе они пишут о военных действиях в Ленкоранском уезде, под которыми, как нам кажется, имеется вооруженная борьба большевиков против местных добровольческих вооруженных группировок, которые вели войну за установление независимости

Тальшистана. На тот же фактор погрешности в переписи указывал и Миллер (см. выше). В результате, перепись 1921 гожа охватила всего 227 тальшенаселенных деревени из 350 (согласно данным переписи 1926 года). Чурсин, в свою очередь, отмечает, что "...отюречением тальшского населения низменной части Тальша объясняется, почему статистические данные о количестве тальшей оказываются неточными и ненадежными (Чурсин 1926).

Итак, что мы имеем в итоге? Согласно сельскохозяйственной переписи от 1921 года, в Ленкоранском уезде проживало всего 152910 чел. (в том числе 74369 – женщины). Из них 70 502 чел. – тальши. Если прибавить к этому еще 12078 чел. (согласно переписи 1926 года), проживавших на территории самого города Ланкона (Ленкорани), лишь незначительную часть которых составляли турки, то получается, что к этому времени количество тальшей только на территории четырех районов (в их нынешнем понимании) было бы более 80 тыс. чел. (исключая неучтенные деревни).

Таблица:

№	Название населенных пунктов	Число хозяйств в	Национальность	Мужч.	Женщ.	всего
1	Гониба	32	тлш		99	
2	Зуатты I	59			137	293
3	Шихляр	73			169	343
4	Гюль-Мамедлы	61			137	264
Аркеванский участок						
		7518	тлш		17637	36607
5	Аркеван	694			1531	3125
6	Исы	39			114	230
7	Пирджаны	26			71	132
8	Сыгдаш	226			510	1077
9	Хальфаляр	28			65	139
10	Шихляр	10			36	60
11	Бабасер	78			130	308
12	Бырадиго	499			1112	2307
13	Вали-оба	44			105	218
14	Варсам-оба	15			42	104
15	Казвин-оба	120	По ошибке нап. Т.а.»		233	504
16	Молла-оба	128	тлш		323	672
17	Мамиоба	19			57	123
18	Мадо	171			1344	2876
19	Миянку нижнее	105			265	545
20	Ружакано отселок	30			64	138
21	Тукла	67			167	353
22	Тыркоба	54			134	307
23	Шатыроба	60	По ошибке нап. «Т.а.»		141	284
24	Хышкада	41			220	465

25	Амбурон (Тукавила)	23			82	172
26	Болади	261	тлш		678	1457
27	Вияву	219			463	950
28	Вылвон	105			311	637
29	Джилъ	105			279	547
30	Завила	43			244	462
31	«Источник» коммуна	25	тлш		25	70
32	Мылолон	13			34	61
34	Ольховка (Гомушавон)	146	тлш		267	543
35	Сепади	98			334	674
36	Ширинкуй	15	тлш		20	50
37	Шагласе	118			317	638
38	Хахартон	42			93	211
39	Бадалон	330			698	1476
40	Канамин	40			99	200
41	Гызылаво	299			582	1227
42	Кулатон	162			376	763
43	Лоран	87			172	380
44	Арчон	288			792	1584
45	Лован	201			505	1045
46	Машхон	81			216	444
47, 48, 49, 50, 51, 52	Санджаради, Алаш, Вознаш, Сарак, Сийотук, Шован	245			577	1224
53	Сутамырдов	238	тлш		429	924
54	Каноавиша	49			159	327
55	Куанли	64			126	252
56	Мамуста	120			473	965
57	Нуяди нижние	149			344	691
58	Сайдакон	53			178	325
59	Сийово, Холмили	182			663	1373
60	Туяпешта	112			273	550
61	Турнакон	30			66	160
62	Шилим	12			34	70
63	Шыхакон	150			401	856
64	Аноабог	30			57	113
65	Велади	89			195	383
66	Виян	116			270	537
67	Гаматук	194			453	934
68	Куса	103			214	450

69	Нуяди верхние	39			103	205
70	Сапенакон	62			142	300
71	Сафидор	39			85	165
72	Шурюк	30			74	155
73	Осийокужа	56			172	342
74	Гунахыр	16			30	67
75	Хоравенж	13			24	50
76	Шавлик (Шивлик)	11			43	66
77	Балетон	15			29	57
78	Гагрон	24			77	144
79, 80, 81, 82, 83, 84, 85	Гырдани, Гавзаву, Дангабын, Инчала, Пеяди, Рази, Сутиханли	143			311	649
86	Диго II	92			185	396
87	Туркяджа	24			71	153
88	Шилво	120			261	551
89	Алму	32			57	153
90	Ашла	28			54	112
91	Балелабыр	13			17	36
92	Бибйони	32			84	164
93	Гиджу (Уджу)	44			77	161
94	Даргоба	115			164	344
95	Жинди	20			32	73
96	Кагалона	125			264	531
97	Куш (Хуш)	14			34	65
98	Луяса	56			126	237
99	Пенди	26			45	100
100	Сийобиль	17			38	75
101	Снобур	30			39	101
102	Шаглакуджа	131			284	594
103	Артупа	137			348	671
104	Гилякон	120			253	544
105	Капчи-магалла	35			105	194
106	Кум	127			329	723
107	Мачит-магалла	29			72	153
108	Руякано	70			154	344
109	Сиякон	36			79	172
110	Супарибог	68			149	285
111	Пуй	135			424	884
112	Тангару	187			519	1119
113	Аджакон, Бурзубанд	46			119	241

114	Декади	24		56	111
115	Ноябуд	30		82	159
116	Шуви, Сим-мики, Ванашкалиш	64		168	342
117	Анзоли	15		50	96
118	Рывару	88		224	448
119	Тангеван	40		100	202
120	Чайру	119		302	599
121	Буруг	57		98	202
122	Еладжаг	152		246	523
123, 124, 125, 126	Зенони, Аккишлак, Кирабын, Лелан	81		134	304
127	Сепади	57		102	220
128	Амбурдара (Амбуяда) верхнее	30		57	134
129	Амбурдара (Амбуяда) нижнее	61		147	299
130	Госмалион	63		160	324
131	Гиледа	49		75	170
132	Гусейнабад	10		31	62
133	Диго III	16		30	65
134	Калахан	39		166	367
135	Кишлак	74		91	220
136	Кяльвяз	75		144	329
137	Розанов	8		24	47
138	Талбаяг (Таблагай)	51		78	188
139	Ходжадой	14		21	50
140	Чакера	16		29	65
141	Ховери	31		84	172
142	Озобиджон (Азербайджан)	50		106	223
143	Амбу	26		39	91
144	Былабанд	31		80	176
145	Былина	16		18	45
146	Барзаву	36		58	138
147	Бызай	38		75	170
148	Джангамийон	82		145	311
149	Лик (Лерик)	61		139	279
150	Мондиго	46		81	161
151	Оснагирон	5		8	13
152	Пирасар	70		161	329
153	Халифакуджа	9		20	45
154	Алаблы	44		96	213

155	Галаса	9		15	29
156	Года	53		114	235
157	Ховери	40		67	151
158	Дивагач	21		46	97
159	Диго IV	15		31	67
160	Зарингала	5		12	26
161	Галабын	21		35	76
162	Лалахийон	33		80	151
163	Мистон	120		281	558
164	Нысли	40		84	197
165	Пеясо	22		34	82
166	Разго	41		110	205
167	Татони	35		64	147
168	Шонайчола	58		104	215
169	Халифади	60		123	251
170	Зарбалуканд	44		72	165
171	Зардабара (Зардали)	27		66	146
172	Лизада	62		145	279
173	Нураванд	53		128	292
174	Оранд	75		158	347
175	Шинабанд	23		48	100
176	Авчадулон	16		33	78
177	Анзов, Салгард	88		150	345
178	Ангьябиль	28		46	103
179	Арта	22		43	77
180	Балтабур, Зенгерон	26		52	115
181	Былина	34		85	189
182	Билова	16		30	60
183	Буль-були	23		48	101
184	Бурзумбуль	51		98	200
185	Варгадиз	61	тлш	106	260
186	Варов	27		43	96
187	Гендов, Гесиджон	33		61	130
188	Хоравар	37		56	130
189	Зовина	38		68	152
190	Зиврис	15		33	67
191	Зывуч	51		81	177
192	Кечакаон	6		8	20
193	Осынагеран	34		73	147
194	Осынада	16		29	60
195	Сардоба	7		11	23
196	Хонаго II	40		88	173
197	Чегимон	14		23	60
198	Шивла	27		44	103
199	Ардавила	16		47	96

200	Бойканиль	30			75	154
201	Быркандуль	11			39	70
202	Выстан	15			60	129
203	Ламай	28			99	199
204	Лаладулон	11			21	36
205	Ныджу	75			232	491
206	Нуяди	15			42	73
207	Нода	58			84	177
208	Оран	27			47	97
209	Ордахал	70			39	82
210	Разавул	14			138	388
211	Сори	39	В Сори написано «т.а.» ????		175	380
212	Абособод	40			44	97
213	Авила	46			73	167
214	Алябод	34			102	194
215	Былина	37			111	210
216	Гырдаса	91			223	478
217	Джамоша	7			40	77
218	Дурган	32			63	147
219	Кумон	12			26	70
220	Ламон	34			93	190
221	Ливадырга	107			167	343
222	Мастайл	71			147	311
223	Мылолон	24			72	143
224	Муйо	60			114	251
225	Ниса-Муйо	26			66	127
226	Сорс	81			180	373
227	Шынгадулон	22	Нап. «Т.а.»?		103	224
И Т О Г О:		14151 (в сред. по 4,9 ребенка в семье)			36 751 (52,1%)	33751 (47,9 %)

Перепись населения СССР 1926 года:

До трагедии талышского народа осталось совсем немного

Продолжая работать с первоисточниками, мы обратились к «Всесоюзной переписи населения 1926 года. Том XIV. ЗСФСР. Народность – родной язык – возраст – грамотность».¹² В данном издании мы не нашли подробной информации по численности талышей, кроме общих сведений. Но даже те данные, которые нашли

¹² Всесоюзная перепись населения 1926 года. Народность - родной язык – возраст – грамотность (1929), т. XIV, Издательство ЦСУ Союза ССР, Москва.

свое отражение в этой объемной книге, позволяют нам сделать некоторые выводы о судьбе нашего народа, который уже в те годы стал подвергаться жесткой политике ассимиляции.

Главная ценность данной книги – в том, что в ней талыши указаны как талыши, а ранее называемые татарами – как тюрки. В пояснительных замечаниях к XIV тому авторы пишут, что перепись проводилась согласно «инструкционным указаниям к заполнению и разработке ответов на вопросы о возрасте, народности, родном языке и грамотности»: «к какому племени, народности, национальности причисляет себя отвечающий». «Так как перепись имеет целью определить племенной (этнический) состав населения, то в ответах на данный вопрос не следует заменять племя, народность, национальность религией (нельзя например, писать мусульманин, молоканин и т.п.), подданством, гражданством или признаком проживания на территории какой-либо республики» (Всесоюзная перепись населения 1926 года, XIV, 1929: 3). Исходя из этого, так называемый «титულный этнос» Азербайджанской ССР, который еще недавно не имел конкретного этнического названия и в разные времена назывался по-разному (как то «татары», «мусульмане», «туркоманы»), в данной переписи уже обозначен как «тюрки». Талыши же указываются как отдельная народность, проживающие на территории этой республики. Несмотря на все недостатки данной переписи, эта книга является ценным источником хотя бы потому, что она подтверждает уже существовавший в то время серьезный размах проводимой властями Азербайджанской ССР политики ассимиляции талышей.

Обратимся к данным переписи.

Согласно переписи 1926 года, население Азербайджанской ССР составляло всего 2314688 чел. В том числе население Нахичеванской АССР – 104956 чел. и НКАО – 125300 чел. (там же). По данным переписи, в то время в Аз. ССР проживало 77323 талышей [муж. – 39960, жен. – 37363] (там же: 8).¹³

Население Ленкоранского уезда составляло 208252 чел. Из них в г. Ланконе проживало 12 078 чел. (там же: 4) Остальное население по *дайрам* (районам) распределялось следующим образом:

Осторо (Астара) – в 93 деревнях – 22704 чел.,
Хымошару (Астрахан Базар) – в 178 деревнях – 37518 чел.,
Бырадиго (Борадигах) – в 60 деревнях – 29374 чел.,
Варгадиз – в 105 деревнях – 20745 чел.,
Лик (Лерик) – в 63 деревнях – 11701 чел.,
Мистон – в 72 деревнях – 10835 чел.,
Масалон (Масаллы) – в 65 деревнях – 27 551 чел.,
Пришиб – в 38 деревнях – 17 363 чел.,
Шурюк – в 77 деревнях – 18 383 чел.¹⁴

В списках отсутствует информация по деревням, что не позволяет нам определить точное количество талышей. Существой такая информация в принципе, мы бы с легкостью добились поставленной цели, так как хорошо знаем, какие из

¹³ По родному языку талыши – 80624 чел. (мужчины – 41 851 чел. и женщины – 38 749 чел. (Всесоюзная перепись населения 1926 года XIV 1929: 30).

¹⁴ Если к этому добавить население Биласыво (Биласуварского дайра), в то время входившего в состав Сальянского уезда, – в 13 028 чел. – то общее количество населения Талышстана в то время составляло 221 280 чел. (там же: 6). Согласно данным авторов «Studies in Languages of Azerbaijan» (Clifton 2002), даже в настоящее время 10-15% населения Биласуварского района составляют талыши (селения Хырмандалы, Бейдили и пр.).

деревень являются талышскими. Поэтому мы вынуждены пойти другим путем – попытаться выявить объективную картину путем сравнения данных из различных источников.

Если судить даже по сегодняшним данным, то получается довольно странная картина. Можно взять за основу данные американских исследователей, приведенные в издании «Studies in Languages of Azerbaijan» (Clifton 2002), во втором томе которого, отражающем социолингвистическую ситуацию, даются сведения о численности талышей по районам. Согласно этим данным, 99% населения Ликского и Астаринского, 90% Ланконского районов составляют талыши. Тогда количество талышей на момент переписи 1921 года должно было составлять только на территории этих трех районов 72 200 чел. (Астара – 22 476; Лерик – 22 310; Ланкон – 27 414)! При этом надо еще учесть тот факт, что в то время на территории этих районов талыши в процентном отношении к общему количеству населения составляли еще большее число.

Согласно переписи 1926, тюрки в Ланконе составляли 9301 чел. (Всесоюзная перепись населения 1926 года, XIV, 1929: 72). Для сравнения скажем, что во время переписи 1897 года из 9892 чел. общего населения г. Ланкона тюрков (в то время - татар) было всего 1525 чел. (талышинцев - 5942 чел., русских - 1501, армян - 405, айсоров - 144, эстонцев - 139, греков - 75, евреев - 72, абхазов - 70, лезгин - 15, грузин - 3). В этой связи возникает справедливый вопрос: как могло так резко возрасти число тюрков в Ланконе за 30 лет? Разумеется, это невозможно! Если даже предположить, что они могли быть переселены туда со стороны, остается неясным, куда могли исчезнуть те талыши, которые в то время проживали в городе? Дело в том, что в существующих источниках нет ни одного подтверждения тому, что талыши были выселены из Ланкона или сами уехали оттуда. Наоборот, в процессе общего развития Ланкона немалое количество талышей из окрестных деревень переехали жить в Ланкон в поисках работы. Таким образом, увеличение за это время тюрков в Ланконе в **шесть раз** не подлежит никакой логике. Это было ясно многим русским исследователям того времени. Например, Г. Ф. Чурсин, рассуждая о причинах сокращения талышей у себя на родине, справедливо указал, что «талыши не выселялись и не вымирали. Ясно, что значительная часть талышей по признаку языка причислена к тюркам» (Чурсин 1926).

Обратимся для сравнения и к некоторым другим данным. По данным Н. Зейдлица, относящимся к 1859-1864 годам, талышей в Ленкоранском уезде было 34444 чел. об. п.. По посемейным спискам 1886 года общее количество талышей в Ленкоранском уезде составляло 47296 чел. «Цифры эти можно считать более или менее правильными: отуречение талышей в то время не успело еще сделать особенно крупных успехов, и талыши как народ вполне жизнеспособный, обнаруживают нормальный естественный прирост, примерно 1,5% в год. В дальнейших статистических материалах наблюдается странное явление: количество талышей убывает», - пишет Н. Зейдлиц (Зейдлиц 1867).

Наконец, по данным «Сельскохозяйственной переписи населения Азербайджана 1921 г.», талышей в селениях того же уезда оказывается 66206 чел. (34382 м. и 31824 ж.). Азербайджанских тюрков же насчитывается в уезде 78380 чел. Здесь снова уместно сослаться на вышеприведенное замечание Б.В. Миллера о погрешностях переписи, вызванных неблагоприятными условиями и невозможностью учесть население 44 селений Ленкоранского района.

По данным «Свода статистических сведений о населении Закавказского края» 1893 года¹⁵, талышшцы живут в 161 населенном пункте, в 6612 домах. Приведенная в этом издании цифра в 50510 жителей составляет довольно значительный прирост по сравнению с цифрой, сообщенной в «Списке населенных мест Бакинской губернии» 1870 года (Тифлис, 1870 г.), где число талышей показано в 34344 жителей. Кавказский календарь на 1894 г. указывает гораздо большее число – 88.449 чел. Вспомним приводимые выше рассуждения Рисса по этому поводу, заключившего, что разногласие в данных по талышскому и вообще иранскому населению происходит от смешения местной администрацией иранцев-магометан с магометанами же татарами, «присвоившими» своему языку термин мусульманский (Рисс 1855: 1-71). Надо учесть и такой немаловажный факт, что во всех исследованиях данного периода неверно указано и количество талышских населенных пунктов (там же: 161). В 1897 году всего 271 деревня с общим населением 72563 человека, была названа талышенаселенной.

Сравним некоторые данные «Распределения населения Закавказья по сельским обществам и народностям» за 1910 год¹⁶, где указывается, что всего в Ленкоранском уезде проживает 127307 чел. (муж. – 66001, жен. – 61306 чел.), из них: русские – 12522, талыши – 66851, тюрки – 47934 чел.

Если (на время забыв о том, что данные от 1910 года тоже не вызывают доверия как не отражающие реальную действительность) сравнить общий рост населения Ленкоранского уезда и в том числе самого Ленкоранского участка в период с 1910 по 1926 год, получается интересная картина. Становится ясно, что население Ленкоранского уезда в течение 15 лет (с 1910 до 1926 года) увеличилось на 80 945 чел., т.е. на 63,6%. Согласно тем же данным, получается, что за тот же период число талышей в Ленкоранском уезде увеличилось всего на 10472 чел., т.е. всего на 15,7%, что никак не может соответствовать действительности. Ведь, как уже было отмечено выше, талыши всегда отличались высокими темпами роста, что подтверждается, в том числе, и словами Б.В. Миллера, что «талыши отнюдь не производят впечатления народа регрессирующего или вымирающего; наоборот, в этот свой приезд я мог констатировать, по крайней мере, на низменности, на которой живет их преобладающая часть, заметный прогресс материального благосостояния» (Миллер 1926).

Если взять за основу указанную цифру прироста (63,6%), то талыши к 1926 году должны были насчитывать не менее 112640 человек!

Далее, обратим внимание на следующее: в 1910 году тюрки составляли 37,6% населения уезда (47934 чел.), а уже в 1926 году их оказывается 53,9% (111181 чел.) населения Ленкоранского уезда. Талыши же, составлявшие, по тем же данным, в 1910 году составляли 52,5% населения Ленкоранского уезда, в 1926 году составили всего 37%. Зададимся вопросом, могли ли талыши добровольно записать себя как «тюрки»? Если сегодня, когда талыши порой записываются как пресловутые «азербайджанцы», то в то время вряд ли кто-нибудь из них согласился бы указать свою национальность как «тюрок». Термин «азербайджанец», собственно, и был призван решить эту проблему, так как не будь его, тюрков в стране оказалось бы намного меньше, а талышей, соответственно, – гораздо больше. Таким образом, искаженные цифры в переписях – результат целенаправленной работы азербайджанских властей: именно их

¹⁵ Свод статистических сведений о населении Закавказского края, Тифлис, 1893.

¹⁶ Кавказский календарь на 1910 год, Тифлис, 1909: 468

усилиями половина талышей во время переписи 1926 года была записана как «тюрки»!

Интерес вызывает и следующий факт, касающийся численности населения самого Ленкоранского участка (района). Согласно «Кавказскому календарю», в 1910 году в Ленкоранском участке проживал 23562 чел., из которых: талыши - 22352 (94,9%) чел.; тюрки – 898 (3,8%) чел.; русские – 312 (1,3%) чел. Эти цифры являются еще одним неопровержимым доказательством того, что данные переписи 1926 года, прежде чем попасть в Москву, были существенно искажены в Баку.

Далее: согласно переписи 1926 г., лезгины в Аз. ССР составляли 37263 чел., аварцы – 19104 чел., курды – 41193 чел., таты – 28 443 чел., тюрки – 1437 977 чел. Интересны данные по г. Баку: тюрки – 118737 чел.; таты – 2980 чел.; талыши – 56 чел.; армяне – 76656 чел.; лезгины – 3708 чел.; грузины – 2558 чел.; татары – 9239 чел.; русские – 159 491 чел.; украинцы – 7882 чел.; немцы – 6357 чел.; евреи – 19589 чел.

Это – тем более странно, так как согласно «Обозрению российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. Произведенное и изданное по Высочайшему соизволению», изданное в 1836 году в г. Санкт-Петербурге (*Обозрение российских владений за Кавказом*: 43), «в Бакинской провинции большая часть населения говорят языком, называемым Тат, который имеет большое сходство с Талышинским, - и их-то предков должно, кажется, почитать первоначальными обитателями Апшерона, пока монголы и турки не завладели этою странюю», а «в деревнях обитает много муганцев, которые поселились там после разорения, причиненного на Мугани Надир-шахом. Язык их совершенно одинаков с Талышинским».¹⁷

Фальсификация данных переписей, проводимых в Азербайджане, доказывается еще тем, что, несмотря на то, что количество лезгин в 1926 году было «установлено» почти в два раза меньше, чем талышей, итоги последней переписи населения Азербайджана в 1999 году показывают совсем другие данные. Согласно данным последней переписи, численность лезгин составляет 176 тыс. чел., в то время как талыши якобы составляют всего 86 тыс. чел.

И все же 1926 год можно считать далеко не самым драматичным для талышей, имея в виду, что в то время власти Аз.ССР еще не осмеливались полностью «покончить» с этим автохтонным народом. В Москве и Баку еще многие помнили о Муганской Советской республике, провозгласившей Талыш неотъемлемой частью РСФСР. Талыш в те годы всесторонне изучался русскими исследователями.

¹⁷ Продолжая свои исследования, авторы «Обозрения» на основе изучения топонимов нашего края пришли к такому выводу: «В Закавказье есть ширванцы, талышинцы, карабахцы и другие названия обитателей по провинциям; но нельзя найти Монголов, Персиян, Турок, Арабов; - одним словом: корневых наименований по происхождению, не существует. Здесь нельзя не привести весьма важного замечания, что, несмотря на превосходство Татар или Монголов, наложивших свой тип на всех тамошних Мусульман, не встречаешься с названия Татар или Монголов, хотя русские вообще именуют их татарами («Обозрение...» 1836: 7). В «Обозрени» (и во многих других источниках того времени, не говоря уже о более ранних) недвусмысленно указывается на принадлежность Мугани к Талышстану. Отмечается, в частности: «Мугань легко может прокормить стада, по крайней мере, в 15 раз больше, нежели имеют теперь *талышинцы*» (там же: 252). Несмотря на такую очевидность, отнесение всего населения Мугани, территория которой ко времени переписи населения 1926 года была разделена между Масаллинским, Астраханбазарским, Биласуварским районами и отчасти Сальянским уездом, свидетельствует о том, что уже в то время процесс отуречения талышей шел ускоренными темпами.

Открывались талышские школы, где талышские дети – наши будущие родители – получали образование на родном языке. Издавались газеты и книги на талышском языке. Талыш был на подъеме. Некоторые передовые представители интеллигенции с каждым днем все громче говорили о необходимости предоставления талышам автономии.

Подлинная трагедия произошло позже, когда в январе 1936 года, во время встречи делегации представителей трудящихся Азербайджана с руководителями ВКП(б) и Советского правительства в Кремле Сталин «деликатно» отметил: «Я не понимаю, почему в Грузии живут грузины, в Армении – армяне, а в Азербайджане – турки». Произошло это после издания пресловутого указа Сталина «Об укрупнении социалистических наций» в 1934 году. Это «деликатное» высказывание Сталина давало карт-бланш тогдашним властям Азербайджана в деле уничтожения талышей как народности.

Переписи населения 1937 и 1939 гг.

Интересные данные о численности талышей приводятся в материалах переписи населения 1937 года, долгое время хранившихся в тайне от населения под грифом «секретно» (Жиромская/Киселев/ Поляков 1996).

Перепись 1937 года была однодневной и проводила учет лишь наличного населения. Опыт такой переписи не имел аналогов в истории советской статистики. Большие дебаты среди организаторов вызвали вопросы о национальности и родном языке. В 1926 году участники IV Всесоюзного съезда статистиков в большинстве своем высказались за постановку вопроса о национальности. Однако ЦСУ утвердило вопрос о народности в целях наиболее полного учета этнического, или племенного состава населения. В циркуляре ЦСУ разъяснялось, что определение народности должно быть предоставлено самому опрашиваемому и показание его не следует изменять. Лица, потерявшие связь со своим племенем, могли назвать ту народность, к которой они себя относили в момент переписи (там же:17).

Перепись 1937 году выявила, что численность талышей составляет 99 244 чел., а татов – 56975 (там же: 87) Странно, что итоги переписи населения 1939 года показывают более низкую численность талышей, т.е. – 87510 чел.(?) Еще интереснее тот факт, что численность турков тут указывается 2134648 человек, в то время как всего десять лет неожиданно составляет 696671 чел.! В оригинале стоит существенная пометка «за счет перевода в «турки» (там же: 88). То есть, очевидно, что мусульманское населения Аз. ССР поголовно «переводится в турки».

Далее разворачивается настоящая трагедия: в следующей переписи – в 1959 году – число талышей уже указывается всего 85 чел.! Затем, вплоть до 1989 года слово «талыш» вообще исчезает из переписи населения. Вместе с ним исчезают «таты», «курды» и пр. Наконец, в 1989 году, во время последней советской переписи, в результате всеобщего протеста талышского народа, который был подавлен властями Азербайджана, талыши все же включены в перепись; указывается их число – 21169, что было, безусловно, первой победой Талышского движения! А во время переписи населения в уже независимом Азербайджане в 1999 году – без какого-либо обоснования - указана численность талышей 76800 чел. Не понятно, во-первых, откуда взята эта цифра, во-вторых, откуда четырехкратный прирост. Это еще раз доказывает, что данная цифра «спущена сверху»: в реальности только население нескольких больших деревень Ланкона и Осторы существенно больше, чем указанная цифра.

Нельзя не отметить достаточную объективность исследований, проведенных в западными и американскими учеными, в частности, авторами уже упомянутого выше двухтомного издания «Studies in Languages of Azerbaijan» (Clifton 2002). Вот некоторые из приведенных в исследовании данных:

Ленкоранский район. Общая численность населения – 200344 человек. 90% из них по этнической принадлежности составляют талыши.

Астаринский район. Общая численность населения – 83000 человек, из них 99% по этнической принадлежности – талыши.

Лерикский район. Общая численность населения – 63300 человек. 99% населения по этнической принадлежности составляют талыши.

Масалонский район. В 110 населенных пунктах, включая поселки и села, численность общего населения – 175715 человек. В 36 населенных пунктах живут, в основном, талыши. Большую часть населения городского центра Масала и крупных поселков городского типа (Акон, Бырадиго) составляют талыши.

Варгадизский (исторический «Уджару», ныне переименован в «Ярдымлы») район. Общая численность населения – 50279 человек. Из 89 сел района в трех (Алару, Шыхгусейнли и Тила) по этнической принадлежности и языку население, в основном, составляют талыши, а их общая численность здесь чуть больше 2000 человек.

В **Нефтечалинском** районе талыши проживают в селениях Лапатин и Гараманлы.

Биласуварский район. Общая численность населения – 76 000 человек. Из них, по сведениям правительственных чиновников, 10-15% составляют талыши (селения Хырмандалы, Бейдили и пр.).

Исследователи пишут, что местная администрация под разными предлогами не пропустили их в район Хамошару (Джалилабад), где по нашим данным около 40% деревень являются талышскими.

Надо отметить, что талыши проживают и на территории других районов Азербайджана, в том числе Сальянского (несколько деревень), Сабирабадского, Имишлинского и т.д.

Численность талышей в городе Сумгаите анализируются в диссертационном исследовании канадского ученого Калвина Тиссена «Positive Orientation Towards the Venacular Among the Talysh of Sumgait» (Tiessen 2003). По сведениям автора, в Сумгаите проживает 400 000 человек, 20% из которых (то есть 80 000 человек) составляют талыши.¹⁸

По подсчетам этнолога Барбары Гримс, число талышей в Азербайджане в 1996 году колебалось между 800000 и 1000 000 человек (Grimes 2002).

Отсутствие объективной переписи не позволяет выявить реальную численность талышей в г. Баку и его окрестностях. Во время выборов в парламент Азербайджана в 2005 году в избирательных списках только одного избирательного округа Сураханского района г. Баку (а таковых этом районе было несколько) нам удалось выявить свыше 18000 талышей. В пригородных поселках Апшеронского полуострова в каждом из населенных пунктов проживают по несколько тысяч, а в большинстве из них - десятки тысяч талышей. Только в пос. Бина проживают свыше 40 тысяч талышей. Проведенные нами исследования показывают, что в этом регионе ныне в целом проживают свыше 500 000 талышей.

¹⁸ Данная цифра не отражает объективную реальность, так как в Сумгаите и его окрестных поселках на самом деле проживает не менее 150 000 человек.

Все это дает нам основание констатировать, что в настоящее время на территории Азербайджанской Республики проживают всего от 1,5 до 2,5 млн. тальшей.

Итоги переписи населения Азербайджана 2009 года

Опубликованные Азербайджанским Госкомстатом официальные данные переписи населения 2009 года по этническому составу Азербайджана, как и предполагалась, копируют подход переписи 1999 года. В первой тройке те же самые национальности, что были указаны и в прошлой переписи. Численность азербайджанцев и тальшей увеличивается, лезгин и русских - убывает. Если официальное число азербайджанцев увеличилось в 1,13 раза, составив 8172800 человек (91% от общей численности), то тальшам "позволили" официально вырасти до 112 тыс. человек, или в 1,45 раза в сравнении с 1999 годом, и составить, таким образом, 1,3% от общего числа населения Азербайджана, почти "догнав" русских. Число армян - 120300 человек - указывают, исходя из переписи, проведенной в Нагорном Карабахе в 1999 году. Численность лезгин увеличилась всего на 1600 человек. Русских за 10 лет ubyло на 22000 человек. Итого, по официальным данным Госкомстата, 91% населения страны составляют "азербайджанцы", 2% - лезгины, а по 1,3% раздали армянам, русским и тальшам.

Несмотря на вполне очевидные хитросплетения, применяемые при подсчете численности коренных народов страны, этот официальный документ имеет некоторые знаковые черты. Во-первых, он показывает, что власти Азербайджана признают многонациональный состав населения страны. Во-вторых, перепись демонстрирует, что, несмотря на усердную пропаганду идеологии пантюркизма, нетюркские, коренные этносы этой древней земли продолжают численно расти и укрепляют свое самосознание.

Очевидное противоречие обнаруживают и данные по армянам. С одной стороны, официальная пропаганда Баку на протяжении многих лет утверждает, что население Нагорного Карабаха стремительно сокращается, т.е. люди этого края покидают свои исконные земли в поисках лучшей жизни в других странах. При этом данные переписи указывают на то, что на территории НКР проживает более 120.000 человек. Так кто же здесь неточен - официальная пропаганда или Госкомстат АР? Не признает ли тем самым официальный Баку, что за все эти годы Нагорный Карабах живет полноценной жизнью? Не является ли это свидетельством того, что президент АР вовсе неспроста согласился признать так называемый "промежуточный статус НКР"? И, наконец, если официальный Баку готов предоставить 120-тысячному населению НКР самую широкую автономию в составе АР, то почему такое же право не должны иметь те же тальши, лезгины или остальные крупные этносы Азербайджана?

Данный вопрос для коренных народов Азербайджана приобретает особую значимость в свете кардинальных изменений в странах Ближнего Востока и Турции.

События на Ближнем Востоке и Турции создают благоприятные условия для борьбы коренных народов Азербайджана за свои права. Борьба эта выводит проблему автохтонов Азербайджана на принципиально новый уровень, когда решением ее может быть либо предоставление каждому из них автономии, что могло бы способствовать сохранению Азербайджана в нынешних границах, либо провозглашение ими независимости, что означало бы демонтаж государственного образования под названием Азербайджанская Республика.

Метаморфозы переписи населения РФ 2010 года

Согласно данным Всероссийской переписи населения, приведенным по состоянию на 14 октября 2010 года,¹⁹ численность постоянного населения Российской Федерации составила 142,9 млн. человек.

В данном контексте нас интересует количество проживающих на территории России талышей и, отчасти, азербайджанцев. По данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, ко времени сбора данных, на территории России проживало 603070 азербайджанцев, что уже вызывает подозрение. Подозрительным является и число жителей РФ, владеющих "азербайджанским" языком, – всего 473044 чел.! Правда, тут же, наряду с азербайджанцами, указаны еще и турки. Здесь наблюдается еще одна путаница в терминах: в одном месте ("Национальный состав населения РФ") фигурирует термин "турки", а в таблицах, указывающих число лиц, владеющих данным языком – "турки". При этом, число последних составляет 105 058 чел. Их, на наш взгляд, смело можно отнести к "азербайджанцам", если учесть тот факт, что анатолийских турков на территории России не так уж много. Вместе с тем, среди последних число лиц, владеющим данным языком, указано всего лишь 2025 человек!

Согласно этим же данным, на территории Российской Федерации проживает всего 2 529 талышей. Это на 46 человек меньше по сравнению с итогами переписи населения РФ 2002 года. То есть получается, что численность талышей на территории РФ за этот период сократилось на 46 человек?! Однако, тут же указано, что талышей, владеющих родным талышским языком - 3402 чел.

Ознакомление с национальным составом населения РФ по субъектам Федерации выявляет еще больше метаморфоз в подсчете количества населения страны. Согласно данным Службы государственной статистики, в Московской области, например, проживают всего 19061 азербайджанец, а в самом городе Москва - 57123 азербайджанца, в Ленинградской области проживают 4574 азербайджанца, а в г. Санкт-Петербург – 17717 азербайджанцев, что также вызывает дополнительные вопросы. Во-первых, можно с уверенностью утверждать, что число азербайджанцев в этих регионах в разы больше, чем указано в таблицах. Во-вторых, Служба государственной статистики почему-то не выявила ни одного талыша в указанных субъектах РФ, что вызывает недоумение.

На какие мысли наводят данные Федеральной службы государственной статистики о национальном составе населения Российской Федерации в свете приведенного количества талышей?

Во-первых, зачастую в переписях населения РФ зачастую указывается не реальное этническое происхождение человека, а его национальность по паспорту, что автоматически причисляет талышей к азербайджанцам.

Во-вторых, перед указанной переписью населения активисты Талышского движения проводили активную разъяснительную работу среди талышей почти во всех регионах России, с тем, чтобы они указывали свою реальную национальность, «талыш», так как по паспорту все они записаны как "азербайджанец". Судя по откликам из различных регионов РФ в день переписи и в последующие дни после нее, десятки тысяч талышей поступили именно так, т.е. указали свою национальность как «талыш»!

¹⁹ *Всероссийская перепись населения 2010 года (2010), ФСГС РФ, Москва.*

В-третьих, ни для кого не секрет, что за последние десять лет число переехавших на территорию России тальшей увеличилось в несколько раз. Жаль, что мы не имеем возможности вести точный подсчет иммигрировавших тальшей и вынуждены довольствоваться своими наблюдениями. Согласно нашим данным, количество тальшей, проживающих ныне на территории РФ, составляет от 500 до 800 тысяч человек. Для наглядности приведем показательный пример: только из одной тальшской деревни свыше двух тысяч тальшей проживают в городе Сургут!

Выводов может быть несколько: либо указанное в переписи число тальшей на территории РФ является результатом небрежно проведенной переписи (что, в общем-то, является очевидным фактом); либо эта цифра является вымышленной, т.е. результатом целенаправленной фальсификации при подсчете (речь вполне может идти о возможном вмешательстве азербайджанского лобби в России). Наши подозрения подтверждаются еще и данными о количестве самих азербайджанцев, которых на территории России проживает в разы больше, чем указано в переписи.

Вместе послесловия: еще одно преступление против тальшского народа

Несколько лет назад в газете “Шавнышт” была опубликована статья Фахраддина Абосзоды “Когда будут восстановлены права депортированных тальшей?”, вызвавшая крайнее недовольство в проправительственных кругах в Азербайджане.

В конце 30-х годов на долю тальшей выпала нелегкая судьба. Они оказались в числе тех, кто, с умелой подачи Мир Джафара Багирова, настоящего палача тальшского народа, подозревался в шпионаже против советской власти, непосредственно против И. Сталина и его сторонников. Первым документом, в котором выражались антительские намерения правительства, было решение Политбюро ВКП(б) от 19 января 1938 года. На него и опирались исполнители предпринимаемой акции. Правда, исполнение решения Политбюро по некоторым причинам затягивалось. В сентябре 1938 года Н. Ежов и Л. Берия обратились к председателю СНК Союза ССР В.Молотову. Текст обращения следующий:

«Совершенно секретно»

Председателю Совета Народных Комиссаров тов. Молотову В.М.

24 сентября 1938 года

Решением Политбюро от 19 января 1938 года (протокол №56-308) НКВД СССР было

предложено всех иранцев (имеется в виду тальши.– Ф.А.), проживающих в приграничных районах Азербайджана и оформивших советское гражданство, в месячный срок переселить в Казахстан. Это решение своевременно выполнено не было. Сейчас учтено и подготовлено к переселению в Казахстан 2000 семей (6 000 чел.) иранцев, оформивших советское гражданство. Переселение их было намечено начать 15 октября 1938 года.

Представляем проект постановления СНК СССР о порядке переселения и хозяйственного устройства иранцев. Просим его утвердить.

Народный комиссар внутренних дел

Союза ССР Ежов

Начальник управления

государственной безопасности Берия

Спустя три дня Н. Ежов детализировал сам процесс переселения иранцев, назвав В. Молотову и районы, куда можно было переселить иранцев, а также были определены требуемые для проведения акции средства.

“Совершенно секретно”

Выписка из суточной рапортички № 86

от 27 сентября 1938 года НКВД

Ежов тов. Молотову

В соответствии с решением Политбюро о переселении в месячный срок 2 000 семей иранцев, проживающих в пограничных районах Азербайджана в Казахстан, представил проект постановления о порядке этого переселения.

Проект предусматривает:

Переселение иранцев из Азербайджана возлагается на СНК Азербайджанской ССР; перевозка их в Казахстан — на НКВД, хозяйственное устройство переселяемых в Казахстан — на СНК Казахской ССР.

СНК и ЦК КП (б) Казахстана в совместном постановлении от 6 ноября 1938 года, вышедшем под грифом “совершенно секретно”, детализировали меры применительно к местным условиям Алма-Атинской и Южно-Казахстанской областей, куда прибыли спецпереселенцы — талыши.

Перевозили их через море. Английский наблюдатель, находившийся в то время в Ланконе, видел, как по городу один за другим проезжали грузовики с местными крестьянами. Их сопровождал конвой НКВД. Суда, в том числе пассажирские, были сняты с рейсов и подогнаны к побережью, чтобы перевезти этих людей через Каспийское море.

Расселялись талыши в 12 районах. Не все выжили в условиях ссылки. Некоторой части все же удалось возвратиться на Родину через четверть века, уже в шестидесятые годы. Многие так и остались в Казахстане, так как старшее поколение умерло, а у молодого не осталось связи с Родиной (Абосзода/Мирзализода 2013).

Приведенное выше — только один эпизод длинной цепи преступлений против талышей, которые продолжается и по сей день, уже в независимом Азербайджане.

Таким образом, вопрос точного числа талышей, как в Азербайджанской Республике, так и за ее пределами (в частности, в России) остается открытым. По всей вероятности, решен он может быть лишь в рамках обретения талышами независимости и создания собственного государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абосзода Ф., Мирзализода К. (2013), *Будет ли реабилитирован талышский народ в Российской Федерации*, ИА REX, <http://www.iarex.ru/articles/33675.html> [4.02. 2013]
- Дорн Б.А. (1864), «Отчёт об учёном путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря (с рисунк.)», *Труды Восточного отделения Императорского археологического общества*, Санкт-Петербург, Тип. Имп. Академии наук, т. VIII: 245-317.
- Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. (1996), *Полвека под грифом секретно. Всесоюзная перепись населения 1937 года*, Москва.
- Заболоцкий П. (составитель) (1831), «Провинция Талышинская», *Журнал МВД*, V, Санкт-Петербург: 79-81.

- Заблоцкий П. (составитель) (1837), «Обозрение Тальшинского ханства в медико-топографическом и статистическом отношении за 1836 год», *Журнал МВД*, 11-12, Санкт-Петербург.
- Зейдлиц Н. (1857), *Бакинская губерния. Итоги переписи населения*, Санкт-Петербург.
- Ляйстер А.Ф., Чурсин Г.Ф. (1924), *География Кавказа природа и население*, Тифлис.
- Марр Н.Я. (1922), «Талыши», *Труды комиссии по изучению племенного состава населения России*, Петроград.
- Миллер Б.В. (1914), «Очерк сельского и лесного хозяйства Ланконского уезда», *ГУЗ и З. Бакинско-Дагестанское Управление земледелия и гос. имущества, Изв. КИАИ*, т. IV, Баку.
- — (1926), *Предварительный отчет о поездке в Талыш летом 1925 г.*, Баку.
- — (1953), *Талышский язык*, Москва.
- Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. Произведенное и изданное по Высочайшему соизволению»* (1836), Санкт-Петербург.
- Рисс П.Ф. (1855), «О талышинцах, образе жизни и языке», *Записки Кавказского Отделения Императорского Русского Географического Общества*, Кн. III., Тифлис.
- Терентьев А.Н. (ред.) (1911), *Сборник сведений по Бакинской губернии: Списки населенных мест, количество земли и податное обложение поселян*, Вып. I, Баку.
- Чурсин Г. Ф. (1926), «Талыши», *Известия Кавказского Историко-археологического института*, №4, Тифлис.
- Clifton, John M. (2003), *Studies in Languages of Azerbaijan*, SIL International, Baku and St. Petersburg, <https://www.sil.org/resources/archives/38869>.
- Grimes B. (2002), *The Ethnologies*, 14-th edition, SIL International, Dallas.
- Tiessen C.F. (2003), *Positive Orientation Towards The Vernacular Among The Talysh Of Sumgayit*, Grand Forks, North Dakota.

ОБЩЕСТВО И МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СССР И В РАННИЙ ПЕРИОД НЕЗАВИСИМОСТИ АРМЕНИИ

Гарик Апанесян

Ереванский государственный университет, Ереван

Abstract

The article focuses on the problem of monuments' erection in various cities of Armenia during the last years of the USSR and early period of Armenia's independence. Despite the control over memorial policy by the authorities, Armenians erected thousands of monuments all over Armenia, dedicated to the victims of Nagorno-Karabakh war and Spitak earthquake.

Keywords: *Memorialization of Victims, Monuments, Memorial Policy*

Аннотация

Статья посвящена деятельности армянской общественности по возведению памятников в городах Армении в последние годы СССР и первые годы независимости. Несмотря на контроль мемориальной политики со стороны советских властей, армянская общественность возвела множество памятников по всей территории Армении, посвященных жертвам Карабахской войны и Спитакского землетрясения. В последующие годы памятники, посвященные также отдельным гражданам, были поставлены во дворах, на улицах и даже на площадях различных городов постсоветской Армении, без согласования с властями.

Ключевые слова: *мемориализация жертв, памятники, монументальная политика*

В общественных местах городов Армении первые монументальные памятники появились только после советизации Армении (Арутюнян, 1957: 57). В советские годы власти являлись основным субъектом разработки и осуществления монументальной политики. Советская власть контролировала и форму, и содержание устанавливаемых памятников, подвергая их строгой цензуре и исключая появление нежелательных символов в общественных местах городов. Советский гражданин был лишен права ставить памятники, монументальная политика определялась центром, а роль граждан в основном ограничивалась согласием и защитой инициатив для установления новых памятников (Саргсян, 1956: 26).

Тем не менее, в советские годы в Армении были зарегистрированы случаи установки памятников без согласования с властями. Так, например, в 1960-ые годы, благодаря усилиям местных жителей и на их же средства были установлены памятники Андранику¹ в селах Уджан и Ащнак, заселенных сасунцами,² спасшимися от Геноцида. Впрочем, зачастую власти противодействовали подобным явлениям и впоследствии сносили памятники в общественных местах (Харатян, 2015: 271).

¹ Андраник Торосович Озаян - один из лидеров армянского национально-освободительного движения конца XIX-начала XX веков.

² Сасун - *гавар* в провинции Алдзник Великой Армении, в системе Армянского Тавра. В настоящее время является частью Турции.

Памятник жертвам Сумгаитского погрома в Ванадзоре 1988 г.

Предпосылкой того, что армянской общественности еще до распада СССР удавалось устанавливать памятники без согласования с властями, послужили несколько исторических событий. Весной 1988 г. представители общественности Гюмри, члены Арцахского движения, по собственной инициативе и на свои средства установили памятник, увековечивающий память жертв Сумгаитского погрома³ по соседству с Театральной площадью Гюмри (в то время – Площадь Свободы), который и по сей день стоит на том же месте. В это же время Армения начала принимать беженцев из Азербайджана.

Еще один памятник жертвам Сумгаитского погрома был установлен в третьем по величине городе Ванадзоре, рядом с одной из церквей. Одним из главных факторов изменения символических ландшафтов городов Армении стало Спитакское землетрясение 7 декабря 1988 г., унесшее жизни около 25 000 человек и полностью или частично разрушившее города Ленинакан (ныне Гюмри), Спитак, Кировакан (ныне Ванадзор). В последующие годы армянская общественность возвела десятки памятников жертвам землетрясения по всей территории зоны бедствия без согласования с властями. В Гюмри первые памятники начали самопроизвольно появляться на территории крупных разрушений, прежде всего - разрушенных общественных учреждений. Многочисленные памятники устанавливались во дворах или вдоль улиц силами соседских общин, родственников жертв. Так, например, в новых микрорайонах Гюмри первые соседские мероприятия начинались с установления монументов в память жертв землетрясения, и, несмотря на то, что в этих частях города в первые годы заселения собрались сравнительно неимущие граждане, сбор денег на установление памятника не вызывал пререканий или отказа от участия (Шагоян, 2011: 354).

Благодаря усилиям жителей, покинувших города и села зоны бедствия, и на их же средства памятники жертвам Спитакского землетрясения появились и в других регионах Советской Армении. Так, например, главным атрибутом монумента,

³ Сумгаитский погром - беспорядки на этнической почве в городе Сумгаит Азербайджанской ССР 27-29 февраля 1988 г., сопровождавшиеся массовым насилием в отношении армянского населения, грабежами, убийствами, поджогами и уничтожением имущества.

возведенного в городе Горис на юге Армении, стал камень из разрушенного здания, привезенный жителями Ленинакана.

Памятник жертвам Спитакского землетрясения, установленный в Гюмри силами соседской общины одного из микрорайонов города

Большинство памятников жертвам землетрясения — традиционные для Армении памятники-родники, установленные в Гюмри, Спитаке, Ванадзоре и в селах зоны бедствия. Сотни подобных памятников-родников были также возведены по всей Армении еще в советские годы без согласования с местными властями.

Ключевой предпосылкой реформирования символического ландшафта Армении послужило Арцахское (Карабахское) движение и Арцахская война (1988-1994 гг.), унесшая жизни около 6000 армян. Увековечение жертв войны стало одной из основных тем в реализации монументальной политики в Армении. Несколько сотен монументов, памятников, памятников-родников, посвященные группам солдат или отдельным жертвам войны, самопроизвольно возводились по всей территории Армении. Большинство из этих памятников также были установлены в общественных местах городов, во дворах или вдоль улиц усилиями и на средства соседских общин и родственников жертв.

В последние годы существования СССР и в первые годы независимости Армении началась активная борьба против главных символов советского прошлого, в результате чего были сняты многочисленные памятники революционеров и советских чиновников украшавшие площади и улицы городов страны (Abrahamian 2006: 280). Борьба с памятниками не ограничивалась только символами тоталитарного режима.

Так, например, некоторые второстепенные памятники, в частности бюсты Пушкина и Чехова, установленные перед школами их имени, были удалены задолго до демонтажа памятника Ленину с центральной площади города (1991 г.). Однако в основном деятельность по демонтажу монументов была сфокусирована на многочисленных памятниках В.И. Ленина, украшавших главные улицы и площади городов Советской Армении. Зачастую жители городов и сел сами принимали активное участие в снятии памятников. В Капане и Армавире памятники Ленину были взорваны, в других городах (например, в Сисиане) памятники вождю революции сбрасывались с постаментов. Однако, в большинстве городов Армении городские власти просто оперативно убирали памятники Ленину с постаментов, предотвращая акты агрессии и символической мести над монументами. Когда, в соответствии с решением горсовета Еревана, в 1991 г. начали демонтаж памятника Ленину, кто-то из стоявших неподалеку в сквере стал бросать в поверженный монумент камешки. Присоединившиеся к этой акции, за отсутствием камешков, стали бросать в памятник мелкие монеты (Абрамян, 2003: 32).

В годы Арцахского движения усилиями армянской общественности были установлены также памятники героям армянской освободительной борьбы прошлого. Аллеи и скверы памятников, а также отдельные монументы посвященные гайдукам появились в Гюмри, Джермуке, Горисе, Вайке, Арташате и др. городах, а также в средних и малых поселениях Армении с начала 1989 г. В общественных местах по всей территории Армении были возведены памятники в честь Геворга Чауша (Арташат, Джермук, Вайк, Горис), Агбюра Сероба (Джермук, Горис), Андраника (Ереван, Гюмри, Капан, Горис и др. городах), Нжде (во многих городах и поселениях) и других военных деятелей прошлых лет.

Памятник-родник в городе Сисиан, посвященный погибшему командиру Арцахской войны О. Азояну. Памятник был установлен усилиями и на средства родственников командира.

В большинстве случаев инициаторами установки памятников в честь героев национально-освободительных движений выступали представители общественности разных городов Армении, но иногда за возведениями подобных памятников стояли местные авторитеты, лидеры криминальных группировок. Однако, все эти символические изменения в общественных местах городов не могли произойти без участия городских властей, представители которых участвовали на открытии этих монументов, де-факто давая им официальный статус.

В годы Арцахской войны, сразу после Спитакского землетрясения, родники стали основными компонентами памятников посвященных жертвам войны. Первые памятники-родники на территории Армении появились еще в годы советской власти — их начала устанавливать в послевоенное время память о героях, павших за советскую власть и в Великой Отечественной Войне (Саргсян, 1967: 107). Памятники-родники, возведенные после 1988 г. в память жертв Спитакского землетрясения и войны имеют определенные элементы и атрибуты могильных памятников (например, мраморные плиты). Впоследствии мы наблюдаем появление памятников-родников, посвященных пользующимся особым авторитетом и уважением в местной среде людям, а порой и рядовым гражданам, главным образом, погибшим вследствие несчастного случая в юношеском или молодом возрасте. На последних обычно выведены только имена (без фамилий), а иногда и прозвища погибших, под которыми они были известны в своих узких кругах. Данный элемент свойственен и памятникам-родникам, возведенным в честь героев Арцахской войны: на них, параллельно с именами и фамилиями, выведены и боевые прозвища погибших военнослужащих, также ставшие частью общественной памяти.

Памятники-родники местным авторитетным личностям и отдельным рядовым гражданам, главным образом, устанавливались усилиями и на средства родственников или друзей погибших во дворах, а иногда и на улицах вблизи мест их проживания при жизни. Установка памятников-родников по сей день, по сути, остается бесконтрольной и за последние 20 лет приобрела еще более широкий масштаб. Памятники-родники продолжают активно устанавливать в разных городах Армении, причем теперь уже не только во дворах, но и на главных улицах и даже на центральных площадях городов (например, в Гюмри) (Маргарян 2010: 51).

С конца 1990-х годов монументальная политика Армении перешла под контроль городских властей, которые, в статусе доминантного субъекта установления памятников в постсоветской Армении, начали контролировать осуществляемые изменения в городских символических ландшафтах. Как уже отмечалось, памятники-родники это никак не затронуло. Более того, в 2016 г. возникла новая волна их установки по инициативе общественности. Связан этот процесс с усилиями по увековечиванию памяти жертв *Апрельской*, или *Четырехдневной войны* — новой эскалации Карабахского конфликта, начавшейся 2 апреля 2016 года. В результате четырехдневных столкновений с армянской стороны погибли около 110 военнослужащих. Мемориалы в память о жертвах *Четырехдневной войны* устанавливались благодаря усилиям родственников жертв и соседских общин. С целью ввести памятники в общественное пространство и сделать имена погибших частью коллективной памяти, мемориалы возводились не на территориях кладбищ и пантеонов, а в общественных местах и во дворах многих городов и сел Армении.

Таким образом, активная деятельность армянской общественности по возведению памятников в городах Армении без санкций официальных властей, типичная для последних лет существования СССР и раннего периода независимости республики, осталась позади, монументальная политика в целом перешла под контроль городских властей. Однако, *Апрельская война* 2016 г. показала, что в определенных условиях армянская общественность готова снова взять инициативу по установке памятников в свои руки.

Памятник-родник в городе Спитяке в память об участнике Апрельской войны, установлен силами родственников погибшего

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамян Л. (2003), «Борьба с памятниками и памятью в постсоветском пространстве (на примере Армении)», *Acta Slavica Iaponica*, т. XX: 25–49.
- Арутюнян В. (1957), «Ленинская монументальная пропаганда в Армении», *Вестник АН АССР*, №4: 47-54 (на арм. яз.).
- Маргарян Н. (2010), *О вопросе памятников-источников, возведенных в общественных местах*, Гюмри (на арм. яз.).
- Саргсян С. (1956), «Скульптура Советской Армении в 1920-1930-е годы», *Историко-филологический журнал*, Ереван: 24-45 (на арм. яз.).
- Саргсян С. (1967), «Монументальная скульптура в Советской Армении», *Историко-филологический журнал*, № 2-3, Ереван: 95-108 (на арм. яз.).
- Харатян Г., Шагоян Г., Марутян А., Абрамян Л. (2015) *Сталинские репрессии в Армении: история, память, повседневность*, Ереван (на арм. яз.).
- Шагоян Г. (2011), «Мемориализация землетрясения в Гюмри», *Антропологический форум*, № 11: 328–369
- Abrahamian L. (2006), *Armenian Identity in a Changing World*. Costa Mesa, Mazda Publishers, Inc., CA.

ВООБРАЖАЕМОЕ РОДСТВО: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Виктория Аракелова

Институт востоковедения

Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван

A language may spread without appreciable population movement.
(Diakonoff 1990: 54)

Abstract

The paper is an attempt to analyse the issue of the imagined kinship. Inspired mainly by language affinity and occurring on different levels and under different historical-political circumstances, this phenomenon can become an essential part of a cultural discourse and even contribute to the creation of a new ideology.

Keywords: *Imagined Kinship, Indo-Europeans, Pan-Turkism, Ossets, Talyshis, Zazas, Yezidis, Iran, India*

Аннотация

В работе предпринята попытка анализа воображаемого родства. Навянный преимущественно языковым родством, но возникающий на разных уровнях в различных историко-политических обстоятельствах, данный феномен может стать частью некоего культурного дискурса и даже способствовать созданию новой идеологии.

Ключевые слова: *воображаемое родство, индоевропейцы, пантюркизм, осетины, талыши, заза, езиды, Иран, Индия*

Навянный, конечно же, “воображаемыми сообществами” (Imagined Communities) Бенедикта Андерсона (Anderson 1991), предлагаемый сложный термин “воображаемое родство”, так сказать, Imagined Kinship, призван определить феномен, возникающий как следствие ситуации, когда сугубо научное построение, основанное на общности или родстве отдельного признака или элемента – преимущественно языкового – неких сообществ, начинает восприниматься в данных сообществах как доказательство вполне реального генетического и/или культурного родства, что впоследствии становится фундаментом неких идеологий, а в некоторых случаях – серьезным политическим фактором.¹

¹ Конечно, Андерсон в своей известной работе говорит в целом о народе/нации (nation), который, по его мнению, является лишь воображаемым политическим сообществом. Термин “воображаемый” (imagined), изначально относившийся, прежде всего, к конструктивистской теории Андерсона о генезисе национализма, ныне получил более широкое хождение, обозначая как ассоциации людей, объединенных общностью интересов, так и социально-философские конструкты типа “воображаемых географий” Эдварда Саида (Said 1978), – скажем, “воображаемый Курдистан” (Asatrian 2009: 19-21). В нашем случае вполне релевантным могло бы быть и определение “иллюзорный”; мы, однако, отдаем предпочтение уже устоявшемуся термину “воображаемый”, тем более что воображаемые сообщества Андерсона, в конечном счете, основаны именно на имплицитно ощущаемом реальном или воображаемом родстве. Тут уместно привести забавный случай о том, как объективная историческая информация, прежде не известная соотносимо с ней сообществу,

В данном очерке в жанре *stray notes*, претендующем лишь на постановку вопроса с акцентированием некоторых знаковых тенденций в русле указанной тематики, мы коснемся нескольких показательных случаев, в которых воображаемое родство представлено на разных уровнях и является следствием различных процессов.

Доказанное на заре индоевропеистики, в начале 19-го века, родство целого ряда языков – от Индийского субконтинента до ирландских берегов Атлантики – породило ошибочное, но устойчивое клише о том, что говорящие на этих языках народы, так или иначе, родственны генетически. Эта, пусть и не явно артикулируемая, но надолго утвердившаяся идея существует доселе по умолчанию, несмотря на то, что предположить подобное родство между темнокожим индийцем и, скажем, “нордическим” норвежцем довольно сложно.

Упрощенное понимание связи между языком и происхождением ныне говорящего на нем народа, иллюзия детерминированности этой связи привели в свое время к возникновению, например, идеологии пантюркизма, или пантуранизма – как “закономерный” результат выявленной на основе сравнительно-исторического метода родственной связи между тюркскими языками. А позднее, когда выяснилось, что тюркские языки к тому же являются частью более крупной, алтайской языковой семьи, включающей также финно-угорские языки, возникло понятие и алтайской общности народов. Тут, конечно же, не следует путать алтайскую или индоевропейскую исторические общности, безусловно предполагавшие в отдаленном прошлом некие единые этноязыковые образования, постулируемые для определенных времени и территории, с ныне говорящими на алтайских или индоевропейских языках континуумами этносов. Заблуждения носителей идеи любого воображаемого родства, собственно, и являются результатом смешения двух упомянутых совершенно разных предметов и ошибочной убежденности в том, что говорящие сегодня на родственных языках народы некогда составляли единые общности – индоевропейскую, алтайскую, афразийскую и т.д. Благо, в случае с алтайской семьей до идеологии паналтаизма дело не дошло, хотя отголоском самой возможности появления таковой можно считать, скажем, особое отношение к пантюркизму и к тюркизму в целом в Венгрии – по крайней мере, в кругах интеллигенции, “посвященной” в теорию “алтайского единства”.

Ярким примером воображаемого родства, ставшего основой идеологемы “Один народ – два государства”, являются отношения между Азербайджанской

проникнув в среду, становится органичной частью преданий и даже неким культурным маркером самосознания народа. Когда в начале 50-х годов прошлого века советские ученые начали изучение ягнобцев, то в ходе полевых работ при сборе языкового материала они не раз говорили местным информантам, что те являются потомками древних согдийцев, а ягнобский язык представляет собой новосогдийский диалект. Каково же было удивление членов более поздних экспедиций, когда они услышали от рядовых ягнобцев уже оформленную этногенетическую легенду, обросшую за короткий срок массой новых деталей. Альберт Леонидович Хромов, один из первых советских исследователей ягнобцев, рассказывал, как кто-то из посетивших Ягноб исследователей с удивлением восклицал: “Представляете, а ведь ягнобцы знают, что согдийцы - их предки! Даже о Деваштиче (последний царь Согда) знают!”. Данный случай относится, скорее, к категории нейтрального влияния научного построения на внутригрупповой дискурс, ибо, по сути, тут нет ничего иллюзорного, а о политическом манипулировании данной научной информацией со стороны небольшого народа не может быть и речи.

Республикой и Турцией, государствами, чьи народы, по большому счету, ничего общего с тюркскостью, кроме языка, не имеют. Сравнительно незначительные по числу огузские племенные конфедерации в позднем средневековье распространили свой язык на территориях Малой Азии и юго-восточного Кавказа, а сами практически бесследно растворились среди населявших данные регионы многочисленных народов. Интересно, что сегодняшние политические течения, основанные на тюркской идее, в большинстве своем исходят именно от этих двух государств, между тем, как настоящие турки и по генетике и по языку – тюркоязычные народы от Казахстана до Туркмении, – скорее, безучастны к политическим увлечениям подобного рода, хотя большинство из них и входят в различного рода ассоциации тюркоязычных государств. В случае же с Азербайджанской Республикой и Турцией иллюзорность родства очевидна даже в недалекой исторической ретроспективе: вплоть до XX века, в особенности на фоне ирано-турецкого противостояния, для тюркоязычного населения южного и юго-западного Прикаспия турки-османы выступали фактически главными врагами и однозначно теми самыми “враждебными чужаками” (inimical others), на фоне которых изначально выстраивалась собственная, изначально подчеркнута нетюркская идентичность тюркоязычных, а если быть более корректным, подвергшихся языковой тюркизации народов (преимущественно иранских) указанного региона. Драматизм этого противостояния двух объединенных языковой общностью, но принципиально разных идентитетов, находит отражение даже в позднесредневековой европейской литографии (см. Асатрян 2012: 63-64). Однако всего одно столетие активной целенаправленной османизации сознания тюркоязычного сегмента населения Азербайджанской Республики – как раз уместный пример эффективного использования воображаемого родства в политических целях, увенчавшегося созданием устойчивого политического тандема Азербайджанской Республики и Турции.

Интересно наблюдать за развитием дискурса осетино-иранского воображаемого родства, проявляющегося в особом отношении к Ирану как к родственному государству среди осетин. В этом случае также именно язык выступает в качестве главного маркера воображаемого родства. Причем в собственно осетинской среде идея ирано-осетинского генетического родства довольно широко распространена на популярном уровне, что находит отражение в обсуждениях темы в соцсетях, блогах и т.д. Что касается Ирана, то и здесь можно говорить об особом отношении к осетинам, но с определенной ремаркой. В Иране присутствие идеи ирано-осетинского родства ощущается, скорее, в узких общественно-политических и интеллектуальных кругах исключительно как составляющая определенного культурного дискурса — на уровне теории о “братьях, живущих на Кавказе”, “носителях древнеиранской цивилизации”, якобы сохранивших вне Ирана больше иранского, чем какой-либо иной народ. Нет необходимости констатировать очевидный факт: осетинский язык и культура сохранили существенный архаичный пласт, действительно являющийся частью общеиранского наследия. Однако в рамках обсуждаемой темы речь идет о формировании новой общественно-политической парадигмы, во многом основанной на понятии воображаемого родства. Парадигмы,

впрочем, сугубо положительного свойства, в которой осетинам отведена роль “исторического кольца, связывающего Иран и Россию”.²

Очень показателен развивающийся процесс формирования основанного на воображаемом родстве условного альянса между талышами³ и народом заза.⁴ Последние – от 3 до 5 млн. человек – компактно населяют центральную часть нынешней Турции – провинцию Дерсим (ныне Тунджели) и окружающие ее территории. Заза (самоназвание *дымыли*) – потомки переселенцев из Дейлама, горной части нынешней иранской провинции Гилян на юге Каспия. Разумеется, между талышами, дейламитами (и, конечно, их потомками заза), гилянцами и мазендаранцами существует близкая этногенетическая и языковая связь. В частности, между талышским и языком заза (зазаки) существует множество эксклюзивных изоглоссов (см. Асатрян 1990; Накобян 2017); более того, есть определенный уровень взаимопонимания, допускающей взаимную беседу на собственных языках. Но существенно и другое: заза, как отдельный народ с уникальной культурой и специфической формой религиозного сознания,⁵ а, следовательно, и с особым идентитетом, сформировался в Центральной Анатолии. Причем культурные элементы анатолийского окружения заза – от местных пережитков пантеизма до армянского христианства и алевитско-бекташитского симбиоза – оказали существенное влияние на становление заза как народа-носителя особой культуры и, в конечном итоге, как этно-политического фактора (см., в частности, Asatrian/Gevorgian 1988; Arakelova 1999-2000; Arakelova/Grigorian 2011). Заза, прежде всего, – анатолийский феномен, а заза-алевиты – органичная и неотделимая часть полиэтнического и многоязычного, но все же во многом единого алевитского пространства, объединяющим стержнем которого сегодня выступает именно общая анатолийская культура как особый, безусловно, эклектичный, но заверченный в своей эклектике исторический продукт (Аракелова 2012-2013). И игнорировать эту доминирующую анатолийскую составляющую в феномене заза так же абсурдно, как и северокавказскую – в феномене осетин.

Очевидно, что талышско-зазийское сближение,⁶ пусть пока и на виртуальном уровне, возникло на фоне популяризации результатов новых научных изысканий, а именно – постулирования каспийско-атурпатаканского языкового союза, который предполагает тесный симбиоз предков носителей южнокаспийских и азарийских диалектов, а также гурани и зазаки в определенный исторический период. Стоит результатам научных исследований попасть – уже в доступном изложении и в приложении к общественно-политическому дискурсу – в медиа-пространство, как они подхватываются, начинают обрастать новыми деталями, фильтруются и становятся элементами общественного дискурса, а затем и политического сознания той или иной группы и далее – целых этнических сообществ (подобно тому, как это произошло с

² Мехди Санаи, “Осетины – историческое кольцо, связывающее Иран и Россию”, <https://sanaei.livejournal.com/26670.html>

³ О талышах см. подробно с обобщающей библиографией Асатрян 2011.

⁴ О народе заза см. подробно с библиографией Asatrian 1995.

⁵ Речь, прежде всего, о заза-алевитах, но в целом ремарку можно распространить и на заза-суннитов, учитывая шиитскую доминанту среди народов южного юго-западного Прикаспия.

⁶ См., например, “Талыши и народ заза”, программа *Национального телевидения Талышистана* от 03.11.2017, <https://www.youtube.com/watch?v=PIOFHjYyWhs>.

ягнобцами, узнавшими о своих согдийских предках – см. выше, примечание 1). Однако не исключено, что в случае с талышами и заза поиск родства – это еще и интуитивный поиск потенциального союзника, попытка выстраивания виртуального альянса между двумя отнюдь немалочисленными негосударственными народами, чье жизненное пространство расположено внутри этнически чужеродной и недоброжелательной среды.

Обращает на себя внимание еще одна относительно новая тенденция, получившая развитие буквально в последние несколько лет. Речь идет о возникшей в среде езидов Армении и распространившейся далеко за ее пределами идее культурного родства между езидами и последователями индуизма (в самом широком смысле данного термина). В равной степени лишенная как научной основы, так и какой-либо политической подоплеки, данная форма буквально иллюзорного родства возникла, по всей видимости, как результат поиска в езидской среде братьев по культуре. В случае с исповедующей уникальную религию закрытой этно-конфессиональной общностью это не просто сложно, но и практически невозможно. Езиды – именно тот случай, когда идентитет формировался по мере кристаллизации принципиально нового религиозного сознания (см. Guest 1987; Аракелова 2006), что, в общем-то, является предусловием формирования закрытой этно-конфессиональной группы с последующим возникновением вектора этничности (Arakelova 2010). Так что, пытаясь обозначить нишу езидизма на религиозной ли, этнической ли карте региона, мы можем поместить его лишь в некое условное недогматическое ближневосточное поле, в котором он обнаруживает некоторые параллели с другими столь же закрытыми и уникальными феноменами – например, некоторыми крайнешиитскими сектами и мандеями (Arakelova 2004; eadem 2015). И вот на этом фоне вдруг возникает идея воображаемого родства езидов с индусами. Идея эта была четко артикулирована, в частности, Азизом Тамояном (Азизе Амар), председателем Езидского национального союза Армении: “Езиды родом из древней Индии, точнее - из Бомбея.... Мировому сообществу необходимо пересмотреть исторические свидетельства о езидах...”⁷ Основой для воображаемого родства послужила “общность культуры и, прежде всего, религии”, в частности, наличие кастовости в обоих сообществах и знаковость фигуры павлина (главное божество езидизма – Малак-Тавус, букв. Ангел-Павлин, предстает в образе этой экзотической птицы – см. подробно Asatrian/Arakelova 2014: Ch.1). Идея езидско-индусского родства, судя по всему, в силу актуальности езидской проблемы на фоне войны на Ближнем Востоке, быстро приобрела международный дискурс. Вполне оформившаяся езидско-индусская “коалиция”, в группу активистов которой вошли езиды и индусы из разных стран, немало сделала для повышения осведомленности мирового сообщества о геноциде езидов в Шенгале в 2014 и прочих проблемах этого народа. Индийская община провела акцию в поддержку езидов в Вашингтоне. В Индии делегацию езидов неоднократно принимали общественно-политические и религиозные деятели, а езидские и индусские активисты совместно организовали сбор помощи езидским беженцам.⁸ Таким образом, иллюзорное родство выражается во вполне конкретном и качественно новом продукте общественного поля.

⁷ “Езиды, которые родом из Индии”, <http://nv.am/ezidy-kotorye-rodом-iz-indii/> (29.03.2012).

⁸ См., в частности, “Езидско-индусская коалиция набирает популярность”, <http://www.ezidipress.com/ru/2014/11/15/езидско-индусская-коалиция-набирает/> (15.12.2014).

Мы затронули принципиально разные ситуации, отличающиеся в плане нюансов, инициирующих возникновение феномена воображаемого родства в разных средах, а также в плане результатов данного процесса в разных исторических/политических контекстах.

Совершенно особняком стоит, безусловно, последний пример (воображаемого езидско-индусского родства): будучи по-своему показательным, он не только не выстроен на языковой общности,⁹ но и вообще лишен сколь-нибудь правдоподобного научного обоснования, и уже в силу этого его никак нельзя назвать типичным.

Главным посылом идеи воображаемого родства в абсолютном большинстве случаев все же выступает вполне реальная, научно обоснованная языковая общность. И именно в контексте последнего особую актуальность приобретают замечательные слова Игоря Михайловича Дьяконова, вынесенные нами в качестве эпиграфа к данной заметке. Так и хочется свести их к еще более жесткой формуле: языки мигрируют гораздо масштабнее, чем народы. Вдумчивому читателю она наглядно демонстрирует не только пути и способы распространения языков, но и неизбежность формирования принципиально новых идентитетов на новом культурном субстрате, для которых язык, оставаясь лишь одним из маркеров самосознания, если и обращает к идее родства с носителями генетически близких диалектов, то лишь воображаемого.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аракелова В. (2006), “К истории формирования езидской общины”, *Иран-намэ: Армянский востоковедческий журнал* 40: 63-66
- (2012-2013), “Алевиты Турции: шиитский андерграуд?”, *Иран-намэ: Армянский востоковедческий журнал* 44-45: 12-20
- Асатрян Г.С. (1990), “Еще раз о месте заза в системе иранских языков (Заметки по новоиранской диалектологии)”, *Patma-banasirakan handes*, 4: 154-163.
- (ред.) (2011), *Введение в историю и культуру талышского народа*, Ереван.
- (2012), *Этническая композиция Ирана*, Ереван.
- Anderson B. (1991), *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, London.
- Arakelova V. (1999-2000), “The Zaza People as a New Ethno-Political Factor in the Region”, *Iran and the Caucasus*, vol. 3-4: 397-408.
- (2004), “On the Yezidi Religious Syncretism”, *Iran and the Caucasus*, vol. 8.1: 19-28.
- (2010), “Ethno-religious Communities: To the Problem of Identity Markers”, *Iran and the Caucasus*, vol. 14.1: 1-19.
- (2015), “The Shibboleths of Heresies: On Some Essential Markers of the Near Eastern Non-Dogmatic Milieu”, *Studies on the Iranian World-II: Medieval and Modern* (Ed. A. Krasnowolska, R. Rusek-Kowalska), Krakow: 119-128.

⁹ Чему есть вполне конкретные причины: существование языковой общности езидов с курдами в принципе не могло послужить основой даже для воображаемого езидско-курдского альянса в силу особенностей езидского идентитета, основными маркерами которого являются так называемые отрицательные определения (*ex negativo* definitions) - не-мусульманскость и не-курдскость (см. подробно Arakelova 2010); отторжение этих двух сред, в общем-то, и сформировало в конечном итоге закрытую этно-конфессиональную группу.

- Arakelova V./Grigorian K. (2011), “The Halvori Vank’: An Armenian Monastery and Zaza Sanctuary”, *Iran and the Caucasus*, vol. 17.4: 383-390.
- Asatrian G. (1995), “Dim(i)lī”, *Encyclopædia Iranica*, VII/4, New York: 405-411, available online at <http://www.iranicaonline.org/articles/dimli> (accessed on 30 December 2012).
- (2009), “Prolegomena to the Study of the Kurds”, *Iran and the Caucasus*, vol. 13.1: 1-58.
- Asatrian G./Arakelova V. (2014), *The Religion of the Peacock Angel*, London.
- Asatrian G./Gevorgian N. (1988), “Zaza Miscellany. Notes on Some Religious Customs and Institutions,” *A Green Leaf. Papers in Honour of Prof. Jes P. Asmussen, Acta Iranica* 28, Leiden: 499-508.
- Diakonoff I. (1990), “Language Contacts in the Caucasus and the Near East”, *When Worlds Collide. Indo-Europeans and Pre-Indo-Europeans*, Linguistica Extranera, *Studia* 19, Ann Arbor.
- Said E. (1978), *Orientalism*, New-York.
- Hakobian G. (2017), “Lexical Similarities of Zazaki and Talishi”, Z. Arslan (ed.), *Zazaki – Yesterday, Today and Tomorrow. Survival and Standartization of a Threatened Language*, Graz: 33-55.
- Guest J. (1987), *The Yezidis: A Study in Survival*, New-York.

ТРАДИЦИОННОЕ (ОБЫЧНОЕ) ПРАВО В СРЕДНЕВЕКОВОМ ТИФЛИСЕ:
НА ОСНОВЕ ОПИСАНИЯ БОЖЬЕГО СУДА В «ИСТОРИИ ГРУЗИИ»

ПАРСАДАНА ГОРГИДЖАНИДЗЕ

Ерванд Маргарян

Институт гуманитарных наук

Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван

War is the sport of kings.

Abstract

Casual procedure was not common for the traditional societies of antiquity and the Middle Ages. The prosecuting party and the defendants, as a rule, built evidence on esoteric signs. The combative, emulative argument of the litigant parties was not a metaphorical, but a physical one. Formal logic was often ignored, because, from the point of view of an archetypically thinking person, it could not reveal a guilty one. The latter was supposed to be revealed by God's court, and, in order to give a verdict, it was only necessary "to read" the implicit evidence. A typical example of God's judgment is the description of the death duel of the Armenian and Georgian knights in the «History of Georgia» by Parsadan Gorgidzhanidze.

Keywords: *Ordeal, Mediaeval Tiflis, Royal Hunting, Hybrid Death of the Prince, Kura-Lethe*

Аннотация

Традиционные общества древности и Средневековья не знали каузального судопроизводства. Обвиняющая сторона и ответчики, как правило, строили доказательную базу на эзотерических знаках. Битвенный, агональный спор тяжущихся сторон носил не метафорический, а физический характер. Формальная логика нередко игнорировалась, поскольку, с точки зрения архетипически мыслящего человека, не могла выявить подлинно виновного — его выявлял Божий суд, где доказательством вины или отсутствия таковой выступали явления и предметы, несущие на себе отпечаток Высшей воли. Важно было лишь суметь "прочитать" неявные свидетельства и вынести на их основании верный вердикт. Характерным примером Божьего суда мы считаем описание смертельного поединка армянского и грузинского рыцарей в «Истории Грузии» Парсадана Горгиджанидзе.

Ключевые слова: *Ордалия, тайные знаки, средневековый Тифлис, царская охота, гибридная смерть царевича, Кура-Лета*

Как и в любом традиционном обществе, правосудие средневекового Тифлиса было основано на доэтических, а не на каузальных правовых понятиях. Средневековое общество было ещё далёко от основополагающих норм

современного права. Не было известно о презумпции невиновности, зато в суде широко практиковалась состязательность. Истец и ответчик затевали тяжбу (агон), в результате которой должны были выявиться правый и виноватый. Одной из характерных особенностей средневековой тяжбы была театральность, а также метафоричность слов и действий. Подобно древнегреческой трагедии, суд носил характер битвенного агона или ордалии. Причём особая роль в этом агоне отводилась судьям и зрителям, которые, подобно хору и зрителям античного театра, играли отнюдь не пассивную роль. Они прекрасно владели метафорической знаковой системой и могли расшифровать любую мифопоэтическую инвективу, заключённую во фразах и действиях тяжущихся. Современному, понятийно мыслящему интеллектуалу, отягчённому каузальной логикой и воспитанному в лучших традициях римского права, подчас недоступно образное, архетипическое, инвективное мышление средневекового человека. Однако то, что сегодня может вызвать недоумение или даже скептическую ухмылку, в иные времена будоражило страсти и определяло судьбы людей и народов. При этом, «...разрешающей» инстанцией не обязательно должен был быть формальный суд или облеченный специальными полномочиями судья; это могло быть и общее собрание племени, и вождь, и старейшины, мудрецы, и просто любой третий человек: сосед, первый встречный, способный "рассудить"» (Харитонов 1983: 1). «Клятвам, ритуалам, ордалиям и поединкам верили больше, чем каким-либо вещественным доказательствам и уликам» (Гуревич 1972: 159).

В этом отношении особенно показательны два фрагмента из «Истории Грузии» («Сакартвелос Цховреба») Парсадана Горгиджанидзе, где описывается особый вид судебной тяжбы в средневековом Тифлисе, известной под названием *Божий суд*. В них описываются события, относящиеся к годам правления царя Ростома. В первом фрагменте рассказывается о том, как Ростом-хан справедливо наказал своего вассала, предавшего его и перешедшего на сторону врага: *«Построили отряды, затрубили в трубы и царю доложили: „Нападём на противника неожиданно“. Царь счёл ниже своего достоинства такое нападение и так изволил сказать: „Грузины сражаются друг с другом, чтобы оправдать справедливый суд. Я тоже хочу сразиться со своим подданным ради справедливого суда, и, если я не прав перед ним, пусть победа будет на его стороне... Поэтому хочу я испытать божий суд, выяснить, кто из нас не прав»*» (Горгиджанидзе 1990: гл. 65). Характерно, что вершащий Божий суд Ростом-хан, подобно прокурору, произносит обвинительную речь, которая обставлена по всем правилам сценического искусства, что является характерной особенностью той эпохи. Вообще, архаичное докаузальное судопроизводство долгое время сохраняло «...обычай судебного красноречия и функции прокурора и адвоката. Ораторство является древнейшим жанром... Похоронные речи, похоронные 'славы' чрезвычайно архаичны... Логос-смерть и логос-жизнь единоборствуют

друг с другом; место агона – могила, судебное возвышение, сценические и храмовые высоты. Суд – первоначально загробный суд, но не правовой. Нужно всё время не упускать из виду, что античный 'суд' параллельно протекает в театре и при народных состязаниях (так называемых играх); суд правовой не больше как вариант загробного суда, получившего новую смысловую направленность, и недаром его основная функция – карать, присуждать "смерть" или «мзду» (в то время как сценический и игровой суд пошёл по линии присуждения «награды», победы, славы, то есть жизни) (Фрейденберг 1978: 162).

В том же произведении излагается ещё более интересная история о том, как вершился Божий суд. Горгиджанидзе повествует о том, как в годы правления того же царя Ростома грузинские князья, желая ослабить центральную власть и усилить свои позиции в Картли, сговорились извести царевича Луарсаба, наследника престола, которого бездетный царь Ростом усыновил и намеревался вскоре возвести на престол. Для этого тавады организовали заговор, и во время охоты царевич, подобно загнанному оленю, был подстрелен, представ перед нами как бы в роли гибриста античной драмы.¹ После того как царевич получил смертельную рану, «...охота расстроилась, и к царю послали гонца, сообщить ему о таком горестном случае... Царь бросил шапку оземь и стал бить себя по голове и плакать. Он присел к царевичу и стал его выпрашивать, с какой стороны попала в него пуля, и кто стоял на той стороне, и не знает ли он, чьё это было ружьё. Царь Ростом написал шаху об этом происшествии, но, так как в то время совершался поход на Кандахар, царь, чтобы не смущать народ, не стал расследовать это дело. Однако ввиду того, что Сиаош Бараташвили обвинил Байндур Туманишвили и сказал ему, что царевича убила пуля из его ружья — то их вывели на божий суд.

В это время Сиаоша Бараташвили и Байндур Туманишвили вывели на божий суд.

...В Грузии грузин много и за ними сила, а армян мало, и они слабы. О такого рода делах они и говорить не могут, не то что их совершить.² А грузины хотели,

¹ Подобно дичи, подстреленный на охоте, царевич Луарсаб в "Истории" Парсадана Горгиджанидзе, показан искупительной жертвой, затравленным травителем, фармаком. Охотничий азарт, раж, кратковременное торжество наследника престола неожиданно заканчиваются гибристической смертью наивного юноши.

² Явная симпатия Парсадана Горгиджанидзе к армянским мокалакам и плохо скрываемая неприязнь к грузинским тавадам объясняется его армянским происхождением. Автор «Истории Грузии» был родом из Гори, который в Средние века, впрочем, как и многие другие города Грузии, был исключительно армянским городом. Хотя в «Истории» нет на это прямых указаний, но, вероятнее всего, Парсадан, как и его брат, из сугубо карьерных соображений приняли ислам и занимали высокие должности в Грузии и Иране, пользуясь доверием мусульманских правителей. Этим

чтобы эта кровь пала на голову армян. Положение армян тем было плохо, что клятвами или уверениями этот вопрос не мог быть решён.³ Сиаош Бараташвили сказал, что в царевича стрелял Байндур Туманишвили. Тот отрицал это. Поэтому их заставили сразиться, и повелением бога правда выявилась.

Оба они, грузин Бараташвили и армянин Туманишвили, согласно своей вере отправили требы и подготовились к сражению. Царь и кызылбаши стали на сторону армян, а царица и грузины поддерживали Сиаоша. Царю доложили, что такие дела не решаются без меча. Царь и повелел: «Что полагается по их вероисповеданию, пусть выполнят и условятся о поединке. Ко времени поединка пусть приходят к нашему двору». Они выполнили приказ царя, исповедались и покаяться, причастились и раскаялись в совершении зла, просили и получили прощение у тех, перед которыми провинились, и кому были должны что-нибудь,

объясняется великолепная осведомлённость Горгиджанидзе относительно не только общеизвестных, но и тайных, закулисных, событий, придворных каверз и интриг той эпохи.

³ Вначале грузины пытались обставить гибель царевича как несчастный случай. Парсадан так описывает эти события: «Князья сказали царевичу Луарсабу: «Царь останется здесь пять или шесть дней. Вы можете переехать на другой берег и поохотиться в прибрежном лесу».

Царевич был молод, ему понравилось предложение и он отпросился у царя. Сначала царь не разрешал ему, и он еще раз просил его отпустить. Царь разрешил. Перебрались на другой берег, чтобы там поохотиться в лесу на оленей и кабанов... (далее идет описание охоты, Е.М.) В это время в царевича Луарсаба попала пуля из мушкета, и поднялся плач, и все били себя по голове...

Царевич так сказал царю: «Если я выздоровею, сам найду того, кто меня ранил, а если умру, то дай бог вам здоровья, как найдете лучшим, так и поступайте». Он прожил до следующей ночи, и когда умер, то во всех шалашах поднялся плач, и все били себя по голове. Те, которые радовались, еще громче плакали и сильнее били себя по голове, чтобы не догадались об их радости» (Горгиджанидзе 1990: § 82).

Но очевидно мало кто поверил в версию о том, что случайная пуля угодила именно в наследника престола. Все прекрасно понимали, что, стреляя в наследника, грузины метили в Ростом-хана — это был заговор против царя, которого грузинская знать хотела заменить на кого-нибудь из рода Орбелиани и Дадиани. Ростом в Тифлисе поддерживали армянские мокалаки и малочисленная армянская знать, и, само собой, тифлисские мусульмане (грузины и турки). Числом они превосходили грузинских князей и их челядинцев, но те, в свою очередь, имели большие дружины, состоявшие из дальних деревенских родичей и крепостных крестьян со всей Грузии — это был значительный ресурс.

Поняв, что никто не верит в версию о шальной пуле, грузинские феодалы прибегли к новой каверзе, на этот раз они решили убить одним выстрелом сразу двух оленей — отвести от себя подозрения и нанести удар по армянским мокалакам, которые превосходили грузинских князей если не знатностью, то богатством и вдобавок пользовались покровительством как грузинского, так и шахского двора. Ставка была сделана на лучшего бойца в грузинской армии, ему было поручено обвинить армян и в поединке посрамить их. В случае победы грузинского бойца, давно запланированное избиение армян в Исани, Сабортало, Ваке и других армянских кварталах было бы неизбежным. Богатые армянские кварталы с домами и имуществом навсегда перешли бы во владения грузинских феодалов.

вернули долги. Обошли свои церкви, внесли им пожертвования и по мере возможности раздали бедным и немощным.

В условленное время они приехали в город Тбилиси. Место для поединка им назначили на другом берегу Куры, против дворца, чтобы со всех сторон могли их видеть. Оба они одели на себя боевые доспехи, сели на коней и переправились на тот берег. Царь поставил шесть ясаулов на место боя. Ворота крепости заперли, чтобы ни туда не впускать, ни из неё не выпускать никого. Бараташвили и Туманишвили верхом стояли поодаль друг от друга.

С этого берега им закричали, что пора начинать бой. Первым поскакал на противника Сиаош. Он ударил его копьём, прорвал кольчугу и проткнул бок. Копьё сломалось, а наконечник его застрял в боку у Байндур. Теперь Байндур обратился на него и ударил Сиаоша копьём в бедро. Копьё сломалось и у него. Он отъехал от противника. Сиаош поскакал за ним, догнал и, ударив палицей, отступил. Теперь Байндур догнал его и ударил палицей, но так как рука у него была мокрая от собственной крови, то палица выскользнула у него из рук, и лошадь у него понесла. Сиаош же гнался за ним и бил палицей. Байндур схватился за саблю и взмахнул ею за собой. Удар пришёлся по носовой стрелке шлема Сиаоша и он тотчас упал с коня. Мусульмане и армяне стали громко кричать: «Аллах, Аллах».

Байндур бросился к упавшему, чтобы прикончить его, но ясаулы не допустили его. Всё же он успел убить его лошадь. По повелению царя, арестованного Сиаоша сдали в крепость, а Байндур, раненый, не снимая боевых доспехов, на своём коне переехал на этот берег и, поклонившись царю, доложил ему: «Это враги ваши хотели, чтобы мы сразились, и вот оба мы без вины, напрасно поранили друг друга». Сказав это, он поехал к себе домой, а царь послал ему лекаря и мумиё. С трудом вынули у него застрявший в теле наконечник копья. За два года еле зажила рана у Сиаоша. Ему грузины помогли выпутаться из беды. Его кольчугу и оружие царь отдал Байндур.⁴ Царевич же остался не отомщённым» (Горгиджанидзе 1990: гл. 82-83).

⁴ Это было частью древней традиции – оружие и доспехи побеждённого переходили в собственность победившего. Для того чтобы понять глубинный смысл этой архетипической истории, приведём выдержку из лекции XII О. М. Фрейденберг: «Человек, пришедший из другого поселения, считался „врагом“; однако, если он в рукопашной борьбе не был побеждён, он делался „другом“». Такой пример в «Илиаде», когда Диомед и Глаук, сойдясь лютыми врагами, без всякой иной мотивировки, кроме поединка вничью, расходятся близкими друзьями. Таково же происхождение многих древних „дружб“... Итак, в рукопашной происходит обмен тотемами, и «другой» из двух делается „другом“... „Пришелец“, „чужак“, получивший долю тотема, становится сам этим тотемом; он входил в данный тотемный коллектив на правах равного, и не только он сам, но и всякий, к кому переходила эта часть разломленного тотема» (Фрейденберг 1978: 65-66).

На первый взгляд, может показаться странным, что Сиаоша арестовали и заточили в зиндан,⁵ однако в представлении средневекового человека он, безусловно, был виновен и должен был понести наказание за то, что оклеветал невинного. Причём, в случае победы Сиаоша и поражения Баяндур гнев и кара грузинского войска обрушились бы не только на него самого, но и на всех тифлисских мокалаков, и даже мудрый и справедливый царь Ростом едва ли смог бы оградить армянских горожан от этой напасти.⁶ Ведь Баяндур потерпел бы поражение не в человеческой тяжбе, а в поединке-ордалии. В таких поединках, согласно архетипическому миропониманию, победителем выходит не сильнейший, а правый, тот, на чьей стороне Господь. Даже слабого Господь оборонит в поединке, а виновный, как бы ни был силен, получит по заслугам. Однако и сам Баяндур в миру не безгрешен, иначе вначале поединка не получил бы раны — не случайно из его окровавленных рук выскользнула палица. Но руки его были скользкими от собственной крови, а в пролитой крови царевича он был неповинен, потому и удостоился *славы* и *трофея*. Сиаош же за заведомую ложь и клевету был повержен и посрамлён.

По сути, Сиаош, лишённый *славы*-фарна и оставшийся без коня и оружия, с наконечником копья в бедре – типичный гибрист, обречённый вскоре из травителя превратиться в травимого (Фрейденберг 1978: 334-338). Причём в представлении средневековых людей каждый предмет и образ (конь, доспех,⁷ рана в бедре)⁸ в этом рассказе имеют свою знаковую семантику, которая без труда расшифровывалась современниками. Характерно, что поединок происходит по ту сторону Куры, которая, по сути, является водоразделом жизни и смерти, правого и левого (т. е. правды и кривды) (Աճառյաճի 1971: 245). Кура, речная вода, в мифопоэтическом сознании грузин и армян —эсхатологическая стихия. Мтквари (Кура) сродни Лете, разделяющей мир живых и мёртвых, упорядоченного и хаоса (Степанян 1991: 21, 27-28; Մարգարյան 2001: 110-117).

⁵ В архаическом сознании зиндан, каземат не просто тюрьма, это аналог могилы, загробного мира. Заточённый в темницу человек воспринимался архаическим сознанием не иначе как мёртвый, покойник (Фрейденберг 1978: 157-160).

⁶ Подобного рода рыцарские поединки между армянскими мокалаками и грузинскими князьями были допустимы, так как мокалаки первой степени по статусу были равны дворянам второй степени, т. е. азнаурам, но не тавадам. С тавадами они уравнились лишь в середине XIX в., в годы наместничества графа Воронцова, когда тавадов и азнауров объединили в единое сословие тавадазнауров.

⁷ В архаической мифопоэтике конь и доспехи являются воплощением славы – фарна.

⁸ И. С. Ключков в одном из редких пока исследований, описывая „переживание“ вещи древневосточным человеком, замечает, что «...мир вещей не был отделен от мира людей» [Ключков 1983: 50]. Это заставляет вспомнить кажущиеся на первый взгляд парадоксальными слова О. М. Фрейденберг [Фрейденберг 1983: 63] о том, что «вещь появилась у человека не в силу его потребностей». Точнее, не только, а иногда даже не столько в силу его потребностей.

Так или иначе, убийц царевича не стали искать, едва начатое расследование было прекращено, Парсадан дает понять, что Ростом-хан знал, кто организовал заговор, но поскольку после смерти наследника грузинский царь стал еще более уязвим, а убийцы были люди могущественные, вполне способные организовать смуту в государстве, дело замяли. Однако победа Баяндур, по сути, выявила подлинных виновных. Грузинские князья были вынуждены были затаиться, возможно, еще и потому, что из похода вернулся победоносный персидский шах – союзник и покровитель Ростом-хана.

Помимо сакрального характера описанных событий, характерной особенностью Божьего суда, вершимого на берегу Куры, является подчёркнутая театральность, которая была отличительной чертой любого судебного действия в архаическую эпоху. *«„Стороны“ в судебном процессе семантически совершенно соответствуют „актёрам“ и „жрецам“.* Они одеты торжественно, увенчаны, произносят свои монологические диалоги в том же словесном и действенном стиле, что и актёры, – не только говорят, но и играют. Зрители присутствуют в суде, как и в театре: они аплодируют или свистят, напоминая о том времени, когда „судьей“ был весь коллектив в целом, а не только один „царь“ или одно „народное собрание“, или один „присяжный“ и „судьи“. Известно, что средневековый суд, и особенно ордалии, судебные поединки, пытки и казни представляли собой народное зрелище. Трудно сказать, что такое римские послесудебные сценические мартирии, или гладиаторские игры, в которых гладиаторами являются преступники, – что это, зрелища или публичные казни?» (Фрейденберг 1978: 162).

В. В. Величко отмечал, что в XIX веке, с приходом русских в Тифлис, грузинам поневоле пришлось отказаться от традиционного права, так называемых неписаных законов, характерных для предыдущей эпохи. Вместо этого им пришлось руководствоваться правосудием, основанным на современном европейском каузальном праве, что, по его мнению, не характерно и противопоказано для грузинского народа. По этому поводу им было подмечено: *«Правовой формализм для народов, исторически приученных к скорому решению дел по существу; состязательный судебный процесс для людей, у которых есть в крови веками выработанная **спортивность**; передача главных жизненных вопросов из рук воинского класса, обладавшего в глазах туземного населения престижем недавних побед, – в руки духовно-мелкой кавказской бюрократии, среди которой и доселе непомерно велик процент отбросов; классическая система, с отказом от воспитательных задач, для детей племён воинственных, подвижных, **исторически не склонных к большим дозам сухого книжного знания**, страдающего очевидной **неприменимостью к жизни...**»* (Величко 2003: 29).

По поводу судебной процедуры в средневековой Грузии этнограф Николай Берзенов (Бердзенишвили) справедливо отмечал: *«Суд и расправа в те времена,*

как известно, производились чаще всего под открытым небом, и мы, кажется, безошибочно можем сказать, что для этой цели никакого нарочитого сооружения не требовалось; тем более что и самая судебная процедура отличалась патриархальностью, доходившею иногда до невероятной простоты» (Бакрадзе, Берзенов 1870: 83).⁹

В средневековом Тифлисе широко практиковалась также и другая форма Божьего суда – ордалия. Об этом повествует царевич Давид Багратиони: «Правление Грузии основано было на Законах Моисеевых и Греческих и на учреждениях, грузинскими царями введённых. Но уголовные преступления судимы были особенно по греческим уставам. Убийцы казнены были смертью; а за раны, кинжалом или саблею нанесённые, полагалось наказание по вымериванию ран, и получивший рану был удовлетворяем соразмерно тому, сколь велика была рана, что самое полагают принятым от древних германцев, ибо в древности существовал у них сей обычай. В сомнительных делах присуждали обвиняемого брать раскалённое железо, и не обжжённый рук признаваем был невинным... Так же для отыскания сомнительной истины употребляема была от суда и кипящая вода, в которую обвиняемый, положивши руку, если не обжжёт оную, то признавался правым, что употребляемо было также в Европе, как показывают Законы Салические» (Багратиони 1971: § 28).

«Главный суд производим был диванбегами, а в провинциях и сёлах избираемы были из дворянства и поселян годовые судьи, называемые на грузинском языке бче. Но у горских народов такие судьи назывались хевисбери, избираемые из отличных породю поселян, и они бывали также жрецами» (там же: §§ 1-62).

Ордалия особенно широко применялась в отношении женщин — обвинённых в неверности жён и ведьм (джаду), изобличённых в колдовстве. Таких в одежде, со связанными руками бросали с моста в Куру (не забудем, что в

9. Здесь же, совсем в духе шекспировского «Шейлока», приводится анекдотический случай из тифлисской судебной практики, демонстрирующей, кстати, не только бесправие тифлисских евреев, но и неравенство перед законом людей разного исповедания и национальности, и бессилие властей что-либо изменить в архаических способах суда и расправы: «Вот, кстати, один из эпизодов тогдашней судебной практики, рассказанной старожилом, который много видел, а еще много слышал на своем веку. Судьею является сам Георгий XII, царь, доброта и набожность которого вошли в пословицу, истцом – разносный торговец-еврей, а ответчиком – один из князей, лично известный царю по своему бойкому и шутливому характеру. Этот князь забрал у еврея товару на несколько десятков рублей и по заведенному с искони веков обычаю не хотел платить долга. Кредитор, улучив благоприятную минуту, бьёт челом царю на князя. Последнего требуют к ответу. – Почему не платишь еврею, батону чемо? (господин мой, – любимое выражение Георгия). – «А потому, что я грешник, болезнь твоя мне». – Так что ж из того? Грехи грехами, а долг надо платить. – «Вот этого то и не подобает, – болезнь твоя мне! Ведь сам знаешь, в писании сказано: «грешник берет займы и не платит, а праведник щедр и дает». Ты праведник; дай же еврею, чего он просит, если уж хочешь непременно его удовлетворить». Говорят, ввиду такого аргумента, царь добродушно улыбнулся и велел заплатить еврею из собственного кошелька...» (Бакрадзе, Берзенов 1870: 83-84).

средние века большинство женщин не умели плавать и испытывали мистический страх перед Курой). Считалось, что если женщина невиновна, то река её вынесет на берег, а виновную заберёт. Утопленников тифлисы считали грешными, ведь Господь не заберёт невинную душу. Существовало поверье, что души утопленников бродят по земле или остаются в реке, притягивая детей и психически слабых людей в омут. Интересное наблюдение приводится у царевича Давида: *«В память умерших грузины закалывают быков и баранов, а для утопших убивают козлов, ибо утопшие почитаются грешными. Должно полагать, что сей обычай принят от евреев, которые для очищения грехов закалывали козлов и баранов, а свинью ни при жертвоприношениях, ни при помиловании мёртвых грузины не употребляют и считают сие животное не чистым, хотя и едят онога мяса»* (там же: § 14).

Правда, существовали и другие способы наказания прелюбодеек. Царевич Давид повествует: *«Когда не находили средств к обузданию какой-либо распутной женщины, соблазнившей многих молодых людей, то сажали её на осла и водили по улицам города. Когда ж и от сего не исправлялась, то отрезывали нос»* (там же: § 27). Причём, согласно царевичу Давиду, наказание могла понести не только неверная жена, но и её совратитель, которого обманутый муж мог даже убить и не понести за это уголовной ответственности. Вместе с тем царевич Давид с возмущением отвергает измышления некоторых французских путешественников о том, что грузинские мужья безразличны к изменам своих жён и даже готовы простить обидчику за небольшую пеню: *«Что ж касается до равнодушия мужа в рассуждении прелюбодеяния жены своей – преступление весьма важное по всей Азии, то не только, чтоб муж соглашался на заглаждения прелюбодеяния жены своей за поросёнка, но даже убил соблазнителя жены своей, освобождался от наказания по гражданским законам, а подвергался только духовным, за что обыкновенно полагаема была епитимия»* (там же: §§ 1-62). Не вызывает сомнения, что подобные высказывания французских авторов, имеющие целью «добавить перчику» своим мемуарам, воспринимались современниками как бессовестные инсинуации, и высказанное по этому поводу возмущение царевича Давида может вызвать лишь сочувственное понимание.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Багратиони, Д. (1971), *История Грузии*. Перевод и комментарии А. А. Рогава, Тбилиси.
- Горгиджанидзе, П. (1990), *История Грузии*. Пер. Р. К. Кикнадзе, В. С. Путуридзе, Тбилиси.
- Бакрадзе, Д., Берзенов, Н. (1870), *Тифлис в историческом и этнографическом отношениях*, Санкт-Петербург.
- Величко, В. Л. (2003), *Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы*. Черная книга, Москва: ФЭРИ-В.
- Гуревич А. Я. (1972), *Категории средневековой культуры*, Москва.

- Клочков И. С. (1983), *Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время*. Москва.
- Степанян А. А. (1991), *Развитие исторической мысли в древней Армении. Миф. Рационализм. Историописание*, Ереван.
- Фрейденберг, О. М. (1978), *Миф и литература древности*, Москва.
- Харитонов М. А. (1983), *Суды и судьбы в мировом фольклоре. / Книга о судах и судьях*. Составление, вступительная статья, указатели и примечания М. С Харитонова. Легенды, сказки, басни и анекдоты разных веков и народов о спорах и тяжбах, о судах и судьях, о хитроумных расследованиях и удивительных приговорах. Издание 2-е, переработанное и дополненное, Москва.
- Աճառյան, Հ. (1971), *Հայերեն արձակատաղանքի բնույթը*, Խ. Ա, Երևան:
- Մարգարյան, Ե. Հ. (2001), *Դրվագներ հին հայոց հոգևոր մշակույթի պատմության*, Երևան:

ИЗ ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ АВАРЦЕВ-ГИДАТЛИНЦЕВ: СИНКРЕТИЗМ ТРАДИЦИОННЫХ ВЕРОВАНИЙ И ИСЛАМА¹

Руслан Сефербеков, Магомед Шехмагомедов

Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН, Махачкала

Abstract

This article is an attempt to reconstruct the traditional religious system of the Hydatlyans, a sub-ethnic groups of the Avars, based on their traditional calendar and family-household rituals, mythology, folklore, vocabulary and phraseology. The article also gives a brief historical outline of the formation of the Hydatlyans' Union of Free Societies and the history of their Islamization. It particularly analyses how the local pre-Islamic beliefs, interwoven into Islamic outlook, have shaped a syncretic tradition, which elements can be observed on different levels in the so called folk or everyday Islam.

Keywords: Dagestan, Avar-Hydatlyans, Folk Beliefs, Mythology, Folklore, Folk Pantheon, Demonology, Folk Islam

Аннотация

В статье на основе календарной и семейно-бытовой обрядности, мифологии, фольклора, лексики и фразеологии реконструируется традиционная религиозная система гидатлинцев – одной из субэтнических групп аварцев. В статье дан краткий исторический очерк образования Гидатлинского союза вольных обществ и история исламизации гидатлинцев. По мнению авторов, несмотря на многовековую традицию исповедания гидатлинцами ислама, отголоски прежних верований органически вплетены в традиционную духовную культуру этого этноса, образуя так называемый синкретический «традиционный» или «бытовой ислам».

Ключевые слова: Дагестан, аварцы-гидатлинцы, верования, мифология, фольклор, народный пантеон, демонология

Краткий исторический очерк. Гидатлинцы – одна из субэтнических групп аварцев. До вхождения Дагестана в состав России гидатлинцы входили в состав Гидатлинского союза вольных обществ. В своем историческом развитии этот союз входил в разные государственные образования. Как и другие народы Дагестана, аварцы входили в состав древней Кавказской Албании (Атаев 1959: 40-41). После распада этого государства образовался ряд новых политических образований, в числе которых был и

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного Отделением гуманитарных и общественных наук РФФИ научного проекта № 16-01-00038

Серир, возникновение которого исследователи относят к VI в. н.э. (Бейлис 1963: 250). Как считают исследователи, Серир занимал бассейн четырех рек Койсу, то есть территорию Нагорного Дагестана (Айтберов и др. 1986: 147). По мнению В.В. Бартольда, Серир соответствовал области, населенной аварскими народностями (Бартольд 1965: 410). В начале XII века царство Серир распалось, чему в немалой степени способствовало вторжение арабов в Дагестан (Атаев 1995: 75-76). На развалинах Серира возникло большое количество отдельных независимых союзов сельских обществ (История 2004: 197), в числе которых, возможно, был и Гидатлинский союз вольных обществ. До нашего времени дошли правовые нормы этого союза – «Гидатлинские адаты», составленные не позднее XVI в. (Гидатлинские адаты 1957).

Таким образом, первый этап истории образования этого союза сельских обществ был связан с распадом раннефеодального государственного образования Серир с одновременным выделением небольших удельных владений. Как считает Б.Г. Алиев, дальнейший этап развития Гидатлинского и других союзов сельских обществ был связан с упадком этих феодальных княжеств в результате ослабления опустошительных нашествий монголо-татар и войск Тимура, а также обострения классовых противоречий, приведший к выступлению усилившихся общин, уничтожению местных феодалов, реставрации общинных отношений и порядков. По его мнению, это стало причиной дальнейшего замедления социально-экономического развития союзов сельских обществ, образовавшихся не на базе родового строя, а более высокой общественной организации (Алиев 1999: 70).

Как указывает С.Х. Асиятилов, именно вслед за завоеваниями арабов появляются союзы сельских обществ и общинно-демократические формы правления. В результате этих завоеваний были разрушены раннефеодальные города предгорного Дагестана. На развалинах раннефеодальных государственных образований и городов образуются многочисленные поселения «родово-тухумного» типа. После образования мелких поселений, в которых усиливаются общинно-родовые тенденции, происходит формирование более устойчивых политических образований типа союза сел – «вольных обществ», что имело место в XII-XIII вв. Однако окончательное оформление «вольных обществ» произошло в XIV-XV вв. в связи с изменениями в экономической жизни – общинной собственностью на пастбищные угодья. Эти изменения сопровождалось уничтожением местных феодалов в Гидатле. Борьба с одним из них, по имени Олло, закончилась победой сельской общины (Асиятилов 1967: 7).

По данным исследователей, в XIV–XV вв. Гидатлинский союз был одним из наиболее сильных союзов вольных обществ Аварики (Алиев, Умаханов 2004: 199). Как считает Т.М. Айтберов, в XVIII – начале XIX в. Гидатль, «выйдя за древние племенные рамки, был крупным территориальным образованием Горного Дагестана. Это была горная зона, где функционировал общеварский язык (*бол мацл*) при сохранении племенных наречий» (Айтберов 2012: 21). Это мнение подтверждает и Б.Г. Алиев (Алиев 2006: 152-153). По сведениям Хрисанфа, в первой трети XIX в. в

Гидатль входило 19 сел, в которых было 3869 дымов. Центром союза было селение Урада, имевшее 200 дворов (Хрисанф 1958: 273). Главным административно-должностным лицом общины был выбираемый на народном сходе старшина. Нередко старшины являлись и военачальниками. По мнению ряда историков, в XVIII – первой половине XIX в. старшины по своему положению сравнялись со знатью и фактически превратились в особое сословие. Такими старшинами в с. Урада являлись Муртазали и Потберов (Алиев 2006: 297-298).

После присоединения Дагестана к России Гидатль вошел в состав Гунибского округа (Козубский 1902: с. 17). В первые годы советской власти в Дагестане сохранялось прежнее деление на округа (Казанбиев 1970: 348-349). Постановлением 4-й сессии ДагЦИК 22 ноября 1928г. из части территории бывших Аварского, Андийского и Гунибского округов был образован Кахибский кантон с центром в с. Урада, в которое вошли 47 поселений с 17.952 жителями. По новому районированию 1929 г. был образован Кахибский район ДССР (Районированный 1930: 38-39). 26 сентября 1932 г. районный центр из с. Урада был перенесен в с. Кахиб. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 сентября 1960 г. район был переименован в Советский с переносом районного центра во вновь образованный населённый пункт Советское. В 1994 году Указом Президиума Верховного Совета Республики Дагестан район переименован в Шамильский, а село Советское – в Хебда (Муниципалитеты 2015).

Исламизация Гидатля. Как и другие аварцы и дагестанцы, до принятия ислама гидатлинцы исповедовали язычество (Булатов 1990; он же 2004; Гаджиев 1991; Сефербеков-1 2009) и христианство (Атаев 1958: 161–182; Хапизов 2015: 36-45; Шихсаидов 1957: 54-76). По эпиграфическим данным, распространение ислама среди гидатлинцев связано с деятельностью миссионера, шейха Хаджи-Удурата из с. Чолода (Хапизов, Шехмагомедов 2016: 116-117). В соответствии с этими сведениями, гидатлинцы приняли мусульманскую религию в 880 г.х. или 1475-1476 гг. (Шихсаидов 1969: 208-209). Согласно сохранившейся легенде, процесс исламизации занял около 15 лет. За свою миссионерскую деятельность Хаджи-Удурат был убит братьями своей жены, которые так и не приняли ислам. По совету своей сестры, они подкараулили шейха на рассвете во время купания в бассейне для омовения у родника, известного как «Удуратил чал» («родник с бассейном Удурата») (Хапизов, Шехмагомедов 2015: 270).

Итак, по эпиграфическим и фольклорным данным, исламизация гидатлинцев завершилась к концу XV в.

Сходные процессы, связанные с исламизацией, происходили и в других частях Аварии (Хапизов, Шехмагомедов 2017: 70-81; Хапизов 2017: 22-31; Шехмагомедов и др. 2017: 32-35).

Несмотря на идеологический пресс и негативное отношение советской власти к мусульманской религии, ислам наложил большой отпечаток на культуру и быт гидатлинцев: в их среде довольно много верующих и совершивших хадж, шейхов и

алимов, обучающейся в религиозных учебных заведениях молодежи; действует множество мечетей, сохранились *зияраты* и другие культовые сооружения; они консервативны в ношении традиционной, особенно женской одежды и т.д.

Зияраты Гидатля. Исходя из нашего полевого материала и литературных источников, приведем некоторые из гидатлинских *зияратов*.

Наиболее ранним из сохранившихся мусульманских культовых сооружений, следует назвать *зиярат* уже упоминавшегося шейха Удурата. Он расположен на территории разрушенного поселения Чолода. Вблизи этого *зиярата* ежегодно на коллективные моления и обряда *зикр* собираются жители всего Гидатля.

В с. Мачада находится *зиярат* одного из первых тарикатских шейхов Дагестана – Магомед-шейха. В этом же селении находится *зиярат* Хадис-шейха (ум. в 1770 г.). Он – современник Ибрагима-хаджи Урадинского. Был идейным вдохновителем разгрома войск Надир-шаха.

В с. Урада находится *зиярат* одного из мюридов и наибов имама Шамиля – Муртузали (ум. в 1875 г.), который после окончания Кавказской войны был шариатским судьей в Темир-Хан-Шуре.

В с. Урада находится также *зиярат* Ибрагим-хаджи Урадинского (умер в 1771 г.), сыгравшего значительную роль в научной и общественно-политической жизни Дагестана конца XVII – XVIII в. Научная биография этого *алима* и его ближайших родственников приведена Т.М. Айтберовым (Айтберов 2012).

В с. Тидиб находится *зиярат* Ибрагим-Халила Мухаммада (он же – Хафиз-Аппанди) (1895-1985 гг.).

В с. Тлях находится *зиярат* Хамзат-аппанди (ум. в 1977 г.). Уже в наши дни в честь этого шейха в с. Тлях предприниматель и меценат Хочбар Газимагомедов из с. Гента построил мечеть.

Сведения о других шейхах Гидатля приводятся и другими авторами. Например, Б. Аджаматов приводит данные о Меселасул Мухаммад-афанди (1909-1987 гг.) из с. Хучада (Аджаматов 2005: 196).

Следует отметить, что, несмотря на более чем пятисотлетнее исповедание ислама, а ранее – в IX-XIV вв. и христианства, в культуре и быту гидатлинцев сохранилось немало реликтов язычества, о чем свидетельствуют календарные и аграрные праздники, обряды и обычаи, некоторые поверья, жанры фольклора, определенная лексика и фразеология.

Обряд «связать пасть волку». Одним из бытующих до нашего времени древних ритуалов гидатлинцев является обряд «бацIил кIал бухъизе» («связать пасть волку»). Его проводят в том случае, когда вечером домой с пастбища не возвращалась домашняя скотина и была опасность, что ночью ее могут задрать волки. В таких случаях хозяева домашних животных обращались к особым людям, которые проводили магический обряд по связыванию пасти волка. В с. Тидиб в прошлом «связывал пасть волку» житель этого селения, *алим* Ахбердило (ум. в 1961 г.). В с.

Гента этот обряд до сих пор проводит сельский *дибир* Гитинамагомед Хандаев. В с. Мачада этот обряд так же проводит сельский *дибир* Магомед Гусейнов. Читая про себя определенный *аят* из Корана, он завязывает 9 узелков на веревке. После того, как скот утром находили невредимым, узелки развязывали, так как «в противном случае волк может умереть с голоду, а это – грех». Этот обряд бытует и в других гидатлинских селах.

Олицетворяемые небо, небесные светила и атмосферные явления. Персонифицируемые небо, солнце и луна. В прошлом аварцы обожествляли природу, почитали ее объекты. У них существовал культ неба, небесных светил и атмосферных явлений, многие из которых персонифицировались. Подтверждением этого являются сохранившиеся у гидатлинцев клятвы и проклятия, связанные с небом («зоб»), солнцем («бакъ»), луной («моцI»), громом («зоб гъугъай») и молнией («пири»): «Зоб хIарамлъиги!» («Да будет (мне) небо запретным!»), «Бакъ хIарамлъиги!» («Да будет (мне) солнце запретным!»), «Бакъ дида чIвале къотIи батогоги!» («Да не коснется меня солнце!»), «Бакъул канлъи бехъогоги!» («Да не увидишь ты солнечный свет!»), «Зоб гъугъайги дуда!» («Да прогремит над тобой небо!»), «Пири шваги дуда!» («Да поразит тебя молния!»). Непослушное и доставляющее много хлопот в стаде животное проклинали следующими словами: «Аллагъас мун пири речIчIемо чIваяб!» («Чтобы *Аллах* тебя убил ударом молнии!»). При первом весеннем громе рекомендовалось потереться спиной об угол дома или дерево – «чтоб спина не болела».

В мифологических представлениях гидатлинцев солнце («бакъ») представлялось в образе девушки, а луна («моцI») – юноши. Девичью красу сравнивали с солнцем, а мужскую – с луной: «БакъикIваде – яс, моцIкIваде – вас» («Солнцеподобная девушка, луноподобный юноша»), – говорят гидатлинцы.

Существовали приметы, основанные на сновидениях: если приснится солнце или луна – к добру (с. Мачада, Тидиб), если приснится солнце – к переменам, а если луна – мечты сбудутся (с. Тидиб), если приснится солнце – родится девочка, а если луна – сын.

Затмение солнца предрекало войны и прочие общественные и природные катаклизмы. При заходе солнца говорили, что «солнце домой зашло», «солнце в гости к матери зашло».

Итак, как это видно, солнце и луна олицетворялись в образе девушки и юноши, у которых есть дом и мать.

С небом, солнцем и луной была связана и определенная табуация: стрелять в них нельзя – это грех. Можно было стрелять в небо лишь в крайних случаях, например, оповещая односельчан о рождении сына или при пожаре.

По существующим в народе поверьям, пятна на луне появились после того, как Каин убил Авеля («Къабилид Гъабил чIвараб мехаль») (с. Урада).

Если какой-либо человек совершал поступок, которого от него не ожидали, то говорили: «Бакъ чВанараб бакIих гIуж чIвай!» («Поставьте отметину туда, куда не доходят лучи солнца!»).

Персонализируемые гром и молния. Как полагали гидатлинцы, молния чаще всего попадает в «то место, в котором находится железо» («махх бугаб бакI»). Они считали, что молния поражает грешников, которых таким образом Всевышний наказывает за их грехи. Пораженного молнией человека можно было спасти, если сразу же после грозового разряда закопать его в землю.

Персонализируемая радуга. Радуга у гидатлинцев называется *Нуральул хIуби* («Радужный столб»). Ее представляли в виде моста, с которым человек связывал осуществление своих желаний (с. Мачада). Как полагали в с. Урада, в радуге четыре цвета – красный («багIараб»), зеленый («гIуршинаб»), желтый («мачIаб»), синий («хъехIелаб»). В с. Тидиб считали, что в ней имеются все цвета кроме белого и черного. Радугу считали «милостью Аллаха» («Аллагъасул цIоб») (с. Тидиб).

При появлении радуги дети напевали песенку:

«Нуральул хIуби,
хIежалгъул миxъи,
де – ажан!».
«Радужный столб,
голубь хаджа,
мне – рай!».

По поверьям, под концами радуги находятся золотые ножницы («меседил кIвекъмахх») (повсеместно), ожерелье («маххал»), золото («месед»), серебро («Гарас»), драгоценности («хазина») (с. Урада).

С радугой были связаны многочисленные приметы: появление радуги – к ясной погоде, частое появление радуги – к дождливому лету, если один конец радуги находился в реке – к дождю. Если радуга появлялась в момент рождения чьего-либо ребенка, то у него сложится счастливая жизнь. Если она появлялась в момент чьей-либо смерти, значит, он был хорошим человеком и попадет в рай.

Ворования, связанные с радугой, имелись и у других народов Дагестана (Сефербеков 2006: 71-76).

«Мать ветра»

Персонализировали гидатлинцы в образе «Матери ветров» и ветер. Так, во время сильного ветра играющих на улице детей запугивали следующими словами: «Гьорол эбел *Гингуле* егъина, лъута!» («Мать ветра» *Гингуле* идет, бегите!») (с. Урада), «Гьорол эбел *Ингуле* егъина, нуж цадахъ рачина» («Придет «Мать ветра» *Ингуле* и заберет вас») (с. Тидиб).

Итак, как это видно, формулы запугивания детей донесли до нас имя «Матери ветров» у гидатлинцев – *Гингуле* // *Ингуле*.

Была и другая формула запугивания: «Гьорол чо бегьина мун хамле» («Прискачет ветряная лошадь тебя похитить») (с. Урада). «Ветряной лошастью» («гьорол чо») гидатлинцы называют и детскую игрушку типа вертушки, а также болтунов и лгунов.

Аналогичные мифологические представления имелись и у других народов Дагестана. Так, лакцы «хозяйку ветров» представляли в виде антропоморфного существа *Чассажи*. Ее образ сохранился в сказочном эпосе. По представлениям лакцев, *Чассажи* была старой женщиной с длинными растрепанными волосами, обитающей в уединенном безлюдном месте в собственном доме (Халидова 1984: 80). Интересно отметить, что лакцы называли ветер «боевым конем *Чассажи*» (Халилов 1984: 103).

Некоторые верования гидатлинцев были связаны с сильным ветром. Во время сильного ветра женщины как бы в шутку говорили детям: «Энге, Гьорол эбелалгьул гордо кьай!» («Иди и закрой окно «Матери ветров»!») (с. Мачада, Тидиб), из чего, в соответствии с антропатическими верованиями гидатлинцев, следует, что она имела дом, из окон которого дул ветер. В с. Тлях при сильном ветре говорили: «Найти бы ветряной вход («гьорол кIалтIу») и закрыть его». В с. Урада имелось представление о «ветряном рте» («гьорол кIал»).

Существовала примета, что «вслед за сильными ветрами обязательно пойдут дожди» («гьорол кIалдибе цIад бана») (с. Урада).

При сильном ветре (и других стихийных бедствиях), обращаясь к Всевышнему, женщины заклинали: «Я, *Аллагь*, балагьаллгьул рощоге!» («О, *Аллах*, убереги нас от бед!») и приговаривали: «Балагьалдаса цIунаги! Гьури гIодоб буссун аги!» («Сохрани (нас) от бед! Ветер, стихни!»).

Несмотря на наносимый жилищу и хозяйству сильным ветром ущерб (сорвал крышу сарая, повали стог сена), его не ругали и не проклинали, боясь гнева Всевышнего.

Итак, мифология, фольклор, лексика и фразеология гидатлинцев сохранили представления о «Матери ветров» *Гингуле // Ингуле*, «ветряной лошади», «ветряном окне», «ветряном входе» и «ветряном рте».

Будулаал

Как и у других аварцев (Сефербеков, Алигаджиева 2007: 366), у гидатлинцев бытуют представления о *Будулаал* – мифологических персонажах, покровительствующим диким животным и охоте. В обряде вызывания дождя их считали посредниками между людьми и *Аллахом* (с. Гента). Они были антропоморфны, ходили в белом. В с. Урада считали, что по внешнему облику они подобны людям и бывают мужского и женского пола. В с. Гента полагали, что *Будулаал* – только мужского пола. В с. Мачада верили, что своим видом они напоминают ангелов («малаикал») и подчиняются только *Аллаху*. В с. Гента считали их рабами *Аллаха*.

Обитали *Будулаал* высоко в горах, «в чистых местах». Одно из таких мест – покрытая снегом и льдом вершина горы «Льамилазья-мегIер», на которой будто бы

расположена их мечеть – «*Будулазул мажгит*». Говорят, что на вершине этой горы, на льду и снегу видели следы их босых ног.

Считается, что *Будулаал* добродетельны животным и людям. Верующим («муьминал») и тем, кто часто поминает *Аллаха*, *Будулаал* помогают во всем, а в затруднительных ситуациях – буквально «ведут за руку» («квер хьумо вачина») (с. Мачада). Сбившемся с пути в горах или в лесу путнику они помогают найти дорогу. Стоило им только крикнуть: «Я, гИбадаЛлагь!» («Эй, рабы *Аллаха*!»), как *Будулаал* тут же появлялись в облике людей и выводили их на дорогу (с. Тидиб). Говорят, что *Будулаал* помогали хозяевам находить потерявшуюся в горах домашнюю скотину (с. Тлях).

Впрочем, в случае какой-нибудь беды в горах гидатлинцы, помимо *Будулаал*, обращались и к мусульманским святым. Когда была опасность падения человека или животного в пропасть, произносили: «Я, Хизри! Я, Ильяс!» (О, Хизри! О, Ильяс!) и эти мусульманские святые (Пиотровский-1 1994: 506; Пиотровский-2 1994: 576) будто бы внезапно появлялись и оказывали помощь попавшим в беду (с. Мачада).

По поверьям, *Будулаал* невидимы для обычных людей и видимы для отдельных избранных, «чистых» людей, праведников. Таковым, например, считали Магомеда Хайбулаева (ум. в 1990-х гг.) из с. Тидиб. По его рассказам, *Будулаал* обитают на горе «Зобиа», вершина которой заснежена и покрыта льдами. Летом при таянии этих снегов и льдов образовывалась речка «Комода». Как утверждал Магомед Хайбулаев, *Будулаал* купаются в этой речке и тем, кто хотел получить их благодать, он всем советовал пить ее воду. Умер Магомед неожиданно, когда пас овец на хуторе недалеко от с. Тидиб. Говорят, что когда несли его тело в селение, люди слышали голоса *Будулаал*, произносящих нараспев имя *Аллаха*, как это происходит во время обряда «зикр».

К ним же обращались и в тех случаях, когда был необходим дождь в засушливую погоду (с. Гента). В с. Мачада вплоть до 20-х гг. XX в. женщины во время засухи ходили босиком на вершину горы «Льамилазья-меГер». Путь туда был неблизким и занимал половину дня. Возбравшись на вершину этой горы, они совершали обряд «зикр» в «мечети *Будулаал*», после чего будто бы обязательно шел дождь.

По народным поверьям, *Будулаал* – хозяева диких животных. Олени и туры – это «скот *Будулаал*» («*Будулаъбизул боЦи*»). Они следят за тем, чтобы охотники не убивали диких животных сверх меры, а нарушителей этого правила наказывают, насылая на них лавины и камнепады.

Особенно почитали в народе туров, которых старались не убивать без особой необходимости. Бытовала примета, что, если убьешь тура, то это – к несчастью. Говорят, что несколько лет назад один юноша из с. Тидиб пошел охотиться на туров. Во время охоты к нему неожиданно подбежал тур, ударил своими рогами и сбросил в пропасть, в результате чего юноша погиб.

При острой необходимости охотнику разрешалось убить тура, но разделявая его тушу и употребляя в пищу мясо, нельзя было ломать кости. Их нужно было

оставлять целыми, так как, по существующим представлениям, *Будулаал* собирают эти кости в шкуру убитого животного, а затем оживляют его. Считалось, что охотник убивает то животное, мясо которого, не повредив костей, уже отведали, а затем оживили *Будулаал*.

Сохранились былички о пребывании в гостях у *Будулаал* путников и охотников. Рассказывают, что одного заблудившегося в горах путника они будто бы пригласили к себе в гости. Угостив гостя мясом дикой козы, *Будулаал* собрали все кости, положили их в шкуру, а затем оживили животное. Во время очередной трапезы гость незаметно спрятал кость ноги убитого животного. Как и раньше *Будулаал* собрали все кости, но обнаружив отсутствие одной из них, заменили ее веткой дерева. После того как козу оживили, она хромая побежала в горы (с. Гента).

Однажды два охотника ночью наткнулись в горах на людей, сидевших у костра и варивших в казане мясо оленя. Это были *Будулаал*. Они пригласили охотников к огню и угостили олениной, предупредив, чтобы те не ломали костей. В ходе трапезы один из охотников припрятал ребро оленя. *Будулаал* собрали все кости в шкуру, а вместо не хватающего ребра вставили деревянное. Оживший олень убежал в горы. Проснувшись утром, охотники никого не обнаружили у костра. Отправившись затем на охоту, они подстрелили оленя. Каково же было их удивление, когда разделывая тушу, они обнаружили деревянное ребро (с. Тлях).

Патроны диких животных и охоты, аналогичные *Будулаал*, имелись в верованиях и других народов Дагестана (*Seferbekov* 2012: 301-307).

Говорят, что в прошлом у гидатлинцев бытовал обычай *азарбешей* («отпустить тысячного»), согласно которому владельцы скота отпускали на волю каждого тысячного барана из отары в качестве дара *Будулаал* (с. Урада). Однажды поймали такого одичавшего барана и зарезали его. При разделке туши обнаружилось, что у барана три деревянных ребра, что приписали действиям *Будулаал* (с. Гента). Приведенная информация может свидетельствовать и о том, что наряду с патронажем диких животных, *Будулаал* покровительствовали и домашнему скоту.

Наряду с функциями посредников между *Аллахом* и людьми в обряде вызывания дождя и патронажа диким животным и охоте, *Будулаал* были одновременно и демонами-антагонистами беременных. По поверьям, в ночное время они крали четырехмесячный плод из утробы у отдельных богобоязненных и благонравных женщин, оставляя при этом на подоконнике одну (с. Урада), две (с. Тидиб) или несколько капелек крови (сс. Тидиб, Мачада, Гента) или же кровавый отпечаток детской ноги (с. Гента). Женщина обнаруживала отсутствие плода только утром. Боли при этом она не чувствовала.

То обстоятельство, что капельки крови находили на подоконнике, свидетельствует о том, что в данном случае окно являлось модусом, через которое *Будулаал* проникали в жилище. Подоконник здесь выполнял ту же функцию границы миров, что и порог жилища.

В с. Урада считали, что женщина, у которой украли плод, в дальнейшем сможет иметь других детей, а в с. Гента, наоборот, – что беременностей у нее больше

не будет. В с. Тидиб имелась примета, что, если капельки крови обнаружены за пределами жилища (неосвоенное человеком пространство), то детей у женщины больше не будет. В с. Мачада верили, что *Будулаал* крадут плод только мужского пола.

Украденный плод они будто бы уносили на вершину обитаемой ими горы, где он со временем превращался в *Будулаал*. В каждом селении бытуют рассказы о женщинах, у которых *Будулаал* похитили плод. Например, в с. Тидиб еще в 60-х гг. XX в. они будто бы украли плод у Патимат Хадовой. Бытует мнение, что такие женщины после смерти попадают в рай.

Аналогичные персонажи имелись в мифологических представлениях других аварцев (Алигаджиева 2012: 36-37) и дагестанцев (Абдинова 2010: 67-98; Мусаева 2006; Мусаева 2007: 29-54).

Таким образом, можно отметить полифункциональность и амбивалентность исламизированных мифологических персонажей *Будулаал*, которые в обрядах вызывания дождя были медиаторами между Всевышним и людьми, покровительствовали диким животным и охоте, а также являлись антагонистами беременных.

Обряды вызывания дождя и солнца. Персонификацией божества дождя у гидатлинцев был ряженный – *ццудул хлама* («дождевой осел»). В этой роли выступала девушка – единственная дочь родителей. Ее рядили в стебли травы и кустарника «хьон». В с. Гента в сопровождении других жителей села во главе с муллой она шла к «Темному озеру» («БесхIор») в местности «Бурухинда». Здесь устраивался обряд «зикр» («помянуть *Аллаха*»). Женщины водили ряженую вокруг озера, обливали ее водой, напевая при этом песенку следующего содержания:

Дур ццобгимо цIад кье, *Аллагь!*

Дур ццобгимо рахIмат кье, *Аллагь!*

Хер кьеамо кьагIрал руго!

Кьех кьеамо льымал руго!

Твоей милостью и дождь дай, *Аллах!*

Твоей милостью и благодати дай, *Аллах!*

Ягнята просят травы!

Дети просят толокна!

В завершении обряда в качестве жертвоприношения *Аллаху* резали черного барана, кровь которого должна была стечь в озеро. Здесь же варили ритуальное блюдо «гьи» – варево из смеси злаковых и бобовых культур, которым угощались все участники обряда. По поверью, как только пар от «гьи» дойдет до небес, сразу же пойдет дождь.

В с. Мачада аналогичный обряд проводили у «Озера на озере» («ХIорьахIор») с той лишь разницей, что вместо одной ряженной в обряде участвовало несколько девушек-ряженных.

В с. Урада этот обряд проводили на вершине горы «Ракдаа». В конце обряда резали барашка, кровь которого должна была стечь в расщелину этой горы.

Резали черного барашка при засухе и в с. Тидиб. Чаще всего для вызывания дождя женщины с хуторов этого селения отправлялись на вершину горы «Зобиа». На вершине этой горы находилось полукруглое каменное сооружение без крыши, внутри которого проводились обряды. С собой женщины несли «панкълал» – тонкие чуду с разнообразными начинками. Дойдя до места назначения, они произносили «цIадал дугIа» – специальную молитву о дожде, после которой якобы вскоре выпадали осадки.

Обряды метеорологической магии, в которых принимали участие ряженные, существовали и у других народов Дагестана (*Seferbekov* 2014: 47-50).

Помимо обряда с ряженым имелись и другие приемы вызывания дождя. Например, в с. Мачада при сильной засухе все жители этого села во главе с муллою направлялись на гору «Гичикъадино». На вершине этой горы они вынимали наполовину из футляров особые посохи («ГIанса»), принадлежавшие трем шейхам. Их никогда не вынимали из футляров полностью, ибо, в противном случае, будто бы выпадали ливни.

В прошлом бытовали обряды, в которых участвовали все гидатлинцы. Так, вплоть до 50-х гг. XX в., совершив ритуальное омовение и надев чистую и нарядную одежду, гидатлинцы собирались недалеко от могилы шейха Удурата, на поляне, в местности «Чолода». Здесь проводили обряд «зикр». После него, как утверждали старожилы, сразу же шел дождь. Дождевую воду собирали, разбавляли ею толокно, которое раздавали всем участникам обряда как милостыню «садакъа». Туда же мужчины приносили посох («ГIанса») шейха Удурата и втыкали его в землю. Он был обмотан зеленой материей. Верхнюю часть посоха немного разматывали, «чтобы не выпало слишком много дождей».

Как уже отмечалось выше, в некоторых обрядах вызывания дождя гидатлинцы применяли один или три посоха шейхов. Эти посохи были обмотаны зеленой материей, которую разматывали лишь наполовину, опасаясь выпадения слишком большого количества осадков.

Следует отметить, что символика посоха в мифологиях многообразна. Это – универсальный символ духовной власти пастыря, знак высокого социального положения, богоизбранности (Вовк 2006: 353-354). Он «олицетворяет мужскую силу, власть, достоинство, магическую силу, путешествия, паломничество», это символ Солнца и мировой оси (Купер 1995: 256). Посох рассматривался и как магический атрибут странника, пастуха (Щепаньская 1996: 74). Со временем посохи, как ритуальные и культовые атрибуты, трансформировались в шаманские жезлы (Окладникова 1984: 135). По мнению А.М. Смирнова, посохи и жезлы во многих случаях проявляют себя и как религиозная инсигния, используются, как сакральные атрибуты в религиозных ритуалах и функционально связаны с плодородием, «проявляя это качество либо непосредственно в обрядах, либо через прослеживаемую связь с женским божеством, обеспечивающим плодородие» (Смирнов 2004: 90).

Итак, применение посохов шейхов в обрядах вызывания дождя у гидатлинцев можно связать с символикой духовной власти пастыря, знаком высокого социального положения, олицетворением магической силы, паломничества. Посох здесь можно трактовать как религиозную инсигнию, используемую как сакральный атрибут в религиозных ритуалах и функционально связанную с плодородием.

Наряду с обрядами вызывания дождя существовали ритуалы по предотвращению нежелательных осадков и вызыванию солнца. Особые приемы гидатлинцы применяли для прекращения затяжных дождей, ливней и града. В таких случаях выбрасывали во двор сковороду («кьоно») вверх дном, а также очажную треногу («махх») вверх ножками, а вовнутрь нее сыпали золу. Возможно, что эти обычаи восходят к культуре железа и огня и ее производной – золы, как апотропея.

Помимо этого пожилые женщины, сняв с себя головной платок («чаба-Гюрк») выходили во двор под дождь и град. В повседневном быту гидатлинская женщина никогда не появлялась на людях простоволосой. Появление ее без головного платка подчеркивало экстраординарность ситуации и, вероятно, должно было побудить небесные силы, управлявшие погодой, прекратить нежелательные атмосферные осадки, могущие нанести вред крестьянскому хозяйству.

Был и другой прием прекращения затяжных дождей и ливней – привязывали конским волосом друг к другу вшу и блоху и подвешивали их к водосточному желобу под крышей.

В с. Тлях для того, чтобы предотвратить выпадение ливней и града на это селение и его окрестности на глиняных черепках («шугИл мичИир») писали особые *аяты* из Корана. Затем эти черепки клали меж камней в оградах вокруг полей и садов по всему периметру села. Говорили, что эти черепки также способствовали урожайности полей. В с. Мачада их клал под камни и скалы на границах села *алим* Магомед Муртазалиев (ум. в 1994 г.). Эти исписанные *аятами* из Корана глиняные черепки вместе с монетами как обереги клали и в фундамент по трем углам строящегося жилища.

Аналогичные приемы применяли и другие аварцы. Например, андалальцы с. Шулани «дощечки для предотвращения града» («кьапал») изготавливали из древесины дикой груши. Раскаленным на огне гвоздем на них писали *аяты* из Корана. Потом эти дощечки помещали в бязевые чехлы и клались женщинами в пещеру в местности «КустарагI», где имелась могила шейха. В с. Бацада «дощечки для предотвращения града» подвешивали на деревья по всему периметру села (Сефербеков-1 2009: 53).

Итак, обряды вызывания дождя и солнца у гидатлинцев демонстрируют многообразие магических приемов и персонажей, восходящих к метеорологической и апотропеической магии, магии продуцирования, оролатрии, культам железа и огня, фетишизму.

Ряженные. Ряженные принимали участие не только в ритуале вызывания дождя, но и в других праздниках, свадебных обрядах и проведении досуга гидатлинцев. Например, они были обязательными персонажами праздника первой борозды «Ос бай», свадеб и

выступлений канатоходцев. Ряжеными бывали и мужчины, и женщины. Ряженный мужчина, участвующий во всех указанных праздниках и обрядах, назывался *Къохъо бер* («Кожный глаз»), а ряженая женщина, принимавшая участие только в свадьбе называлась *КЮчЮо бахЛаре* («Мини невеста») (ср. Урада, Мачада). В с. Тидиб ее называли *ЧиртИил бахЛаре* («Тряпичная невеста»), а в с. Гента – *ГъаракЮо*. Мужчина-ряженный надевал на себя бурку, а на голову – маску с войлочными рогами и прорезями для глаз. Маска женщины-ряженой также скрывала лицо выступавшей в этой роли. Иногда шутки и веселья ради женщины рядились в одежды мужчин (ритуальное переодевание), приделав к лицу усы и обмазав его сажей для того, чтобы не быть узанными.

Следует отметить, что ритуальное переодевание женщин в мужскую одежду и наоборот – явление широко распространённое в обрядах, связанных с культом плодородия (Абрамян 1983). С точки зрения культурологии, оно, как и другие карнавальные обряды, является «одним из случаев нейтрализации оппозиции мужской – женский» (Иванов 1977: 65). В ритуале и мифе это равновесие достигается благодаря особым посредникам или путём объединения обоих полюсов в едином целом. Недаром двуполые существа, андрогины, всюду считались богами или «сверхлюдьми» (Токарев 1994: 358).

Возвращаясь к ряженым у гидатлинцев, отметим, что они старались быть неузнанными, но так как в этой роли выступали, как правило, одни и те же люди, то зрители, присутствовавшие на празднике или свадьбе, по их поведению догадывались, кто скрывался за маской *Къохъо бер*. Например, в с. Мачада им долгое время был Кодое Гусейнов (ум. в 2011 г.), а в с. Гента – Магомед Гусейнов. Женщину-ряженую обычно не узнавали. Ряжеными бывали люди среднего и старшего возрастов, а женщина-ряженая – обычно вдова, но могла быть и замужней женщиной. Все свои действия мужчина-ряженный производил молча (магия молчания), а женщина-ряженая в одних селах молча танцевала с каждым выходящим танцевать (с. Гента), в других – пела и танцевала (ср. Урада, Тидиб).

Атрибутами ряженого являлась палка («хЮнс») и кожаная сумка («тарпа»), наполненная золой (повсеместно) и опилками (с. Мачада). Ряженого сопровождал осел. Интересно отметить, что в обряде вызывания дождя ряженный назывался «дождевой осел». Участие осла в календарных и семейно-бытовых обрядах неслучайно, если учесть, что во многих мифологиях мира – это священное животное, одна из ипостасей божества, объект культа. В мусульманской традиции осел – одно из животных неба (Топоров 1994: с. 265).

Основной функцией ряженого на гидатлинских праздниках, свадьбах и других зрелищных мероприятиях было поддержание веселья. Их присутствие объясняли и тем, что на свадьбе они не давали сглазить жениха и невесту, а на выступлении канатоходцев – самого канатоходца.

Ряженные били в шутку провинившихся палкой, обсыпали зрителей золой и опилками, обливали водой (с. Тлях), обжигали пучком прикрепленной к палке крапивы (с. Мачада). Их шутки и проказы зачастую переходили всякую границу, были

непристойными. Но на них не принято было обижаться. Плату ряженные не получали. Их угощали едой со стола жениха и невесты. Во время выступления канатоходцев («палъган») ряженные всячески подшучивали над теми, кто не платил за представление, за что канатоходец, специально нанимавший их, оплачивал их услуги.

Ряженные принимали участие в календарных, аграрных, семейно-бытовых и общественно-бытовых праздниках и обрядах и у других народов Дагестана. Их можно рассматривать как персонификацию божеств продуцирования, покровительствующих семье и браку, а также аграрному воспроизводству (Seferbekov 2009: 116).

К этой же категории олицетворяемых божеств, связанных с плодородием, домашним изобилием и благополучием можно отнести куклу «ясакло», которую изготавливали из теста и выпекали в хлебной печи. Дарили куклу только девочкам, что подчеркивает женский облик божества и суть – воспроизводство и плодородие. Подобного рода кукла – «начи», которую так же дарили только девочкам, имелась и у даргинцев-цудахарцев (Омаров, Сефербеков 1996: 119-120).

Гидатлинцы выпекали и другие виды обрядовых фигурных хлебов. Так, во время праздника Ураза-байрам, когда ходили по гостям, по количеству детей в доме, в который наносили визит, было принято дарить «русемекI» – фигурные хлеба в виде полумесяца, обмазанные сверху мучной халвой «бахъухъ». Помимо них для детей изготавливали «квер» – хлеб в форме руки, также обмазанный сверху мучной халвой или урбечом. Во время выпечки хлеба в хлебной печи «кор» из остатков теста для детей же выпекали хлеб в виде куропатки («мокъокъ»). Во время праздника первой борозды, свадебных и похоронных (при безвременной смерти молодого человека) обрядов гидатлинцев эту куропатку насаживали на вершину особого ритуального дерева «канакро». На это деревце навешивали фрукты и сладости, а его ствол и ветви обкладывали медовым тестом. Победителя на скачках во время спортивных состязаний на празднике первой борозды награждали «гор» – хлебом-баранкой, в который перед тем как его испечь втыкали горох.

Итак, как это видно, обрядовая культура гидатлинцев демонстрирует многообразие фигурных обрядовых хлебов.

Аналогичные обрядовые хлеба бытовали и у других народов Дагестана (Сефербеков, Алиев 2009: 242-244).

Верховные боги. Как и другие аварцы, гидатлинцы до принятия монотеистических религий почитали своих древних богов. После принятия ислама прежние божества были преданы забвению, но память об отдельных из них сохранилась в названиях некоторых обычаев и обрядов, в фольклоре, лексике и фразеологии. В особенности это касается былых верховных богов – *Цюба* и *Бечеда*. Эти теонимы зафиксировал еще в 70-х годах XVIII в. И.А. Гильденштедт. Приводя номенклатуру верховных богов народов Кавказа, он указывает, что у андийцев он назывался Tzow, у анцухцев, джарцев, дидойцев – Bedschet, у хунзахцев – Bedschas (Гильденштедт 2002: 334–335, 350–351). После принятия ислама, *Цюб* у аварцев трансформировался в понятие «божья милость» (Агларов 1988: 70).

Имена прежних верховных божеств сохранились в основном в лексике и фразеологии, например, в выражении «*Бичасул Цюб* («*Бечеда* милость»), в поговорках – «*Аллагъяс цюб лъеги!*» («Да придёт (с нами) милость *Аллаха!*»), «*Аллагъясул цюб рахІмат!*» («Да придёт (с нами) милость и благодать *Аллаха!*»), «*Бичас* башани, *Аллагъяс* хвамо батани!» («Если *Бечед* позволит, а *Аллах* подпишет (то это случится!)»), «*Бичас* хван батогоги!» («Не дай *Бечед* (чтобы это случилось!)»), в благопожелании путнику – «*Дуньяльгули, ахираталгул талихІ кьеги! Балагъалдаса цунаги! Бичас* балагъ, бешогоги! *Аллагъясул цюб, алхІамдулилагъ!*» («Да получишь ты счастье в обоих мирах! Да сохранит тебя (Всевышний) от бед! Да не допустит *Бечед* испытаний! Милость *Аллаха* и хвала Ему!»), в проклятии – «*Аллагъяс цюб лъогоги!*» («Чтоб *Аллах* отказал в милости!»). Собирающимся поссориться или подражаться, советовали: «*Бичасе* гюло те!» («Прекратите, ради *Бечеда!*»).

Выпадение осадков, произрастание трав, кустарников, злаков и деревьев, а также рождение детей гидатлинцы связывали с *Цюб*. Они припоминали имена *Цюба* и *Бечеда*, начиная любое действие и тогда, когда хотели добиться покровительства и помощи *Аллаха*.

Итак, лексика и фразеология, паремиология гидатлинцев донесли до нас имена их былых божеств *Цюба* и *Бечеда*, которые после принятия ислама, под его влиянием, подверглись определенной трансформации.

Демонология – «Домовая змея». Традиционная мифологическая система гидатлинцев включала в себя не только божественные персонажи, но и демонологию. Исходя из критериев локусности и этических категорий, выраженных в бинарных оппозициях «близко – далеко», «злокозненность – добродетельность», возглавляют ее так называемые «домовые змеи». По поверьям, в каждом доме имеется «домовая змея» *ригъил бурухъ* (с. Урада) или «фундаментная змея» *кьучІдал бурухъ* (с. Тидиб). С пребыванием этой змеи в доме – в кладовой или фундаменте – связывали наличие в нем достатка и изобилия («баракат»). Ее ни в коем случае нельзя было убивать – к бедам и несчастьям в семье и доме.

Сохранились былички о контактах местных жителей и *алимов* с «домовыми змеями». Говорят, однажды застали спящим одного такого *алима* – шейха Ибрагимхалила Мухаммада Хапиз-апанди (ум. в 1985 г.) из с. Тидиб. На его груди, свернувшись клубком, лежала змея. Шейха разбудили и хотели сбросить с его груди змею и убить ее, но он не разрешил этого сделать. Вскоре змея сама уползла. В другой раз нашли эту же змею лежащей на его книгах. И на этот раз шейх попросил не трогать змею, которая так же вскоре уползла. Как считал Хапиз-апанди, это была не обычная змея, а – *кьучІдал бурухъ* и ее убийство навлекло бы несчастье на дом, в котором она обитала. По мнению местных жителей, тот факт, что она сворачивалась клубком и спала на груди *алима* и на священных книгах, не доставляя им зла, свидетельствует о ее сакральности.

Несмотря на то, что мусульманская мифология отрицательно относится к змеям (змея помогала Шайтану совращать Адама и Хавву) (Басилов 1994: с. 184),

подобные рассказы демонстрируют примеры почтительного отношения местного населения и их религиозных авторитетов к «домовой змее».

Вера в «домовых змей» бытовала в мифологиях и других аварцев (Сефербеков 2014: 145-150) и дагестанцев (Алиханова 1978: 158; Булатов 1990: 130; Халидова 1991: 268-269).

Карж. Наряду с довольно скудными представлениями о «домовой» или «фундаментной змее» у гидатлинцев сохранились верования, связанные с другой, так же обитавшей в жилище змеей – *Карж*. Вот как описывает ее, побывавший у гидатлинцев в 1927 году известный российский и советский этнограф Г.Ф. Чурсин: «Внешний вид *Каржа* в различных местах представляется различно; несколько различно и отношение к *Каржу* со стороны жителей различных районов. В ауле Тидиб (Гидатль) говорят, что, по старым сказаниям, в каждом доме живет *Карж*. Он является то в виде барашка, то в виде петушка или курочки, больше всего любит сидеть на посуде с бузой в нижней половине дома. Обычно он сидит на бузе, свернувшись в комок. Если за бузой ходит постоянно один человек, в одной одежде, с одним и тем же кувшином, *Карж*, зная его, остается спокойно сидеть на месте, и буза становится неисчерпаемой. Если же за бузой будут приходиться разные люди, *Карж* исчезает, а вместе с ним пропадает и благосостояние дома (с. Мачада). В ауле Гочоб *Каржа* чаще всего видят в виде белого петушка, издающего странные звуки. От присутствия в доме *Каржа* благосостояние дома увеличивается, скот умножается и проч. Если же *Карж* уйдет из дома, благополучие дома пострадает, «баракат» (изобилие) уйдет (с. Согратль, Гочоб, Мачада). Убить хранителя домашнего благополучия *Каржа* – значит, по мнению аваров, навлечь на дом неизбежное несчастье (с. Хочода), умрет кто-либо из домашних (с. Мачада), благосостояние дома погибнет. Поэтому *Каржа* ни в каком случае не убивают» (Чурсин 1995: 56-57).

Интересно проследить сейчас, спустя 90 лет, эволюцию представлений гидатлинцев о *Карже*. Как считают в народе, он – пестрого (с. Урада) или серого (с. Тидиб) цвета. Обычно *Карж* невидим для окружающих (с. Гента), но иногда он появляется на глаза домочадцев (с. Тидиб). *Карж* показывается на глаза не каждому (с. Мачада), а лишь избранным людям (с. Урада). Он заводится только в том доме, хозяин которого, живет плодами честного труда (с. Глях). В доме, где есть кошка, *Карж* не обитает (с. Тидиб).

Местом обитания *Каржа* являлся обычно фундамент (с. Тидиб), а чаще всего – кладовая, где он лежал на ларе с мукой, сосудах с маслом или бузой, других продуктах (мясо, толокно, хинкал, каша и др.). Продукты, на которых лежал *Карж* не иссякали, сколько бы их не брали. О человеке, у которого не иссякают продукты, несмотря на частую и значительную их трату, например, в связи с приемом многочисленных гостей, говорят: «*Карж* ч'емо буго» (с. Гента), «*Карж* ч'ан» (с. Глях), «*Карж* ч'омо» (с. Мачада), что переводится как «*Карж* сел (на эти продукты)» и является иносказанием изобилия. Иногда говорят, что у такого человека дома имеется «яма *Каржа*» («*Каржил* гунд») (с. Гента).

С *Каржем* связана и определенная табуация. Например, нельзя было говорить посторонним, что у тебя дома водится *Карж* или что ты его видел. В противном случае *Карж* будто бы уползал из жилища, а продукты иссыкали. Хозяин дома или любой другой домочадец, первый увидевший *Каржа* в кладовой, должен был постоянно ходить туда за продуктами. Если в этот момент его вдруг окликали с улицы, а он отвечал на оклик, или же, если в кладовую заходил посторонний – *Карж* исчезал (с. Мачада). Существует убеждение, что, если *Карж* уползет из дома, его благополучие и достаток уйдут вместе с этой змеей. Поэтому гидатлинец никогда не убивал заползшую в дом змею, а также любое другое земноводное или насекомое, а выбрасывал ее за порог со словами: «Сон бегье!» («Вчера приходи!»).

В некоторых гидатлинских селах пигментные пятна на теле у человека считали «следами *Каржа*» («*Карж*альул шатI») (с. Гента), в других – следствием того, что «*Карж* наступил (на это место)» («*Карж*ид бох чIан») (с. Тидиб, Мачада) или «*Карж* сел (на это место)» («*Карж* кьад чIему») (с. Гента). Считалось, что люди с такими пятнами являются носителями благодати. С этим мифологическим персонажем у гидатлинцев связано и благопожелание: «*Карж* чIаги нужер рукьаа!» («Чтоб *Карж* сел (поселился) в вашем доме!») (с. Гента) (Сефербеков 2004: 73-74).

Представления о *Карже* существовали и в мифологиях других аварцев – андалальцев, каралальцев, тленсерухцев (Алигаджиева, Сефербеков 2013: 49-53). Этот сложный и амбивалентный персонаж мифологии аварцев совмещал в себе черты домового, патрона жилища, семьи, детей и домашнего скота. Некоторые его негативные функции свидетельствуют о трансформации этого образа и превращения его в демона-антагониста детей и скота.

Домовой. Мифологический персонаж, которого условно можно отнести к категории домовых, у гидатлинцев называется *Садраахан*, что переводится как «Владыка ночи» (для сравнения: библейского дьявола, сатану, духа тьмы, врага рода человеческого называют «Князь тьмы»). Он невидим для людей, аморфный, хотя иногда появляется в зооморфном облике птицы или кошки (с. Мачада). При описании этого мифологического персонажа, употреблялись следующие эпитеты: «на ощупь что-то жирное» (с. Гента), «тяжелый, как дом» (с. Мачада), «тяжелее свинца и мягче перины» (с. Тидиб).

Где обитает *Садраахан* – неизвестно. Он проникал в дом извне, после полуночи (в мифологиях народов мира полночь и полдень считаются моментами таинственными и критическими) (Зеленин 1991: 418), через дымоходное отверстие (вход из одного мира в другой) (с. Гента), окно или дверной порог (границы миров) – «был слышен шум дверного засова, которым запирают дверь» (с. Глях), «слышали, как он раскрывал створки дверей» (с. Тидиб).

Проникнув в жилище, *Садраахан* наваливался всей своей тяжестью на спящих одиночно на спине пожилых людей, сковывал тело и дыхание, давил и душил их. В с. Мачада считали, что *Садраахан* чаще всего наваливался на женщин, а в с. Гента – на мужчин, и не на всяких, а лишь на хороших.

Говорили, что его визит в дом был доброй приметой последующего достатка и изобилия («баракат») (ср. Гента, Мачада), а человека, на которого он наваливался, ждала в будущем обеспеченная жизнь («бечелъи») (ср. Гента, Тидиб). Данные обстоятельства наводят на мысль о связи домового с благом, изобилием и достатком.

В с. Мачада полагали, что у *Садраахана* одна часть тела состоит из мяса, другая – из рыбы. Если он наваливался на человека той частью тела, что была из мяса – это к добру, а если из рыбы – человек вскоре умрет.

Существовало представление, что, если в тот момент, когда *Садраахан* навалился и душит, человек смог пошевелить какой-нибудь частью своего тела (например, пальцем руки или ноги) или издать крик, то он сползал с него и исчезал (ср. Тидиб, Мачада). Говорили также, что, если в тот момент, когда домового сползал с человека, попросить его о чем-либо, то он исполнял желания (с. Мачада).

Домового обычно был безмолвен («немота в фольклоре признак принадлежности к миру мертвых») (Серов 1983: 48), но некоторых людей, прежде чем навалиться на них, он спрашивал: «Две щиб?» («Тебе чего?»). Если человек не пугался домового и высказывал ему свои желания (денег, скота, красивую невесту), *Садраахан* исчезал и исполнял их (с. Мачада).

Волшебными атрибутами домового являлись мешок с серебром («Гарсол тарпа») – символ неиссякаемого богатства, а также украшенная серебром шапка («Гарас бокъараб къугъур»), помогавшая ему оставаться невидимым. Говорят, что, прежде чем навалиться на человека, *Садраахан* клал свои волшебные предметы в нишу над дверным проемом, в которой имеется отверстие для дверного засова («нуцил къоно таминаб каратл») (ср. Урада, Тидиб). Бытовало поверье, что, если сумеешь выскользнуть из-под навалившегося домового, схватить мешок с серебром или украшенную серебром шапку и успеешь добежать с ними до порога мечети (граница миров), то эти волшебные предметы достанутся тебе. Но, как говорят, совершить это никому не удалось, так как домового настигал похитителя, отбирал свои волшебные предметы и с размаху бил лапой по заду человека. На этом месте навсегда оставался отпечаток от пятерни домового, и его невозможно было скрыть ничем, даже железной одеждой (с. Мачада) – ткань там постоянно рвалась (с. Урада). И сейчас, если видят на ком-либо порванную одежду, спрашивают: «*Садрааханаль* хатиш къабура?» («*Садраахан* пятерней ударил что-ли?») (ср. Глях, Мачада, Тидиб). В с. Тидиб так вопрошают, когда обнаруживают утром, что за ночь в доме что-то было поломано или разрушено.

Садраахан не имел пола, однако, судя по его мужскому имени, наличию среди его волшебных предметов украшенной серебром шапки, в нем угадываются мужские черты.

Несмотря на положительную характеристику домового (его визит – к благу, достатку и изобилию, он наваливается только на хороших людей, исполняет желания, обладает волшебными атрибутами – символами богатства), люди старались избежать контакта с ним. Для того чтобы *Садраахан* не приходил в дом – закрывали дымоход (повсеместно), мужчины в качестве оберега клали под подушку нож, а женщины –

ножницы (с. Мачада). Кроме того, в стенку над дверным проемом и в оконные занавески втыкали иголки (с. Тидиб). Оберегом от домового служила и мусульманская молитва «Къулгъу» (сс. Урада, Тидиб).

Как это видно, в качестве амулетов использовались острые и железные предметы (нож, ножницы, иголки), что, вероятно, восходит к культуре железа, а также вербальные обереги.

Следует указать на некоторую условность причисления *Садраахана* к категории домовых, учитывая, прежде всего то, что локусом его обитания был не дом, в который он приходил извне. Он не обладал выраженной антропоморфной ипостасью, были слабы его патронажные функции.

Вера в домового бытовала в мифологиях и других народов Дагестана (*Seferbekov* 2015: 139-144).

«Голодный дух». Как и у других аварцев (*Сефербеков* 2015: 226-229), у гидатлинцев существовала вера в «Голодного духа» – *Бакъараб рухI*. По поверьям, это – дух недавно умершего человека, по которому его близкие родственники во время поминок не раздали в полной мере причитающуюся милостыню «садакъа». Неприкаянный «Голодный дух» являлся во сне своим родным и близким в белом или черном одеянии. В таких случаях его родственники тут же проводили соответствующие обряды. Кроме того в сакральные для мусульман дни (четверг вечером и пятница) раздавали соседям «панкъал» – тонкие чуду с разнообразными (мясной фарш, творог, зелень, тыква) начинками. Каждый раз, завершая прием пищи во время поминок, было принято говорить следующую фразу: «ХIваразул рухIалье швайги!» («Пусть насытятся души усопших!»).

Ведьма. Среди демонологических персонажей гидатлицев определенное место занимает образ ведьмы *Хартиле // Харте // Хъарту // Хатие // Хату*. Ее представляли в образе женщины-великанши. По поверьям, она обитала в лесу, в горах, «за тремя горами». Ходит большими шагами, одним шагом может перешагнуть гору. Не переходит реку (граница миров) – «боится воды». Она крадет детей, которые гуляют вечером на улице, и глотает их. Ее появлением пугали непослушных детей вечером: «*Хартиле* егына!» («*Хъартиле* придет!»). В с. Тлях детей пугали и по иному: «Мегеж халатид хьуна!» («Длиннобородый схватит!»). Формулы запугивания существовали и у других народов Дагестана (*Сефербеков* 2001: 115-116).

Верили в существование ведьм и другие народы Дагестана, например, даргинцы (*Исрапилова, Сефербеков* 2010: 85-88).

Джинны и шайтан. Как и остальные мусульмане (*Басилов* 1994: 186), гидатлинцы верили в существование персонажей исламской мифологии – джиннов и шайтана. Джинны делились на добрых, мусульманских и злых, неверовавших в *Аллаха*. В народе не делали особых различий между злыми джиннами и шайтаном. По мнению гидатлинцев, по внешнему облику нечистая сила почти не отличается от человека,

только разрез глаз у них не вдоль, а поперек и зрачки удлинённые и расположены вертикально.

По всеобщему представлению, джинны и шайтаны обитали как в обжитом (в хлеву, на мельнице, на хуторах), так и в необжитом и враждебном человеку пространстве (в лесу, горах, пещерах, ущельях, оврагах). Например, в с. Тидиб считали, что они водятся на окраине селения, в ущелье «Гъосал хитI», в которое сбрасывали бытовой мусор. В с. Мачада верили, что нечистая сила водится в ущелье на краю села, в местности «Гарсо лъарах»; недалеко от их сельского хутора, в местности «Магъано»; на поляне и в ущелье на границе с с. Гента, в местности «Гъеноб».

По общепринятому мнению, наиболее излюбленным местом обитания злых джиннов и шайтана была мельница. Людей запугивали тем, что на мельнице они встретят шайтана, поэтому с ночевкой туда ходили обязательно вдвоем.

Основным назначением злых джиннов и шайтана было всячески вредить человеку. Они заводили путников к краю пропасти, насыпали на человека разные беды, несчастья и болезни.

Существовали меры предосторожности, направленные на то, чтобы избежать контакта с нечистой силой. Например, воду после омовения при намазе нельзя было выливать ночью на улицу. Если все же нужно было это сделать, то несколько раз плевали на то место, куда выливали воду. Так же поступали и в том случае, когда нужно было вечером помочиться на улице. Если люди не придерживались этих правил, джинны и шайтан могли наказать их, наслав болезнь или ударив по лицу, отчего у человека наступал паралич лица. Про таких людей говорили, что «их по щеке ударил шайтан» («шветIаналь хунхиль хат къабун»).

Сохранились былички о контактах человека с нечистой силой. По словам Айшат Алиевой из с. Тидиб, однажды поздно вечером она пошла с сеном в хлев задать корм скоту и обнаружила там женщину, которая сидела перед лампой спиной к входу и расчесывала волосы. Вначале Айшат удивилась присутствию в хлеву незнакомки, но потом испугалась и издала возглас удивления: «Иби! Иби!». Незнакомка обернулась к ней и спросила: «Кинаб иби, иби?» («Где иби, иби?»). Испугавшись, Айшат бросила сено и убежала домой. По ее словам, разрез глаз у этой женщины был не вдоль, а поперек, а зрачки были вертикальные и удлинённые.

Так же, будучи еще маленькой девочкой, в 1960-е гг., Айшат пошла на хутор в нескольких километрах от с. Тидиб, где в местности «БегIел колох» пася у речки принадлежащий ее отцу осел. Подойдя к этой местности, она увидела на противоположной стороне речки женщину, которая лежала на сене спиной к ней. Как только Айшат выдернула из земли кол, к которому был привязан осел, женщина тотчас исчезла. Испугавшись, Айшат тотчас прибежала на хутор. По ее мнению, эта женщина была шайтан.

Следует отметить, что рядом с указанным хутором находится скала, с вершины которой падает небольшой ручей. Падая вниз, вода этого ручья издает шум

работающей мельницы, поэтому эту скалу в народе прозвали «ШветІабазул гьобо» («Мельница шайтанов»).

В народе существует мнение, что отдельные люди общаются с джиннами и шайтанами, а некоторым из них нечистая сила помогает в выполнении домашних и хозяйственных работ. Например, в с. Тидиб считали, что они помогали по ночам убирать урожай пшеницы и косить сено их односельчанину – Магомеду Хайбулаеву. В с. Мачада такое мнение («ШветІабизул рекьел буге чІужо. ШветІабиз кумак гьубуне чІужо» – «Женщина, которая в ладах с шайтанами. Женщина, которой помогали шайтаны») сложилось о жительнице их села Омаразуле Патимат (ум. в начале 2000-х гг.). Говорили, что она общалась с шайтанами и даже присутствовала на их свадьбе, где ее угощали змеиным мясом и мертвечиной. По ее словам, шайтаны одеты в лохмотья, а их женщины носят низко надвинутые на лоб платки, из-за чего не видно лиц. Шайтаны будто бы помогали ей при уборке урожая пшеницы и косьбе сена, а также нести тяжелую поклажу от хутора до села. Они якобы просили Омаразуле Патимат, чтобы та не рассказывала о них людям. Однажды они избили ее до синяков.

Иногда сами шайтаны обращались за помощью к людям. Например, бытует предание, что у шайтанов никак не могла разродиться одна из их женщин. Тогда они обратились за помощью к одной женщине-повитухе. Повитуха помогла женщине-шайтану родить сына. В благодарность за это шайтаны насыпали в подол повитухи горсть серебра. Придя домой, женщина обнаружила в подоле древесные стружки.

Некоторым людям народная молва приписывала одержимость дьяволом. Например, в с. Мачада считали, что в жительницу этого села по имени Иля-ГПайша (ум. в 1996 г.) вселился шайтан. Доказательством этому было ее необычное поведение: она постоянно ругалась с шайтанами, отбивалась от них палкой, плевалась, просила оставить ее в покое, не узнавала ни кого, даже собственного сына. За ее лечение никто не брался.

При описании потустороннего мира джиннов и шайтанов обращает на себя внимание его зеркальность и несуразность: у них разрез глаз не вдоль, а поперек и зрачки вертикальные и удлинненные. Они одеты в лохмотья, их еда – змеиное мясо и мертвечина. Основное время, когда они активны – темное время суток. Основными локусами их обитания являются неосвоенное человеком пространство, а также хлев, мельница и места выброса мусора и нечистот. То, что у них серебро, в нашем мире – древесные стружки. Нередко их застают сидящими или лежащими спиной к человеку, что, исходя из бинарных оппозиций *зад – перед, этот мир – иной мир*, также подчеркивает их потусторонность.

Для того чтобы нечистая сила не могла причинить зла человеку, применялись обереги. Чтобы воспрепятствовать проникновению в жилище шайтана, а также для того, чтобы дети во сне не вздрагивали от испуга («гьинкь»), под подушку девочкам клали ножницы, а мальчикам – нож.

Для того чтобы предотвратить козни нечистой силы, сглаз и при частой болезни ребенка проводили обряд «техьен» («заклинание»). Брали угольки (производное огня – оберег) и, произнося определенные заклинания и мусульманские

молитвы, бросали их в горячую воду. Эту воду затем брызгали по четырем углам жилища и на перекрестке трех дорог (с. Мачада).

Если шли в те места, где, по всеобщему мнению, водились шайтаны, в качестве оберега с собой брали кость черной кошки.

Если вдруг начинал кричать осел, считали, что он увидел шайтана. Как полагают старожилы, сейчас шайтанов нет, потому что они вселились в души людей (с. Тидиб).

Мифологические представления о джиннах и шайтане имелись и у других народов Дагестана, например, у даргинцев (Исрапилова 2013: 69-71).

Заключение

Таким образом, рассмотрение истории образования Гидатлинского союза вольных обществ и его исламизации, а также календарной и семейно-бытовой обрядности, мифологии, фольклора, лексики и фразеологии гидатлинцев показало, что их традиционная духовная культура испытала большое влияние исламской религии. Это влияние ощущается в многочисленности *зияратов* на территории Гидатля, *алимов* и шейхов, обращениях за помощью к *Аллаху*, в отождествлении с ним былых верховных божеств, участии во многих ритуалах мусульманских священнослужителей, проведении обряда «зикр» с раздачей милостыни «садакья». Несмотря на то, что в религиозной системе гидатлинцев сохранились представления о персонажах былого пантеона и пандемониума, значительное место в ней занимают персонажи мусульманской мифологии. Это обстоятельство позволяет нам говорить о синкретизме местной формы «традиционного» или «бытового ислама», отличающегося от его канонического прототипа.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абдинова, А.Г. (2010), *Реликты домонотеистических верований в семейной обрядности народов Дагестана (XIX – начало XX в.)*, Махачкала.
- Абрамян, Л. (1983), *Первобытный праздник и мифология*, Ереван.
- Агларов, М.А. (1988), “Из верований народов Западного Дагестана (божество ЦЮб)”, *Проблемы мифологии и верований народов Дагестана*, Махачкала: 67–71.
- Аджаматов, Б. (2005), *Святыни Дагестана*, Махачкала.
- Айтберов, Т.М./ Гасанов, М.Р./ Алиев, Б.Г. (1986), “Материалы по хронологии и генеалогии”, *Источниковедение средневекового Дагестана*, Махачкала: 134-169.
- (2012), *Ибрагим-хаджи Урадинский (XVIII в.): Новые страницы биографии*, Махачкала.
- Алигаджиева, З.А. (2012), *Пережитки домонотеистических верований и обрядов у аварцев-андалальцев в XIX – начале XX в.*, Махачкала.
- / Сефербеков, Р.И. (2013), “Об одном мифологическом персонаже аварцев – Каж/Карж”, *Вестник Дагестанского научного центра*, Махачкала, №. 50: 49-53.
- Алиев, Б.Г. (1999), *Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в.*, Махачкала.

- (2006), *Традиционные институты управления и власти Дагестана. XVIII – первая половина XIX в.*, Махачкала.
- /Умаханов М.-С. К. (2004), *Дагестан в XIV-XV вв. (вопросы исторической географии)*, Махачкала.
- Алиханова, А.А. (1978), “Древние сюжеты в преданиях аула Мекеги”, *Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане*, Махачкала: 156-161.
- Асиятилов, С.Х. (1967), *Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX – первая половина XX в.)*, Махачкала.
- Атаев, Д.М. (1958), “Христианские древности Аварии”, *Ученые записки Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР*, Махачкала, Т. 4.:161-182.
- (1959), “Дагестан и Кавказская Албания”, *Тезисы докладов научной сессии Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Даг. филиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана*, Махачкала: 40-41.
- Атаев, М.М. (1995), *Авария в X-XV вв.*, Махачкала.
- Бартольд, В.В. (1965), *Сочинения*, Т. III, М.: Наука.
- Басилов, В.Н. (1994), “Мусульманская мифология”, *Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х т. 2-е изд.*, Гл. ред. С.А.Токарев, Т. 2, М.: 183-187.
- Бейлис, В. М. (1963), “Из истории Дагестана VI-XI вв. (Сарир)”, *Исторические записки*, Т. 73: 249—266.
- Булатов, А.О. (1990), *Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в XIX – начале XX в.*, Махачкала.
- (2004), *Формы шаманско-магической практики у народов Дагестана в конце XIX – XX в. – Пуцуино*.
- Вовк, О.В. (2006), *Энциклопедия знаков и символов*, М.: Вече.
- Гаджиев, Г.А. (1991), *Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана*, М.: Наука.
- Гидатлинские адаты / Подгот. к печати Х.М. Хашаев и М.С. Саидов. – Махачкала: Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР, 1957.
- Гильденштедт, И.А. (2002), *Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг.*, ред. Ю.Ю. Карнов, СПб.
- Зеленин, Д.К. (1991), *Восточнославянская этнография*, Пер. с нем. К.Д. Цивиной, М.: Наука.
- Иванов, В. (1977), “К семиотической теории карнавала как инверсии двоичных противопоставлений”, *Труды по знаковым системам*, Тарту, Вып. 8: 45–65.
- Исрапилова, З.А. (2013), “Представления даргинцев о некоторых персонажах мусульманской мифологии: джинны и шайтан”, *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики*, Тамбов, № 2. Ч. 1: 69-71.
- / Сефербеков, Р.И. (2010), “Образ ведьмы в мифологических представлениях даргинцев”, *Культурная жизнь Юга России*, Краснодар, № 2: 85-88.
- Османов, А.И. (Отв. ред.) (2004), *История Дагестана с древнейших времен до наших дней*, Т. 1, М.: Наука.
- Казанбиев, М.А. (1970), *Создание и укрепление национальной государственности народов Дагестана*, Махачкала.

- Козубский, Е.И. (1902), *Дагестанский сборник. С этнографической картой Дагестанской области, составленной Е.И. Кондратенко. В 2-х вып. – Темир-Хан-Шура: «Русская типография В.М. Сорокина», Вып. 1. XXIX с. Отд. II.*
- Купер, Дж. (1995), *Энциклопедия символов*, М.
- Муниципалитеты Дагестана: Шамильский район (Электронный ресурс) // Портал «Дагестан»; <http://dagmo.ru/shamilskiy-rayon> (дата обращения: 03.11.2015).
- Мусаева, М.К. (2006), *Традиционные обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей*, Махачкала.
- (2007), “Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана)”, Махачкала.
- Окладникова, Е.А. (1984), “Шаманские петроглифы Сибири”, *Этнография народов Сибири*, Новосибирск: 131-135.
- Омаров, И.И./ Сефербеков, Р.И. (1996), *Аул Купна: Историко-этнографические очерки. XIX – XX вв.*, Махачкала.
- Пиотровский, М.Б. (1994), “Ильяс”, *Мифы народов мира: Энциклопедия*, В 2-х т. 2-е изд. / Гл. ред. С.А. Токарев, Т. 1, М.
- (1994), “Хадир”, *Мифы народов мира: Энциклопедия*, В 2-х т. 2-е изд. / Гл. ред. С.А. Токарев, Т. 2, М.
- Районированный Дагестан (Административно-хозяйственное деление ДССР по новому районированию 1929 г.). – Махачкала, 1930.
- Серов, С.Я. (1983), “Календарный праздник и его место в европейской народной культуре”, *Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев*, М.: Наука: 39-55.
- Сефербеков, Р.И. (2001), “Бранные выражения и формулы запугивания как источник по реконструкции мифологических персонажей народов Дагестана”, *Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения 2000-2001 гг.: Краткое содержание докладов*, СПб.: 115-116.
- (2004), “К характеристике некоторых мифологических персонажей аварцев-гидатлинцев”, *Вестник Дагестанского научного центра*, Махачкала, № 17: 69-76.
- (2006), “Мифологический образ радуги в верованиях народов Дагестана”, *Вестник Дагестанского научного центра*, Махачкала, № 25: 71-76.
- (2009), “Языческие боги и демоны аварцев-андалальцев”, *Этнографическое обозрение*, № 4: 51-67.
- (2009), *Пантеон языческих божеств народов Дагестана (типология, характеристика, персонификации)*, Махачкала.
- (2014), “Мифологический образ «домовой змеи» в верованиях аварцев”, *Вестник Дагестанского государственного университета*, № 4, Махачкала: 145-150.
- (2015), “Мифологический образ «Голодного духа» *Бакъараб рухI* в верованиях аварцев”, *Международная научно-практическая конференция, посвященная В.П. Дзагуровой: Сборник трудов*, Махачкала, Вып. XIII: 226-229.
- / Алигаджиева, З.А. (2007), “Мифологические персонажи пантеона и пандемониума аварцев”, *VII Конгресс этнографов и антропологов России: доклады и выступления. Саранск, 9-14 июля 2007 г.*, Саранск.

- /Алиев, М.О. (2009), “Фигурные обрядовые хлеба народов Дагестана”, *Лавровский сборник: Материалы XXXIII среднеазиатско-кавказских чтений 2008-2009 гг.: К 100-летию Л.И. Лаврова: Этнология, история, археология, культурология*, СПб.: 242-244.
- Смирнов, А.М. (2004), “Изображения посохов на антропоморфных изваяниях эпохи энеолита в Северном Причерноморье и Средиземноморье: Аналогии, интерпретации”, *Памятники археологии и древнего искусства Евразии: Сборник статей памяти В.В. Волкова*, М.: 65-92.
- Токарев, С.А. (1994), “Двуполые существа”, *Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х т. 2-е изд. / Гл. ред. С.А.Токарев*, Т. 1, М.: 358-359.
- Топоров, В.Н. (1994), “Осел”, *Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х т. 2-е изд. / Гл. ред. С.А.Токарев*. М.: *Российская энциклопедия*, Т. 2: 264-265.
- Халидова, М.Р. (1984), “Мифологические образы в устной прозе народов Дагестана”, *Мифология народов Дагестана*, Махачкала: 99-118.
- (1991), “Демонологические рассказы”, *Традиционный фольклор народов Дагестана*, М.: Наука: 267-279.
- Халилов, Х.М. (1984), “Отражение языческих представлений в обрядах и фольклоре лакцев”, *Мифология народов Дагестана*, Махачкала: 63-81.
- Хапизов, Ш.М. (2015), “Ругуджинская надпись (о распространении христианства и ислама в Аварии)”, *Вестник Дагестанского научного центра*, Махачкала, № 56: 36-45.
- (2017), “К вопросу об исламизации Сарира и личности Абуमुслима ал-Хунзахи”, *Вестник Дагестанского научного центра*, № 64, Махачкала: 22-31.
- / Шехмагомедов, М.Г. (2015), “К вопросу об исламизации центра горной Аварии в XV в., на примере биографии хаджи Удурата из Гидатля”, *Кавказоведческие разыскания*, Тбилиси, Вып. VII: 266-270.
- (2016), “Кладбище поселения Чолода как источник по истории и антропологии Горной Аварии”, *SAUCASO-CASPICA: Труды Института автохтонных народов Кавказско-Каспийского региона*, Под ред. Г. Асатряна, Ереван: Российско-Армянский (Славянский) университет, Вып. 1: 113-124.
- (2017), “Суфийский орден Халватийа в горной Аварии: новые страницы истории суфизма в средневековом Дагестане (XVI–XVII вв.)”, *Исламоведение*, Т. 8. № 1: 70-81.
- Хрисанф, (1958), “Сведения об Аварском ханстве. 1828 г.”, *История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв: архивные материалы*, Под ред. М.О. Косвена, Х.-М. Хашаева, М.: 265-275.
- Чурсин, Г.Ф. (1995), *Авары: Этнографический очерк. 1928 г.*, Науч. ред. Р.И. Сефербеков, Махачкала.
- Шехмагомедов, М.Г./ Абдулмажидов, Р.С./ Хапизов, Ш.М. (2017), “Эпиграфические памятники из селения Глярата как источник по истории распространения ислама в Нагорном Дагестане”, *Вестник Дагестанского научного центра*, № 64, Махачкала: 32-35.
- Шихсаидов, А.Р. (1957), “О проникновении христианства и ислама в Дагестан”, *Ученые записки Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР*, Т. 3, Махачкала: 54-76.
- (1969), *Ислам в средневековом Дагестане (VII-XV вв.)*, Махачкала.

- Щепанская, Т.Б. (1996), “Власть пришельца: Атрибуты странника в мужской магии русских (XIX-начало XX в.)”, *Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции*, СПб.: 72 – 101.
- Seferbekov, R.I. (2009), “Sceptre of Masker (On Some Folk in Dagestan)”, *Iran and Caucasus*, Vol. 13, Leiden-Boston: 111-116.
- (2012), “Patron Deities of the Hunt and Wild Animals in Dagestan”, *Iran and the Caucasus*, Vol.16, Leiden-Boston: 301-307.
- (2014), “Herbaceous Characters in the Popular Beliefs of the Peoples of Dagestan”, *Iran and the Caucasus*, Vol. 18/1, Leiden-Boston: 47-50.
- (2015), “The House-Spirit (*Domovoj*) in Dagestan”, *Iran and the Caucasus*, Vol.19, Leiden-Boston: 139-144.

НЕОЗОРОАСТРИЗМ КАК ЭЛЕМЕНТ ТРАНСФОРМАЦИЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КУРДОВ

Хоссейн Пур-Роспам Хормозйари

Институт востоковедения

Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван

Abstract

Search for archaic roots of their identity has always been typical of the Kurdish milieu. Among the elements of such artificial archaisation are the attempts to trace the ethnic history of the Kurds back to ancient states, ascription of the alleged Kurdish origin to ancient dynasties, etc. For the last decades, the most obvious aspect of this trend among the Kurds has been a search of the Zoroastrian roots and the conversion to Zoroastrianism. This process has become more conspicuous with the rise of the ISIS (the so called Islamic State, a terrorist organisation, the main actor of the current war in the Near East). ISIS' cruelty and enmity particularly towards the representatives of the non-dogmatic religious societies (be this Heterodox Shi'ism, Yezidism, etc.) to a large extent influenced the religious mentality of the Kurds—followers of various confessions (Sunnis, Sufis, Heterodox Shi'as). It is just a desire to dissociate with the Muslim milieu, which gave new impetus to the interest towards the Zoroastrianism, which is erroneously approached as the pre-Islamic religion of the Kurds among the latter. The paper analyzes the reasons of the transformation of the religious identity among the Kurds, and some aspects of this process.

Keywords: *Kurds, Religious Identity, Neo-Zoroastrianism, Zoroastrianism*

Аннотация

Тяготение к архаизации собственной идентичности всегда было типичным для курдского сообщества. Среди элементов искусственной архаизации можно выделить попытки поиска собственного генезиса с возведением его к древним государственным образованиям, приписывание курдских корней древним династиям, и т.д. Подобным элементом в последние десятилетия стал поиск зороастрийских корней и реальный переход в зороастризм среди курдов. Этот процесс особенно усилился на фоне подъема ИГИЛ («Исламского государства» - террористической организации, главного актора военных действий на Ближнем Востоке). Чинимые ИГИЛ зверства, их подчеркнута враждебная позиция по отношению к недогматической ближневосточной среде (крайним шиитам, езидам и т.д.) значительно повлияло на религиозное сознание курдов разных исламских конфессий – будь то курды-сунниты, последователи суфийских орденов или крайнешийских сект. Именно желание не ассоциироваться с исламской средой дали новый толчок интереса к зороастризму, ошибочно воспринимаемому в народе как доисламская религия курдов. В статье анализируются причины трансформации религиозной идентичности курдов и основные аспекты данного процесса.

Ключевые слова: *курды, религиозная идентичность, неозороастризм, зороастризм*

Тяготение к архаизации всегда маркировало процесс выстраивания курдской идентичности, или, если угодно, различных курдских идентичностей. Типичны для курдской среды и попытки поиска собственно генезиса с возведением его к древним государственным образованиям (например, Мидии), и приписывание курдского

генезиса древним династиям, и распространение курдской идентичности на некурдские этнические и этно-конфессиональные группы, и т.д.¹ Так что вопрос трансформаций религиозного самосознания в курдской среде невозможно рассматривать вне проблемы курдской идентичности как таковой.

В последние десятилетия одним из элементов, вписывающихся в данный процесс, является поиск зороастрийских корней и реальный переход в зороастризм среди курдов. Серьезным толчком к активизации этого процесса стал ближневосточный кризис и агрессия ИГИЛ («Исламского государства» — террористической организации, главного актора военных действий на Ближнем Востоке). Подчеркнутая жестокость не только ведения боевых действий, но и обращения с мирным населением структуры, отождествляющей себя с исламом, серьезно повлияло на мусульманский маркер идентичности многих курдов, прежде всего — тех, для которых он никогда не был решающим. Последние, кстати, часто находят комфорт в лефтистских группах с атеистической идеологией или сами обращаются к атеизму.² Многие, однако, пытаясь дистанцироваться от ислама, принимают зороастризм, считая его «доисламской религией курдов».³ Впрочем, говоря об этой тенденции, следует определить новое религиозное поле как неозороастризм, поскольку нынешнее курдское осмысление этой древнеиранской религии имеет очень мало общего с зороастризмом в классическом понимании этого термина. Эдит Сцанто (Szanto 2018: 97) характеризует курдский зороастризм как явление сугубо националистическое, постмодернистское и либеральное: принявшие зороастризм курды крайне чувствительны в вопросах курдского национализма и прав женщин.

Первый из вышеупомянутых моментов проявлен, прежде всего, в том, что так называемые курды-зороастрийцы увязывают собственную курдскую идентичность с иллюзорным прошлым (the imagined past). Второй момент крайне важен в плане противопоставления статуса женщины в современном курдском обществе с таковым в консервативной исламской среде. Этот элемент еще в большей степени актуализируется на фоне активного участия курдских женщин в военных действиях против ИГИЛ. Впрочем, последнее требует специального пояснения в свете особого, более свободного статуса женщин в недогматической и неконсервативной мусульманской среде в целом. Так, например, в крайнешиитских сообществах, к которым принадлежит определенная часть курдов, статус женщины принципиально отличается от такового в консервативном поле. Кроме того, одной из основных

¹ См., в частности, Asatrian 2009: 21-23.

² Речь идет, прежде всего, об алевитской среде, в которой лефтистские идеи органично уживаются с декларированием общечеловеческих ценностей как основной идеологии. См., в частности, Араkelова 2012-2013.

³ Еще одно аналогичное заблуждение того же характера — взгляд на езидизм как на доисламскую религию курдов. Езидизм как феномен оформился в период с 11 по 14 век на основе суфийского ордена Адавийя и является производной ислама со множеством элементов недогматической ближневосточной среды (см., например, Guest 1987; Араkelова 2006; Asatrian/Arakelova 2014; etc.). Интересно, что когда идея о зороастрийских корнях курдов впервые была озвучена Бадр Ханом в 1930-х гг., езидизм как раз рассматривался им как некий пережиток зороастризма (Allison 2009: 285-290). Последнее заблуждение до сих пор распространено в околонучной среде.

этнографических особенностей сообществ, занимающихся отгонным скотоводством (занятие типичное для курдского конгломерата) также является более свободные поведенческие нормы для женщин. Так что актуализация женского аспекта в новом поле вовсе не случайна—этим элементом так или иначе курдский континуум был маркирован и до появления новых религиозно-общественных тенденций.

Институализации неозороастризма среди курдов была начата более десятилетия назад. Нури Шариф, один из инициаторов данного процесса, в 2006 зарегистрировал в Европе Курдскую зороастрийскую организацию и вскоре основал в Эрбиле Верховный совет зороастрийцев Курдистана (Neurink 2015).

Сегодня, согласно докладу, опубликованному Комиссией США по международной религиозной свободе (United States Commission on International Religious Freedom), в Иракском Курдистане насчитывается от десяти до ста тысяч обращенных в зороастризм курдов (Smith/Shadarevian 2017: 19), хотя верхний предел однозначно кажется маловероятным. Нури Шариф отмечает в одном из интервью: «Люди... пострадали от иной веры. Сейчас для нас судьбоносное время, с нас достаточно. От ДАЕШ мы не видели ничего, кроме смерти и насилия» (Neurink 2015).

Очевидно, что типичное для курдской среды дистанцирование от догматического ислама и, шире, арабского мира, всегда бывшее частью фольклорного нарратива (Barber 2017: 33-35), достигло определенного уровня, порождающего новое качество в виде новых маркеров курдской идентичности.

Интересен взгляд на фигуру Зороастра, которым Нури Шариф делится в том же интервью и который, судя по всему, является общепринятым в среде курдов-зороастрийцев: «Зороастр [Зардашт] не был пророком, подобным тем, что существуют в исламе или христианстве. Он не был послан богом как его представитель. Он созерцал бытие и вселенную. Он был человеком, полным мудрости. Для меня он пророк, но пророк, принесший философию, обретенную им самим... Все, что он говорил – слова не бога, но человека... Зардашт первым призвал верить в единого бога, Ахура-Мазду, творца всего сущего...». Ссылается Шариф на изданную им книгу избранных мыслей Зороастра, почерпнутых из Авесты (Neurink 2015; Mehrnūš 2014; Gol 2017).

Одной из наиболее привлекательных деталей общего неозороастрийского нарратива в курдской среде является утверждение, что сам Зороастр был курдом. Несмотря на очевидную абсурдность, утверждение это находит живой отклик в массах, способствует восприятию зороастризма как древней религии курдов и позволяет самим курдам воспринимать процесс распространения неозороастризма как «возвращение к корням». Впрочем, данный факт органично укладывается в общую схему архаизации всего курдского и в успешном применении этого механизма в пропагандистских целях.

Так или иначе, новое явление продолжает активно распространяться и институализироваться—в 2015 году в Сулейманийе было открыто сразу два зороастрийских центра, признанных Курдским региональным правительством северного Ирака, планируется открыть третий. «Мы проводим семинары по всему

Курдистану, - продолжает Шариф, - Энтузиазм по поводу возвращения к корням высок среди курдов всех уровней—среди профессоров, политиков и обычных людей. Сотни тысяч заинтересованных, и число их растет» (Neurink 2015). При этом, организаторы пытаются представить неозороастризм, прежде всего, как альтернативное культурное поле, не обязывающее к четкому следованию ритуальным практикам, к определенному количеству молитв и т.д.

Проповедь курдской версии зороастризма основана на двух существенных аргументах. Во-первых, на объяснении того, что на протяжении веков арабы преследовали и уничтожали курдов во имя ислама. Более того, у этого поля появляется и серьезный политический аспект: курды-зороастрийцы считают, что ислам всегда был тормозящей силой в истории курдов и что, принимая зороастризм, они, таким образом, выбирают прогресс и дистанцируются от курдов-мусульман, чей «ум и дух поработаны исламом». Кроме того, в данном контексте принятие зороастризма рассматривается и как элемент протеста против угнетения в целом. Во-вторых, уже упомянутый выше статус женщины в курдском сообществе исключает свойственные исламу многоженство и практику закрытия лица (Szanto 2018: 100). Особую значимость «женский фактор» приобрел в последние годы на фоне широко распространившегося с появлением ИГИЛ сексуального рабства.⁴

Фактически, негативный нарратив об исламе—от уничижительных анекдотов до демонизации религии как таковой—стало основой зороастрийской проповеди в Ираке (ibid.: 101 и далее). При этом курды-зороастрийцы находят понимание и даже поддержку в среде курдов-мусульман. Зороастризм, таким образом, постепенно становится элементом общекурдского националистического поля и не входит в противоречие с умеренно мусульманским курдским континуумом.

Завершая данный обобщающий обзор, следует отметить, что, как и всякому явлению, вошедшему в период институционализации, курдскому неозороастриму еще предстоит пройти этапы формализации идей, возможного спада активности, внутренних противоречий, противостояния внешним факторам и проч. Однако сам факт того, что курдский неозороастризм позиционирует себя не как сугубо религиозное поле с оформленными догматическими требованиями, но, скорее, в качестве культурного феномена, у него есть все шансы занять прочную нишу в разных частях курдского конгломерата и стать одним из элементов сложной курдской идентичности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аракелова, В. (2006), «К истории формирования езидской общины», *Iran-Nameh: Armenian Journal of Oriental Studies*, 40: 63-66
- Аракелова, В. (2012-2013), «Алевиты: Шиитский андерграуд?», *Iran-Nameh: Armenian Journal of Oriental Studies*, 44-45: 12-20.

⁴ Крайне болезненная тема, получившая широкий отголосок во всем мире,—тысячи плененных и угнанных в сексуальное рабство езидских женщин (см., в частности, Nicolaus 2017).

- Allison, C. (2009), "Representations of Yezidism and Zoroastrianism in the Kurdish Newspapers Hawar and Roja Nû," C. Allison, A. Joisten-Pruschke, A. Wendtland (eds.), *From Daēnā to Dîn: Religion, Kultur und Sprache in der iranischen Welt*, Wiesbaden: 285-291.
- Asatrian, G. (2009), "Prolegomena to the Study of the Kurds", *Iran and the Caucasus*, vol. 13: 1-58.
- Barber, M. (2015), *Sunni Kurdish Converts to Zoroastrianism in Iraqi Kurdistan: Kurdish Nationalism and the Contemporary Attraction for an Ancient Faith*, Master's Thesis, University of Chicago.
- Gol, Ž. (2017), "Gāthā-ye Zardošt dar kūhestānhā-ye Kordestān-e 'Arāq", BBC Persian News (<http://www.bbc.com/persian/world-38812034>; access August 2018)
- Mehrmūš, D. (2014), "Āyīn-e Zardošt dar manateq-e kord-nešīn", Now-gerā (<http://eslahe.com/10043>, access June 2018).
- Neurink, J. (2015), "Zoroastrian Faith Returns to Kurdistan in Response to ISIS Violence", *Rudaw* 2 June (<http://rudaw.net/english/kurdistan/020620153>, accessed August 2018 2017).
- Nicolaus, P. (2017), "Sex-Slavery: One Aspect of the Yezidi Genocide", *Iran and the Caucasus*, vol. 21.2: 196-229
- Smith, C.M.I./Shadarevian, V. (2017), *Wilting in the Kurdish Sun: The Hopes and Fears of Religious Minorities in Northern Iraq*, The United States Commission on International Religious Freedom, May (<http://www.uscirf.gov/sites/default/files/Kurdistan.Report.pdf>, accessed December 2017).
- Szanto, E. (2018), "'Zoroastr was a Kurd!': Neo-Zoroastrianism among the Iraqi Kurds", *Iran and the Caucasus*, vol. 22.1: 96-110

СУФИЙСКИЙ ОРДЕН ХАЛВАТИЙЯ В ГОРНОЙ АВАРИИ: НОВЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СУФИЗМА В СРЕДНЕВЕКОВОМ ДАГЕСТАНЕ (XVI-XVII ВВ.)

Шахбан Хапизов, Магомед Шехмагомедов, Рамзан Абдулмажидов

Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН, Махачкала

Abstract

It has always been assumed that the active penetration of the Khalwatiyya *tariqa* to Dagestan should be dated back to the 19th century, the period of the Russian expansion to the Northern Caucasus, the Sufi teaching having allegedly been an ideological platform for the resistance against the Russian Empire. However, the materials presented in this paper clearly indicate that already in the 16th century, the Khalwatiyya sheikhs effectively preached in the Avar and Tsakhur communities of Dagestan.

Keywords: *Sufism, Khalwatiyya tariqa, Iran, Shirvan, Dagestan, Arabic Epigraphy*

Аннотация

Проникновение суфийских тарикатов в Нагорный Дагестан обычно принято увязывать с событиями XIX в. Успешность их проповеди именно в этот период объясняют особенностями общественно-политической ситуации на Восточном Кавказе, требовавшей идеологической платформы для нарождавшегося сопротивления экспансии Российской империи в этот регион. Однако, ряд данных, в том числе полученных авторами в ходе исследовательской работы, указывают на то, что еще в XVI в. в Нагорном Дагестане, по крайней мере, в аварских и цахурских общинах прочные корни пустили суфии из тариката Халватийя. Помимо прочего, данное исследование подтверждает тезис о вытеснении Сефевидами приверженцев тариката Халватийя из Ширвана не только в Османскую империю, но и в Дагестан.

Ключевые слова: *Суфизм, тарикат Халватийя, Иран, Ширван, Дагестан, арабская эпиграфика*

Проникновение суфийских тарикатов в Нагорный Дагестан обычно принято увязывать с событиями XIX в. Успешность проповеди суфизма именно в этот период объясняют особенностями общественно-политической ситуации на Восточном Кавказе, требовавшей идеологической платформы для зарождавшегося сопротивления экспансии Российской империи в этот регион. Однако, в ходе исследовательской работы, авторам настоящей статьи удалось получить данные, которые позволяют соотнести процесс распространения суфизма в Нагорном Дагестане с гораздо более ранним периодом. Множество фактов указывают на то, что еще в XVI в. в Нагорном Дагестане — по крайней мере, в аварских и цахурских общинах — прочные корни пустили суфии из тариката Халватийя. Об этом убедительно свидетельствуют выявленные нами в горной Аварии материалы о наличии и распространении здесь суфийской сети.

Необходимо отметить, что в работе автора специального исследования по тарикату Халватийя Н. Алескеровой, а также в ряде других источников не приводится никаких данных о функционировании этого братства на территории Дагестана, что в

еще большей степени повышает актуальность вводимых в научный оборот материалов.

Братство Халватийа возникло на территории северо-западного Ирана и части современной Азербайджанской Республики во второй половине XIV в. как ответвление другого тариката — Сухравардийа. В указанный период этот регион был в основном ареалом распространения шафиитского мазхаба суннитского ответвления в исламе,¹ что, безусловно, стало залогом успеха их проповеди в Дагестане, который также был населен в массе своей суннитам–шафиитами.

Таким образом, как Сухравардийа, так и его ответвление Халватийа можно считать шафиитскими тарикатами, несмотря на попытки Н. Алескеровой увидеть в их становлении шиитские корни. Однозначно неверной следует считать и ее трактовку тариката Халватийа как «тюркского братства» (Алескерова 2015: 199), поскольку регион его возникновения и последующего расцвета в XIV-XVI вв. был почти исключительно ираноязычным. Гилян и Талыш и по сей день остаются таковыми, а Апшерон, Шемаха и Куба сохраняют островки распространения иранских диалектов – татского и лагичского языков, которые прежде являлись единым целым.

Как раз наоборот, результаты исследования самой Н. Алескеровой говорят о том, что с приходом к власти в северо-западном Иране династии Сефевидов (1501-1732), являвшихся к тому времени «представителями интересов тюркоязычных племен–ревностных приверженцев шиизма», общины последователей тариката Халватийа «были вытеснены из этих регионов и перебрались на территорию Османской империи... После переезда основных шайхов в Османскую империю в XV-XVI вв. Азербайджан и Иран перестали быть центром братства Халватийа» (Алескерова 2015: 199).

Наше исследование, в свою очередь, подтверждает тезис о вытеснении Сефевидами приверженцев тариката Халватийа из Ширвана не только в Османскую империю, но и в Дагестан.

Преемниками Умара ал-Халвати были в основном жители Шемахи и ее окрестностей, а сам город стал центром тариката Халватийа. Наиболее выдающимся из его представителей был Йахйа ал-Бакуви (Йахйа б. Баха ад-Дин аш-Ширвани аш-Шамахи ал-Халвати, ум. в 1463-64 г.). Родился Йахйа в городе Шемаха, в семье известного и влиятельного купца (Ашурбейли 1983: 250), стоявшего во главе сайидов Ширвана и носившего титул *накиб ал-аураф*. Впоследствии ему удалось приобрести влияние на правителя Ширвана Халил-Аллаха I (1418-1464), который, как и его отец Ибрахим I (1382-1417), во внешней политике ориентировался на Тимуридов, воевавших с шиитскими правителями конфедерации кочевых тюркских племен Кара-Коюнлу. В этом противостоянии идеологическую поддержку Тимуридам и их вассалам Ширваншахам оказывали шайхи тариката Халватийа. В частности, шайх Изз ад-Дин ал-Халвати (ум. в 1407 г.), будучи в городе Марага, встречался с амиром Тимуром Барласом (1370-1405) и пользовался его расположением (Алескерова 2015: 77).

По приглашению Халил-Аллаха Йахйа покинул Шемаху и обосновался в Баку, являвшемся столицей ширваншахов. Для него была выделена мечеть Кей-Кубада и резиденция на территории дворца ширваншахов. Более того, и сам Халил-Аллах стал

¹ Следует отметить, что до начала XVI в. большинство населения Ирана были суннитами шафиитского мазхаба (Петрушевский 2007: 371).

последователем (муридом) шайха Йахйа, принявшего нисбу ал-Бакуви. Здесь его духовное наставничество приобрело огромные по тем временам масштабы – число его муридов достигло 10 тысяч, а центр братства Халватийа переместился в Баку (Ашурбейли 1983: 250).

Сам тарикат приобрел в государстве Ширваншахов главенствующую роль. Йахйа умер через девять месяцев после смерти Халил-Аллаха (Алескерова 2015: 79) и был похоронен в специально выстроенном мавзолее, который по сей день является собой замечательный архитектурный памятник исторической части города Баку. После смерти Йахйа шайхом Халватийа стал Зийа ад-Дин Йусуф ал-Мускури (ум. 1475 г.) (Неймат 1991: 64) – «потомок арабских переселенцев, прибывших из Мадины в Карабах, а оттуда в село Мускур в Кубе» (Алескерова 2015: 79). На самом деле, Мускур, или Мушкур – историческая область, а не населенный пункт, и расположена она была в пределах современного Хачмасского района Азербайджана. Здесь же, в селении Шихлар находятся захоронения Йусуфа и его сына Мухаммад-Амина. После смерти своего наставника, Йусуф покинул Баку и обосновался в Шемахе, которая снова стала центром Халватийа. Его преемником стал Мухаммад-Захид ал-Барда'и (в других источниках – Мухаммад Ракийа, Мухаммад Кубинский (Закарияев 2011: 111), передавший разрешение на наставничество Шах-Кубаду Ширвани (ум. в Баку в 1502 г. (Тагиев 2011: 110)), от которого оно перешло к шайху Амиру Агдаши (Айтберов 2010: 185). Исследования дагестанских востоковедов Т.М. Айтберова и З.Ш. Закарияева позволили прояснить многие детали биографии последнего. Прежде всего, стоит отметить, что в источниках его имя и нисба даны в различных вариациях – «шайх Султан шайх Амир ал-Мишлиши», «Ших Амир Агдаши», «Шайхамир Мушлиши» и т.д. Связано это с тем, что, будучи уроженцем населенного пункта Агдаш в Ширване (левобережье Куры), он вынужден был переехать в первой половине XVI в. Южный Дагестан, в цахурское селение Мишлеш, расположенное в долине реки Самур (Закарияев 2011: 105-111), где и был похоронен в 970 г.х. (1562-63 г.) (Шуайб б. Идрис ал-Багини 1996: 417). Согласно записи на полях рукописной книги, переписанной в XVI в. в Нагорном Дагестане, «первоначально Шайх-Амир находился в селении Мулаг», под которым, вероятно, следует понимать цахурское сел. Муслах в Самурской долине. О его желании переселиться в Мишлеш узнала богатая женщина и попросила остановиться у нее. Шайх Амир принял приглашение и впоследствии женился на ней. «Умер он стариком и был похоронен на пашне той женщины» (Айтберов 1977: 74-77). Закарияев установил, что шайх Амир передал разрешение на наставничество нескольким преемникам в Южном Дагестане, среди которых наиболее известен Махмуд аз-Захури (Закарияев 2011: 109).

Айтберовым (2010: 185) уже был опубликован вариант силсилы шайхов Халватийа, датированный первой половиной XX в., согласно которому, «Ших-Амир Агдаши» сделал своим преемником шайха «Йунуса ад-Дагистани ал-Ансалти», а тот — «Ших-Мухаммада ад-Дагистани из Гидатля». В нашем распоряжении оказались некоторые рукописные материалы по истории тариката Халватийа в Нагорном Дагестане, в том числе еще один вариант цепочки (силсила) шейхов данной ветви.

Перевод: «Полюс всех пророков – Мухаммад ал-Мустафа, да пребудет с ним мир и благословение Аллаха, так как он – печать всех пророков и полюс всех святых – Али, да почтит Аллах его лик, так как он – печать четырех совершенных халифов. Цепочка обучения: начало идет от нашего пророка Мухаммада, да пребудет с ним мир

и благословение Аллаха, к Али, да почит Аллах его лик, к Хасану ал-Басри,² к Хабибу ал-'Аджами,³ к Давуду ат-Та'и,⁴ к Ма'руфу ал-Курхи,⁵ Сари ас-Сакати,⁶ Джунайду ал-Багдади,⁷ к Мумшаду ад-Динавари,⁸ к Мухаммаду ал-Бакри,⁹ к Вахий ад-Дину ал-Кази Умару ал-Бакри,¹⁰ к Наджибу ас-Сухраварди¹¹, к Кутб ад-Дину Абу-Бакру Абхари,¹² к Рукн ад-Дину ан-Наххаси,¹³ к Шихаб ад-Дину Махмуду ат-Тибризи,¹⁴ к сайиду Джамал ад-Дину,¹⁵ к шайху Ибрахиму Захиду ал-Кулали,¹⁶ к шайху Сафи ад-Дину,¹⁷ к Ахи-Мухаммаду,¹⁸ к 'Умару ал-Халвати,¹⁹ к хаджи 'Изз ад-Дину,²⁰ к пир Садр ад-Дину,²¹ к сайиду Йахйа ал-Бадкуви²², да освятит Аллах их души. От него к почтенному Йусуфу ал-Мускури,²³ к Мухаммад-Захиду ал-Барда'и,²⁴ к шайху Шах-Кубаду Ширвани,²⁵ к шайху Амиру Агдаши,²⁶ к шайху Йунусу ад-Дагистани ал-Ансалти,²⁷ к шайху Мухаммаду ад-Дагистани ал-Гидали,²⁸ который

² Хасан ал-Басри (Аль-Хасан ибн Аби-л-Хасан аль-Басри) (ум. 728) – известный мусульманский проповедник и богослов. К его имени восходит силсила многих суфийских орденов.

³ Хабиб б. Мухаммад ал-Аджами (ал-Фариси) (ум. 747) – ученик Хасана ал-Басри, уроженец персидской провинции Хорасан; жил и похоронен в Багдаде.

⁴ Дауд ат-Таи (Абу Дауд ибн Сулейман Нусайр ал-Та'и (ум. 781-2) – аскет из Куфы (на юге Ирака).

⁵ Ма'руф ал-Кархи (Абу Махфуз Маруф Ибн Фируз аль-Кархи) (ум. 815) – ученик Дауда ат-Таи, известный суфийский святой. Он был христианином, и история его обращения в ислам является одной из самых известных среди исламских преданий.

⁶ Сари ас-Сакати (Абу-л-Хасан ас- Сари ибн ал-Мугалис ас Сакати) (ум. 867) – видный багдадский суфий, богослов-мистик персидского происхождения.

⁷ Джунайд ал-Багдади (Абу-л-Касим ал-Джунáйд ибн Мухаммад ал-Багдади) (ум. 910) – племянник Сарри ас-Сакати, родоначальник одного из двух основных течений суфизма – рационалистического, именуемого «учением о трезвости» и полном самоконтроле.

⁸ Ибрагим Мумшад ад-Динавари (Мемшад ад-Динавари) (ум. 911) – преемник Джунайда ал-Багдади, выходец из Динавара в иранской провинции Керманшах, который так и не оправился после разрушения его Тимуром Барласом.

⁹ Абу 'Абдаллах Мухаммад ад-Динавари ал-Бакри (ум. 990).

¹⁰ Абу Хафс 'Умар Вахи ад-Дин ал-Кази ал-Бакри (ум. 1089 или 1094).

¹¹ Наджиб ас-Сухраварди (Зийа ад-Дин Абу-н-Наджиб ас-Сухраварди) (1097-1168) – суннит персидского происхождения, родом из города Сухравард близ Зенджана, населенном суннитами шафийтского мазхаба. Основатель суфийского ордена Сухравардийа.

¹² Кутб ад-Дин Абу-Бакр Абхари (Абу Рашид Кутб ад-Дин ал-Абхари) (ум. 1226).

¹³ Рукн ад-Дин Мухаммад ан-Наххас ал-Бухари (ум. 1240).

¹⁴ Шихаб ад-Дин Махмуд ат-Тибризи (ум. 1252).

¹⁵ Джамал ад-Дин ат-Тибризи аш-Ширази (ум. 1273).

¹⁶ Ибрахиму Захиду ал-Кулали (Тадж ад-Дин Ибрахим аз-Захид ал-Гилани б. Рушан ал-Курди ас-Синджани) (ум. 1301). Средневековый иранский поэт и общественный деятель, суфийский дервиш, глава ордена Захидийа в Лахиджане.

¹⁷ Сафи ад-Дин ал-Ардабили (ум. 1358) – основатель суфийского ордена Сефевийа, родоначальник династии Сефевидов.

¹⁸ Ахи Мухаммад (Карим ад-Дин Ахи Мухаммад б. Нури ал-Халвати ал-Хваризми) (ум. 1317).

¹⁹ Сирадж ад-Дин 'Умар ал-Халвати (ум. 1397).

²⁰ 'Изз ад-Дин Туркмани ал-Халвати (ум. 1424).

²¹ Садр ад-Дин ал-Хийави ал-Халвати (ум. 1456).

²² Йахйа ал-Бакуви (Йахйа ал-Бакуви аш-Шемахи ал-Халвати) (ум. 1464).

²³ Ум. 1475.

²⁴ Дата смерти неизвестна.

²⁵ Ум. 1502.

²⁶ Ум. 1562-63.

²⁷ Ум. 1599/1600.

²⁸ Ум. 1636/37.

является полюсом полюсов (кутб ал-актаб).²⁹ Взято из сочинения «Силсила ал-масну'ат». Составлено 27 мухаррама 1358 г. по хиджре (18.03.1939 г.)). Сбоку текста документа имеется приписка: «Дата смерти шайха Йунуса ал-Ансалти 801 год (начался 20.09.1398 г.)».

Под основным текстом документа имеется также дарственная запись: «На память от автора строк – бедного Мухаммада, сына хаджи Ханмухаммада, своему дорогому брату, проникательному ученому хаджию Хаджи-Мухаммаду ал-Ансалти. Я обнаружил ее (запись) в старом тексте, переписанном 10 зул-хиджа 1300 г. (11.10.1883 г.)» Сравнительный анализ данной силсилы показывает, что ее содержание в целом идентично переведенному Айтберовым варианту (2010: 185-186), а точнее — является ее более ранней копией.

В нашем распоряжении оказался еще один документ из частной библиотеки в сел. Муни,³⁰ который проливает свет на обстоятельства, способствовавшие распространению «801 года хиджры» в качестве даты смерти шайха Йунуса ал-Ансалти. Перевод: «Дата смерти шайха Йунуса ал-Ансалти по родине (ватан), аш-Шами (сирийца) по происхождению – 801. Дата его смерти была не известна нам, а также всем нашим ученым, однако 25 мухаррама 1358 г. (16.03.1939 г.) я с братьями – учеными Мухаммадом, сыном Ханмухаммада-хаджи и Давудилавом ал-Ансалти ал-Кили³¹ – посетили его усыпальницу (хуждру). После совещания по этому поводу, мы решили посмотреть на его могильную плиту, чтобы прочесть надпись и найти дату его смерти. После внимательного рассмотрения и исследования, мы обнаружили эту дату, которая была сокрыта под толстым слоем белой пыли, покрывавшей ее в течение долгих лет. Я записал эту дату, чтобы она служила воспоминанием для наших братьев, следующих за нами. О Аллах, излей на нас благословение шайха и одари его заступничеством в Судный день нуждающегося хаджия Хаджи-Мухаммада ал-Ансалти».

Согласно записанному нами устному преданию, Йунус ал-Ансалти проявил свою святость во время длительной засухи, поразившей окрестности Ансалты. Из-за последовавшей за ней бескормицы начался падеж скота. Вся община Ансалты три дня молилась о ниспослании дождя, однако, не получив просимого, уже начала расходиться. В это же время, шайх Йунус после совершения двухракатного намаза воздев руки к небу, начал просить Всевышнего о ниспослании дождя. Ансалтинцы обратили на него внимание лишь тогда, когда у него во время мольбы из груди вырвался крик «Аллах!». После этого начал идти дождь, который шел целую неделю и оживил всю округу. Между селениями Ансалта и Рахата в местности *ЛьуцИмла* (авар. – «на болоте»), рядом с мостом, позади мельницы расположена гряда камней, сложенная на месте, где ансалтинцы просили ниспослания дождя.

В краеведческой литературе приводится вышеуказанное предание о ниспослании дождя по просьбе шайха, а также информация о принадлежности шейха к одному из четырех крупных родов сел. Ансалта – «Бакъльуал», по происхождению являвшихся выходцами из сел. Нижний Батлух (Рашидов 2014: 41, 43) (ныне в Шамильском районе РД). Кроме того, по преданиям, в сел. МаккайЧоб, на границе с Ансалтой, в обществе Чеберлой, находится могила брата Йунуса – «шайха Йусуфа».

²⁹ Кутб – в суфийских братствах высшая степень святости.

³⁰ Ныне в Ботлихском р-оне РД.

³¹ Согласно нисбе, Давудилав, являясь выходцем из ущелья Келеб, поселился в сел. Ансалта.

Иных сведений о шайхе йунусе в устной традиции не запечатлелось, что, впрочем, и не удивительно, учитывая, что с даты его смерти прошло более 400 лет.

В настоящее время в сел. Ансалта на кладбище имеется *зийарат* – небольшое прямоугольное строение, состоящее из двух комнат. Время его сооружения неизвестно, на внешней стене *зийарата* имеется надпись, сообщающая только о его реставрации в 1297 г.х. (начался 14.12.1879 г.). В первой комнате *зийарата* – место для совершения молитвы и две могилы, а вторая была под замком последние несколько лет по причине потери ключей от ведущей в нее двери. По нашей просьбе смотрители *зийарата* спилили замок, что позволило осмотреть внутреннее помещение, в котором обнаружили еще три могилы. Они представляли собой возвышающиеся над землей прямоугольные очертания земляных насыпей, которые были плотно утрамбованы и покрыты несколькими слоями извести и побелки. Слоями земляного раствора и побелки были покрыты и надмогильные плиты, установленные у захоронений. Нами были очищены отдельные участки плит, которые оказались лишены каких-либо надписей или орнамента. Однако, при более тщательном исследовании внутреннего помещения *зийарата*, в его углу под слоями тканей были обнаружены несколько обломков каменных плит с арабской вязью. Попытка сложить из них цельные надмогильные плиты увенчалась успехом.

Это оказались обломки трех надмогильных плит, две из которых принадлежали самому шайху Йунусу, а третья – его сыну Мухаммаду. Первая плита, судя по всему, была изначально установлена над могилой шайха Йунуса, но от нее сохранились не все фрагменты, а лишь часть плиты размерами 46 x 33 см. Вторая плита была изготовлена в 1300 г.х. (начался 11.11.1882 г.) и была меньше оригинальной (44 x 40 см.). Удалось собрать и надмогильную стеллу, принадлежавшую Мухаммаду, сыну Йунуса (62 x 33 см.). Все они изготовлены из относительно редкого камня – плотного белого известняка, известного аварцам как «лъадал гIуцI» (водный камень), который добывается в одном из ущелий к северо-западу от сел. Ансалта.

Первая, оригинальная надмогильная плита Йунуса с обеих сторон была покрыта надписями и орнаментом. На его лицевой стороне имеется каплевидный округлый медальон, в центре которого отчетливо читается дата – «107». Эти же цифры повторяются и на свободном поле выше медальона. Сама эпитафия не сохранилась за исключением отдельных слов, которые, однако, не образуют какой-либо осмысленной фразы.

Вторая надмогильная плита шайха Йунуса, собранная нами из четырех обломков, представляет собой П-образное поле, в центре которого имеется основная запись: «Хозяин этой могилы – Йунус, сын Мухаммада, да помилует Аллах их грехи». По краям имеется надпись, которая из-за фрагментарности не подлежит прочтению. На ней также присутствуют вышеуказанные цифры, однако они написаны в обратном порядке.

Третья плита, принадлежащая сыну шайха, собранная нами из трех обломков, имеет по краям полосы с растительным орнаментом, а в верхней части плиты – поле, имеющее каплевидный медальон с двумя розетками по обеим его сторонам. Орнамент в целом напоминает поверхность, с которой сочится жидкость, и капля, в которой отражается цветочный орнамент, соединена с поверхностью лишь тонкой нитью. В нижней части плиты в одном поле содержится краткая эпитафия: «Хозяин этого камня – Мухаммад, сын Йунуса, да помилует Аллах их грехи».

Что касается захоронений в первой комнате *зийарата*, то на одном из них установлена надмогильная плита из того же плотного белого известняка с эпитафией:

«Мухаммад, упокоился паломник двух святынь в 1206 году» (начался 30.08.1791 г.). Вторая надмогильная плита изготовлена из скальной породы серого цвета и имеет следующую надпись: «1. Смерть – истина, а жизнь – обман. Сахиба – дочь. 2. Смерть – истина, а жизнь – обман. Хозяйка этой могилы – Сахиба, дочь Мухаммада Мамалава шайха ал-Мачади». Мухаммад б. Мама (авар. – *МухИаммад Мамалав*) ал-Мачади являлся шайхом, получившим *иджаза* от Йунуса ал-Ансалти. Факт захоронения в данном *зийарате* его дочери, на наш взгляд, может свидетельствовать о том, что она была замужем за сыном Йунуса – Мухаммадом, а, следовательно, Мухаммада б. Мама и Йунуса ал-Ансалти связывало не только духовное родство.

В помещении *зийарата* хранятся несколько рукописей, в одной из которых нами был обнаружен интересный документ, имеющий отношение к теме нашего исследования. Перевод: «Во имя Аллаха, милостивого и милосердного. Это разъяснение на завтрашний день. Сделал завещание Сулайман в селении Йунус-шайха ал-Ансалти. Пахотное поле в [местности] *Заналь*, на котором засеивается 2,5 мерки [завещаю сдать в аренду] для того, чтобы выплачивать в качестве штрафа [за свои прегрешения] в течение трех лет. Затем, [завещаю] его кому-либо из этого дома или рода (Сулаймана), кто ежегодно в месяц Рамадан будет читать Коран, находясь в этой усыпальнице. В противном случае [урожай] отдается на нужды этого селения. Пахотное поле в [местности] *Зобальа*, на котором засеивается 4 мерки, тому, кто совершит за него хадж и 1 барана для раздачи милостыни (садака) в мечети в день жертвоприношения». Кроме того, по полученным нами сведениям *зийарат* Йунуса ал-Ансалти имел самостоятельный вакф, которому принадлежали пахотные земли, садовые участки и стада овец.

То, что в Ансалте в XVI в. имелись лица, получившие хорошее образование на арабском языке, свидетельствует запись в колофоне рукописи «Зикр ал-мавт»,³² хранящейся в мечети сел. Шотота Хунзахского района: «*Завершилось написание этого сочинения рукой ничтожного и грешного раба, нуждающегося в милости Всевышнего, Милостивого в мадраса нашего великого господина, опережающего всех ученых по знаниям, пониманию и пронизательности, самого выдающегося в вынесении решений и самого благочестивого в части деяний, отрешенности от мирского. И если сказать: если бы он продолжал искать знания, то все авторы... Мухаммада, сына Шахбацава (Шагь-БацIав), да исполнит Аллах их желания в раю Фирдаус, шафиита по мазхабу, ал-Ансалти (ансалтинца) по роду, ал-Авари (аварца) по родине в 939 году*» (начался 12.08.1532 г.).

А.Р. Шихсаидов, описавший эту рукопись в ходе археографической работы в 2006 г., указывает, что она написана «Мухаммадом, сыном Шахира, шафиитом по мазхабу, ал-Ансалти (ансалтинцем) – по происхождению, ал-Авари – по своей родине». Он отмечает, что эта рукопись позволила сделать еще одно открытие – «имя основателя и руководителя медресе XVI в. – Мухаммада, сына Шахира из аварского с. Ансалта, чрезвычайно авторитетного в Дагестане устада, если судить по его высоким эпитетам» (Шихсаидов 2007: 120).

Переходя к изложению выводов нашего исследования жизнедеятельности Йунуса ал-Ансалти, отметим, что до последнего времени была распространена версия, согласно которой, он умер в 801 г. хиджры. Вместе с тем, известный знаток истории Дагестана Мансур Гайдарбеков в своем собрании памятных записей, зафиксировал и

³² Часть знаменитого суфийского этико-догматического трактата ал-Газали (ум. в 1111 г.) под названием «Ихйа' ’улум ад-дин» («Оживление наук о вере»).

такую информацию, с оговоркой «из его надгробия в Ансалте»: «Умер шейх, преподаватель и ученый арабист Юнус сын Мухаммеда из Ансалта в 901 (1398-99)» (Гайдарбеков 1970-71: Ф. 3. Оп. 1. Д. 236. Т.9. Л. 1.). Позднее Л.И. Лавров, со ссылкой на сообщение Т.М. Айтберова, опубликовал рукописную копию эпитафии, «обнаруженную на полях одно из арабских книг»: «Умер шейх, ученый Йунус б. Мухаммад ал-Ансалти в 801 году» (Лавров 1980: 34). Т.М. Айтберов позднее впервые установил и принадлежность шайха Йунуса к «халватийскому ордену», а также повторно дал информацию о наличии вышеуказанных сведений о дате смерти шайха (Айтберов 1990: 85).

Обобщая информацию, которую нам удалось собрать по шайху Йунусу, отметим, прежде всего, что датой его смерти мы считаем 1007 г.х. (начался 3.08.1598 г.), а не 801 г. (начался 20.09.1398 г.). К этому выводу мы пришли, исходя из следующих исходных данных. Во-первых, преемник шайха Йунуса – шайх Мухаммад ал-Мачади скончался в 1636/37 г. (об этом ниже), а учитель – шайх Амир ал-Агдаши ал-Мишлиши – в 1562/63 г. Логично предположить, что дату смерти Йунуса следует расположить между двумя этими датами. Во-вторых, очевидно, что вышеуказанная группа ансалтинцев, предпринявшая в 1930-х гг. исследование *зийарата* шайха Йунуса, смогли прочесть на его надмогильной плите только три цифры – 8, 0 и 1. Однако прочитали они их в неверном порядке. Трудностей для прочтения добавило, судя по всему, и то обстоятельство, что арабская цифра «ноль» пишется в виде точки, которая с течением времени могла не сохраниться или плохо читаться. Что касается прочитанной ими арабской цифры 8 (٨), то, как известно в перевернутом виде она превращается в цифру 7 (٧). Эти же цифры они нанесли и на обломок его оригинальной надмогильной плиты, а также на его копию.

Необходимо учитывать и тот факт, что в дагестанской традиции порядок цифр в арабских текстах иногда читается справа налево – это явление спорадически встречается в дагестанских арабских текстах. Кроме того, дата написана отдельно от текста — в розетке, расположенной в центре плиты. В данном случае дата могла бы вполне быть зафиксирована в перевернутом состоянии, и в таком случае арабское 1007 (١٠٠٧) превращается в 1008 (١٠٠٨), написанное в обратном, не типичном для арабских чисел порядке, принятом, тем не менее, в дагестанской традиции.

Исходя из этих данных, следует считать, что на надмогильной плите шайха Йунуса указана дата 1007 г.х., которая была неправильно прочитана и интерпретирована как 801 г.х. Это предположение вполне логично и с учетом дат смерти учителя и ученика шайха Мухаммада ал-Мачади. Таким образом, шайх Амир ал-Агдаши умер в 1562/63 г. (970 г.х.), его ученик – шайх Йунус ал-Ансалти – в 1598/99 г. (1007 г.х.), а уже его преемник – шайх Мухаммад ал-Мачади – в 1636/37 г. (1046 г.х.). Т.е., если исходить из лунного календаря, между тремя смертями были почти одинаковые интервалы в 37 и 39 лет.

Согласно вышеприведенной силсиле, преемником Йунуса ал-Ансалти стал Мухаммад ал-Мачади. Мухаммад ал-Мачади был представителем одного из влиятельных родов селения Мачада – *Кюмнлолал*, владевшим одним из 4-х фамильных башен в квартале *Гьогьоа*. По происхождению, они считались выходцами из Хунзаха, уже давно осевшими в Мачаде и образовавшими тухум (патронимия) *Хундерилал* (авар. – «хунзахцы»). В родном селении шайха, несмотря на давность описываемых событий, сохранилась устная традиция, согласно которой, будущий шайх еще в детском возрасте обладал необычными свойствами, и уже в то время

проявлял дар чудотворства (*карамат*).³³ Так, согласно одному из преданий, мачеха Мухаммада однажды оправила его к соседям, чтобы попросить огня. По дороге обратно огонь в руках мальчика внезапно потух, и он пришел домой ни с чем. Рассерженная мачеха принялась бить пасынка, но в этот момент из рук ребенка вдруг начал исходить божественный свет, и потрясённая увиденным женщина потеряла сознание. Устная традиция гласит также, что Мухаммад еще в юном возрасте в поисках знаний отправился в селение Ансалта. Здесь Мухаммад получил хорошее религиозное образование, а перед возвращением на родину его женили на девушке из уважаемого тухума. Надо полагать, что, будучи в Ансалте, Мухаммад ал-Мачади не только получил традиционное мусульманское образование, но и постиг через шейха Йунуса ал-Ансалти таинства суфийского учения.

В Мачаде сохранился почитаемый в округе *зийарат* шайха, состоящий из самой усыпальницы, расположенной сейчас ниже уровня земли, и комнаты для ее посетителей. На могиле шайха установлен искусно обработанный камень белого цвета, на котором имеются розетки, оформленные оригинальными цветными красками, покрытые, по всей видимости, слоем воска или другого материала, который сохранил до наших времен все богатство красок. Надмогильный камень имеет антропоморфный верх, состоящий из каменного шара, установленного на сужающейся кверху колонне, напоминающей шею.

В центральной части передней стороны стелы, на красном фоне, содержится эпитафия шайха: «Праведный раб, шайх, наставник (*муршид*), полюс полюсов (*кутб ал-актаб*) Мухаммад сын Маммы отправился на встречу со Всевышним Аллахом в месяц ша'бан 1046 года» (начался 28.12.1636 г.). Вокруг нее на П-образной полосе имеется текст, очевидно суфийского характера: «Благ становится все больше и больше. Увы, печали и тоски от этого не становится меньше! Посты напрасны и бдения, что проходят под [тусклым светом] свечи. Но одно под конец я решил для себя: Аллах есть истина, а все остальное — прах! И предстоит им встретиться со своим Господом в садах блаженного Рая!» На надмогильной плите имеется и сделанная позднее надпись: «Мухаммад младший (калька от авар. *Гитина-Мухаммад*) был здесь муфтием в 1255 г.» (начался 16.03.1839 г.).

Рядом с *зийаратом*, около его стен, расположены могилы сыновей шайха Мухаммада ал-Мачади со следующими эпитафиями.

1. «Отправился праведный раб, потомок благородного [человека] – Ибрагим, сын Шайх-Мухаммада на встречу со своим Господом в месяц раби-ал-ахир 1094 г.» (начался 28.03.1683 г.).
2. «1103 год (начался 23.09.1691 г.). Могила святого (*вали*) Шафи, сына шайха Шайх-Мухаммада, да одарит нас Аллах его заступничеством».

Наше исследование средневековой эпиграфики Нагорного Дагестана, проведенное в 2015-16 гг., показало, что орден Халватийа имел здесь широкое распространение уже в XVI-XVII вв. Изучение письменных арабоязычных источников показало, что к середине XVI в. данное суфийское братство проникло в аварскую, довольно быстро завоевав в ней прочные позиции, и стал важной частью мусульманской культуры в этом регионе. Следует отметить, что нами был выявлен целый ряд *зийаратов* как самих шайхов ордена Халватийа, так и их влиятельных

³³ В мусульманской традиции термин «карамат» используется для обозначения чудес «святых», «друзей Бога» (авлийа), которым Аллах предоставляет возможность их творить. Об этом см. статью М.А. Мусаев, Ш.Ш. Шихалиев (2012: 218-232).

последователей, получивших право наставничества (*иджаза*) от вышеуказанных шайхов – Йунуса ал-Ансалти и Шайх-Мухаммада ал-Мачади. Об этом говорят как передатчики устной традиции, так и схожесть в оформлении *зийаратов* и надмогильных памятников, выявленных нами в Нагорном Дагестане.

В ныне заброшенном сел. Рукдах Шамильского района, недалеко от сел. Мачада на кладбище имеется мавзолей (*худжра*) – помещение, в котором расположена могила, приписываемая «шайху» 'Абасу. Согласно эпитафии, ее обладатель умер в один год с Шайх-Мухаммадом ал-Мачади: «*Хозяин этой могилы – 'Абас, сын Ахмада, да помилует их Аллах. Дата от хиджры Пророка – 1046 год*» (начался 4.06.1636 г.). По устной традиции, 'Абас прожил последние годы и умер в сел. Хорода Тляратинского района, которое находится в 15 км к северу от Рукдаха. Там же он был и похоронен. Но рукдахцы выкрали его труп и перенесли ночью в свое селение. Таким образом, у Абаса имеются две могилы – пустая в сел. Хорода и место его перезахоронения в сел. Рукдах. Согласно устной традиции, он также был последователем Шайх-Мухаммада ал-Мачади.

В сел. Урада Шамильского района на кладбище имеется *худжра*, в которой расположена надмогильная плита со схожим орнаментальным оформлением и эпитафией: «*Покойный хаджи Абдаллах, сын Динчу (Д.н.ш)*».

В сел. Гоор Шамильского района на окраине кладбища имеется *зийарат* – прямоугольное строение (25 x 7 м.) из 5 комнат, в одной из которых имеется надмогильная плита со схожим орнаментальным оформлением и эпитафией: «*Хозяин этой [могилы] Рамазан, сын Мухаммада, да помилует Аллах их грехи*».

В сел. Согратль Гунибского района на территории кладбища имеется *зийарат*, в котором находятся три могилы. Согласно эпитафиям, они принадлежат двум братьям и сыну одного из них: 'Абд-ул-Кадиру б. Мухаммаду, умершему в 1056 г.х. (начался 16.02.1646 г.), шейху Мустафе б. Мухаммаду, умершему в 1068 г.х. (начался 9.10.1657 г.), и 'Арифу б. Шейху Мустафе б. Мухаммаду, умершему в 1108 г.х. (начался 30.07.1696 г.).

Наше исследование этих 6 *зийаратов* (четырёх вышеприведенных и двух принадлежащих Йунусу ал-Ансалти и Шайх-Мухаммаду ал-Мачади) показало существование единого образца, по которому изготавливались надмогильные плиты для представителей элиты ордена Халватийа. Сама плита изготавливалась из плотного белого известняка, на котором с помощью каменной или деревянной перемычки крепились каменные шары, олицетворявшие тюрбаны с 40 полосами. На надмогильной плите изображались каплевидные медальоны и прочие орнаментальные сюжеты единого образца. Само помещение *зийарата* состояло обычно из одной – двух комнат, расположенных на кладбище. Сама практика изготовления каменных мавзолеев на кладбище для Нагорного Дагестана представляет собой исключение, которое в нашем случае было представлено лишь *зийаратами* шайхов и маъзумов ордена Халватийа. За последние 2 года нами были обследованы кладбища около 40 населенных пунктов. В них мавзолеи шайхов Халватийа были единственными капитальными сооружениями, если исключить постройки последних 150 лет. Более того, изучение письменных арабоязычных источников показало, что *зийараты* шайхов ал-Ансалти и ал-Мачади имели свои вакфы, куда входили пашни, сады и стада овец и коз. Таким образом, они представляли собой сложившиеся религиозные институты, которые по своим финансовым возможностям конкурировали с джума-мечетями тех населенных пунктов, в которых они располагались.

Тем более удивительным кажется то, как быстро и почти бесследно из религиозной жизни аварцев исчезло влияние тариката Халватийа, который, казалось бы, прочно укрепился в Нагорном Дагестане. Этот феномен быстротечного триумфа Халватийа в труднодоступном горном регионе, безусловно, представляет собой интересную и перспективную тему, раскрытие которой заметно обогатит наше представление о средневековом общественном укладе и религиозной ситуации не только в Нагорном Дагестане, но и на всем Восточном Кавказе.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Айтберов, Т.М. (1977), “Материалы по истории горного Дагестана (XV-XVI вв.)”, *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIII годовичная научная сессия ЛО ИВАН СССР (краткие сообщения)*, М., Наука: 74-77.
- (1990), *Древний Хунзах и хунзахцы*, Махачкала.
- (2010), “Эпитафии шейхов братств Сафавийа, Халватийа и Сухравардийа в Дагестане: к истории ирано-дагестанских связей XV в.”, *Дагестан и мусульманский Восток*, М.: 179-188.
- Алескерова, Н. (2015), *Суфийское братство Халватийа*, СПб.
- Ашурбейли, С. (1983), *Государство Ширваниахов (VI-XVI вв.)*, Баку.
- Гайдарбеков, М. (1970-71), “Антология дагестанских ученых”, *Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН*.
- Закарияев, З.Ш. (2011), “Средневековый дагестанский суфий Шейх Амир ал-Мишлиши и его зийарат в селении Мишлеш”, *Исламоведение* №3: 105-112.
- Лавров, Л. И. (1980), *Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках*, Т. 3, М.
- Мусаев, М.А., Шихалиев, Ш.Ш. (2012), “Чудотворство святых в дагестанском арабоязычном суфийском биографическом сочинении ‘Табакат ал-Хваджакан ан-накибандийа ва садат машаих ал-Халидийаал-Махмудийа’ Шуайба ал-Багини”, *Письменные памятники Востока* № 2 (17), С.: 218-232.
- Неймат, М.С. (1991), *Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. Т. I: Арабо-персоязычные надписи Баку и Апшерона XI – начала XX века*, Баку.
- Петрушевский, И.П. (2007), *Ислам в Иране в VII-XV веках*, СПб.
- Рашидов, А.М. (2014), *Ансалта: прошлое и настоящее*, Махачкала.
- Тагиев, И. (2003), *Дворец Ширваниахов или Ханака С.Я. Бакуви?* Баку.
- Шихсаидов, А.Р. (2007), “Археографическая работа 2006 г.”, *Вестник Института ИАЭ*, №1: 112-133.
- Шуайб б. Идрис ал-Багини (1996), *Табакат ал-хваджакан ан-накибандийа ва садат ал-машаих ал-халидийа ал-махмудийа* Дамаск.

АРМЯНСКАЯ БУРЖУАЗИЯ ТИФЛИСА В XIX ВЕКЕ

Самвел Маркарян

Институт востоковедения

Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван

Abstract

The article discusses some peculiarities of the economic development of Tiflis as imperial city through the XIX century and, particularly, the role of the Armenian community in city industry. Special attention is paid to the outstanding entrepreneurs of the Armenian origin, as well as to the charity practice in the Armenian community of the city at the end of XIX—beginning of the XX century.

Keywords: *Tbilisi, Armenian Community, City Industry, Charity*

Аннотация

В статье рассматриваются особенности экономического развития имперского города Тифлиса на протяжении всего XIX века, в частности, роль армянской общины в создании новых предприятий и целых отраслей городской индустрии. Отдельно излагается история возникновения и становления капитала некоторых наиболее известных предпринимателей: А.И. Манташева (Манташянца), А.Арамянца и “табачного короля” А.А.Энфиаджианца. Специальное внимание уделяется разветвленной благотворительной практике в жизни армянской общины города в конце XIX—начале XX столетия.

Ключевые слова: *Тбилиси, армянская община, развитие городской индустрии, благотворительность*

Предыстория

11 сентября 1795 г. Тбилиси (Тифлис) после упорного 12 часового боя с войсками Ага-Магомед-хана Каджара пал и был подвергнут грабежам. Царь Грузии Ираклий II отступил в Арагвское ущелье со 150 воинами. Персы принялись жечь и грабить город, но боялись оставаться в нем на ночь и каждый вечер покидали город. Взятие и ограбление города дорого обошлось персидской армии—она потеряла 13 тысяч воинов (Бегичев 1895:64). Грузинская столица опустела—через месяц после взятия в ней оставалось не более 5-8 тыс. жителей, а улицы были завалены трупами горожан (Жизнь Артемия Араратского 1980: 100—101), тогда как до нашествия в конце XVIII века в нем проживало от 25 тыс. до 35 тыс. жителей, Тифлис считался крупнейшим городом Северного и Южного Кавказа и конкурировать с ним мог по величине и экономике только дагестанский Дербент.

С 1714 года должность тифлисского мелик-мамасахлиса (гражданский правитель города) занимали армянские князья Бейбуртяны (Бебутовы) при грузинских царях (Ерицов 1880:105—106), а с приходом русской администрации в 1801г. последний мамасахлиси Овсеп Бебутов сдал свои полномочия и стал советником при новой власти. В 1801 г. русская армия вступила в Тифлис, грузинское царство было

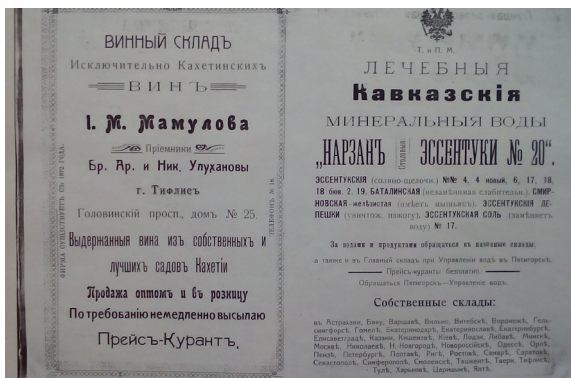
упразднено, и появилась русская имперская администрация. Уже в 1803 году новые власти провели первую “опись города”: спустя 8 лет после разорительного нашествия персов в городе проживало 20 тыс. жителей в 2 925 домах, из которых 2 500 принадлежало армянам, общая численность которых составляла 14 тыс. человек (Акты КАК, Т.2, 1868: 34-35; Какабадзе 1925: 27; Чобанян 1978: 80-84) В городе насчитывалось 15 грузинских православных церквей, 24 армянских монофизитских, 1 греческая православная и 1 католическая, 2 мусульманские мечети, 360 мастерских по 60-ти профессиям, 265 промышленников и торговцев, 105 купеческих торговых домов - вачари (Акты КАК, т.2, 1868: 37; Меликсет-Беков 1918: 37). Число грузин в городе составляло 2 700 человек. Кроме того, в городе жили персы, «кавказские татары», аварцы, осетины и русские. По описанию 1795 г., в городе был пушечный завод, типография, лавки и мастерские оружейников, ювелиров, красильщиков, суконщиков, кожевников, плотников, мельницы и гранильные цеха (огранка камней), стекольный завод и 5 караван-сараев (Бадришвили 1934: 93-95; Гильденштедт 1809: 179). А согласно плану 1828 года, в городе было уже 6 караван-сараев, из которых 4 принадлежали армянам - князьям Арцруни и Бебутовым, купцу Питовеву и священнику Нерсесу (Евлахов 1852: 168-170). В караван-сарае Арцруни было 33 номера для гостей, 25 мастерских с магазинами, 11 мастерских-дуканов для портных и сапожников (Евлахов 1852: 169). Вся индустрия города отражалась в 1130 мастерских ткачей, кожевников, сапожников, шелководов, медников, портных, шапочников, каменщиков, плотников, ювелиров, кузнецов, цирюльников (парикмахеров), шубников, красильщиков, оружейников, гончаров, булочников, извозчиков, часовых мастеров, сазандаров и шарманщиков (ЦГИА Грузии, Фонд 16, Л. 20-35). Особенно славились по всему Кавказу, в Иране и в Турции тифлиские портные и сапожники, оружейники и ювелиры, скорняки (шубники), гончары, свечники и кинто, муша, карачохели, тулущичи и мэфэтоне. Во всех случаях процесс изготовления изделий был связан с их реализацией. Большинство ремесленников объединялись в цеха - амкарства, со своими гербом, уставом и знаменем (Квирквелиа.1994:3; Месхиа.1958:386 ; Хроника.1896:30).

В целом, в начале XIX городская экономика находилась на стадии стагнации и топталась на месте, хотя и предполагалось, что в городе имеются все предпосылки для быстрого и современного ее развития.

<p>СКЛАДЪ СТЕКЛА, ЗЕРКАЛЪ въ рамкахъ и безъ рамокъ. СТЕЛА ЗЕРКАЛЬ (по заказу).</p> <p>ИМѢЮТСЯ СТЕКЛА: Бельгійскіе, Бельскіе, нѣмецкіе, французскіе, итальянскіе, швейцарскіе, португальскіе для электротехн. фондровъ.</p> <p>Корабли, для тротуаровъ судовъ, плывуль.</p> <p>ИДКОМИНАТОРНЫЯ, граничныя для электрич. машинъ, для лампъ, и др. изделийъ.</p> <p>ЦВѢТНЫЯ прест. русск. въ видѣнахъ.</p> <p>АЛМАЗОВЪ.</p> <p>Всегда большій выборъ → ОБЕЕВЪ ← и всесоюзности.</p> <p>БАГЕТЪ.</p>	<p>ФЕРМА СУЩЕСТВУЕТЪ СЪ 1891 ГОДА.</p> <p>ПЕРВАЯ ЗЕРКАЛЬНАЯ ФАБРИКА НА КАРМАЗЪ</p> <p>АСЦАТУРА БОГДАНВИЧА САРАДЖЕВА ВЪ БАНУ.</p> <p>Петровская площадь, доль Мустафаева.</p> <p>Магазина 303. Фабрики 37-19.</p> <p>Адресъ для писемъ и телеграммъ: Асараджеву—Бану.</p>	<p>ТОРГОВЛЯ Производится оптомъ и рознично.</p> <p>ИМѢЮТСЯ СТЕКЛА во всѣхъ городахъ Персій, Закавказской области и Закавказскій край по линии ж.д.</p> <p>по заказу, 30%, заказомъ.</p> <p>МѢСТНЫМЪ ТОРГОВЦАМЪ ДѢЛАЕТСЯ СКИДКА.</p> <p>ПРИНИМАЕТСЯ вставка стекла въ зданіи: каменныхъ, обштукатуренныхъ и чертковыхъ.</p> <p>А Т А К Ж Е САНАЗЫ НА РАМЫ и возобновленія эмальевыхъ на старыхъ зеркалахъ.</p>
---	--	--

Промышленность Тифлиса первой половины XIX века

До 50-х гг. XIX в. мы наблюдаем в Тифлисе типичный период первоначального накопления капитала и развитие торгового потенциала. Фактически в это время еще нет оснований говорить о городской индустрии как заметной отрасли экономики города. Миграции армянского населения в 20-30 гг. создавали в

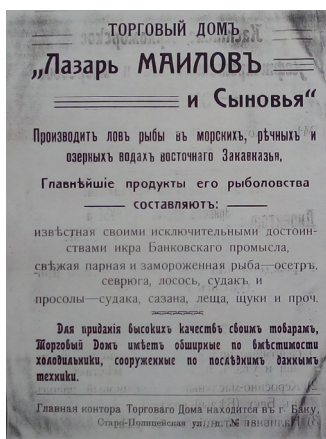

составляли до середины XIX в. основную часть городской индустрии. Сравнительно хорошо было развито ткачество, которое к концу века исчезло из-за завоза европейских фабричных изделий. В 1825 г. в городе жило 200 ткачей, в 1866 - уже 93, а в 1887 - всего 5 ткачей (ЦИА Груз., Ф.16, оп.1: Д. 4418; СССК, 1869:116; СОГ Тифлисской...КК 1866: 138-141). Иная ситуация с портными: в 1825 году их насчитывалось в городе 115, в 1866 - 344, а в 1876 - 422, а также с сапожниками: в 1825г. их в городе - 98, в 1866 - 381, а в 1876 - 442 (Сравнительная таблица...1869: 116; Тифлис по однодневной ... 1876, 1880: 58, 101; Эксельбирт 1869:34). Что касается городских ремесленных специальностей некоторые отмирают к концу века, а другие - наоборот, испытывают подъем и расцвет. Так, если в 1825 году в городе насчитывалось несколько десятков кожевников, то в 1866 их было уже 406, а к концу века (1897) - 469, среди которых 231 - армяне (Джаошвили 1971: 171-173; Гильденштедт 1809:179; Чхетия 1942: 225). То же самое можно сказать о шубниках, каретниках, медниках, каменщиках, плотниках, мебельщиках, кузнецах, булочниках и слесарях. После 1850-х появились и новые профессии — модистки и шляпочники, учителя и гувернантки, токари и табачники, золотошвеи и писари, подрядчики и чиновники, но при этом к концу века совершенно исчезли такие профессии как сабельщики, мастера по изготовлению кинжалов, мельники, аробщики, мастера по конной упряжи и шелковники (мастера по изготовлению шелка).

В начале XIX в. российская администрация ликвидировала те немногие небольшие заводы, что остались от Тбилиси XVIII века - стекольный, пушечный, солеварни, гранильный завод и монетную фабрику (Евецкий 1835:143-144). Однако, еще в 1835г. в городе насчитывалось 30 заводов – 4 кожевенных, 6 красильных, 11 кирпичных и монетный

городе своеобразную прослойку армян - экономически и социально активное население, весьма восприимчивое к новому риску банкротства, склонное к коммуникабельности и большой подвижности, что и привело к середине XIX в. к бурному «экономическому буму».

Фактически, мы имеем дело с мануфактурами и ремесленными цехами (амкарами), которые и

двор (Хроника 1890: 4; Кишмишев 1909:12). Возможно, их было бы правильнее называть не заводами, а цехами, поскольку большинство из них были маломощными и всего с несколькими рабочими. По текстам Камеральных описаний города 1848, 1865, 1887 гг., можно видеть, что основная часть армян в Тифлисе занималась торговлей, почти всеми ремеслами, кроме винопроизводства и виноторговли, — тут монополия была у грузин. Весьма своеобразную прослойку тифлисских ремесленников составляли муша (носильщики), кинто (барышники, мелкие торговцы и любимцы горожан) и тулухчи (водоносы). Канализации и водопровода в городе не было до 80-х гг., и профессия водоноса очень ценилась — в 1890 г. еще в городе трудились 126 тулухчи. Водоносами-тулухчи часто работали армяне из Персии. Среди кинто (в отличие от карачохели) абсолютное большинство составляли местные армяне. Муша-армяне работали преимущественно в караван-сараях и на базарах и обычно были из числа прибывших в город отходников из различных уголков Армении или Джавахетии. Муша-грузины работали на вокзале и на продуктовых складах. Стремительно развивается с 30-х гг. отходничество - сезонные рабочие из Дагестана, Армении, Ирана заполняли город весной. Большое значение в экономике города имели садоводство, огородничество и скотоводство на ближайших к городу полях и пастбищах. Немецкие колонисты в 30-ые гг. завезли из Вюртемберга культуру картофеля, который быстро прижился в городских огородах. В 30-ые гг. в городе содержалось 3 тыс. овец, свиней, коз и коров и более 2 тыс. ослов и лошадей (Материалы ... 1885: 228-229; Обозрение... 1836: 149-151). Количество домашнего скота к концу века увеличилось: в 90-ые гг. в городе было уже 5 тыс. овец и свиней, 3500 коров и буйволов, 4 тыс. лошадей и ослов (Материалы... 1885: 230). В целом, можно отметить, что в первой половине XIX в. город еще приходил в себя и аккумулировал в себе людей, финансы и возможности для бурного экономического взлета во второй половине XIX века. Мощным фактором развития стало включение Тифлиса в общий экономический потенциал Российской империи.

Начало экономического бума в 40-80ые гг.

Проникновение на Кавказ и в Тифлис иностранного (прежде всего, французского) капитала вызвало появление первых фабрик и заводов «европейского типа». По данным Канцелярии Наместника на Кавказе к середине 40-ых гг. в Тифлисе появилось уже 68 заводов: ромово-водочных – 2, мыловаренных – 3, кожевенных – 5, гончарных (посудных) – 10, черепичных – 2, кирпичных – 41, известковых – 4, лесопильный – 1, (Статистика 1847: 160-164; ЦГИА Груз., Ф. 254, оп. 2, Д. 2389). А уже в 50-ые годы в городе было 86 заводов: кирпичных – 55, пивоваренных – 4, черепичных – 5, гончарных – 10, мыловаренных – 4, кожевенных – 7, колокольный – 1, свечных – 2, гранильный – 1, картонный – 1 (Статистические сведения 1852: 405). В 1865 г. в городе было уже 99 предприятий (Чхетия 1942 : 235). Традиция создания кирпича имела давнюю историю, и знаменитые «агурхана» (кирпичные заводы) процветали не только в XIX в. На новых «агурхана» производили не только старый плоский грузинский кирпич, но и новый «русский» (а фактически – итальянский) кирпич. Именно в эти годы появились кирпичные заводы С.Т. Мартиросова, Б. Т. Хангельдянца, А.Д. Суренянца, Р. М. Долуханова и братьев Мнацакана и Захара

Ёлчиевых, М.А. Сагателянца, Х. К. Амирагова, А.К. Пиркулова и В. Л. Корганова. Из 55 тифлиских “агурхана” 41 принадлежали армянам. Большинство из владельцев были купцами и продолжали заниматься торговлей, а заводами управляли нанятые ими грамотные управляющие. Тифлиское купечество делилось в XIX в. на 3 гильдии: 1-ая гильдия – высшая, 2-ая гильдия – средняя; 3-я гильдия – мелкие лавочники. К концу XIX в. в городе насчитывалось 15 купцов 1-ой гильдии, из которых семеро были армянами: И.А. Бозарджианц, Б.Ф. Вартанов, В.С. Егизаров, К. С. Осипов, Г. И. Тер-Абрамов, Г. И. Чилингаров, А. А. Энфиаджианц. А из 69 купцов 2-ой гильдии армянами были 36: А.И. Амирагов, М.С. Андриасов, А.А. Арваньянц, С.Я. Арутинов, А.В. Африкян, А.Е. Мартиросянц, М.Г. Парсаданов, М.С. Багдасаров, 4 брата Давидовы (Давидянц), Я.А. Шахдуров, А.З. Мадатов, Софья Тер-Асатурова, С.А. Шахбачев, Е.А. Цатуров, И.Н. Эриванцев и проч. (Справочная книга 1913: 125; Справочная книга 1912: 184-187).

Первый водочный завод организовали еще в конце 40-ых гг. братья Димитрий и Захар Сараджевы, а в 90-ые гг. у них было уже 3 ликероводочных завода. Первую лесопилку открыл купец А.З. Мадатов на острове напротив Воронцовской площади. Остров горожане прозвали Мадатовским, хотя Мадатов не владел этой территорией, а только освоил ее в экономическом плане. В 90-ые гг. в городе было уже 10 лесопильных заводов, из которых 6 принадлежали армянам. В 1852 г. была открыта первая, а в 1853 г. - вторая табачная фабрика купцов Энфиаджианцев; табак первоначально привозили из Ирана (Гулишамбаров 1890:32). К концу столетия в городе было уже 18 табачных фабрик, 16 из них принадлежали армянам: Н.И. Бозарджианцу, М.А. Мартиросянцу, братьям Сейлановым, Энфиаджианцам. Только на двух фабриках последнего работало 650 человек. К началу XX в. многие табачные фабрики разорились, и в городе осталось 10 таких предприятий, но обе фабрики Энфиаджианцев пережили и революции, и ранний период советской власти – национализировали их только в 1924-1925 гг. (Чхетия 1942: 227; Чхетия 1958: 161-167). Торговый оборот этих фабрик в 1901 г. составлял 2 млн. рублей. Их продукция вывозилась в Россию, и от Ростова и Астрахани до Пскова и Петербурга можно было приобрести тифлиские папиросы. Кожевенное производство выросло в городе из “дабахана” – кожевенных цехов средневековья. В районе Армянского базара и Авлабара было несколько десятков таких мастерских. А в 1875 г. Г. Адельханов создал современную кожевенную фабрику. На его предприятиях в Ортачала и на Авлабаре работало 2200 рабочих. Следом за ними еще две кожевенные фабрики открыли Х.О. Басенцов (Басеянц) и Т. Заргарян с К. Вартазаряном. На этих фабриках уже применяли новые двигатели (Тифлисская губ. 1893: 24; Торгово-промышленные предприятия 1899: 619-620). В 60-ые гг. в городе численность 9 кондитерских фабрик, из которых только 3 по оснащению и количеству рабочих можно было считать

фабриками – это предприятие Марии Юзбашевой, фабрика сдобных и булочных изделий И.М. Бежбеук-Меликова и кондитерская фабрика А.В. Маркарянца. А уже в конце XIX в. в городе было 61 кондитерская, 36 из которых принадлежали армянам (Торгово-промышленные предприятия 1899:619-620). Заслуженной славой пользовалась продукция фабрик Анановых, Казанджианцев, Юзбашевых, Парсадановых.

В 1858 г. купец Г. Микиртумов открыл ватную фабрику, а к концу века из 4 ватных фабрик 3 контролировали армянские промышленники Е.А. Цатуров, Г. Микиртумов, А.И. Амирагов. Уже в 50-60-ые гг. огромной популярностью в городе пользовалась первая конфетная фабрика Гозаловых. Интересно, что к концу века эта фабрика выросла в концерн “Гозалов и Ко” и Софья Гозалова (глава концерна) стала официальным поставщиком шоколадных конфет двора Его Императорского Величества. Это ее шоколадные вазы и бюсты императора Александра III в натуральную величину были доставлены в Зимний дворец в конце 80-ых гг. С Софьей Гозаловой пытались конкурировать конфетные фабрики Е.А. Атовмянца и братьев Дадамянцев. Мыловаренные заводы имелись в городе еще при грузинских царях, и в середине XIX в. в городе работали 8 мыловаренных заводов, доходы которых составляли 18 тыс. руб. в год. Два из них принадлежали братьям Амираговым и братьям Басеанцам. В середине века в городе появились первые типографии и литографии – Мелкумянца, Ротинянца и Шахбазяна. В конце века в городе было уже 26 типографий и литографий, из которых 12 принадлежали армянам (Торгово-промышленные предприятия 1899: 627). В конце 50-х гг. братья Петросовы открыли в городе макаронно-вермишелевую фабрику, но горожане очень медленно привыкали к новому продукту — более 20 лет эта фабрика едва сводила концы с концами. Вера Мамулова открыла в городе завод фруктовых вод, который приносил ей более 10 тыс. руб. в год (Тифлисская губ. 1893: 22). Первая фанерная фабрика появилась в 1840 г. на казенные деньги, но уже в 1850 г. ее выкупил купец Д.Е. Еганов, а через полвека в городе было уже 4 фанерные фабрики, из них 3 принадлежали армянам – Д.Е. Еганову, Г.Г. Абдалянцу и Елизавете Егиазаровой (Гулишамбаров 1890: 143; Бежанишвили 1958:14). В 60-70-ые гг. в городе работали 6 мебельных фабрик, из которых 2 принадлежали армянам – Е.С. Костандову (Костандян) и Д.И.Мириманову. По переписи 1866 г. в городе было 4 каретно-экипажные фабрики; в 80-ые гг. на них работало 190 человек, а прибыль составляла 132 тыс. руб. в год (Гулишамбаров 1890: 227). На этих фабриках производили тарантасы, дрожжи, коляски (2-х местные), кареты, а в конце века – дилижансы и многоместные почтовые экипажи. В конце XIX в. из 7 каретных фабрик 3 принадлежали армянам – Г. Агамянцу, В. Карунову и С. Агамову (Агамян). В 50-ые гг. в городе появились первые аптеки и аптекарские склады; уже в 1911 г. их было 39, и 14 из них принадлежали армянам – Деканозовым, Тертеровым, Мелик-Нубарову, Мамулову, Зурабову (Справочная книга 1913:143-144). К началу XX в. в городе работало 104 бакалейных магазинов, из которых 62 контролировались армянским капиталом. А из 124 галантерейных магазинов 56 принадлежали армянам – И.С. Яралову, Г.М. Чилингарову братьям Сейлановым, братьям Харазовым, Гукасову А.К., Софье Мосесовой. Из 144 магазинов мануфактуры 84 контролировались армянским капиталом – братьев Багдасаровых, братьев Мнацакановых, братьев Халатовых, А.Л. Кананова, А.Л. Африкяна (Справочная книга 1911: 195-196; Торгово-промышленные

предприятия 1899: 619). Начавшийся во второй половине 50-ых гг. экономический подъем вызвал к жизни традиционно присущие армянам энергию и трудолюбие, подвижничество и коммуникабельность, а к концу века появились и меценатство и благотворительность.

Реформы в Российской империи и их влияние на «тбилисский экономический бум»

В 1861г. в России было отменено крепостное право. Следом за этим последовали либеральные реформы, которые привели к ускоренному промышленному развитию. Особенно быстро развивались Донбасс и Кавказ. На Кавказе заметнее всего развивались Тифлис и Баку. Добыча нефти с 1880 по 1891 увеличилась с 605 тыс. тонн до 4 млн. тонн (Товарищество братьев Нобель 2000: 222-223). В тот период еще не было известно ни об арабской, ни об азиатской нефти; ее добывали в основном в России и Иране. Бакинская нефть привлекла международный капитал — братья Альфред и Роберт Нобель при поддержке банкирского дома Ротшильдов в 1879 г. основали корпорацию по добыче и переработке нефти. Среди армянских купцов и промышленников Тифлиса началась «нефтяная лихорадка». Они включились в острую конкурентную борьбу с Нобелями, бельгийскими и английскими предпринимателями и сумели многих из них вытеснить из России. Одну из главных страниц в борьбе за нефть с иностранными предпринимателями вписали в историю в те годы тифлиские банкиры, купцы и предприниматели А.И. Манташев, М.О. Арамянц, А.Цатуров, А.Гукасов, Г.И. Маркарянц и Е.Е. Питоев.

Александр Иванович Манташев (Манташянц) (1842-1911) — одна из самых колоритных фигур среди армянских предпринимателей Тифлиса. Он был беспощаден к конкурентам, расчетлив и проницателен в делах и при этом оказался щедрым меценатом и благотворителем. Его отец Ованнес (Иван) переехал в Тифлис в 30-ые гг. из иранского Тавриза. Он был купцом средней руки и торговал мануфактурой. Ранее Ованнес неоднократно бывал в Тифлисе по делам торговли и когда в 1832 г. (по Туркманчайскому договору 1828 года) иранские власти разрешили переезд

христианам в пределы Российской империи, он решил со всей семьей переселиться в Тифлис, сохранив при этом все связи в Тавризе. Ему не понадобилось долгой раскачки, его коммерческие дела и в Тифлисе быстро пошли в гору. В 1842 г. в семье Манташевых родился сын, нареченный Александром, которому суждено было стать самым богатым армянином в XIX в. и одним из крупнейших предпринимателей России. Отец дал сыну престижное по тем временам в Тифлисе образование: в 1864 г. Александр окончил частную школу Папазян и по воле отца отправился в Лейпциг для ознакомления с новшествами европейского рынка и продолжения учебы в университете. Отец уже тогда доверял сыну ведение переговоров и закупки европейских товаров.

Выполняя поручения отца, Александр посещает Лондон, Манчестер, Ливерпуль, Париж, Кельн, Берлин, Вену, Варшаву и Петербург. Пять лет он провел в Европе, изучая принципы и основы бизнеса (Балагян 1991: 51-53; Давидов 1996: 2-4). В 1878 г. отец Александра открыл новый магазин по продаже дорогих тканей и один из последних караван-сараев в Тифлисе. Он передал его в управление сыну. В том же году состоялась женитьба Александра на Дарье Тамамшевой, дочери известного тифлисского купца и предпринимателя. У пары родились 8 детей — 4 сына и 4 дочери. Старшие Анна и Надежда вышли замуж за офицеров русской армии из армянских дворянских родов и в годы первой мировой войны переселились в Ереван; Варвара вышла замуж в Тифлисе и оставалась до конца своих дней в этом городе, а Тамара после революции 1917 г. выехала в 1919 году с мужем в Париж, где и закончила свои дни в 30-ые гг. Сыновья Александра Манташева стали его основными наследниками. После смерти он завещал каждой из дочерей по 800 тыс. руб. в банках, а также особняки - каждой не менее чем на 1,5 млн. рублей. Но основная часть его капитала (а это свыше 161 млн. в акциях, облигациях, счетах в российских и французских банках) досталась 4 сыновьям. Старший, Левон, пытался продолжить дело отца, с 1919 г. поселившись в Париже, где он окончательно обанкротился к 1929 году. Иван, Иосиф и Георгий не занимались бизнесом и к середине 30-ых гг. растратили доставшееся им наследство в Париже (Балагян 1991: 28; Гевенян 1999, №45: 3). В конце 80-ых гг. в Ереван из Парижа приезжал Седрик, сын Иосифа. Он искал своих армянских родственников. Потомки крупнейшего в Российской империи бизнесмена оказались не способными приумножить доставшееся им богатство.

Взлет деловой активности Александра Манташева относится к концу 80-х – началу 90-х гг. XIX в. В 1887 умер его отец Ованнес, оставивший сыну в наследство 200 тыс. руб. и магазины в Тифлисе. Александр тут же скупил акции (контрольный пакет) Тифлисского Коммерческого банка, а через 15 лет, в начале XX в., эти акции подорожали в 10 раз и принесли их обладателю несколько десятков миллионов руб. Еще в 1884 г. известный предприниматель М.Арамянц предложил Александру рискнуть и вложить 50 тыс. руб. (сам он тоже готов был внести такую же сумму) в нефтедобывающую компанию “Аракек Цатурян и Ко”. Манташев обещал подумать, сам тут же поехал в Баку, лично ознакомился со всеми деталями и тонкостями нефтедобычи и уже оттуда, не возвращаясь в Тифлис, поехал в Петербург для встречи

с известным химиком Д. Менделеевым (Арутюнян, Овсепян 2000: 171; Гевенян 1999:49, 50). Александр Манташев был уже знаком с Менделеевым и отправился к нему за консультациями и советом – каким образом уменьшить расходы на добычу нефти и увеличить прибыль. Нанятый Манташевым горный инженер С. Гулишамбаров советовал вложить большие деньги и по американскому примеру

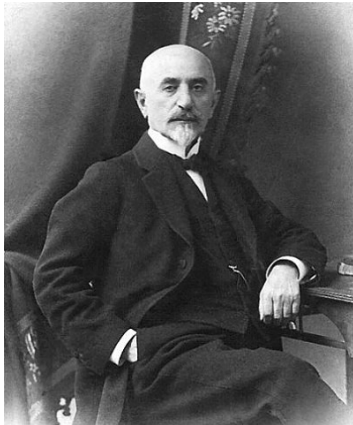

неизвестны широкой общественности – оба участника беседы не любили о ней вспоминать и ничего не сообщили журналистам. Известно только, что расстались они довольно холодно, и, возможно, оба были недовольны безрезультатностью встречи (Рэм Давидов 1996: 4; Гевенян 1999: 49; Амирханян 1999: 6).

В 1901 г. Александр Манташев владел уже 4 танкерами и возил керосин и бензин в Италию, Грецию, Индию, Австро-Венгрию. Прибыль его росла ежегодно: если в 1903 г. его счета и стоимость акций оценивались в 101 млн. руб., то в 1911 г. когда он скончался, на всех счетах за ним числилось свыше 161 млн. руб., что почти в 5 раз превышало сумму капитала А. Нобеля (33 млн. руб.), оставленного знаменитому Фонду Нобеля. В 1911 г. Александр Манташев скончался во время поездки в Петербург. Незадолго до смерти глава концерна «Ал. Манташев и К^о» был удостоен ордена Почетного Легиона французским правительством за то, что построил на свои средства в Париже на окраине Елисейских полей церковь Сурб-Ованнес Мкртич (1904), проект которой был скопирован с церкви Сурб-Хач на острове Ахтамар (озеро Ван). Уже в 1902 г. Манташев был удостоен российским императором звания действительного статского советника. До конца жизни он оставался членом Правления Армянского Благотворительного общества, членом Правления Тифлисской Городской Думы. Его фонд «Манташев» с 1901 г. ежегодно выплачивал стипендии 200 молодым армянам из Грузии и Армении, которые обучались в российских университетах Харькова, Саратова, Москвы, Тарту, Петербурга и Риги. Отдельно выдавалось 50 стипендий студентам-армянам, обучавшимся в Европе—в Германии, Франции, Австрии и Дании. При этом социальное происхождение и политические взгляды стипендиатов не имели для Ал. Манташева никакого значения, иначе очень трудно понять, как среди его стипендиатов оказались коммунист Степан Шаумян и дашнаки братья Хатисовы (Хатисяны), историки нового направления Н. Адонц и А. Манандян, ашуг и поэт Сиаманто. В 1906 г. Эмиль Золя, Эрнест Лависс и Анатоль Франс просили Ал. Манташева открыть в Париже армянскую школу на свои деньги, и школа эта через 3 года появилась (Манташянц 1911: 89; Балагян 1991: 6-7; Аруханян 1931: 37-40). В 1908 г. Александр Манташев выделил 250 тыс. руб. на строительство резиденции католикоса Всех Армян в Эчмиадзине, завершение которого он так и не увидел. А через год он выделил еще 150 тыс. руб. на реставрационные работы главного собора религиозной столицы армян. Помимо этого Ал. Манташев очень любил родной Тифлис и по просьбе Городской Думы неоднократно выделял крупные суммы (от 50 тыс. до 100 тыс. руб.) на благоустройство городских улиц, площадей, транспорта и их освещение (Балагян 1991: 19-20; Гевенян 1998: 44-45; Давидов 1991: 4-5)

Александр Манташев завещал похоронить его в родном Тифлисе и эта его последняя воля была исполнена родственниками и детьми — его хоронили из собственного особняка на улице Паскевича (ныне ул. Кикодзе), в котором сейчас помещается Дом Искусств Республики Грузия. Похоронили А. Манташева в его

фамильной усыпальнице возле собора Ванк, а в 1938 г., в связи со строительством новой городской магистрали и парка имени С.М. Кирова, все армянское кладбище вместе с кафедральным собором Ванк было снесено.

Микаэл Оссепович Арамянц (1843-1924) родился в селе Кеатук в Нагорном Карабахе в семье сельского старосты. Он окончил уездное училище в г. Шуши и во второй половине 50-х гг. перебрался в Тифлис, в надежде продолжить здесь свое образование (Балагян 1992: 3; Гевенян 1999: 49). Подробности не сохранились, но сам М. Арамянц впоследствии вспоминал, что тогда-то они и познакомились с Ал. Манташевым и подружились на всю жизнь. В Тифлисе М. Арамянц поступил приказчиком к иранскому купцу Макдуси и по поручению последнего на 2 года уехал в северную столицу Ирана, Тавриз, по делам своего хозяина. Здесь он занялся торговлей сахаром, завел

обширные связи в купеческой среде и даже скопил определенную сумму, на которую закупил индийскую мануфактуру при возвращении в Тифлис. Пробыв в городе несколько месяцев, он неожиданно уехал в Шуши и нанялся приказчиком к купцу Ованнесу Хубланыну, который торговал с Нижним Новгородом через Дербент и Астрахань сахаром, сушеными фруктами и шерстью. Через 4 года работы на российском рынке Микаэл скопил 3 тыс. руб. и с этим капиталом вернулся в Тифлис во второй половине 60-х гг. Здесь он сразу же открыл свою торговую контору, женился и наладил прочные связи с коммерсантами из Тавриза. Они стали привозить ему в Тифлис шерсть и шерстяную пряжу, шелк, сахар, посуду (Балагян 1992: 39). За 4-5 лет он разбогател настолько, что в 1870 г. подарил школе своего родного села Кеатук здание для занятий за 45 тыс. руб. Его торговые конторы появились в Марселе и Тулузе, Астрахани и Нижнем Новгороде. А к 1875 г. он уже обладал капиталом в 1 млн. руб. Но тут разгорелась русско-турецкая война 1877—1878 гг., и огромные партии товаров Арамянца оказались на территории, контролируемой турецкими войсками и, естественно, были разграблены. Удачливый торговец обанкротился и успел лишь покрыть все долги. Он остался в Тифлисе с 7-ю тыс. руб. на руках и начал строить планы возрождения своего бизнеса. Неудачи подстегнули его деловую активность: он едет в Марсель, Париж, оттуда — в Россию и Иран. Хорошо знающие его иранские купцы и торговцы мелким оптом выдали ему товара на несколько десятков тысяч рублей, с условием, что по мере продажи товара он будет постепенно возвращать свой долг. За 3 года напряженной работы Микаэл Арамянц не только расплатился со всеми долгами, но и накопил 71 тыс. руб. Как раз в это время «нефтяной лихорадки», в 1884 г., друзья Цатуровы уговорили Арамянца поехать с ними в Баку взглянуть на нефтяные скважины, а уже там, на месте, уговорили его рискнуть почти половиной своего капитала — он вложил в компанию «Аракел Цатурян и К °» около 30 тыс. руб., затем еще 20 тыс. и в конце века — еще 50 тыс. руб. Всего А. Цатурян, Г. Арафелян, О. Туманян и

М. Арамянц организовали компанию на 205 тыс. руб. (Лебовски 2000: 108; Дарджинян 2000: 61). Но когда началась транспортировка нефти в Батуми для отправки в Европу, этих денег оказалось недостаточно. М. Арамянц обратился к старому приятелю Манташеву, и тот внес 50 тыс. руб. для организации перевозки керосина в Грецию и Италию. Однако на этом он не остановился, стараясь полностью завладеть всей компанией «А. Цатурян и Ко». Именно Арамянц посоветовал Манташеву перед поездкой последнего в Петербург к Менделееву найти там специалиста, инженера-нефтяника, и отправить его в США в командировку для изучения американского опыта строительства нефтепроводов (Дарджинян 2000: 89, 124). А. Манташев запомнил этот совет друга и во время встречи с Менделеевым обратился к нему с просьбой порекомендовать какого-либо молодого специалиста. Менделеев тут же предложил кандидатуру своего ученика, карабахского армянина Степана Гулишамбарова. Тогда же Менделеев предложил Манташеву транспортировать нефть в Батуми цистернами до построения нефтепровода (Виргинский 1988: 67; Рыжов 2001: 331). Перевозка нефти, керосина и бензина в бочках на телегах приводила к большим потерям, а груз приходилось дважды перегружать. Манташев вернулся из Петербурга с Гулишамбаровым, и они вместе с Арамянцем стали строить планы расширения добычи нефти и ее транспортировки в Европу. Через год в 1886 г. Степан Гулишамбаров выехал в США для изучения нефтепроводов, а Арамянц по заданию Манташева выехал в Германию и Австрию для закупки готовых цистерн и листовой стали для их изготовления в России. Арамянц закупил несколько десятков готовых цистерн, а на заводах Круппа закупил необходимую листовую сталь (Дарджинян 2000: 131). Арамянц становится полноправным компаньоном Манташева.

Вернувшись в 1891 г. из командировки в США, С. Гулишамбаров привез с собой уже готовые чертежи и расчеты проекта нефтепровода Баку—Батуми (Супса), но окончательная привязка к местности и выбор маршрута трубы и местоположения 16 насосных станций заняли еще несколько лет (1892—1898 гг.). Кстати, через 12 лет данный проект был удостоен Золотой медали Русского Императорского Географического общества (Дарджинян 2000: 5, 49; Русский торгово-промышленный мир 1909: 4). Манташев поручил Арамянцу непосредственное руководство строительством нефтепровода, а Гулишамбаров прокладывал маршрут и трубы и построил 16 насосных станций для ускорения перекачки нефти. В то же время Арамянц принял активное участие в атаке на акции компании Нобелей вместе с Манташевым. Но законы развития капитализма привели друзей к столкновению — в 1897-1898 гг. вошедший во вкус после разгрома компании Нобелей Манташев решил перекупить акции Арамянца и вытеснить его из нефтяного бизнеса. Он предложил Арамянцу продать ему все свои акции нефтяной компании, а самому стать управляющим, т.е. наемным работником. Но Микаэл

Гостиница "Маместия" на Голубинской
проспекте (пр. Руставели) - самая древ-
няя гостиница Тифлиса. Была постро-
ена за деньги М. Арамянца (1883-1884).
"Маместия" или как ее называли
"Арамянцевской гост.", в дальнейшем
стала "Юбилейной". Архитектор
Т. Нер-Микаэлов.
Sona
2001

Арамянц наотрез отказался от такого предложения и с возмущением потребовал себе пай во вновь организованной собственной нефтяной компании Манташева, указывая компаньону на свою активную роль во всех делах компании. И Манташев уступил: с 1898 г. Арамянц стал также держателем 10% акций в собственной нефтяной компании Манташева. Уже в 1901 г. у Арамянца было на счету 9 млн. руб. и он завладел контрольным пакетом акций нефтяных компаний «Милов и Таиров», «Братья Мирзоевы» и несколькими торговыми фирмами.

В 1901 г. Арамянц подарил Тифлису огромную по тем временам 1-ю городскую больницу, которая по сей день известна среди коренных горожан как Арамянцевская. Больница с 4 корпусами (сегодня в ней уже 9 корпусов) обошлась Микаэлу Арамянцу в 1 млн. руб., еще не менее 500 тыс. руб. он потратил на закупки европейского оборудования, инструментов и инвентаря. Почти все оборудование было закуплено в Германии.

С 1900 г. по 1910 г. М. Арамянц активно скупал в Тифлисе землю, особняки, сады и строил гостиницы и дома призрения для одиноких стариков. В эти же годы он построил роскошную гостиницу «Мажестик» (ныне гостиница «Тбилиси» на проспекте Руставели), которая обошлась ему в 2,5 млн. руб.; только на мзду разным чиновникам он истратил 500 тыс. руб., так как земля на проспекте Руставели всегда стоила очень дорого. С 1898 г. Арамянц ежегодно жертвовал этнографическому обществу 40 тыс. руб. на исследования и экспедиции, 60 тыс. руб. - на содержание нескольких армянских школ в Тифлисе и Шуше. В 1915 г. он пожертвовал несколько сотен тысяч руб. на помощь беженцам армянам из Западной Армении.

По некоторым данным, в 1919 г. М. Арамянц уехал из Тифлиса в Париж, а скончался в Ницце в 1924 г. По другим данным (тбилиским преданиям), во Францию в 1919 г. уехала его семья, внуки, а сам он остался в Тифлисе и стал свидетелем национализации всех его капиталов и контор советской властью в 1922—1923 г. г. Последние дни он провел в нищете в своем доме на Сергиевской улице (ныне ул. Мачабели), куда ему часто приносили еду его бывшие рабочие и слуги. В 1924 г. он скончался именно в доме на Сергиевской улице. В 1917 г. его капитал оценивался в 40-50 млн. руб. Он был обладателем второго по значению и величине капитала среди тбилиских армян.

Арташес Амбарцумович Энфиаджианц – еще одна знаковая фигура своего времени. Точная дата его рождения неизвестна, но если судить по тому, что он пришел в Тифлис 17-летним юношей в 1849 г., то годом рождения должен быть 1832. Родился он в Западной Армении, в области Самсун. В регионе выращивали душистый табак, и юноша с детства был хорошо знаком с табачным делом. По рассказам, в Тифлис он пришел с мешком табака за спиной, но уже через 3 года, в 1852 г., молодой Амбарцум Энфиаджианц открыл в Тифлисе свою первую табачную фабрику.

Откуда у молодого человека появились деньги на открытие фабрики? Архивные документы хранят молчание по этому поводу. В городе ходили слухи о том, что молодой Энфиаджианц предлагал открыть табачную фабрику купцам Тамамшевым, Питоевым и Мирзоевым. Но кто именно откликнулся на его призыв, неизвестно. Идеи юноши Амбарцума о великом будущем табачной промышленности могли увлечь любого из этих известных армянских предпринимателей. Возможно и другое: трое упомянутых сообща помогли в перспективном деле молодому человеку, страстно увлеченному табаком. Недаром имена этих трех купцов упоминаются вместе при изложении истории зарождения табачной промышленности Тифлиса.

Прошло чуть более года, и Амбарцум Энфиаджианц открыл вторую табачную фабрику. Через 10 лет на его двух табачных работало по 60 рабочих. Годовой доход двух этих фабрик в 1865 г. составлял 30 тыс. руб (Русский торгово-промышленный мир 1909: 5; Табачная промышленность 1917 (1915): 48 – 351), но уже в 1911 г. его годовой доход превышал 1 млн. руб. в год. В это время на компанию “Энфиаджианц и К^о” работало уже 600 человек, не считая тех заготовителей табака, которые скупали его в разных провинциях Турции и доставляли в Тифлис. Табак закупали также в Сирии и Египте и привозили морем в Батуми, а оттуда на телегах – в Тифлис.

В 90-ые г. XIX века Амбарцум умирает, а его дело продолжает сын Арташес. Именно он в 90-ые гг. закупил в Австрии и Бельгии оборудование и впервые в Российской империи наладил производство сигарет с фильтром. Станки непрерывной набивки табака тогда только что появились в Европе, и Арташес пошел на риски и закупил необходимое оборудование на сотни тысяч рублей. Уже в 1906 г. продукция табачных фабрик Энфиаджианца была высоко оценена в Бельгии, Голландии и Франции и удостоена на выставках почетных дипломов. Лучшие сорта табака привозили заготовители из различных стран Ближнего Востока. В 1917 г. капитал компании “Энфиаджианц и К^о” оценивался в 24-25 млн. руб. (Справочные сведения по г. Тифлису. 1913: 149; Торгово-промышленные предприятия 1917: 37).

После революции А. Энфиаджианцу удалось перевести в Бельгию и Францию часть своих средств, и в 1918 г. все семейство выехало морем в Египет. Здесь Арташес дождался окончания первой мировой войны и в 1919 г. переселился в Брюссель (Бельгию). Уже в 1920 г. Арташесу удалось создать компанию “Энфи” по производству сигарет и ароматических смесей. За 10 лет компания “Энфи” завоевала прочное место в табачной промышленности Бельгии. Однако, с началом второй мировой войны следы компании “Энфи” в Бельгии исчезают, а семейство Энфиаджианц переселяется в США, Канаду, Австрию. По данным армянской общины, в США в послевоенные годы (50-70-ые), представители этой семьи проживали в Атланте и Филадельфии, но ни бизнесменами, ни политиками, ни какими-либо видными общественными деятелями никто из этого семейства за последующие десятилетия не стал.

Армянские благотворительные общества Тифлиса

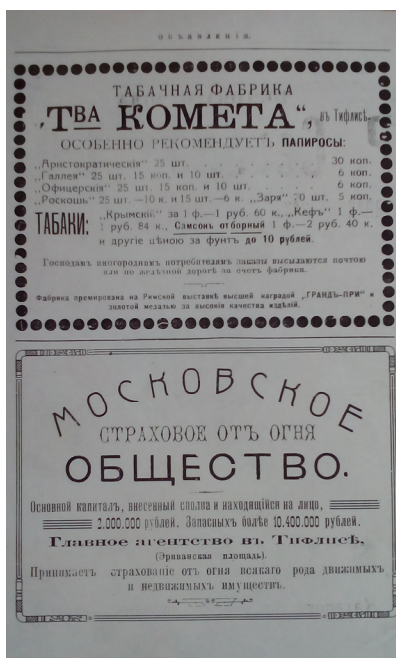
Отдельно следует сказать об армянских благотворительных обществах Тифлиса второй половины XIX в. Самым крупным и примечательное из них был “Кавказский Армянский Благотворительный комитет”. Комитет был создан в 1881 г. Баграмом Навасардяном и зарегистрирован в доме Худадова по ул. Аббас-Абадской, 7 (ныне ул. Ладо Гудиашвили).

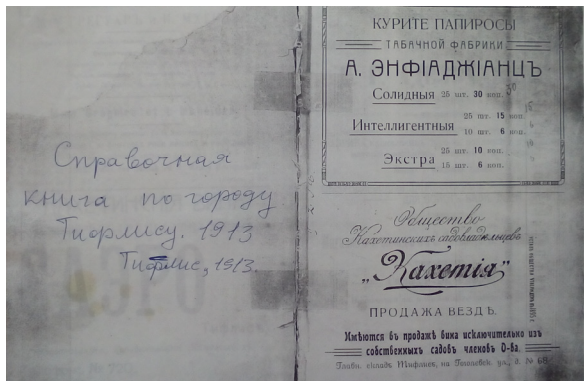
В период с 1881 г. по 1908 г. Комитет получил от Александра Манташева более 1 млн. руб. На эти деньги содержалась Нерсеяновская гимназия, несколько армянских школ в Тифлисе и Карабахе, типографии и издательства (Тифлисская губ. 1893: 36-37; Балагян 1991: 6, 39; Манташянц 1911: №89; Давидов 1991: 3; Губернские учреждения 1917: 155-156).

Уже в 1893 г. в Тбилиси было 4 армянских благотворительных общества: Кавказский Армянский благотворительный комитет, Женское армянское благотворительно общество, Тифлиское общество взаимопомоществования армянских учителей, Женское армянское общество призрения сирот армян всего Закавказья (Тифлисская губ. 1893: 37).

Всем армянским предпринимателям, купцам, банкирам предлагалось активно участвовать в спонсорстве и сотрудничать с этими организациями. И надо отдать им должное – абсолютное большинство армянских предпринимателей Тифлиса считали дурным тоном, проявлением эгоизма и замкнутости не реагировать на просьбы о финансовой поддержке. Скорее наоборот – городская элита на своих встречах, свадьбах, заседаниях городской думы рассказывала о своем участии в различных новых проектах и гордилась благотворительностью. Именно благодаря деньгам благотворителей в Тифлисе появились в 90-ые гг. XIX в. централизованный водопровод и канализации, покрылись асфальтом все центральные улицы города. Представители старинных армянских фамилий Тамамшевых, Арцруни, Мелик-Азарянцев, Мелик-Нубаровых, Шадиновых, Аршакуни, Коргановых, Аргутинских, Тумановых, Хатисовых, Давидянцев, Канановых, Мамуловых, Долухановых, Юзбашевых, Бебутовых, Яраловых и многих других носили почетное звание

тифлиских “мокалаков” – наследственное звание горожан, занимавших высшую социальную ступень в обществе. Именно представители этих фамилий основали Кавказское армянское издательское общество (во главе с А. Заргаряном), Армянское стенографическое общество (во главе с О. Акоюном), Общество поощрения изящных искусств среди молодежи (во главе с К. Алихановым и генерал-майором Василием Тамамшевым), Общество распространения Коммерческого образования и всепомоществования бедным ученикам (во главе с князем Н.Е. Аргутинским), Тифлиское Армянское Этнографическое общество (во главе с А.А. Мелик-Азарянцем). Все эти общества способствовали распространению образования, культуры, поддерживали наиболее талантливых учеников и студентов университетов. Многие сироты выжили и состоялись благодаря поддержке различных благотворительных обществ.

творчества и литературы. Феномен тифлиских армян в экономическом развитии города в XIX веке — бурное освоение достижений науки и техники, создание капиталов буквально на пустом месте и небывалое в истории армянского народа, беспрецедентное развитие благотворительности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией (1868), Т.2. Тифлис.
- Амирханян В. (1999), «Манташянцами рождаются и не только в бизнесе», газ. *Республика Армения*, (04. 03.1999), Ереван.
- Арутюнян С., Овсепян Л. (2000), *Я — армянин*, Ереван.
- Арухьян Аракел (1931), *Александр Манташянц — великий купец и благотворитель*, Вена (на арм. яз.).
- Бадришвили Н.И. (1934), *Тифлис. Кн.1. От основания до XIX века*, Тифлис.
- Балагян Лия (1991), *Александр Манташянц*, Ереван (на арм. яз.).
- Балагян Лия (1992), «Микаэл Арамянц», газ. *Айютюн*, (14.02.1992), Ереван.
- Бегичев К.Н. (1895), *Взятие Тифлиса Ага-Магомед—ханом в 1795 году. Из записок царевича Теймураза*, Тифлис.
- Беганишвили Г.Д. (1958), *Октябрьский район г. Тбилиси (История)*, Тбилиси.
- Виргинский В.С., Хотенков В.Ф. (1988), *Очерки истории науки и техники. 1870—1917*, Москва.
- Гевенян С. (1999), «Александр Манташев», газ. *Эфир*, (№№ 43,44,45), Ереван.
- Гевенян С. (1999), «Микаел Арамянц», газ. *Эфир*, (№ 49), Ереван.
- Гильденштедт И.А. (1809), *Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа*, СПб.
- Губернские учреждения. Тифлисская губерния (статистический отчет)*, *Кавказский Календарь* (1917), Тифлис.
- Гулишамбаров С.И. (1890), «Обзор заводов и фабрик Тифлиской губернии», *ЗКОИРГО*, Тифлис, № 17.
- Дарджинян С. (2000), «Микаел Арамянц — тайные линии жизни», журн. *Азг*, (21.11.2000), Вена, (на арм. яз.).
- Давидов Рэм (1991). «Промышленник, меценат, патриот — А.И. Манташев», газ. *Голос Армении*, (11 июня 1991), Ереван.
- Джаошвили В.Ш. (1971), *Экономико-географический очерк Тбилиси*, Тбилиси.
- Жизнь Артемия Араратского* (1980), (изд. подготовил К.Н. Григорян при участии Р.Р. Орбели), Ленинград.

- Евецкий О. (1835), *Статистическое описание Закавказского края*, СПб.
- Евлахов И. (1852), «Тифлиссские караван-сарай», *ЗКОИРГО*, Кн.1. Тифлис.
- Ерицов А. (1880), «Краткий исторический очерк», *Сборник сведений о Кавказе*, Т.VI, гл.12, Тифлис.
- Какабадзе С. (1925), «Перепись Тбилиси в 1803 г.», *Саисторио моамбе (Исторический вестник)*, Тифлис, (на груз. яз.).
- Квирквелия Т. (1994), «Амкар, еще амкар», газ. *Свободная Грузия*, (26.10.1994), Тбилиси.
- Кишмишев С. (1909), *Тифлис, личные воспоминания*, Тифлис.
- Лебовски Ханна (2000), «Последнее желание Альфреда Нобеля», журн. *Караван историй*, (апрель, 2000), Москва.
- «Александр Манташянц — это благотворительность» (1911), журн. *Миак*, №89, Тифлис, (на арм. яз.).
- Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края* (1885), Т.V, Тифлис.
- Меликсет-Беков Л.М. (1918), «Старый Тифлис по описаниям А.Негри и М. Медичи (1825—1830)» (1885), журн. *ARS*, Тифлис, № 2—3.
- Месхиа Ш. (1958), *Города и городской строй феодальной Грузии*, Тбилиси, (на груз. яз.).
- Обозрение Российских владений за Кавказом* (1836), Ч.1, СПб.
- Русский торгово-промышленный мир* (1909), Тифлис.
- Рыжов К.В. (2001), *Сто великих изобретений*. Москва.
- СССК (1869) — *Сборник статистических сведений о Кавказе*, Тифлис.
- СОГ Тифлиссской (1866) — «Статистическое описание городов Тифлиссской и Эриванской губерний», *Кавказский календарь*, Тифлис.
- Сравнительная таблица* (1869) — *Сравнительная таблица городов Кавказского Наместничества по числу ремесленников в 1865*, Тифлис.
- Справочная книга по Тифлису.1911* (1912), Тифлис.
- Справочная книга по Тифлису.1913* (1913), Тифлис.
- «Статистика» (1847), *Кавказский календарь*, Тифлис.
- «Статистические сведения о Закавказском крае» (1852), *СССК*, Тифлис.
- «Табачная промышленность в Закавказье» (1917), *Кавказский календарь (данные на 1915)*, Тифлис.
- «Тифлис по однодневной переписи 1876» (1880), *СССК*, Т.VI, Тифлис.
- «Тифлисская губерния. Статистический отчет» (1893), *Кавказский календарь*, Тифлис.
- «Торгово—промышленные предприятия в Тифлисе» (1900,) *Кавказский календарь*, Тифлис.
- «Товарищество братьев Нобель’ в России» (2000), *Энциклопедия. Техника*, Т.14 (гл. ред. М.Д. Аксенов), Москва.
- «Торгово-промышленные предприятия г. Тифлиса» (1917), *Кавказский календарь*, Тифлис.
- «Хроника» (1890), газ. *Кавказ*, №3, Тифлис.
- «Хроника» (1896), газ. *Кавказ*, №30, Тифлис.
- Чобанян П. (1978), «Новые материалы о жизни и деятельности Артемия Араратского», *ИФЖ*, №1, Ереван, (на арм. яз.).
- Чхетия Ш. (1942), *Тбилиси в XIX столетии (1865—1869)*, Тбилиси (на груз. яз.).
- Чхетия Ш. (1958), «Армяне в Грузии в XIX веке», *ИФЖ*, №3. Ереван.
- Эксельбирт М. О. (1869), «Очерки промышленности и торговой деятельности Закавказского края», *Кавказский Календарь*, Тифлис.

О ВКЛАДЕ РУССКИХ УЧЕНЫХ В ИССЛЕДОВАНИЕ ИСМАИЛИЗМА

Нелли Хачатурян
Институт востоковедения
Российско-Армянского Университета, Ереван

Abstract

Relative progress in the Ismaili study was made only at the beginning of the nineteenth century, with the introduction of Ismaili primary sources into academic circulation. A significant contribution to the study of this Extreme Shi'a trend has been made by Russian scholars. This article focuses on the contribution of the Russian academic thought to the field.

Keywords: *Ismaili Studies, Vladimir Iwanov, Russian Researchers on Ismailism, Pamir*

Аннотация

Относительный прогресс в изучении исмائيитов был достигнут лишь к началу XIX века, с введением в научный оборот исмائيитских первоисточников. Существенный вклад в изучение этого крайнешиитского направления внесли и русские ученые. Данная статья — о вкладе русской научной мысли в данную область знания.

Ключевые слова: *исмаиитоведение, Владимир Иванов, русские исследователи исмائيитизма, Памир*

Исмائيитизм - одна из основных ветвей крайнешиитского ислама. Возникший во второй половине VIII в. как результат раскола по вопросу права наследования духовной власти (имамата) шестому шиитскому имаму Джафару ас-Садику, сегодня исмائيитизм является одним из самых значительных и самых организованных течений в не dogматической мусульманской среде, с наиболее разработанной системой догматики и собственной правовой школой.

В результате миграционных потоков община исмائيитов оказалась рассеянной по всему миру. Она являет собой богатое разнообразие культур, языков и национальностей. Ее традиции сочетаются с четырьмя широкими географическими и этнографическими группами – центральноазиатской, иранской, арабской и южноазиатской. Все они объединены верностью своему нынешнему, 49-ому наследственному имаму, принцу Кариму Ага Хану IV (Ismaili Imamat History 2011).

Относительный прогресс в изучении исмائيитов был достигнут лишь к началу XIX века с введением в научный оборот первоисточников и ряда трудов по истории исмائيитизма разных периодов, однако западные востоковеды продолжали изучать их исключительно на снове критических суннитских источников, а также средневековых отчетов крестоносцев. Подобная ситуация сохранялась вплоть до 30-х годов XX века (Дафтари 2003: 30).

Прорыв в исследованиях по исмаилизму происходит в результате обнаружения и введения в научный оборот множественных подлинных исмаилитских текстов, веками хранившихся в частных собраниях исмаилитских общин (Сирии, Йемена, Средней Азии). Вклад русских ученых в приобретение и изучение этих первоисточников незаменим.

Наибольшая заслуга в привлечении к исследованиям по исмаилизму собственно исмаилитских источников бесспорно принадлежит известному русскому историку, иранисту Владимиру А. Иванову (1884-1970гг.), ставшему фактически основоположником академического исмаилитоведения. Принятый в среду исмаилитов и сам вскоре ставший последователем этого течения, В. А. Иванов обращался к наиболее эзотерическим проблемам истории исмаилизма (см., в частности, Iwanov 1926; 1963; 1939; 1942; 1948a; 1948b; 1941; 1940; 1957; 1936).

В 1916г. Азиатский музей в Санкт-Петербурге с помощью известного русского востоковеда Александра А. Семенова приобрел коллекцию персидских исмаилитских рукописей центральноазиатского происхождения. Русскими учеными востоковедами Иваном И. Зарубиным (1887—1964гг.) и А. А. Семеновым (1873-1958гг.) была собрана и изучена коллекция манускриптов персидских низаритов, обнаруженная в Шугнана, Рушане, Вахане и других районах Бадахшана. Уже к 1917г., собранные И. И. Зарубиным (Зарубин 1918: 94-148; он же 1927: 361-373) и А. А. Семеновым (Семенов 1912: 523-561; он же 1928: 1-24) «исмаилитские коллекции» представляли собой наиболее крупное собрание известных на то время подобных письменных источников.

Затем усилиями В. А. Иванова был реализован проект по изучению исмаилитских до того не изученных рукописей, хранившихся в собраниях индийских исмаилитов общины *бохра*.¹ В. Иванов получил доступ и к низаритским текстам Центральной Азии, Ирана и Афганистана и внес значительную лепту практически во все области исмаилитоведения, особенно в изучение истории и доктрины исмаилитов-низаритов.

В 1933 г. В. Иванов опубликовал первый детализированный каталог работ исмаилитских авторов, включавший более 700 наименований отдельных работ и положивший начало новому этапу научных исследований по исмаилизму (см. Daftary 1971; Iwanov 1939).

Таким образом, изданные русскими учеными исмаилитские первоисточники из коллекций исмаилитских общин Бадахшана, Памира и Индии, помогли пересмотреть некоторые вопросы возникновения, становления и эволюции исмаилизма, идентичности исмаилитов, религиозно-философской доктрины, помогли выявить организационные формы исмаилитских общин, их структурные изменения в зависимости от их функционирования в различных регионах мусульманского мира.

В. А. Иванов сыграл значительную роль и в учреждении Исмаилитского общества Бомбея под руководством Султана Мухаммада Шаха, Ага-Хана III и его научно-издательской деятельности. К 1963г. он выпустил второе расширенное издание

¹*Бохра* – община исмаилитов в Индии, приверженцы ветви *мустали таййиби*, а исмаилиты *ходжа*, в свою очередь, представители исмаилитов низаритов.

исмаилитского каталога первоисточников (Iwanov 1939: 245). Затем стали появляться новые научные издания исмаилитских текстов и их переводов.

В 1948г. в серии Изданий Исмаилитского общества В. А. Иванов опубликовал небольшую брошюру под названием «Насир-и Хосров и исмаилизм» (Iwanov 1948a: 79). Хотя на взгляды В. А. Иванова и повлияла близость с современными ему исмаилитами, все его работы – это сугубо академические исследования, основанные на ранее никем не привлекаемых материалах.

Выявление особого исмаилитского направления *сампант* на Индийском субконтиненте также принадлежит В. Иванову. Он относит его к смешанным индуистско-мусульманским течениям, доказывая, что в течение своей истории *сампант* разработал свой собственный комплекс теологических постулатов, совмещающих идеи индуизма и исмаилитского ислама, и подчеркивает, что в Индии исмаилизм представляет собой местную традицию, отражающую определенные исторические, культурные и политические реалии (Iwanov 1948b: 1-19).

В. Иванов был пионером и в исследованиях исмаилитских текстов общин Сирии и Ирана. Он отмечал, что исмаилиты Масйафа и Кадмуса принадлежат к исмаилитской ветви *мухуммадшахи*, и время от времени у них возникают проблемы с соседями *нусайритами (алави)*, которые часто занимали их крепости и уничтожали их литературу (Iwanov 1938: 57-79).

В сфере его интересов находились также исмаилиты Памира, о которых он писал: «...на территории России, в долине реки Пяндж, живут исмаилиты. Их называют памирскими исмаилитами, или исмаилитами Бадахшана. Они считают себя последователями Насир-и Хосрова» (Iwanov 1946).

Исмаилитонаселенный Памир уже полтора века как является территорией непосредственного интереса и влияния Российской империи, СССР, а ныне – Российской Федерации. Исследования по исмаилитам Средней Азии и, в частности, Горного Бадахшана, входят в сферу памироведения (см. Терехов 2011).

Исмаилизм является неотъемлемой частью Памира уже с XIII века, а история изучения Памира и памирских исмаилитов восходит к середине XIX в., когда между Россией и Британией развернулась борьба за сферы влияния в глубинных районах Евразийского континента (Morgan 1981: 15-16). Таким образом, фундамент научно-исследовательских работ, в том числе лингвистического и этнографического характера, по Средней Азии и, преимущественно, по памирскому региону, закладывается уже во второй половине XIX в., в сочинениях непосредственных участников «Памирской кампании» – главным образом, офицеров Генерального штаба Российской Империи (Громбчевский 1891а; Зайченко 1903; Костенко 1877; Путята 1884; Серебренников 1914; Тагеев 1902).

Следует отметить, что первые исследования на Памире носили военно-разведывательный характер. Уже позже сведения о религии памирцев, их языках и обычаях, которые также учитывались военными и дипломатическими ведомствами России, стали собирать и гражданские специалисты. Серьезным вкладом в памирское исмаилитоведение стали результаты исследований геолога Дмитрия Л. Иванова, этногра-

фов-лингвистов графа Алексея А. Бобринского, Михаила С. Андреева, Карла Г. Залемана² и др. (Иванов 1884; Андреев/Половцев 1911). Граф Бобринский фактически первым обратил внимание на памирских исмаилитов (Бобринский 1902). Крайне ценны материалы военных востоковедов Андрея Е. Снесарева (1903), Б.Л. Громбчевского (Терехов 2011: 157-159; см. также Громбчевский 1891b; он же 1891) и др.

Большой вклад в изучение истории населения Памира, в том числе исмаилитов, внесли и российские дипломатические работники. Их отчеты и справки, а также донесения в МИД и военное ведомство до сих пор хранятся в фондах Государственного военно-исторического архива, Архива внешней политики Российской империи и представляют собою несомненный интерес для исследователей памирских исмаилитов. В этом смысле важны также материалы архивов «Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», «Московского императорского университета. 1712-1928», «Лазаревского института восточных языков. 1814-1918», которые в дореволюционный период способствовали естественнонаучному исследованию Памира, а также изучению его населения.

В советский период значительную роль в исследовании исмаилизма сыграли такие известные ученые, как А. Е. Бертельс (1959; 1991; Бертельс, Бакаев 1967), Л. В. Строева (1965; 1966; 1963, 1962), И. П. Петрушевский (1966), Х. Додихудоев (1976), Л. Додихудова (1973), Е. А. Беляев (1957) и другие.

Истории ГБАО посвящены работы Масова Р.М. (Масов, 1981). В работах Б.И. Искандарова (1966: 28-39) детально рассматривается деятельность России на территории Памира по отношению к местному населению.

Говоря о работах советских ученых-исследователей Памира, следует принять во внимание ситуацию, которая сложилась на тот период в Таджикистане. Исмаилиты Памира, как, впрочем, и все его население постоянно сталкивались с трудностями во взаимоотношениях с душанбинскими властями. В советском Таджикистане в русле государственной политики формирования социалистических наций, сопровождавшейся активным стиранием внутренних языковых, культурных и национальных различий малых народов и их слиянием с основной частью нации, велась активная деятельность по искусственному, принудительному слиянию населения Памира с таджиками. Это выразилось в насаждении таджикского языка, игнорировании традиционной культуры и языков населения Памира. Со стороны таджиков-суннитов в отношении исмаилитов, как представителей крайнешиитского ислама, политика эта приобретала особый, дискриминационный акцент. Естественно, никакого слияния исмаилитов с таджиками не произошло; попытка советских историков и этнографов доказать в рамках советской идеологии, что «памирцы» консолидируются с таджиками в «таджикскую социалистическую нацию», не увенчалась успехом.

С распадом СССР и в связи с гражданской войной в Таджикистане исследования по Памиру и ГБАО почти на целое десятилетие прекратились. Памир оказался отрезанным от внешнего мира, а его население, в прямом смысле,

² О К. Г. Залемане см. Архив РАН, Ф. 87 и СПб филиал архива РАН, Ф. 87.

находилось на грани вымирания. Лишь при содействии Ага-Хана IV - через его гуманитарную программу «Спасение Памира» - целый регион фактически избежал гуманитарной катастрофы. Фондом Ага Хана сюда были доставлены и распределены среди населения тысячи тонн продовольственных продуктов. Вклад Ага Хана IV в процесс мирного урегулирования внутритаджикского вооруженного конфликта, безусловно, огромен, что неоднократно подтверждалось как официальными властями Таджикистана, так и руководителями оппозиции (Шохуморов 2000).

Возможность же восстановления научных изысканий в этом регионе появилась сравнительно недавно. За последние десятилетия памирские исмаилиты стали объектом исследования нового поколения специалистов: Каландаров Т. С. (2004), Харюков Л.Н. (1995), Шохуморов С. (2000), Шоинбеков А.А. (2007), Собирова К. Д. (2003), Емельянова Н. М. (2002), Лашкариев А. З. (2007а; 2007: 52-57; 2008: 97-109), Бокиев О.Б. (Бокиев 1994), В. П. Терехов (Терехов 2011) и другие. Большинство исследований посвящено этнографии региона, в частности, обрядности современных исмаилитов Памира, а также социально-экономическим проблемам, в том числе трансформациям, происходящим в регионе при поддержке программ Ага-Хана IV.

Что касается самосознания памирских исмаилитов и их политической ориентации, то, как показывают исследования В. Терехова, Л. Харюкова, О. Бокиева и других, население Памира, в частности ГБАО, исторически тяготеет к России и сохраняет дружеские чувства к российскому государству (Харюков 1995: 225; Терехов 2011; Бокиев 1994: 97, 243).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев М.С., Половцев А.А. (1911), “Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии (Ишкашим и Вахан)”, *Сб. Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии Наук*, т. 1., вып. IX., СПб.
- Беляев Е. А. (1957), *Мусульманское сектанство*, Москва.
- Бертельс А. Е. (1959), *Насири Хосров и исмаилизм*, Москва.
- (1991), *Поэтический комментарий Шаха Ниматуллаха Вали на философскую касыду Насир-и Хусрау*, Москва.
- Бертельс А. Е., Бакаев М. (1967), *Алфавитный каталог рукописей, обнаруженных экспедицией 1959—63 гг. в Горно-Бадахшанской автономной области*, под ред. Б. Г. Гафурова, А. М. Мирзоева, Москва.
- Бобринский А.А. (1902), «Секта Исмаиля в русских и бухарских пределах Средней Азии: Географическое распространение и организация», *Этнографическое обозрение*, Кн. LIII, Москва.
- Бокиев О.Б. (1994), *Завоевание и присоединение Северного Таджикистана, Памира и горного Бадахшана к России*, Душанбе.
- Громбчевский Б.Л. (1891а), *Наши интересы на Памире (Военно-политический очерк)*, Новый Маргелан.
- Громбчевский Б.Л. (1891б), *Современное положение Памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром (Военно-политический очерк)*, Новый Маргелан.

- Дафтари Ф. (2003), *Краткая история исмаилизма: Традиции мусульманской общины*, Москва.
- Додихудоев Х. (1976), *Очерки философии исмаилизма (общая характеристика доктрины X - XVI вв.)*, Душанбе.
- Додхудоева Л. Н. (1973), “Свадебные обряды исмаилитов Памира”, *Проблемы истории, культуры, филологии стран Азии*, вып. 1, Душанбе: 31-39.
- Емельянова Н. М. (2002), *Исмаилиты Афганистана. Отчет по экспедиции в афганскую провинцию Бадахшан группы сотрудников Института востоковедения РАН*, август-сентябрь, электронная версия на http://lit.lib.ru/e/emelxjanowa_n_m/text_0100.shtml.
- Зайченко З.И. (1903), *Очерк возникновения, последовательного развития и современного положения Памирского вопроса*, Ташкент.
- Зарубин И.И. (1918), “Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга”, *Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук*, V, Вып. 1, Москва: 97-148.
- (1927), “Рождение шугнанского ребенка и его первые шаги”, *В.В. Бартольд: сборник статей*, Ташкент: 361-373.
- Иванов Д.Л. (1884), “Путешествие на Памир”, *Известия РГО*, т. XX, вып. 3, СПб.
- Искандаров Б.И. (1966), “Изучение Памира в связи с историей сопредельных стран во второй половине XIX в.”, *Известия АН Таджикской ССР Отд. общественных наук*, № 4(46), Душанбе: 28-39.
- (1961), “Англо-русское разграничение 1872-1873 гг.”, *Вопросы истории Таджикистана*, Сталинабад: 84-103.
- (1962), *Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в.*, ч. I., Душанбе.
- (1983), *Социально-экономические и политические аспекты истории памирских княжеств*, Душанбе.
- Каландаров Т. С. (2004), *Шугнанцы (историко-этнографическое исследование)*, Москва.
- Костенко Л.Ф. (1877), “Военно-научная экспедиция на Алай и Памир”, *Военный сб.*, № 4, СПб.
- Лашкариев А. З. (2007а), *Похоронно-поминальная обрядность бартангцев: конец XIX-XX вв.* /автореферат и диссертация/, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Москва, электронная версия на <http://www.dissercat.com/content/pokhoronno-pominalnaya-obryadnost-bartangtsev-konets-xix-xx-vv>.
- (2007б), “Обряд «зажигание священной лампы» у исмаилитов Западного Памира (поминальный цикл)”, *Вестник молодых ученых "Ломоносов": сборник научных трудов*, вып. 4, Москва: 52-57.
- (2008), “Поминальные обряды очищения дома и возжигания священной лампы у исмаилитов западного Памира”, *Этнографическое обозрение*, № 1, Москва: 97-109.
- Масов Р.М. (1981), “Историография Советского Бадахшана”, *Очерки по истории Советского Бадахшана*, Душанбе: 7-34.
- Петрушевский И. П. (1966), *Ислам в Иране в VII – XV вв.*, Ленинград.

- Путята Д. В. (1884), “Очерк экспедиции в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан 1883 г.”, *Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии*, Вып. 10, СПб.
- Семенов А. А. (1912), “Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов”, *Мир Ислама*, Вып. I, СПб: 523-561.
- (1928), “Исмаилитская ода, посвященная воплощениям Алия-бога”, *Иран: сб. статей*, Т. 2, Ленинград: 1-24.
- Серебренников Г.А. Полковник (1914), “Туркестанский край”, *Сб. материалов для истории его завоевания*, т. 19-20, Ташкент.
- Снесарев А. Е. (1903), “Краткий очерк Памира”, *Памиры (Военно-географическое описание)*, Ташкент.
- Собирова К. Д. (2003), *Вклад фонда Ага Хана в восстановление экономики и решение социально-культурных проблем ГБАО Республики Таджикистан* /автореферат и диссертация/, Таджикский государственный национальный университет, Душанбе, электронная версия на <http://www.dissercat.com/content/vklad-fonda-aga-khana-v-vostanovlenie-ekonomiki-i-reshenie-sotsialno-kulturnykh-problem-gba>.
- Строева Л. В. (1965), “Выступления исмаилитов в Сирии на грани XI—XII вв.”, *Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР*, вып. 86, Москва: 189-195.
- (1965/66), “Внутреннее положение исмаилитского государства в 20—25-х годах XII в.”, *Филология и история стран зарубежной Азии и Африки (тезисы научн. конференции)*, Ленинград: 84-86.
- (1963), “К вопросу о социальной природе исмаилитского движения в Иране в XI—XIII вв.”, *Вестник Ленингр. государственного университета*, вып. 4, Ленинград: 45—51.
- Тагеев Б.Л. (1902), “Памирские походы 1892-1895 гг.”, *Десятилетие присоединения Памира к России*, Варшава.
- Терехов В. П. (2011), *Государственная политика России, СССР и Российской Федерации по отношению к Памиру*, Москва, Научная библиотека диссертаций и авторефератов DissersCat at <http://www.dissercat.com/content/gosudarstvennaya-politika-rossii-sssr-i-rossiiskoi-federatsii-po-otnosheniyu-k-pamiru#ixzz4sRoKb9Aj>.
- Терехов В.П. (2011), “Памирские экспедиции Б.Л. Громбчевского”, *Власть*, № 5: 157-159.
- Харюков Л.Н. (1995), *Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм*, Москва.
- Шоинбеков А.А. (2007), *Традиционная погребально-поминальная обрядность исмаилитов Западного Памира (конец XIX –начало XXI вв.)* /автореферат и диссертация/, Отдел Центральной Азии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, Санкт-Петербург, электронная версия на <http://www.dissercat.com/content/traditsionnaya-pogrebalno-pominalnaya-obryadnost-ismailitov-zapadnogo-pamira-konets-xix-nach>.
- Шохуморов С. (2000), “Исма’илизм: традиции и современность”, *Институт Востоковедения и письменного наследия АН Республики Таджикистан*, эл. вариант - Central Asia & Central Caucasus Press of the Institute for Central Asian and Caucasian Studies in Sweden at <http://www.ca-c.org/journal/cac-08-2000/13.shokhum.html>.
- Daftary F. (1971), “Bibliography of the Publications of the late W. Ivanow”, *Islamic Culture* 45, Hyderabad: 56-67.

- Ismaili Imam History: From the time of the division in the Shia community* (2011), The Institute of Ismaili Studies, <http://iis.ac.uk/about-us/his-highness-aga-khan/ismaili-imamat-history>.
- Iwanov W. A. (1926), *Concise descriptive catalogue of the Persian manuscripts in the Curzon collection*. Calcutta.
- (1963), *Ismaili literature: a bibliographical survey; second amplified edition of "A guide to Ismail literature"*, London.
- (1939), *Catalogue of the Arabic manuscripts in the collection of the Royal Asiatic Society of Bengal*, Calcutta.
- (1942), *Ismaili tradition concerning the rise of the Fatimids*, London.
- (1941), "Early Shi'ite movements", *JBBRAS*, vol.17, Bombay: 1-23.
- (1940), "Ismailis and Qarmatians", *JBBRAS*, vol. 16, Bombay: 43-84.
- (1957), *Ibn-al-Qaddah: The Alleged Founder of Ismailism*, Bombay.
- (1936), "The Sect of Imam Shah in Gujrat", *Journal of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society*, v. 12, Bombay: 19-70.
- Iwanov W. A. (1939), *Catalogue of the Arabic manuscripts in the collection of the Royal Asiatic Society of Bengal*, Calcutta.
- (1963), *Ismaili Literature: A Bibliographical Survey*, Tehran.
- (1948a), "Nasir-i Khusraw and Ismailism", Bombay, London.
- (1948b), "Satpanth", *Collectanea*, ed. W. Ivanow, Vol. I, Leiden: 1-19.
- (1938), "A Forgotten Branch of the Ismailis", *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*, No. 1 (Jan.), London: 57-79.
- (1946), *Ismailis in Russia*, digital version (2007) at H.H The Aga Khan Shia Imami Ismaili Association for Tanzania,
http://www.ismaili.net/readknow/ismailis_russia.html.
- Morgan G. (1981), *Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810-1895*, London.

О ДРЕВНЕМ НАРОДЕ Δρίβυκες И ЭТНОТОПОНИМАХ

Гарник Асапрян

Институт востоковедения

Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван

Abstract

The article presents an overview of ethno-linguistic realities in the South Caspian region in the ancient period, as well as the analysis of some ethno-toponyms recorded in Iran, particularly in the South Caspian region.

Keywords: *Dribukes, Derbikes, Caspians, Cadusii, Deylamites, Gels, Tapyras, Tabriz, Ethno-Toponyms*

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению этнолингвистических реалий юго-западного Прикаспия в древности на основе данных античных источников, а также анализу этно-топонимов, засвидетельствованных в Иране, особенно в каспийско-атурпатаканском регионе.

Ключевые слова: *дрибюки, дербики, гелы, каспы, кадусии, дейламиты, тапиры, Табриз, этнотопонимы*

Народ дрибюков (*Δρίβυκες*), согласно Птоломею (Ptol. 6.2.5.), жил по соседству с кадусиями (*Καδούσιοι*) и гелами (*Γήλοι*) (Mannert 1797: 135; Humbach/Ziegler 1998: 42), то есть на юго-востоке Каспийского моря. Сведений о дрибюках очень мало (см. Tomaschek 1905a), но очевидно, что они были аборигенами Южного Каспия и жили в тесном окружении также с такими прикаспийскими народами, как (а)марды (*Ἀμάρδοι*) и анариаки (*Ἀναρίακαι*). Последние, видимо, – то же, что и дейламиты (*Δελύμαϊς*), т.е. «не арийцы», как, впрочем, и все племенные образования Южного Каспия в древности, в том числе, разумеется, и дрибюки (см. Tomaschek 1894; также Minorsky 1983: 190). Название анариаков было, скорее всего, греческой передачей иранского определения всех обитателей края, то есть **an-aryakā-*.

Дрибюков не следует смешивать с дербиками (*Δερβίκες*), кочевыми племенами, жившими в Восточном Иране, в Маргиане, у нижнего течения Аму-дарьи (см. Geiger 1882: 204-205; Tomaschek 1905b; Вайнберг 1999: 225 сл.). Арабский географ Йакут упоминает местность под названием *Durbīkān*, восходящим, быть может, к имени дербиков, в пяти фарсангах от Мерва (Tomaschek, *ibid.*). Дербики были, предположительно, частью массагетского союза племен (см. Вайнберг, там же, с указанием литературы), но сами они вряд ли были иранцами, хотя отдельные попытки объяснения их имени на основе иранского, в частности, авестийского

driβika- предпринимались (см. Geiger, *ibid.*: 205; Humbach/Faiss 2012: 34; также Дьяконов 1956: 382, прим. 2; Herzfeld 1968: 344). Дербики представляли собой кочевое сообщество на очень низкой ступени развития с чуждыми «арийцам» повадками и обычаями первобытной стадии, даже с элементами каннибализма (см. Forbiger 1844: 566; Geiger, *ibid.*), что в целом было свойственно племенным образованиям массагетской конфедерации (см. Forbiger, *ibid.*: 467, Anm. 16).

В армянской географии 7-го века «Ашхарацойц», приписываемой Мовсесу Хоренаци, упоминается *Durpikēs gawař* «кантон дрибюков», *zor karcem Dilums*, «который, думаю [и есть] Dēlam» (Matenagirk' hayoc' 2003: 2141; см. также Schmidt 1999: 89). То есть, выходит, в определенных контекстах дрибюки и дейламиты могли рассматриваться как тождественные единицы. Это кажется верным и по отношению ко всей этнической номенклатуре южнокаспийской полосы, засвидетельствованной в античных источниках. Эти имена, возможно, не всегда были самоназваниями, а выступали, вероятно, как наименования племенных групп по тем или иным хозяйственно-бытовым характеристикам и качествам. Не исключено даже, что мы имеем дело с единой этнической стихией, состоящей из разных кланов и племен с не известными нам собственными именами, эпонимическими или иными, в целом охарактеризованной в иранской этноязыковой среде как «не арийская».

Э. А. Грантовский (2007: 428 и сл.) считал, что население Прикаспия уже с конца II – начала I тысячелетия до н.э. было иранским. По его мнению, и гелы, и кадусии, и амарды, и прочие – все к этому времени уже были иранизированы. Более того, говоря о, например, VIII–VII веках до н. э., он упоминает ираноязычные этнические группы в формате их нынешнего состояния, как в случае с курдами. Между тем, основные отличительные черты протокурдского, как отдельного диалекта в недрах северо-западноиранского языкового массива, к тому времени вряд ли могли еще просматриваться, чтобы иметь своих носителей в лице предков нынешних курдов.¹ И даже в позднесасанидский период, когда контуры курдского, очевидно, уже четко выделялись, говорящие на нем группы никак не назывались курдами, ибо

¹ Вообще, в VIII–VII веках до нашей эры древнеиранские диалекты незначительно отличались друг от друга; существовал ираноязычный континуум в пределах свободного общения – почти что обще(западно)иранское языковое состояние. Более того, иранцы могли без особого труда коммуницировать и с носителями индийских диалектов. Следовательно, ранние формы нынешних западноиранских диалектов в то время еще не могли иметь материальных очертаний – разве что находились в зачаточном состоянии; только-только вырисовывались характеристики того или иного диалекта. Окончательное формирование нынешнего западноиранского диалектного корпуса произошло не ранее Сасанидской эры. Но даже после этого носители западноиранских протодиалектов вряд ли имели этническое самосознание – это была племенная стихия со свойственными ей клановыми и родовыми атрибутами, не более того. Этнические обозначения (этнонимы) закрепились за определенными группами лишь к концу Сасанидского периода и в первые века арабского владычества в Иране, а в ряде случаев - много позднее, как, например, с курдами. Исключение составляют, пожалуй, только народности южного Прикаспия. Так что механическое проецирование сегодняшней этнической номенклатуры в древнеиранскую реальность не представляется методологически правильным.

термин *kurt* в пехлевийских памятниках (как, впрочем, и в более поздних арабо-персидских текстах XI – XII вв., уже в форме *kurd*) был еще исключительно социальным термином, обозначавшим «пастух, скотовод, кочевник» (подробно см. Asatrian 2009). Вообще, в богатом многообразии отраженных в греко-римской историографии имен народов, населявших в античное время каспийско-атурпатаканский регион, включая бассейн озера Урмия и предгорья Загроса, нет ни одного, дающего пищу для этимологических изысканий. А объяснение В. Гейгером (Geiger 1882: 203) этнонима (а)мардов (*μάρδοι*) из авестийского *marəδā-* «несчастье, чума» (дсл. «убийца, разрушитель») имеет некоторое основание в силу того, что оно может быть пейоративным обозначением для отдельных сообществ неарийского населения, типа *‘Avarīakaī*, в устах ираноязычных соседей. На это указывает тот факт, что *μάρδοι*, судя по всему, — не название отдельного народа, а некое определение групп, отличающихся сходными поведенческими нормами и бытом, живших как на юге Каспия, так и в других частях Иранского плато и Центральной Азии, включая Маргиану (Geiger, *ibid.*: 203-204).

Что же касается факта наличия собственных имен иранского происхождения у местного прикаспийского населения (Грантовский, там же: 428), скажем, известного Артагерсеса (*‘Αρταγέρσης*),² то, если исходить из той же логики, говоря, например, об армянах, то есть исходя только из их ономастикона, то они должны были бы однозначно считаться иранским народом. Между тем, заимствование имен, особенно аристократических, тем более — у соседей, занимающих доминирующую политическую позицию и обладающих более высокой культурой, — явление универсальное и ни в коей мере не может быть рассмотрено как показатель этнической аффилиции.

Переход к иранской речи на юге Каспия был длительным процессом: местные языки еще долго, с убывающей интенсивностью, слышны были то там, то сям — особенно в отдаленных горных селениях и в труднодоступных местностях, затерянных в непроходимых лесных массивах, — возможно, вплоть до первых веков христианской эры. Во всяком случае, кад/тишей (кадусиев) успела застать еще армянская историография.

Так вот, дрибюки, так или иначе, были частью красочного этнического ландшафта юго-западного Каспия. На каком языке говорили они и их соседи/сородичи — каспии (каспы), гелы, кадусии, тапиры, дейламиты и т.д., — мы не знаем; языковых свидетельств нет, а их этнические названия, как было отмечено, не поддаются объяснению на основе какого-либо из известных нам языков или языковых семей. Последнее обстоятельство, однако, отнюдь не означает, что эти народы представляли этноязыковые изоляты, поскольку этнонимы, как правило, крайне редко имеют общепринятую этимологию. Последнее касается даже тех этнонимов, языковая атрибуция которых, при обилии источников и материала, нам хорошо известна. Тем

² Имя кадусского предводителя. R. Schmitt (2002: 46) выводит его из др.-иран. **rta-garša-* «наслаждающийся Артой».

не менее, исходя из исторических реалий и данных гидротопонимии (пока не изданных), можно допустить, что население по крайней мере юго-западного Прикаспия до иранизации края говорило на языках, принадлежащих к восточнокавказской группе.

Греческая передача этнонима дрибюков (т.е. *Δριβυκες*) предполагает базовую форму **dribu-ka-* (с иранском суффиксом *-ka-*), вряд ли имеющую иранское происхождение, но, возможно, функционировавшую в иранской словообразовательной парадигме (в силу отражения в греческой письменности через иранскую языковую среду): **drb-/*drib-/*drub-/*darb-* и т.д. Элемент *-b-* в *dribu-* может быть маркером множественного числа, как в названии народа лулуби (*Lulubi, Lulubum, Lullu, Lullim*), жившего в древности к юго-западу от нынешнего иранского города Мариван. Этот же элемент, похоже, отмечен и в этнониме каспов (*κάσπιοι*), которые жили на юго-западной полосе Каспийского моря — рядом с кадусиями, гелами и теми же дрибюками. Данный формант, как маркер множественного числа для одушевленных предметов (в виде *-p-*), функционировал в эламском языке, дошедшем до нас в большом корпусе клинописных текстов. Тем не менее, нельзя однозначно утверждать, — если, конечно, данное предположение верно, — что языки каспов, дрибюков или лулубеев были родственными эламскому. Возможно, мы имеем дело с региональной изоглоссой, отмеченной, впрочем, и в грузинском (*-eb-*).

Итак, если *-b-* в *dribu-* показатель множественности, то *-i-* должно быть маркером номинатива (как *-i-* в *-ebi-* в грузинском) или иной природы.

В этой связи напрашивается параллель и с названием дербиков (*Δερβίκααι /Derbikes*), — хотя последние и жили в тысячах километрах от дрибюков, — в котором также можно выделить корневую часть *derbi-* (с *-ka-*) с тем же показателем *-b-*, но с маркером *-i-*, как в *kaspi-* (*κάσπιοι*) и, возможно, *lulubi*. Фактически **dri-* и **der-* (а, скорее, **drib/*dreb*) производят впечатление некоего *Schwebeablaut* одной и той же основы, тем более, что у Плиния (6,48) засвидетельствован вариант *Driby/ices* названия дербиков.³ Значит ли это, что дрибюки и дербики представляли части одной и той же этнической группы? Вряд ли, конечно: скорее, **dri-b-/*der-b-* на одном из местных неиндоевропейских языков обозначал некое качество (вероятнее всего, дерогативное), приписываемое этническим сообществам по определенным признакам. Следовательно, несмотря на схожесть и вероятное родство этнических имен, дрибюки и дербики могли быть представителями совершенно разных сообществ. А возможно даже, что дербики, как часть массагетов, вообще были ираноязычными — в конце концов, скифский континуум в целом представлял собой весьма дикую стихию.

Так или иначе, от неиндоевропейских народов, населявших некогда южную полосу Прикаспия, ничего, кроме их имен, не осталось — ни единого слова из их

³ Сходную структуру имеет наименование народа *Δριβάχται*, отмеченное Птоломеем (6.12.4) в Согдиане (Humbach/Ziegler 1998: 169). Однако оно легко объясняется из иранского **dru-baxtā-* «хозяева леса» (дсл. «люди, для которых» выделены определенные лесные участки») (Tomaschek 1905c). Этимология Г. Гумбаха (Humbach/Faiss 2012: 40) выглядит не очень привлекательной.

языка (языков), ни одного отрывка связного текста! Языковая фактура этого интереснейшего этнического ландшафта может прослеживаться лишь на материале гидротопонимии региона, находящейся ныне в процессе изучения в рамках отдельного проекта Отделения иранистики Института востоковедения Российско-Армянского (Славянского) Университета в Ереване.

Но зато следы прикаспийских народов в виде этнопонимов можно найти по всей территории Ирана,⁴ в виду того, что народы эти проявляли особую страсть к дальним походам, откуда обычно не возвращались. Их имена остались, конечно, преимущественно в ареалах их первоначального проживания: ср.-перс. *Dēlamān* (Vd. I,17) (ныне *Deylam(ān)*), ср.-перс. *Tapurstān* /арм. *Taparstan* (перс. *Tabaristān*); *Gēlān* /арм. *Gēl-k'* (ныне *Gīlān*), не говоря уже о Каспийском море, Каспийских воротах и т.д. – по имени народа каспов (каспиев), арм. *Kasb-k'* «страна каспов»; *Gurgān/ Vrkāna-* / арм. *Vrkanac' ašxarh* – по имени гирканцев; далее, *Mūqān/Mūyān/ Muḡān*, равнина в нижнем течении Аракса – по названию миков (*μύκοι*), и т.д.

Множество ландшафтных названий также несут имена древних обитателей Прикаспия. Помимо Каспийского моря, например, город Амул на берегу реки Сефидруд (древняя Амардос) в Мазандаране – из **āmṛda-*, названия (а)мардов (в пехлевийских текстах *āmāl* < **āmard-*); а гора *Durfak* (*Dulfak/Dilfak/Darfak*, местное произношение – *Dervek*), главная вершина Гиляна, своим именем обязана этнониму дрибюков, и т.д.

Еще более интересны этнопонимы, засвидетельствованные вне пределов исконного обитания этих народов, которые дают нам общее представление о путях их передвижений.⁵

Можно упомянуть, например, *Darba-rūd* (арм. *Darb-arū*), речка и деревня на ее берегу к западу от озера Урмия и, возможно, *Darb*, селение в Южной Армении, в исторической провинции Сюник, в районе Вайоц-дзор (Накобян et al. 1988: 57,58), и *Dilif*, деревня в области Богдановка современной Грузии (там же: 113).⁶

След дрибюков В. Минорский находит и в названии племени *Dilfān* в северном Луристане, абсорбировавшем переселенческие волны из Гиляна (Minorsky 1943: 88).

⁴ Например, *Pasvē* – древний этнопоним, зафиксированный в области Сульдуз (ныне Нагаде), на юге озера Урмия, который В. Минорский (Minorsky 1957: 79) возводит к *Parsua* и связывает с этнонимом персов.

⁵ Топонимы, гидронимы или хоронимы, образованные на основе этнонимов, предполагают обязательное наличие этнических групп, выступавших под этими названиями в доминирующей иноязычной среде. В ареале компактного проживания этнической группы подобные названия, как правило, редко появляются – разве что в связи с большими географическими объектами (типа того же Каспийского моря, горы Дулфак или города (из названия реки) Амул и т.д.).

⁶ Некий похожий этноним (*dulīk*) можно усмотреть в названии города *Dilījan* (دلیجان) в провинции Исфahan, южнее Кума и к востоку от Кашана; историческое чтение в арабской географической литературе — *Dulījan/Dulīkān* (Schwarz 1925: 657), если, конечно, это не образец топонима, образованного из др.-иран. **didā-* «крепость» (см. Асатрян 2016: 244).

Основной ареал проживания или, вернее, передвижений дрибюков, судя по этим скудным следам, простирался, видимо, от юго-восточного угла Каспия до озера Урмия, а к северу—до южных границ Армении и глубже в сторону Грузии.

Следы дейламитов можно найти в местностях, называемых *Dilmān* или *Dilmakān*, близ Салмаса, и *Dilama-šen* – в Грузии (с армянским топоформантом *-šen* = перс. *-ābād*). В. Минорский (Minorsky 1932: 27, п. 13) сюда относит и район *Lāhījān* к юго-западу от озера Урмия – отголосок Лахиджана в Гиляне, которым владел дейламидский род Вехсудан.

Вне пределов своей этнической территории каспы (*κάσπιοι*) оставили след в названии известного города Казвин (*Qazvīn*) к северо-западу от Тегерана, центра одноименной провинции в Иране. У Птолемея (6.2.17) местность обозначена как *Κισβίνα* (Humbach/Ziegler 1998: 54; Schmidt 1999: 140). Данное название с большой долей вероятности восходит к праформе **kāspēn*, то есть «каспское или каспийское (поселение)».⁷

Судя по всему, с кадусиями (*καδούσιοι*) связано название поселения Кадисийа (*Qādisīyya*) на восточной стороне Евфрата к юго-западу от города Куфа в современном Ираке, где в 636 году произошла роковая битва между войсками последнего Сасанидского царя Йаздигерда III и армией мусульман-арабов. Был и другой город *Qādisīyya* на Тигре, между Багдадом и Самаррой (Бартольд 2003: 195).

Далее, в Западной Армении, в современной турецкой провинции Диярбекир еще в XIX в. существовала деревня, носившая название Кадишта (*Kadišt'a*) (Накобыан et al. 1988: 876), которое невозможно объяснить ни на основе армянского, ни на основе турецкого, ни на основе курдского. В армянской исторической традиции кадусии назывались *katiš* или *kadiš*, что отражено в названии их страны *Katiš-k' / Kadš-k'*. Но окончание *-t'a* в рассматриваемом топониме в данной форме не объяснимо, оно может быть, скорее, аллегр-вариантом слова *t'aγ* – «квартал, поселение», с отпадением конечного фрикативного в композите, при перемещении ударения на корневой *-i-*. Как бы то ни было, это не типичная для армянской топонимии форма.

Следы гелов (*γῆλοι*) можно усмотреть в ряде топонимов южнее озера Урмия, на севере сегодняшней провинции Кордестан в Иране. Это – *Gīlī-karān* (из *Gēlī-karān*) «простор/земля гелов» и *Kīla-gilān* (из *Kēla-gēlān*) «(поселение) племени гелов». В последнем сложном имени первый компонент (*kēla-*) – курдское соответствие *xēl/xeyl*, образующего в южнокаспийском регионе топонимы в сочетании с этнонимами и именами глав кланов (ср. *Kord-xēl/-xeyl*, *Arab-xēl/-xeyl*, *Torkaman-xēl/-xeyl*, *Şafar-xēl/-xeyl*, *Būr-xēl/-xeyl* и т.д. – названия деревень в Мазандаране). В курдском начальное иранское **x-*, как известно, закономерно переходит в *k-*. И хотя *kēl(a)* отмечено в нескольких названиях поселений в указанном ареале, тем не менее, *Kēla-gēlān* кажется образованием старой чеканки, как, впрочем, и *Gēlī-karān*.

С гелами, несомненно, связано название *Gēlōya* (*Gīlūye*) в исторической провинции Арраджан в юго-западной Персии, ныне ставшее обозначением *шахрестана* в провинции Кохгилуйе-Бойр-Ахмад.

⁷ О суффиксе *-ēn* (<*-aina-*) как словообразовательном форманте в подобных именах, см. Hinz 1974: 258. Ранняя форма произношения топонима - *Qazvēn*.

Пути миграции гелов с исторической родины, видимо, пролегали вдоль восточных предгорий Загроса до берегов Персидского залива – конечного пункта их скитаний. Ныне необитаемая деревня *Gilūye (Gēlōya)* на крайнем юге Ирана, в провинции Хормозган недалеко от Персидского залива – явное тому свидетельство.

Среди древних этносов южного Каспия, по-видимому, лишь тапиры (*tāpurōi*) не отличались склонностью к скитаниям, ибо ни одного достоверного топонима, включающего их имя вне пределов исторической родины, Табаристана (сегодняшний Мазендаран), не зафиксировано. Тем не менее, отсутствие топонимических свидетельств – еще не достаточное основание для подобного заключения, тем более, что при внимательном подходе к географической номенклатуре региона можно идентифицировать – хотя бы на спекулятивном уровне – отдельные названия с возможным тапирским следом. Наиболее подходящий кандидат – Табриз, столица провинции Восточный Азербайджан. Судя по всему, это довольно древнее название с явным иранским обликом, хотя сам город только с XIII века входит в историю как столица разных гособразований и известный культурный центр. До этого урбанистическим ядром Азербайджана (Атурпатакана) был Ардебиль. Во время арабского завоевания Азербайджана, в середине VII в., Табриз как город вообще не упоминается. К тому времени, он был, скорее, небольшим поселением (подробно см. Blair 2000).

Ранняя форма топонима – *Tabrēz*, которая сохраняется до сих пор в силу письменной традиции (как *Tabrīz*), в VII веке звучала, вероятнее всего, как **Taprēz*, что в арабской передаче отразилось как *Tabrē/īz*. Возможно, она имела два варианта произношения – **Taprēz* и **Taprēž*, которые позже закономерно стали *Tavrēz* и *Tavrēž* – первое приводится в *Taqwīm al-Buldān* Абу-аль-Фида (XIII в.) и в путевых заметках Ибн-Батутты (XIV в.), а второе – в армянских источниках (в виде *T'avrēž/Davrēž*).⁸

Восстановить раннюю форму **Taprēz/ž* не трудно, это – **Taprēč*, которое в юго-западноиранской языковой среде дало **Taprēz/*Tavrēz*, а в северо-западноиранской – **Tavrēž* (как в армянском, из **taprēž*). Объяснение **Taprēč* от **tapa-raiča-* «(местность,) устраниющая/уводящая жару» – чистая народная этимология, довольно распространенная среди любителей края (*Tabrīz < tab+rīz-/rīxtan* «лить, уводнить»).

Таким образом, наиболее правдоподобное объяснение данного названия может быть основано на допущении иного анализа лексемы – не **tap-rēč*, а **tap(a/u)r-ēč*, то есть «тапирское (поселение)».⁹

Суффикс *-ēč < *-aiča-*, как показал В. Хинц (Hinz 1974: 259-260), мог выступать как синоним **-aina-* в именах типа рассмотренного нами выше топонима *Qazvīn*.

Итак, если наше предположение верно, то и тапиры, кажется, не составляли исключения среди своих собратьев – дрибюков, дейламитов, гелов и прочих – в

⁸ Странно, что у Фавста Бузанда (V в.) отмечены *T'awrēž* и *T'awrēš*, с *-w-* (Matenagirk' hayoc' 2003: 357, 361), между тем как в V веке топоним несомненно должен был выглядеть как **Taprēž/z*, с *-p-* (иначе арабы, уже в VII в., никак не могли бы передать его через *-b-*). Тут единственно возможное объяснение – поздняя эмендация переписчика в тексте Бузанда.

⁹ Кстати, армяне в пятом веке называли тапиров *taprik*, как отмечено у того же Фавста Бузанда в сочетании *taprik zawraw-k'* (Matenagirk' hayoc' 2003: 358), что переводится как «с тапирским войском». Арм. *taprik* закономерно отражает среднеиранскую праформу **taparīk* (или **tapurīk*), в современном персидском *tabarī*.

смысле рвення осваивать новые пространства, если не до предгорий Загроса и Персидского залива, то, по крайней мере, до центра Атурпатакана.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Асагрян, Г. С. (2016), “Крепость, укрепление в иранской топонимии”, *Caucaso-Caspica*, вып. I, Ереван: 241-249.
- Бартольд, В. В. (2003), *Работы по исторической географии и истории Ирана*, Москва.
- Вайнберг, Б. И. (1999), *Этнография Турана в древности*, Москва.
- Грантовский, Э. А. (2007), *Ранняя история иранских племен Передней Азии*, Москва.
- Дьяконов, И. М. (1956), *История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н.э.*, М.-Л.
- Asatrian, G. (2009), “Prolegomena to the Study of the Kurds”, *Iran and the Caucasus*, vol. 13.1: 1-58.
- Blair, Sh. S. (2000), “Tabrīz”, *Encycl. of Islam*, New Edition, vol. X, Leiden: 41-50.
- Forbiger, Albert (1844), *Handbuch der alten Geographie*, Bd. 2, Leipzig.
- Geiger, W. (1882), *Ostiranische Kultur im Altertum*, Erlangen.
- Накобыан, Т’/ Melik-Baxšyan, S./ Barselyan, H. (1988), *Hayastani ev harakic’ šrjanneri telanunneri bařaran*, ht. 2, Erevan.
- Herzfeld, E. (1968), *The Persian Empire*, Wiesbaden.
- Hinz, W. (1974), “[Review of:] M. Mayrhofer, *Onomastica Persepolitana*”, *Beiträge zur Namenforschung*, Bd. 9/1: 257-261.
- Humbach, H./Faiss, K. (2012), *Herodotus’s Scythians and Ptolemy’s Central Asia*, Wiesbaden.
- / Ziegler, S. (1998), *Ptolemy Geography, Book 6*, Wiesbaden.
- Mannert, Konrad (1797), *Geographie der Griechen und Römer: Indien, und die persische Monarchie biz zum Euphrat*, Nürnberg, Bd. 5,2.
- Matenagirk’ hayoc’*, A hator, Ant’ ilias, 2003.
- Minorsky, V. (1932), *La domination des dailamites*, Paris.
- (1943), “The Gūrān”, *BSOAS*, vol. 11.1: 75-103.
- (1957), “Mongol Place-Names in Mukri Kurdistan”, *BSOAS*, vol. 19.1: 58-81.
- (1983), “Daylam”, *Encycl. of Islam*, vol. II, Leiden: 189-194.
- Schmidt, M.G. (1999), *Die Nebenüberlieferung des 6. Buchs der Geographie des Ptolemaios*, Wiesbaden.
- Schmitt, R. (2002), *Die iranischen und Iranier-Namen in den Schriften Xenophons*, Wien.
- Schwarz, P. (1925), *Iran im Mittelalter nach den arabischen Geographen*, Bd. V, Leipzig.
- Tomaschek, W. (1894), “Anariakai”, *Paulys Realencyclopädie*, Bd. 1,2: 2063.
- (1905a), “Dribukes”, *ibid.*, Bd. 5:1706.
- (1905b), “Derbikes”, *ibid.*: 237-238.
- (1905c), “Derbikkai”, *ibid.*: 238.

СЛЕДЫ АРИЙСКОГО ЯЗЫКА В ХАЙАСЕ

Армен Петросян

Институт археологии и этнографии НАН Армении, Ереван

Abstract

Hayasa, the biggest state of the Armenian Highlands in the XIV-XIII cc. BC, was the center of worship of the god whose name is rendered by the logogram U.GUR. This god was sometimes identified as Akni (cf. the name of the Indian fire god Agni) and had the epithets *š(a)ummatari* and *šummatani*, both having been of the probable Aryan origin. The title Mariya of the Hayasaen kings may also be Aryan. Thus, Aryans could once constitute a part of the population of Hayasa.

Keywords: *Hayasa, Aryan Names*

Аннотация

Хайаса, крупнейшее государство Армянского нагорья в XIV-XIII веках до нашей эры, была центром культа бога, имя которого представлено идеограммой U.GUR. Бог этот иногда идентифицировался с богом Акни (ср. имя индийского бога огня Агни), а его эпитеты *š(a)ummatari* и *šummatani* могли иметь вероятное арийское происхождение. Титул Мариya царей Хайясы также может быть арийским. Таким образом, арийцы могли когда-то составлять часть населения Хайасы.

Ключевые слова: *Хайаса, арийские имена*

Со второго тысячелетия до нашей эры в хурритских государствах Месопотамии, Сирии и особенно в царстве Митанни встречаются имена лиц и богов индоиранского происхождения («митаннийский арийский», или «месопотамский арийский»). Арам Косян продемонстрировал наличие таких имен в окрестностях Хайасы (в странах Паххува и Исува, к югу от Хайасы), самого могущественного государства на северо-западе Армянского нагорья в XIV-XIII веках до нашей эры (Косян 2006; Kosyan 2006; 2010). Ниже я попытаюсь показать присутствие индоиранских имен в самой Хайасе.

Пантеон Хайасы представлен в хеттской надписи, которая, вероятно, является фрагментом соглашения между хеттским и хайасским царями (KUB XXVI, 39, IV, 26, см. Forrer 1931: 6; Косян 2005 с литературой). В надписи упоминаются боги четырнадцати городов Хайасы. Бог «U.GUR города (страны) Хайасы» упоминается первым. Имя его передано идеограммой, т.е. местный бог был отождествлен с месопотамским U.GUR'ом. Вероятно, U.GUR изначально было названием меча бога Нергала (от аккад. *uqur*, императив глагола «разрушать»), который был обожествлен как «визирь» Нергала (Lambert 1973: 356). После старовавилонского периода (начало II тысячелетия до н.э.) U.GUR был отождествлен с самим Нергалом, и идеограмма стала одним из написаний его имени. Нергал был древним богом войны и мора, правителем преисподней (о Нергале см. von Weiher 1971; Wiggermann 1998-2001). В

хеттских и лувийских источниках есть всего две ссылки на культ U.GUR'a — в городах Халпутилин и Зихила, тогда как ^DU.GUR ^{URU}Hayasa «бог U.GUR страны Хайаса» упоминается очень часто (КВо IV 13 ii 21, iii 7, iv [3], 24, vi 33+, KUB X 82,5, XIX 128 ii 10, vi 19, KUB XXVI 39 iv 26, IboT III 15 I 6-7; см. van Gessel 1998: 839). Это свидетельствует о том, что среди земель, находящихся под влиянием Хеттской империи, Хайаса была центром культа U.GUR'a. Очевидно, U.GUR был верховным богом Хайасы (Laroche 1947: 105; Naas 1994: 367). Интересно, что в надписях иногда упоминается диада богов U.GUR-U.GUR Хайасы (Naas 1994: 364), т.е. хайасский U.GUR, вероятно, имел какие-то отличительные черты.

Нергал имел также функцию бога огня. В Месопотамии он отождествлялся с аккадским богом Эррой, чье имя, вероятно, связано с семит. hrḡ «сжигать» (Roberts 1972), а в Сирии — с западносемитским Решепом, чье имя восходит к ḡšr «огонь» (Wiggermann 1998-2001: 215, 218). В хеттской традиции U.GUR'ом обозначался также местный бог Зилипури — бог, связанный с haššaš «очагом» (Yoshida 1991; van Gessel 1998: 581). Отсюда можно заключить, что хеттско-хайасский U.GUR, среди прочего, был богом огня и очага. В этом контексте примечательно, что в хеттской традиции Нергал отождествлялся с богом Акни, имя которого должно восходить к арийскому богу огня Агни (об арийском происхождении хеттского Акни см. Иванов 1962; Otten/Mayrhofer 1965).

В некоторых хурритских надписях Хеттской империи U.GUR выступает с эпитетами š(a)ummatar и šummatani. Кроме того, Šaummatari известен как отдельное божество (Van Gessel 1998: 383, 838, 840). Первая часть этих имен сравнивается с индийским названием ритуального напитка soma, известным также как имя божества (< *sauma; в клинописи u передает звуки /u/ и /o/); Š(a)ummatar отождествляется с инд. soma-dhara, soma-dhāri "имеющий/державший сому" (Güterbock 1961: 10-17-18: п. 12; Naas 1994: 368), а для šummatani, ср. soma-dhāna «содержащая сому» (хеттская орфография не различает звуки /d/ и /t/):

В пантеоне Хайасы пятый и седьмой боги представлены как ^DU, а десятый — ^DU takšanna-. Из других источников известны боги ^DU Хайасы и Ацци (страна, тесно связанная с Хайасой). ^DU — идеограмма божества бури и грозы. В древней Месопотамии, Сирии и Анатолии этот бог часто изображался как мужчина, держащий топор или молот (Дьяконов 1990: 142; Petrosyan 2012: 148-150). Таким образом, он походил на индоевропейского бога грозы, который своим оружием (ср. топор/молот хеттских, германских, балтийских и славянских богов грозы, ваджру индийского Индры и т.д.) бьет/убивает своего противника Змея (об индоевропейском боге грозы и его поединке со Змеем (см. Иванов, Топоров 1974); о топоре, как оружии бога (там же: 93-95; West 2007: 251-252). Примечательно, что топор был оружием богов грозы также у народов северного Кавказа (Сефербеков 2005: 77). Takšanna можно сравнить с индоевр. *tek's- «производить/изготавливать, особенно с топором», «топор» (ср. лат. texo «плести, производить», греч. τέκτων «плотник», хетт. takš- «изготавливать», инд. takšan - «плотник», takšati «сформировать, изготавливать», авест. tašan «создатель», таša- «топор», древневерхненемецк. dehsa «топор»). Наиболее

вероятным представляется, что это слово – заимствование из арийской формы, родственной инд. takṣan.

Вышеизложенное указывает на вероятность наличия и других арийских имен в ономастике Хайасы. Mariya, титул некоторых правителей Хайасы (или название аристократического брачного класса) в этом контексте наиболее интересен, ср. инд. *marya* «молодой человек/воин» (Иванов 1979; Хачатрян 1988; Martirosyan 2010: 383).

Таким образом, три из рассмотренных вероятных арийских имен связаны с религией (Akni, š(a)ummatar/šummatani, takšanna) и одно – с правящей элитой царства (Mariya). Хайаса была центром культа бога U.GUR, и вероятно, что идентификация с Акни и эпитеты š(a)ummatar и šummatani относились и к хайасскому U.GUR'у. А ^DU takšanna- и Mariya – имена хайасские. Арийские имена были характерны для правителей хурритских государств Митанни, Киццуватны и Сирии-Палестины. Однако известные имена царей Хайасы – Hugganna, Karanni и Anniya – не представляются арийскими. Эти термины, скорее всего, – культурные заимствования из хурритского-арийского мира. Теоретически не исключено, что когда-то арийцы могли составлять часть населения Хайасы, но, в отличие от хурритских государств, правящая элита страны не была арийской (об этническом составе Хайасы см. Петросян 2015 с литературой).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Дьяконов И. М. (1990), *Архаические мифы Востока и Запада*, Москва.
- Иванов В. В. (1962), «Культ огня у хеттов», *Древний мир*, Москва.
- Иванов В. В. (1979), «Урартск. maḡ, хурритск. maḡianne, хайасск. Marija», *Переднеазиатский сборник - III*, Москва: 101-112.
- Иванов В. В., Топоров В. Н. (1974), *Исследования в области славянских древностей*, Москва.
- Косян А. В. (2005), «Боги Хайасы», *Страны и народы Ближнего и Среднего Востока XXIV*, Ереван: 444-457 (на арм. яз.).
- Косян А. В. (2006), «Арийцы в Паххуве», *Страны и народы Ближнего и Среднего Востока XXV*, Ереван: 247-258 (на арм. яз.).
- Петросян А. Е. (2015), «Этнические основы пантеона Хайасы», *Эчмиадзин XI*, Эчмиадзин: 78-98 (на арм. яз.).
- Сефербеков Р. И. (2005), «Верховные боги (громовержцы) народов Дагестана», *Вестник института ИАЭ IV*, Махачкала: 66-92.
- Хачатрян В. Н. (1988), «Marija – титул хайасских царей», *Древний Восток V*, Ереван: 57-62.
- Forrer E. (1931), «Hajasa-Azzi», *Caucasica IX*: 1-24.
- Güterbock H. G. (1961), «The God Šuwaliyat Reconsidered», *Revue Hittite et Asiatique XIX*, Indiana University: 1-18.
- Haas V. (1994), *Geschichte der hettitischen Religion*, Leiden, New York, Köln.
- Kosyan A. V. (2006), «An Aryan in Isuwa», *Iran and the Caucasus*, 10/1, Leiden: 1-6.

- Kosyan A. V. (2010), «On the Ethnic Background of Isuwa (a Preliminary Study)», *Aramazd: Armenian Journal of Near Eastern Studies* IV/2, Yerevan: 85-97.
- Lambert W. G. (1973), «Studies in Nergal. Review of E. Weiher, *Der Babylonische Gott Nergal*», *Bibliotheca Orientalis* 30: 355-363.
- Laroche E. (1947), *Recherches sur les noms des dieux hittites*, Paris.
- Martirosyan H. K. (2010), *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*, Leiden.
- Otten H., Mayrhofer M. (1965), «Der Gott Akni in den hethitischen Texten und seine indoarische Herkunft», *Orientalistische Literaturzeitung*, 60: 545-552.
- Petrosyan A. Y. (2012), «The Cities of Kumme, Kummanna and Their God Teššub/Teišeba», *Archaeology and Language: Indo-European Studies Presented to James P. Mallory*, Washington DC: 141-156.
- Roberts J. J. (1972), «Erra Scorched Earth», *Journal of Cuneiform Studies* 24, ASOR: 11-16,
- Van Gessel B. H. L. (1998), *Onomasticon of the Hittite pantheon*, Leiden, New York, Köln.
- Von Weiher E. (1971), *Der Babylonische Gott Nergal*, Berlin.
- West M. L. (2007), *Indo-European Poetry and Myth*, Oxford.
- Wiggermann F. A. M., (1998-2001), «Nergal», *Reallexikon der Assyriologie* IX: 215-226.
- Yoshida D. (1991), «Ein hethittischs Ritual gegen Behexung (KUB XXIV 12) und der Gott Zilipuri/Zilipura», *Bulletin of the Middle Eastern Culture Center in Japan* IV, Wiesbaden: 43-61.

ТЕРМИНЫ “ФАРС” И “КУРД” В СОЧИНЕНИИ *Ал-БУЦДАН* АРАБСКОГО ГЕОГРАФА ЯКУБИ

Амир Зейгами

Институт востоковедения

Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван

Abstract

The article presents some relevant materials from Mediaeval Arabic geographic literature and Classical Persian texts identifying the term “Kurd” as a synonym of “cattle-breeder, shepherd, etc.”. A quite interesting detail from Ya’qūbī (IX c.), never discussed before, reveals a symptomatic juxtaposition of the terms “Kurd” and “Fars” as symbols of two different social phenomena – nomadic cattle breeding and settled agricultural/urban environments.

Keywords: *Arabo-Persian Historiography, Kurds, Social Term, Ethnonym*

Аннотации

В статье приводятся соответствующие материалы из арабской географической литературы и классических персидских текстов, в которых термин “курд” выступает как синоним понятий “пастух”, “скотовод”. В частности, интересный отрывок из Якуби (IX в.), ранее не анализированный, указывает на вполне симптоматичное противопоставление понятий “курд” и “фарс” как символов двух разных феноменов – кочевников-скотоводов и оседлых земледельцев/горожан.

Ключевые слова: *арабо-персидская географическая литература, курды, социальный термин, этноним*

Как известно, в арабской историографии и в ранних новоперсидских текстах термин “курд” употребляется исключительно в значении “пастух, скотовод”. Слово было лишено той семантики, которой оно обладает сегодня, то есть значения этнонима, указывающего на конкретный народ. Более того, указанный термин всегда обозначает пастуха именно мелкого рогатого скота – овец и коз, а иногда также верблюдов (Например, см. Iṣṭaxrī 1994, 102;¹ Ibn Ḥawqal 1992: 370;² Muḥammad ibn Munavvar 1987: 1/110³). В некоторых же контекстах слово “курд” указывает на

¹ رمه و گوسفند با ایشان (کردان) بسیار می باشد. اما شتر کمتر دارند.

² و «اندخذه» مدینه صغیره فی مغازه لها سبع قرى و بیوت الأکراد من ارباب الاغنام و لهم ایل.

³ آن جوان که درست زر داده بود هنوز نشسته بود. و کرد بود و گوسفنددار.

горцев и обитателей пустыни вообще. То есть под этим словом понимали тех, кто жил вдали от городов и городской жизни (см. Asatrian 2009: 22-23).

В арабо-персидской литературе показательны в этом плане частые сочетания типа *акрад-и лур*, *акрад-и балуч*, *акрад-и дейлами* и *акрад-и Табаристан* (см., например, Ḥasan ibn Muḥammad Qumī 2006: 730, 732), в которых компонент “курд” не может быть истолкован иначе как “кочевник, скотовод, человек, ведущий ненормативный образ жизни” (см. еще, Minorsky 1943: 75; Frye 2003: 111).

В *Шахнаме* Фирдоуси (X век) термин “курд” зафиксирован в двух контекстах: первый раз в истории Зохака (Firdawsī 2015: 30), второй – в описании периода основателя династии Сасанидов Ардашира Бабакана (там же: 359-361). В обоих случаях “курд” явно передает значение “пастух, горец”. К тому же, в истории Зохака “курды” выступают главными героями в этиологическом мифе о происхождении скотоводства, что очень показательно (для детального обсуждения этого вопроса, см. Malmīr 2008: 162-172).

Тем не менее, для адекватной понимания общего восприятия термина “курд” на мусульманском Востоке в IX-XII вв. особое значение имеет следующее сообщение Ибн ал-Асира (XII-XIII в.) – из уст некоего Абдаллаха Ибн Умара – об истории с пророком Ибрагимом, когда кафиры обсуждали между собой вопрос его казни за сокрушение их идолов. Один из арабов Фарса предложил сжечь пророка. Тут Ибн Умара спросили: “А разве у персов тоже есть арабы?”, и тот ответил: “Кончено, есть! Их арабы – это курды” (Ibn al-Athīr 2003: 1/75).⁴ Понятно, что в данном контексте “курды” выступают синонимом арабского слова “*a’rābī*” (اعرابی) – “живущие в шатрах”, то есть “кочевники”, обитающие в шатрах бедуины.

Для арабского историка Ибн Хаукала (X в.) термин “курд” также передает исключительно понятия “кочевник, скотовод”, т.е. тоже синоним “*a’rābī*” (اعرابی). В своей книге *Сураг ал-Ард* он пишет: “Число курдских больших фамилий, обитающих в Фарсе, составляет более 500,000 шатров [с сотканых из верблюжьей шерсти]. Эти кланы, подобно арабам (*a’rābī*), зимой и летом кочуют со своими стадами” (Ibn Ḥawqal 1992: 236).⁵

Термин “курд”, несмотря на превалирование ныне этнонимической семантической составляющей в нем, во многих иранских диалектах и в настоящее время употребляется в значении “пастух”, “скотовод”. Во всем ареале Южного Каспия и Атурпатакана, включая Семнан, говоря “курд”, сегодня однозначно имеют в виду

⁴ ثم إنّه (نمرود) و أصحابه أجمعوا على قتل ابراهيم فقالوا: حرّقوه و انصروا آلهم. قال عبدالله بن عمر: أشار بتحرّيقه رجل من اعراب فارس. قيل له: و للفارس اعراب؟ قال نعم الأكرادهم أعرابهم.

⁵ أحياتهم (الأكراد) المقيمة بفارس ... يزيدون على خمس مائة ألف بيت شعر ينتجون المراعى فى الشتاء و الصيف على مذاهب العرب ...

“пастуха мелкого рогатого скота”. Пастухи крупного скота, соответственно, называются *галеш*.

Вообще, покуда занятие скотоводством считалось признаком простоты нравов, неказистого быта, примитивной культуры, то в некоторых контекстах обозначение “курд” постепенно приобрело значение “простак”, “глупый”, “некультурный”, и далее – “вор”, “бандит” и т.д. В поздних образцах новоперсидской литературы слово “курд” в качестве прилагательного имеет значения “нечестивый” (Šaraf al-Dīn ‘Alī Yazdī, 2/1114),⁶ “злыдень” (Vālih Iṣfahānī 1993: 232, 238),⁷ “чертоподобный” (Naṣīrī 1994: 130)⁸ и т.д.

А теперь перейдем к рассмотрению термина “курд” в противопоставлении к термину “фарс” в книге *Ал-Булдан* арабского географа ал-Якубы (IX в.). В указанной работе автор, говоря о населении городов Сеймары, Хулвана и Керманшаха, указывает на категорию фарсов и курдов в этих населенных пунктах. О Сеймаре он пишет: “Население здесь – смешение людей из арабов и аджамов, из фарсов и из курдов” (al-Ya‘qūbī 2001: 73).⁹ Состав обитателей Хулвана он описывает следующим образом: “Население здесь – смешение из арабов, и аджамов, и фарсов, и курдов” (там же: 75).¹⁰ А о Кармасине Якуби пишет следующее: “Большинство населения (здесь) – аджамы из фарсов и курдов” (там же: 76).¹¹ Следует отметить, что в первом случае, когда арабский географ описывает Сеймару, слово “ал-нас” الناس употребляется в значении “свободных граждан” (не арабов), как это видно из следующего пассажа того же сочинения: “Земельные участки тюрков (Халиф Мутасим) отделил от земельных участков свободных людей” (там же: 58-59).¹² Иначе говоря, Якуби четко отличает “ал-нас” الناس от тюрков, в значении “рабы”. Следовательно, Якуби считал население Сеймары сочетанием из свободных людей, которые составляли арабы и аджамы (не арабы), а последних разделял на фарсов и курдов. В других указанных контекстах *аджам*, *фарс* и *курд* также обозначали не-арабов, фарсов и курдов, при этом, как представляется, термин *курд* в этих контекстах передает значение “нетюркские и неарабские пастухи и скотоводы”.

Термины “фарс”, “парс”, “парсиян” в старых арабских и персидских текстах либо обозначают иранцев в целом – то есть тех, которые жили в географических пределах Ирана, либо население провинции Фарс. Но видимо из-за того, что ското-

⁶ پرفساد

⁷ بدبنياد

⁸ شياطين نظير

⁹ أهلها أخلاط من الناس من العرب و العجم من الفرس و الأكراد.

¹⁰ أهلها أخلاط من العرب و العجم من الفرس و الأكراد.

¹¹ اكثر أهلها العجم من الفرس و الأكراد.

¹² ... و أفرد القطائع الاتراك عن قطائع الناس...

водческие и кочевые группы в пределах Фарса были в постоянном передвижении, а оседлое население вело статический образ жизни, термин “фарс” постепенно стал обозначать именно городской люд, в противопоставлении к кочевникам, скотоводам, живущим в динамике.

Даже в книге *Шаджарат ал-Мулук* (поэтическая история Систана), которая составлена в XIX веке, термин “курд” (во множественном числе *акрад*) приводится в противопоставление понятию “городской” (*šahrī*). Ср. :

“Из-за этой победы победоносный Шах стал сиять больше солнца/
(И вручил подарки) главарям тюрков, байатов и аджамов - /

Из “курдов” и “городских”, всем в разной степени...” (Šabūrī и др. 2007: 215).¹³

БИБЛИОГРАФИЯ

- Asatrian, G. (2009), “Prolegomena to the Study of the Kurds”, *Iran and the Caucasus*, vol. 13.1: 1-58.
- Firdawsī, A. (2015), *Šāhnāme*, Jalāl Xāleqī Moṭlaq (ed.), Tehran.
- Frye, R. (2003), *The Golden Age of Persia*, Phoenix Press.
- Ḥasan ibn Muḥammad Qumī (2006), *Tārīx-i Qum*, Ḥasan ibn ‘Abd al-Malik Qumī (tr.), M. R. Ansārī Qomī, Qom.
- Ibn al-Athīr (2003), *Al-Kāmil fi al-Tārīx*, Abdullāh al-Qazī, A. (ed.), Beirut.
- Ibn Ḥawqal, A. (1994), *Šūrat al- Ard*, Beirut.
- Iṣṭaxrī, A. A. (1994), *Mamālik va Masālik*, M. Tustarī, (tr.), Īraj Afšār (ed.), Tehran.
- Mālmīr, T. (2008), “Kord dar Šahname”, *Moṭāle’āt-e Irānī*, vol. 14: 161-174.
- Mīnorsky, V. (1943), “The Gūrān”, *BSOAS*, vol. 9.1: 75-103
- Muḥammad ibn Munavvar (1987), *Asrār al-tauḥīd fi maqāmāt Šeīx Abī Sa’īd*, M. R. Šafī’ī Kadkanī (ed.), Tehran.
- Našīrī, M. E. (1994), *Dastūr-i Šahrīyārān*, M. N. Našīrī Moqaddam (ed.), Tehran.
- Šabūrī et. al. (2007), *Šajarat al-Mulūk*, M. Šefat-Gol (ed.), Tehran.
- Šaraf al-Dīn ‘Alī Yazdī (2008), *Ẓafar-Name*, S. S. Mīr-Moḥammad Šādeq and A. Nawā’ī (ed.), Tehran.
- Vālih Iṣfahānī, M. Y. (1993), *Xuld-i Barīn*, M. H. Moḥaddeth (ed.), Tehran.
- Al-Ya’qūbī, A. (2001), *Al-buldān*, M. A. ḡannawī (ed.), Beirut.

¹³ از این فتح شد شاه فیروزگر ز خورشید تابان درخشندتر
بزرگان ترک و بیات و عجم ز اکراد و شهری ز هر بیش و کم...

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ЭТНОНИМЫ В АРМЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Айказ Геворгян

Институт востоковедения

Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван

Abstract

The paper focuses on the phenomenon of ethnonymical parallelism – the occurrence of several names denoting one and the same ethnic group. Based on the Armenian mediaeval historical sources, the author tries to analyse the ways of emergence of parallel ethnonyms in the Armenian historiography.

Keywords: *Ethnonyms, Ethnonymic Parallelism, Auto-Ethnonyms, Hetero-Ethnonyms, Armenian Historiography*

Аннотация

Статья посвящена феномену этнонимического параллелизма – существованию нескольких обозначений для одной и той же этнической группы. На основе средневековых армянских источников автор рассматривает пути формирования параллельных этнонимов в армянской историографии.

Ключевые слова: *Этнонимы, параллельные этнонимы, автоэтнонимы, гетероэтнонимы, армянская историография*

В ходе изучения армянских средневековых источников нами выявлены следующие три схемы образования параллельных этнонимов в армянской историографии.¹

1. Армянские историки для обозначения собственного народа употребляют эндоэтноним հայ (hay). Мовсес Хоренаци приводит и экзоэтноним армян – *армен* (*արմենի*), армянин. Ср.: «Харма же родит Арама... Все народы называют нашу землю своим именем: греки – *Армен*, парсы и сирийцы – *Арменик*» (Մովսէս Խորհրդարանի Հայր, Բ: 1787). Данное слово, в качестве гетероэтнонима армян, было зафиксировано еще в надписи персидского царя Дария I в 522-521 гг. до н.э. (в формах *Armina* – Армения, *artiniya* – армянин). Из параллельных обозначений армян, не отраженных в старой литературной традиции, можно упомянуть и грузинское *сомехи* и курдское *фыла* - от арабского *fallāh* «земледелец, оседлый».

Для идентификации греков существуют три этнонима: *հույն* (huyn), *հռոմ* (horom) и *հելլեն* (hellen). Первое восходит к персидской традиции. Ср.: др. перс. *yauna-*, н. перс. *yūnān* (*yūnāniyān*), арм. յոյն – от имени Иона, согласно легенде, отраженной у Страбона, – внука Эллена, афинского военачальника, после смерти которого Аттика именовалась Ионией (Մուրադյան 2014: 76); ср: «*Въ это же время*

¹Учитывая ограниченный объем статьи, мы указываем лишь несколько признаков по каждому пункту.

жиль Ионъ (Յոնի), военачальникъ Афинский, по имени которого (Греки) стали называться Ионянами (Յոնյոն)» (Мхитар Айриванский 1869: 379). Следующие два слова, հռոմի и հելլէն, соответствуют греческим формам Ρωμιοι и Έλληνες. Последнее является самоназванием греков, о котором армянский автор V века Езник Кохбацци пишет: «Греки именуются эллинами по имени Геллена, человека из страны эллинов. Но другие говорят – от названия маслины, дерева, которое произрастало в Афинах, так как маслина по гречески эле» (Езник Кохбацци 1968: 128).

Венгры в армянских источниках встречаются под названиями *plúqr* (*ungr*) и *ւիշար* (*tajar*). Армянское слово *plúqr* происходит от греческой формы Ούγγροι, а *ւիշար* – арабизированная форма эндонимизма венгров *magyar*. Именно *tajar* через арабский входит и в некоторые другие языки – турецкий, персидский и т.д..

В хранящемся в библиотеке Мхитаристской конгрегации в Венеции армянском памятнике XII века “Վիտիւն լեզուաց և գրոց” (“О языках и письменностях”) неизвестный автор этого труда в списке европейских народов трижды упоминает германцев, каждый раз используя разные этнонимы, – Նեմէջն (*nemejn* – “нъмьць” в славянских языках), Ալմանն (*alemann - alemand(e)* во французском), Տուչն (*tuchn - deutsche* - автоэтноним германцев) (Պիփիփիւն 1983: 54-55).

2. Использование библейских имен родоначальников, приписываемых этнической группе параллельно с аутентичным этнонимом. Так, армянский автор V века Корюн называет армян *народ асканазский* (Սարւնազիւն ազգ), имея в виду следующие строки Библии: «Созовите на него царства Араратские, Минийские и Асканазские...» (Иеремия, гл. 51: 27). Отождествляя Арарат с Арменией, գնւնդի արւնազիւն “полк асканазский” истолковывали как “армянский полк”, а отсюда и армянский народ (Смбатян/Мелик-Оганджян, *arud*: Корюн 1962: 127). Согласно Библии, Асканаз был сыном Гомера, братом Торгома и внуком Иафета. Не случайно, армянский народ называется также *народ Торгома* и *народ Иафета*. Древние толкователи Библии под названиями *дом Торгома* и *страна Торгома* понимали Армению. В списке народов, упоминаемых Мовсесом Хоренацци, Торгом выступает как отец родоначальника армян Айка.

Арабы, параллельно с прямым их этнонимом *араб* (արար), называются *сыновья Исаила*, *исмаильяне* (Իսմայէլի որդիք, իսմայէլացիք), *сыновья Агари* или *агаряне* (հազարացիք). Согласно Библии, Исаил был сыном Авраама, рожденный от служанки Агар, и породил двенадцать сыновей, ставших арабскими вождями.

Для евреев в армянской историографии используется термин *հրէայ* (*hreyay*) (< **hureay*), восходящий, возможно, к парфянскому **hūdu-*. Ср. также сирийское *ihūdāyā*, араб. *yahūd*, н.-перс. *juhūd* и т.д. Параллельно, евреи в армянских текстах называются իսրայէլացի (*исраелаци* < Израиль и суффикс *-аци*) и էբրայէցի (*ебраецци*, по имени Евера с тем же суффиксом *-аци*). *Израиль* в армянских текстах обозначает как землю Израиля, так и собственно еврейский народ.

3. Актуализация древних этнонимов. Примером данной категории является употребление древнего этнонима *мидийцы* (մարք – *mark*) в отношении курдов (подробно: Asatrian 2009: 21-22). В источниках V века этноним *mark*’ прямо указывает на древних мидийцев, а начиная с XII-XIII веков этот же этноним уже часто обозначает курдов. Ср.: «народ мидийцев, которые называются курды» – «ազգն մարք, որ բնորթ կոչի» (Խաչիկյան 1955: 332). Подобно этому, турки называются «эламитский народ» у автора XII века Матвея Эдесского; ср.: «գիւսկար և արհծ եղիմսցոց ազգն բնորթ» (Մատթէոս Ունիայեցի 1898: 113) – «грешный эламитский народ турков». Исходя из того факта, что в Библии эламиты обозначены как «грешный народ», автор связывает турков с их именем, выражая тем самым свое негативное отношение к ним. Византийский автор Анна Комнина называет турок «скифским народом».

Переосмысление древних собственных имен и их использование в переносном значении свойственно средневековым историографическим и даже поэтическим жанрам. Так, название Израиль, являющееся одновременно и антропонимом, и топонимом, в средневековой армянской поэзии часто используется и для обозначения Армении, которая выступает как «Новый Израиль». Такое актуализованное и переосмысленное значение имеет и древний этноним *гунны* (арм. հնն). В армянской историографии XIII века *гуннским народом* называются кипчаки; в XV веке *Гуннская страна* указывает на Золотую Орду, а в колофонах армянских рукописей XV-XVII веков – на Крым и Кафу.

Можно заметить, что актуализация древних этнонимов может быть обусловлена, прежде всего, литературным узусом, а также стремлением к архаизации современных реалий посредством элементов, навеянных древней традиций.

4. Использование кличек и прозвищ, обусловленное какой-либо внешней особенностью данной группы, стилем ведения боевых действий или иным ее качеством. Например, в *Хронологии* Матвея Эдесского венгры обозначаются как *хартьяш* (“светловолосые”, арм. խարտյաշ): «...ազգք օձիցն ելին և հարին զխարտէշքն, և խարտէշքն ելին և հարին զուզն և զպաճիսակն...» (Մատթէոս Ունիայեցի 1898 109) – «Народ змеев² напал на светловолосых, а светловолосые напали на узов и печенегов».

Стилем ведения боевых действий обусловлено в армянской историографии прозвище «народ стрелков», которым обозначаются монголо-татары. Армянский историк XIII-XIV вв., автор “Истории сюникских князей” Степанос Орбелян пишет: «...Господь Богъ напустилъ на насъ съ востока племя стрельцовъ – монголовъ, называемых чернью татарами... изобретательные во всякихъ войнахъ, татары искусно владели лукомъ» (Стефан Сյունійский 1883: 23-24). Здесь автор не только

²Поскольку в армянском этноним *уз* (ուզ) звучит как “змея” (օձ), то автор, посредством игры слов, выражает здесь свою неприязнь в отношении узов и печенегов (Բարթիկյան Հ., арм.: Մատթէոս Ունիայեցի 1973: 322).

приводит три параллельных этнонима – монголы, татары и народ стрелков, но и объясняет причину наименования монголов, отмечая их мастерское владение луком.

Выявление этнонимической синонимии, или параллелизма не только дает определенный материал для исторических выводов, но и ценен в плане семантического анализа текста.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Езник Кохбацци (1968), *Книга опровержений*, перевод В. К. Чалояна, Ереван.
- Корюн (1962), *Житие Маштоца*, пер. Ш. В. Смбатяна и К. А. Мелик-Оганджяна, Ереван.
- Мхитар Айриванский (1869), *Хронографическая история*, русский переводъ К. Патканова, Санкт-Петербургъ.
- Стефан Сюнийский (1883), *Исторія князей Орбелянъ*, перевелъ съ армянскаго Х. Иоаннесовъ, М.в.
- Asatrian G. (2009), “Prolegomena to the Study of the Kurds”, *Iran and the Caucasus*, ol. 13.1: 1-58.
- Խաչիկյան Լ. (1955), *ՄԵ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ, մասն առաջին (1401-1450 թթ.)*, Երևան.
- Մատթեոս Ուռհայեցի (1973), *Շամանակագրություն, թարգմանությունը, ներածությունը և ծանոթագրությունները` Հ. Բարթիկյանի*, Երևան.
- Մատթեոս Ուռհայեցի (1898), *Շամանակագրութիւն*, Վաղարշապատ.
- Մուրադյան Գ. (2014), *Հին հունական առասպելների արձագանքները հայ միջնադարյան մատենագրության մեջ*, Երևան.
- Պինգիրյան Գ. (1983), «Հայկական աղբյուրները հունգարների և հայ-հունգարական կապերի մասին (XIII-XVII դդ.)», *Հայ-հունգարական պատմական և մշակութային կապերի մասին*, Երևան.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ИРАНСКОЙ ТОПОНИМИИ АРАБСКОЙ ГРАФИКОЙ

Соруш Акбарзаде

Институт Востоковедения

Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван

Abstract

Most of the Iranian toponomastic databases and primary sources are published in Arabo-Persian script, which imposes considerable restrictions upon adequate rendering of the original forms reflecting predominantly the local dialectal realities. This and some other factors as a whole require a cautious approach to relevant publications produced in Iran. The author has tried to identify specific characteristics of the Iranian tradition of compiling toponomastic compendia.

Keywords: *Iranian Toponymy, Toponymic Distortions, Dialectal Toponymy*

Аннотация

Статья посвящена выявлению закономерностей передачи иранской топонимической номенклатуры посредством арабо-персидской графики в источниках, опубликованных в Иране. Без учета специфики этих материалов достижение объективных результатов при работе с иранской топонимикой не представляется возможным.

Ключевые слова: *иранская топонимика, искажение топонимов, диалектная топонимия*

Для серьезного научного изучения иранской топонимии необходимо, прежде всего, использование изданных в Иране литературы и источников в арабо-персидской графике (наряду с историческими текстами, это – географические словари, официальные реестры, краеведческие пособия, путеводители, труды местных пандитов, карты и т.д.), что делает знание традиции и особенностей письменной фиксации географической номенклатуры в этой стране важной составляющей и предусловием любой работы по иранской топонимике. Без учета этой традиции сложно избежать неадекватных толкований и недоразумений при идентификации топонимических лексем. Нами выделены следующие системные закономерности при передаче топонимических названий в арабо-персидской графике.

1) Топонимические единицы почти всегда унифицированы по нормам литературного персидского языка – разумеется, если они прозрачны и не имеют традиционно сложившихся форм написания и исторически не документированы (ср., например, многочисленные гидротопонимы с *āb* «вода» в диалектных ареалах, употребляющих для воды *āv*, *ōi*; но – с *-ī*, сросшимся формантом, тоже восходящим к *āb*, однако не выделяемым простым анализом, например, *Āsū*). То же самое верно в отношении множественных образований с суффиксом *-ābād* (< др.-иран. **ā-pāta-* «защищенное (место)»), который заменяет диалектные *-āvā*, *-(ə)vā*, *-(ā)vō* и т.д. Этот суффикс, кстати, начиная с среднеиранского периода (*-āpāt/-ābād*) стал универсальным топоформантом не только в Иране, но и в Армении (*-āpāt: Valaršapat*,

Lernapat, Hazarapat и т.д.) и в соседних регионах вплоть до Индийского субконтинента.

2) Наличие «арабских» графем в написании имени еще не показатель неиранского происхождения слова. Например, *Qamšar*, близ Кашана, из *Kamsar*; *Ṭālaqān*, недалеко от Казвина (ср. арм. *Talakan*, предполагающее ср.-иран. **Tālakan*); или *Ṭare*, деревня в шахрестане Натанз (употребление ط вместо ت в данном имени – во избежание омонимии с *tare* «лук-порей, свежая зелень»); и т.д.

3) Имена-омофоны часто могут иметь разные фиксации даже в одном и том же издании: с غ و ق و س و ص و ز و ذ и т.д.).

4) Старые, с культурным прошлым, но «неблагозвучные» с точки зрения обывателя топонимы, нередко произвольно заменяются мусульманскими (по имени кого-либо из лидеров, исторических персон или религиозных деятелей, как, например, Хасан-абад, 'Али-абад и т.д.) или «чисто иранскими» названиями (типа *Golestān* «цветник», *Zībā-šahr* «красивый город» и т.д.). Поэтому в подобных «культурных» или «исправленных» топонимах, – если, конечно, они не относятся к недавно построенным сельским или городским объектам, – следует, как правило, усматривать новообразования, заменяющие старые названия, которые порою могут оказаться очень ценными образцами иранской лексики. Справедливости ради надо отметить, что в некоторых изданных в Иране источниках в отдельных случаях после официального названия приводится и прежнее имя (*nām-e qablī*) местности. Тем не менее, почти всегда приходится проверять детали, связанные с названиями населенных пунктов (точное произношение, варианты, народную этимологию и т.д.) непосредственно на месте у жителей или у выходцев из этих мест.

5) Нередки умышленные искажения исконного топонима с целью его «окультуривания», подведение под персидскую языковую фактуру. Например, *Kabūd-mehr* в районе Тавалеш провинции Гилян – вместо исконного талышского топонима *Kūrāmār*; или *Mehr-andū* в шахрестане Исфахан, которое, очевидно, является искусственной заменой некоего, скажем, **Marandū*, т.е. «река Маранд» или чего-либо в этом роде. Можно быть уверенным, что везде, где на географической карте современного Ирана выступает элемент *mehr* (например, *Mehr-šahr*, *Mehr-ābād* и т.д.), то это, несомненно, продукт недавнего творчества, ибо теоним *Mehr* (<*Miθra*-) в иранской гидротопонимии сохранился только в виде *Mīl(ā)*-, как, например, в *Mīlāgird* (<ср.-иран. **Mi(h)rdād-gird* <др.-иран. **Miθradāta-krta-*), названии деревни в шахрестане Ферейдан провинции Исфахан. Или еще *Xurram-kaš* в районе Фуман провинции Гилян – переделанный вариант старого названия деревни *Xar-kaš* (во избежание совпадения с омонимом *xar* «осел») и т.д.

К данной категории случаев, так сказать, официального «исправления» топонимов относится, конечно, и название перевала *Ḥeyrān*, близ Астары, связывающего провинцию Ардебиль с Гиляном. Местное талышское население называет перевал на своем языке *Hērōn*, «туманный», что соответствует ландшафтным характеристикам местности, часто покрываемой густой мглой.

6) Качество гласного тоже иногда может варьироваться, что требует особого внимания для выяснения оригинальной формы слова. Ср. *Varkaš* и *Vārkaš* – названия населенных пунктов, ущелья и горы в Восточном Азербайджане и в районе Талеган, севернее Караджа (ныне центр провинции Альборз). Причем такая вариантность может иметь как объективно лингвистическую основу, так и быть обусловленной субъективными причинами – небрежностью в написании, ошибкой регистратора и т.д.

7) В общем, искажения при нормировании географической номенклатуры Ирана по персидской модели в большинстве случаев происходят, по сути, из-за ограничений, налагаемых арабо-персидской графикой, не приспособленной для точной передачи оригинальных форм в диалектных ареалах страны – преимущественно по части вокализма. Это касается в первую очередь так называемых *vāv-i majhūl* и *uyū-i majhūl*, которые в классическом новоперсидском в середине слова, наряду с /ū/ и /ī/, передавали также /ō/ и /ē/, возникшие из др.-иранских дифтонгов *-*au-* и *-*ai-* (в среднеперсидском и классическом персидском - *ō* и *ē*). В современном новоперсидском (начиная с 14-15вв.) эти фонемы совпали: *vāv-i маджхул* в указанной позиции читается ныне исключительно как *ū*, а *yū-i маджхул* – как *ī*. Данное обстоятельство всегда следует учитывать при раскрытии исконного облика топонимических единиц, переданных арабо-персидской графикой. Например, *هوراند* (читается *Hūrānd*), местность в шахристане Ахар между Табризом и Ардебилем, локальное произношение которого – *Hōrānd* или *Ōrānd*, *أخولا* (*Axūla*), деревня близ Табриза – *Axōla*; *رينه* (*Rīne*), деревня в шахристане Лариджан близ дороги, ведущей от Амола в Тегеран – *Rēnə*; *گوران* (*Gūrān*), селение к востоку от озера Талеган, на берегу реки *Tāleqān-rūd* – *Gōrān*, и т.д.

При дальнейшей работе с материалом, без сомнения, могут быть выявлены и другие случаи неадекватной фиксации географической номенклатуры, носящие системный характер.

НЕФТЬ ИЗРАИЛЯ

Ара Марджанян
НОФ «Нораванк», Ереван

Во всей вселенной пахнет нефтью.
Б. Рассел, “История западной философии”, ч.1., XV

Abstract

The paper analyses data on the reserves of crude oil in Israel, with the particular focus on its extraction and consumption, as well as on the dynamics of changes of oil import to Israel during the last decades. It also offers some expert assessments.

Keywords: *Israel, Crude Oil, Extraction, Import*

Аннотация

В статье анализируются данные о собственных запасах сырой нефти в Израиле, рассматриваются основные тенденции добычи и потребления сырой нефти, изучается динамика изменения объемов и географии импорта нефти в Израиль за последние десятилетия. Приведены некоторые экспертные оценки.

Ключевые слова: *Израиль, сырая нефть, добыча, импорт*

Цель данной статьи - обобщить данные открытых источников о собственных¹ запасах нефти в Израиле, ее добыче, потреблении, импорте и переработке, а также сформулировать некоторые оценки. В качестве исходных данных использованы официальные отчеты Статистического бюро Израиля (СБИ),² Института экспорта и международного сотрудничества Израиля (ИЭМСИ, IEICI),³ ежегодники компании *British Petroleum (BP)*, базы данных Обсерватории Экономической Сложности (ОЭС, *OEC*),⁴ Международного Энергетического Агентства (МЭА, *IEA*), Администрации Энергетической Информации США⁵ (АЭИ США, *EIA*) и ЦРУ США (*US CIA*),⁶ а также ряд публикаций в открытом доступе. Все данные проверены по состоянию на сентябрь 2018 года.

¹ Под собственными подразумеваются только те запасы сырой нефти, которые находятся в пределах международно признанных границ Израиля. В статье не рассматриваются запасы, находящиеся на Синайском полуострове, Голанских высотах и восточной части Палестины, а также контрабандные поставки сырой нефти из Иракского Курдистана и других районов Ирака и Сирии в Израиль.

² Observatory of Economic Complicity, <https://atlas.media.mit.edu/ru/>

³ Israel Export and International Cooperation Institute, <https://www.export.gov.il/>

⁴ The Observatory of Economic Complexity, https://atlas.media.mit.edu/en/visualize/tree_map/hs92/import/

⁵ The U.S. Energy Information Administration, <https://www.eia.gov/beta/international/analysis.php?iso=ISR>

⁶ <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/>

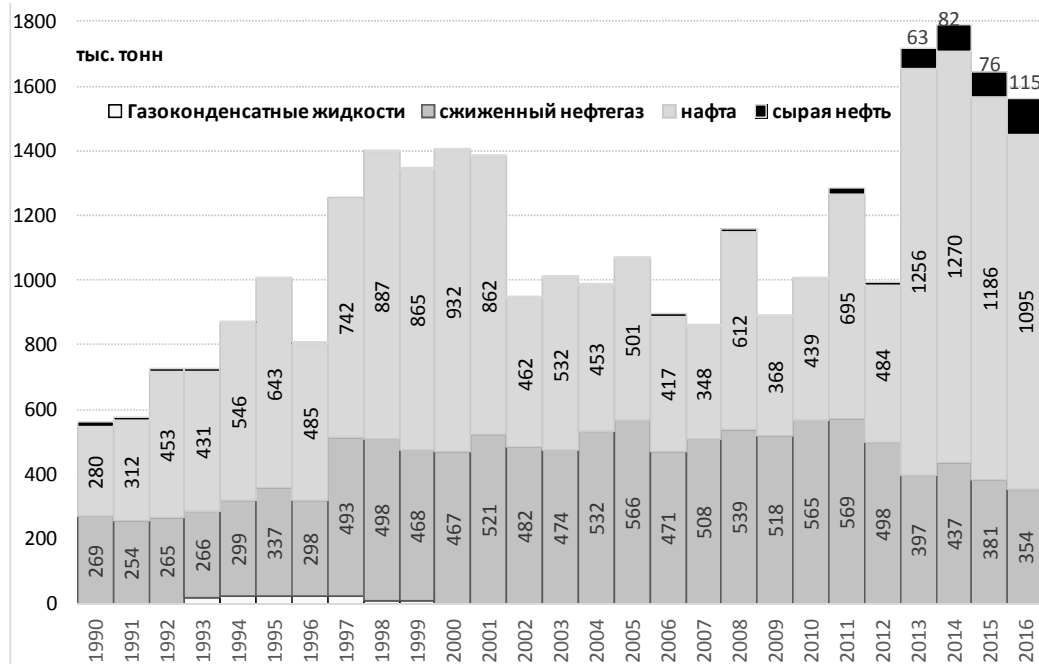

График 1. Добыча сырой нефти и нефтяного сырья в Израиле, тыс. т.
(Источник: МЭА)

1. Собственные запасы и добыча сырой нефти

Собственных запасов сырой нефти в промышленно значимых объемах в Израиле, по всей вероятности, нет (Thieme 2007). За последние два десятилетия в ежегодниках *BP* не приводится никаких данных о доказанных запасах (*proved reserves*) сырой нефти в Израиле. Ежегодники *BP* не приводят и каких-либо данных о собственной добыче нефти Израилем. Напомним, что в этом отношении *BP* рассматривает только те страны, где наличествует ежегодная добыча собственной сырой нефти объемом в 500 тыс. тонн и выше, тогда как, согласно данным МЭА, в 2016 г. в Израиле было добыто всего 115 тыс. тонн сырой нефти.

На *Графике 1* обобщены все данные МЭА о добыче нефти и другого нефтяного сырья (*petroleum feedstock*) в Израиле за последние 26 лет. Как видим, в 1990-2016 гг. в Израиле в ощутимых объемах добывалась только нефтя (*naphtha*)⁷ и сжиженный нефтегаз (*liquefied petroleum gas*).⁸ В 2016г. объемы их добычи составили около 1.1 и 0.4 млн. т. соответственно. В рассматриваемый период максимальная добыча нефти была зафиксирована в 2014 г. (1.27 млн.т.), сжиженного нефтегаза – в 2011 г. (около

⁷ Нефтяное сырье, предусмотренное для нефтехимического производства (производство этилена, ароматических веществ) или производства бензина путем риформинга или изомеризации.

⁸ Легкие насыщенные парафиновые углеводороды, состоящие в основном из пропана (C_3H_8) и бутана (C_4H_{10}), результат переработки сырой нефти или природного газа.

0.57 млн.т.). В 1993-99гг. в незначительных количествах добывалась также газоконденсатная жидкость (LNG).

Работы по поиску и добыче собственных запасов нефти в Израиле велись с момента образования государства (1948 г.). Однако собственная добыча нефти в заметных объемах началась лишь в 2013 г. (63 тыс. т.), достигнув в 2016 г. 115 тыс. т. (см. *График 1*). Вероятно, она была добыта в месторождении Мегед (*Meged oil field*, скважина “Мегед-5”)⁹ компанией «*Givot olam oil Ltd*».¹⁰ Для сравнения отметим, что в 2016 г. потребление сырой нефти в Израиле составило 10.3 млн.т. (см. ниже, *График 2*). Т.е. собственная добыча нефти в Израиле в 2016 г. составила всего 0.61% от годового потребления. Подобная ситуация без изменений сохраняется с 50-х гг. прошлого века. Таким образом, **с точки зрения потребления сырой нефти, Израиль почти полностью зависел, зависит и в ближайшие 3-5 лет останется критически зависимым от импорта.**

Согласно различным источникам в основном израильского происхождения, перспективные запасы сырой нефти Израиля составляют около 4.2 млрд. баррелей (около 560 млн. т.). Так, ожидается, что под газоконденсатным месторождением «Левиафан», расположенном в промышленной водной зоне Израиля в Средиземном море, находится около 1.5 млрд. баррелей нефти. Еще около 1.4 млрд. баррелей может находиться в нефтегазовом месторождении «Пеладжик» (*Pelagic*) в Средиземном море, к западу от порта Хайфа (Katsovich 2012). Кроме того, запасы сланцевой нефти (*shale oil*) Израиля оцениваются примерно в 250 млрд. баррелей, что сопоставимо со всеми запасами разведанной нефти Саудовской Аравии.¹¹ Но повторим: информация о **доказанных** запасах сырой нефти в Израиле по сей день отсутствует.

2.Импорт и потребление сырой нефти

Согласно данным МЭА, ежегодные поставки сырой нефти в Израиль за последние 26 лет колебались в пределах от 8.3 до 12.1 млн.т. Причем, в 2016 г., по сравнению с предыдущим годом, импорт нефти сократился примерно на 1.4 млн.т. Согласно же ежегоднику *BP* за 2018 год, потребление нефти в Израиле за период 2007-2017 гг. колебалось в пределах 10.0-14.3 млн.тонн нефтяного эквивалента (т.н.э.). Причем в 2016 г., по сравнению с предыдущим годом, потребление нефти в Израиле увеличилось на 0.2 млн. т.н.э. и достигло значения 10.8 млн. т.н.э. Рост продолжался и в следующем году: в 2017 потребление нефти в Израиле достигло 11.7 млн. т.н.э. (см.

⁹ Запасы сырой нефти этого месторождения, находящегося на границе западного участка реки Иордан в центральной части Израиля, составляют порядка 200 млн.т. (около 1.5 млрд. баррелей). Израиль отвоевал эту территорию у Иордании в результате Шестидневной войны 1967 г., а в 1988 г. Иордания отказалась от притязаний к ней в пользу будущей Палестинской автономии.

¹⁰ *Givot Olam Oil Exploration: Meged Oil Field* <http://www.givot.co.il/About.aspx?l=2&id=78>

¹¹ В мае 2011г. российская компания *Inter RAO* заявила, что получила лицензию на добычу сланцевой нефти в пустыне Негев. Планировалось строительство нефтедобывающего завода и электростанции мощностью 150 МВт (Дзагуро, Мельников 2011). Лицензия была аннулирована в апреле 2012 г. вследствие истечения лицензионного срока и его не возобновления.

График 2, в котором приведены данные МЭА об импорте сырой нефти в Израиль (в миллионах тонн) и данные ВР за 2018 г. о потреблении нефти в Израиле в миллионах тонн нефтяного эквивалента).

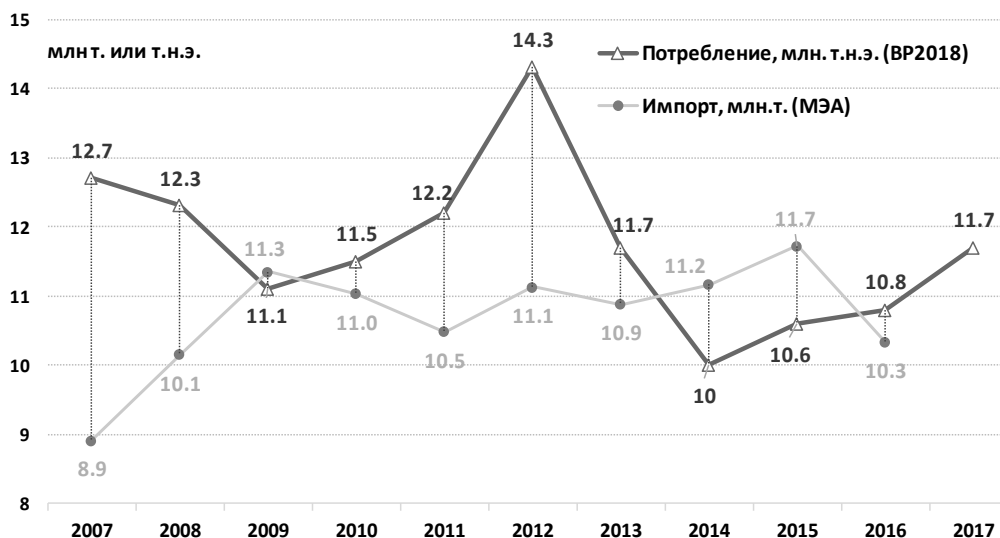

График 2. Импорт (млн. т.) и потребление (млн.т.н.э.) сырой нефти в Израиле

Как видим, за указанный период времени расхождение в данных МЭА (импорт) и ВР (потребление) достигает в среднем порядка 1.5 млн. т. нефти ежегодно. Оно минимально в 2009 г. (+0.2 млн. т.) и достигает своих максимальных значений в 2007 (-3.8 млн. т.) и 2012 (-3.2 млн. т.) годах.¹² Подобное расхождение в данных МЭА и ВР не может быть объяснено использованием единиц т.н.э. в ежегодниках ВР, между тем как МЭА приводит данные в физических единицах (млн.т.), т.к. в случае сырой нефти эти единицы измерения, вообще говоря, совпадают. Таким образом, расхождение в данных МЭА (импорт) и ВР (потребление) по нефти Израиля может быть интерпретировано двояко—как мера объема стратегического резерва нефти (в этом случае **оперативный годовой резерв сырой нефти Израиля составляет порядка 1.5 млн.т., максимальный - порядка 3.5 млн.т.**¹³) или как расхождение, обусловленное тонкостями международного права (учет или не учет поставок нефти с оккупированных территорий в качестве импорта).

На *Графике 3* мы обобщаем данные МЭА об импорте сырой нефти в Израиль за 26-летний период времени—с 1990 по 2016 г., что позволяет выявить долговременные

¹² Напомним, что собственная добыча нефти в Израиле пренебрежимо мала по сравнению с потреблением.

¹³ Объемы нефтехранилищ: в Рамат-Йотаге (16 емкостей) – 1.2 млн м³ (около 1.0-1.1 млн. т. сырой нефти), в Ашкелоне (23 емкости) – 1.9 млн м³ (около 1.6-1.7 млн. т. сырой нефти).

тренды. За это время минимальный ежегодный импорт (9.0 млн.т. и менее) был зафиксирован в 1990, 1991 и 2007 годах. А максимальный - в 1993 (12.1 млн.т.) и 1998-м (12.2 млн.т.) годах. Из графика очевиден тренд сокращения объемов импорта нефти в период с 1992 по 2007 г. ($slope=-0.1556$). Перелом тренда наступает в 2007 г. Период с 2007 по 2015 г. характеризуется уже положительным наклоном ($slope=+0.2235$). Причем, если исходить из данных ежегодника ВР за 2018 г. о потреблении нефти в Израиле, картина перелома трендов станет еще более рельефной, так как ежегодник не фиксирует спад потребления ни в 2016, ни в 2017 годах (График 2).

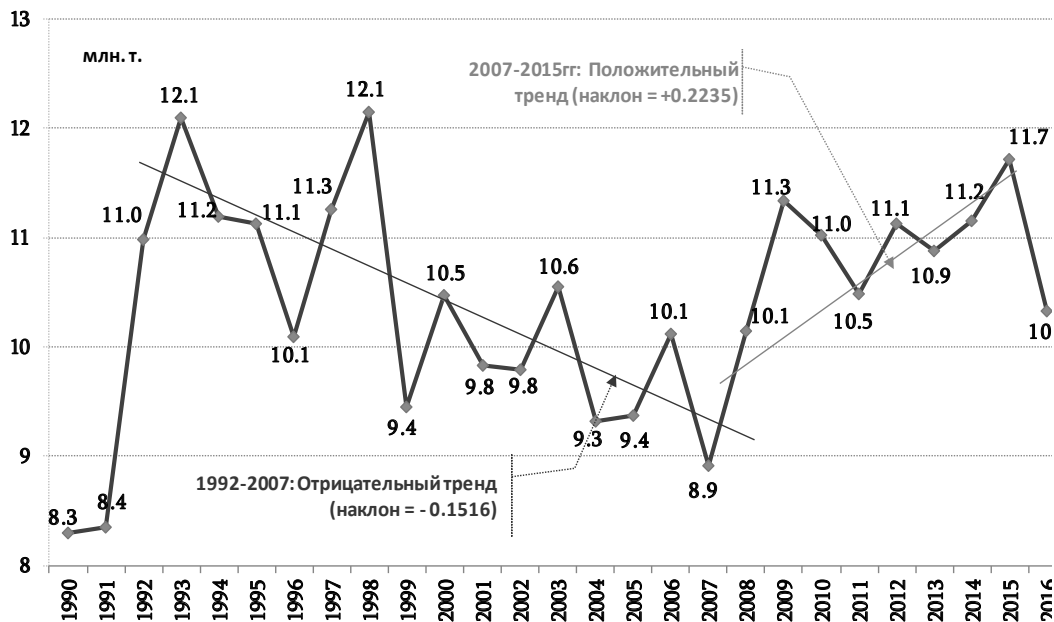

График 3. Импорт сырой нефти в Израиль, млн. т.
(Источник: МЭА, собственные расчеты)

С высокой степенью достоверности можно утверждать, что картина перелома трендов, очевидная на Графике 3, обусловлена запуском нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД, июль 2006 г.) и началом прокачки по нему “основной нефти” из Каспийского месторождения Азери-Чираг-Гюнешли (АЧГ) из Азербайджана.¹⁴ Каспийское месторождение АЧГ было аннексировано Азербайджаном 4 сентября в 1994 г.¹⁵ путем “вскрытия” международного статуса Каспийского моря в рамках т.н. контракта века (сентябрь 1994 г.). Данная аннексия была подготовлена “обменной” стратегией Азербайджана по АЧГ, суть которой можно свести к формуле “нефть АЧГ в обмен на прекращение огня”. Напомним, что ранее в том же году был заключен

¹⁴ Помимо Азербайджана, частично также нефти из казахстанского месторождения “Тенгиз”. Нефть доставляется в порт Новороссийск-2 по Каспийскому нефтепроводу и далее - танкерами в Израильские порты (см. далее, Таблица 1). Известны и случаи поставки казахстанской нефти по БТД.

¹⁵ Позднее, в 2009 г., данная аннексия была закреплена в Азербайджане конституционно.

протокол “О прекращении огня на линии соприкосновения в Нагорном Карабахе” (Бишкекский протокол, май 1994 г.), а ряду российских газовых компаний было предложено участие в “контракте века” (впоследствии их участие было аннулировано). На более глобальном уровне все отмеченное было составляющими “Большого Торга 1994 года” (“Grand Bargain of 1994” (Potter 1995; Sholk 2013)) - именно так назвал один из бывших послов США в Казахстане сложный комплекс переговоров, геополитических обменов и торгов в рамках “обменных” стратегий Казахстана, Украины и Беларуси по разделу ядерной инфраструктуры СССР, разработке Будапештских меморандумов (декабрь 1994 г.) и подготовке путей экспорта нефти Каспийско-Среднеазиатского региона на Запад и в Израиль.¹⁶

По данным ИЭМСИ, ежегодный импорт “сырой нефти и нефтепродуктов” в денежном выражении составляет в среднем от 17% до 20% от всего импорта Израиля. Причем, доля импорта сырой нефти в этой категории составляет более 60%. В *Графике 4* мы обобщили информацию базы данных ОЭС о структуре всего импорта Израиля (в процентах от суммарного годового импорта в млрд. дол. США в текущих ценах). Как следует из указанного графика, за период времени с 1995 по 2016 г., “прочий импорт”, не включающий ввоз первичных энергоносителей (сырая нефть, нефтепродукты, брикетный уголь),¹⁷ в среднем составлял 89% от суммарного годового импорта (в млрд. дол. США). Своего минимального значения за рассматриваемый период он достиг в 2012 г. (79.4%), максимального – в 1995 г. (98.7%).

С другой стороны, доля импорта сырой нефти в общем импорте первичных энергоносителей в среднем за рассматриваемый период составила около 56%, в отдельные годы превышая значение в 75-80%. Так, в 1996 г. доля импорта сырой нефти в суммарном годовом импорте Израиля составила всего 6.8%, однако ее доля в общем импорте первичных энергоносителей (без пр. газа) составила около 95%. В 2016 г. доля импорта первичных энергоносителей (без пр. газа) составила порядка 7.0% от суммарного импорта Израиля. Из них доля сырой нефти составила 4.1%, т.е. около 60% от общего импорта первичных энергоносителей.

Учитывая тот факт, что в Израиле отсутствует собственная добыча сырой нефти в заметных количествах, обычно принимается, что потребление нефти в стране совпадает с ее импортом (оценку стратегических резервов сырой нефти страны см. выше).

Иными словами, **зависимость Израиля от импорта сырой нефти в 1990-2016 гг. составляла 100%**. С большой вероятностью можно утверждать, что такая ситуация сохраняется и сегодня.

¹⁶ См. подробно: Марджанян 2013.

¹⁷ Импорт природного газа в базе данных ОЭС рассматривается отдельно.

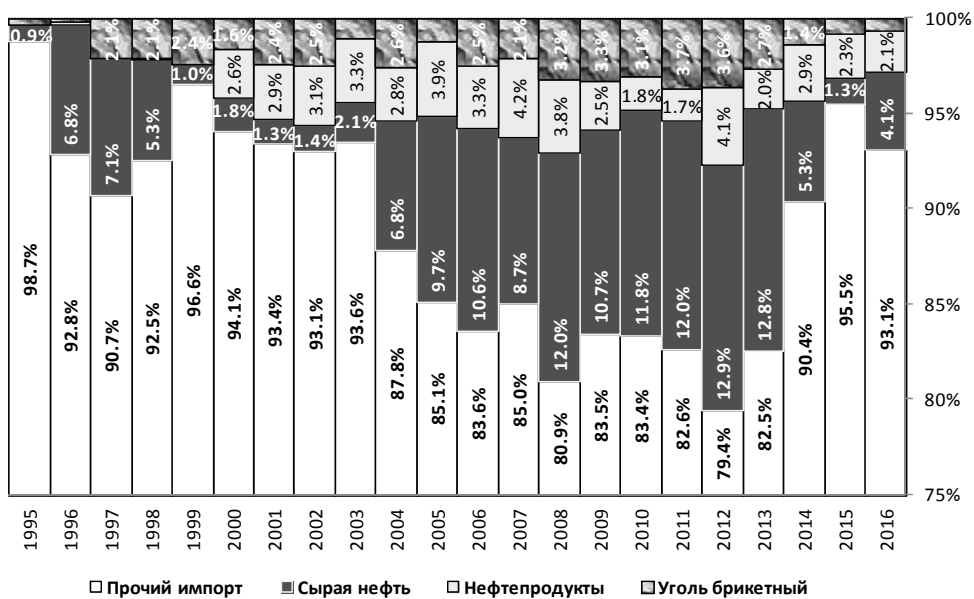

График 4. Структура импорта в Израиль, %. (Источник: ОЭС)

3. Переработка

Согласно данным АЭИ США,¹⁸ установленная нефтеперерабатывающая мощность Израиля в целом составляет около 300 тыс. баррелей в день (тыс.б.д.), сосредоточенных на двух нефтеперерабатывающих заводах: в Хайфе (около 200 тыс.б.д.) и Ашдоде (100 тыс.б.д. после реконструкции в 2013 г.). На *Графике 5* (левая ось) мы приводим кривые установленной нефтеперерабатывающей мощности (тыс.б.д.) Израиля, а также объемов их производства (тыс.б.д.) за период 2007-2017 гг. На этом же графике (правая ось) мы приводим значения коэффициента использования установленных нефтеперерабатывающих мощностей Израиля (к.и.у.м.,%),¹⁹ вычисленные на основе данных ежегодника *BP* за 2018 г. Как видим, установленная нефтеперерабатывающая мощность Израиля за указанный период увеличилась с 272 до 301 тыс.б.д. В то же время, производство переработанных нефтепродуктов увеличилось с 189 до 224 тыс.б.д. в 2017 г. (см. *График 5*, левая ось). Причем, к.и.у.м. в 2017 г. составил 74,4%. Своих максимальных показателей (78-81%) к.и.у.м. достиг в 2008-2010 гг., когда нефтеперерабатывающие мощности Израиля работали почти на пределе своих возможностей. Заметим, что операция израильской армии «Литой свинец» в секторе Газа началась 27 декабря 2008 г. (вторжение сухопутных войск – 3

¹⁸ US Energy Information Administration: *Independent Statistics and Analysis* (<https://www.eia.gov/beta/international/analysis.php?iso=IS>)

¹⁹ 100%-ая величина к.и.у.м. означает, что перерабатывающие мощности использовались в течение всего года (8760 часов) и во всю свою номинальную (установленную) мощность. Значение 74.4% для 2017 г. означает, что либо перерабатывающие мощности работали в свою номинальную мощность всего 6517 часов (74.4% года), либо они работали с меньшей мощностью, но более длительное время (но не более 8760 часов).

января 2009 г.), а активные действия завершились в середине января 2009 г. Начиная с 2011 г., к.и.у.м. снижается примерно до 74% и в 2011-2017 гг. колеблется около этой величины, вновь увеличиваясь в 2015 г. до 78,4% (График 5, правая ось).

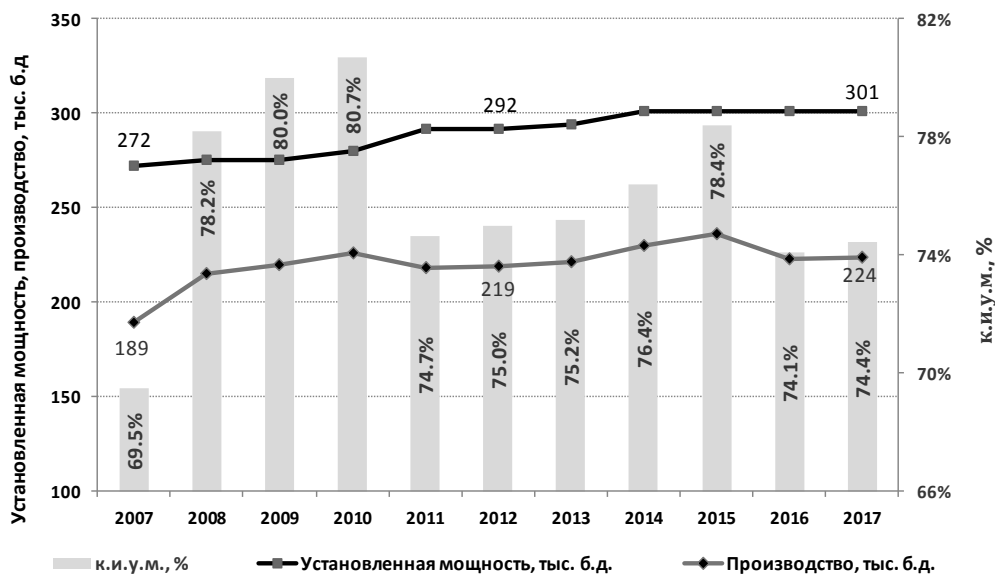

График 5. Установленная нефтеперерабатывающая мощность и годовая продукция (слева, тыс. б.д.), Коэффициент использования установленной мощности (к.и.у.м., с права, %). Источник: ВР 2018, собственные расчеты.

Напомним, что в январе 2015 г. обострилась военная конфронтация Израиля с силами *Хезболлы* на территории Ливана и Сирии. В течение 2015 г. ВВС Израиля произвели по меньшей мере шесть масштабных ракетных обстрелов территорий этих государств. Согласно некоторым публикациям, начиная с середины 2014 г. в Израиле планировалась крупномасштабная наземная операция глубокого проникновения сухопутных и других вооруженных сил в южные территории Ливана (White 2015). Этот план не был воплощен в жизнь, и приоритет был отдан точечным ударам израильских ВВС. На территории Сирии они продолжают до сих пор.

В условиях нынешней конфигурации пиковую мощность нефтепереработки Израиля можно оценить в пределах 240-260 тыс.б.д. Понятно, что эта оценка изменится в случае запуска новых нефтеперерабатывающих мощностей.

4. География поставок сырой нефти и «серый рынок» Израиля

В *Таблице 1* нами обобщены данные библиотеки ОЭС о ежегодных объемах поставок сырой нефти в Израиль в денежном эквиваленте (млрд. \$ США, текущие цены), сведения о странах-поставщиках и их доли в общих поставках (%). В таблице приведены данные о первых семи странах-поставщиках, ранжированных по величине их доли (%) в суммарных годовых поставках сырой нефти (в денежном выражении). В

тех случаях, когда источник поставок нефти ОЭС неизвестен, мы, вслед за ОЭС, ставим знак вопроса и выделяем соответствующую клетку серым цветом.

млрд \$		1	2	3	4	5	6	7
1995	0.15	Егп. 100%						
1996	1.36	?, 70%	Егп. 23%	Нор. 5.8%				
1997	1.37	?, 76%	Егп. 18%	РФ, 4.9%	Мек. 1.7%			
1998	0.99	?, 83%	Егп. 8.6%	РФ, 7%	Мек., 1%			
1999	0.2	Егп. 56%	РФ, 31%	Мек. 13%				
2000	0.5	РФ, 61%	Егп. 32%	Мек. 7.3%				
2001	0.35	РФ, 63%	Егп. 29%	Мек. 7.1%				
2002	0.36	РФ, 81%	Мек. 11%	Егп. 7.4%	Каз, 0.4%			
2003	0.56	РФ, 93%	Мек. 7.4%					
2004	2.32	?, 55%	РФ, 16%	Каз., 14%	Азр, 13%			
2005	3.62	?, 72%	Каз, 18%	РФ, 4.1%	Азр., 3.7%	Мек. 1.8%		
2006	4.44	?, 67%	Каз, 14%	Азр., 13%	РФ, 4.3%	Мек., 1.5%		
2007	4.83	?, 67%	Каз, 21%	Азр., 5.7%	РФ, 4.2%	Мек. 1.5%	Грз. 0.25%	
2008	7.86	Азр., 44%	Каз, 28%	?, 26%	Мек. 1.5%	РФ, 0.47%		
2009	4.84	?, 52%	Азр., 25%	Каз., 23%				
2010	6.37	?, 47%	Азр., 27%	Каз., 20%	РФ, 5.6%			
2011	8.01	?, 73%	Каз., 17%	Азр., 9.9%				
2012	8.8	?, 61%	Азр., 18%	Каз., 17%	Син. 3.5%			
2013	8.44	?, 75%	Азр., 15%	Каз., 9.5%	Итл. 0.5%			
2014	3.34	Азр., 53%	Каз, 44%	РФ, 3.3%				
2015	0.81	Азр., 75%	Каз, 24%	Анг. 1.2%				
2016	2.73	Анг. 30%	Азр., 24%	Швц. 1.8%	Син. 12%	Каз., 7.8%	РФ, 5.3%	США, 2.6%

Таблица 1. Импорт сырой нефти в Израиль. Суммарно и по странам.

Источник: ОЭС

Как следует из таблицы, в 1995-2004 гг. импорт сырой нефти из Египта, Норвегии и Мексики в Израиль постепенно заменяется импортом из РФ, Азербайджана и Казахстана. Действительно, после захвата у Египта Синайского полуострова в

Шестидневной войне (1967 г.) в последующее десятилетие весомым источником поставок сырой нефти для Израиля являлось месторождение Абу-Родес (*Abu Rudeis*) на юге Синайского полуострова (поставки государственной компании «Нативей нефть»²⁰): “с месторождения Абу-Родес в Израиль поставлялось практически половина всего объема потребляемой им нефти” (Барух 2012). Однако после заключения Кэмп-Дэвидского сепаратного мирного договора с Египтом, Израиль ушел с Синая (1979 г.), ликвидировав поселок нефтяников в Абу-Родесе.

Напомним, первый раз Израиль ушел с Синая в марте 1957 г., после окончания Суецкого кризиса.²¹ Последующие “семь тучных лет” (1957-63 гг.) положили начало индустриализации Израиля и ее атомному проекту (Вайс 2016). Именно тогда начались масштабные поставки иранской сырой нефти в Израиль. При финансовой помощи Ротшильдов был проложен ирано-израильский нефтепровод Эйлат-Ашкелон (*Trans-Israel Pipeline, TIP*) диаметром 40 см., создана соответствующая инфраструктура, основана компания *Trans-Asiatic Oil Ltd* (ТАО) с равным (50%) долевым участием Министерства Финансов Израиля и иранской госкомпанией ИРНА. После Шестидневной войны была создана дочерняя компания ТАО – ирано-израильская “*Eilat Ashkelon Pipeline Co. Ltd*” (ЕРА), выкупившая у Ротшильдов TIP и проложившая вдоль него новый нефтепровод метрового диаметра. В зените своей деятельности (начало 70-х гг.) ТАО обладала нефтеналивным флотом из 30 крупнотоннажных танкеров, а прокачка сырой нефти по TIP и ЕРА достигала 54 млн.т. в год (Melman 2007) – объем, пятикратно превосходящий нынешний уровень годового потребления сырой нефти в Израиле. Ирано-израильские нефтяные операции были прекращены в 1979 г., после Исламской революции в Иране и односторонней национализации Израилем²² всей инфраструктуры ТАО.²³ С тех пор ирано-израильское нефтяное (и прочее) сотрудничество 50-70-х гг. считается “одним из самых больших секретов Израиля” (“Swiss Court Orders Israel to Pay Iran \$1.1 Billion in Oil Pipeline Dispute”, *Haaretz*, May 20, 2015). Впрочем, повсюду за пределами Израиля, в том числе и в самом Иране, это, скорее - секрет Полишинеля.

Что же касается поставок сырой нефти в Израиль из Египта, то, как следует из *Таблицы 1*, еще в 1995 году 100% поставок сырой нефти, зафиксированных ОЭС, шли именно из Египта. Египет указан вторым по значимости поставщиком нефти в Израиль в 1996, 1997 и 1998 годах. Россия начинает вытеснять Египет в качестве основного поставщика сырой нефти в Израиль только с 1999 г., а с 2005 ее, в свою очередь, начинают вытеснять Азербайджан и Казахстан. Легко подсчитать, что, по

²⁰ Этот период в истории Израиля обозначен как “чужая нефть - как своя” (Барух 2012).

²¹ Операция “Кадеш”.

²² Любопытно было бы провести сравнительный анализ последствий национализации Египтом Суэцкого канала, а Израилем - инфраструктуры ТАО.

²³ В настоящее время в арбитраже (Швейцария) находится иск Ирана к Израилю на \$7 млрд. Техничко-финансовая информация о деятельности ТАО в Израиле до сих пор засекречена (Melman 2007).

данным ОЭС, за весь рассматриваемый период импорт сырой нефти из РФ в Израиль в денежном выражении составил \$3.1 млрд., из Казахстана - \$12.7 млрд. из Азербайджана - \$14.3 млрд. Причем, в 2000-2003гг. РФ была поставщиком номер один сырой нефти в Израиль,²⁴ в 2004 - номер два, в 2005 - номер три). А в 2008 и 2014-15 гг. поставщиком номер один был Азербайджан.

Окидывая взглядом историю государства Израиль с момента его образования и до наших дней, нельзя не заметить высокую степень корреляции основных геополитических событий Ближневосточного и сопредельных регионов с перипетиями обеспечения поставок сырой нефти в Израиль. Речь не только о том, что многие боевые действия всех арабо-израильских войн пролегли вдоль нефтетранспортной инфраструктуры Иракской Нефтяной Компании (Iraq Petroleum Company, IPC).²⁵ И не только о соперничестве между израильской Хайфой и ливанским Триполи в качестве основных портов IPC по вывозу киркукской нефти—соперничестве, длившемся почти весь XX век. Но и о том, что в начале XXI века к этому соперничеству подключился порт Джейхан (Турция),²⁶ а **вопросы делимитация Каспия, проекты по развитию транскаспийской энерготранспортной инфраструктуры и отсечению от них Ирана (и Армении) стали весомыми факторами Ближневосточной геополитики.**

Вернемся, однако, к *Таблице 1* и остановимся на “сером рынке” поставок нефти в Израиль. Примечательно, что для 12 из 22 рассмотренных в Таблице 1 лет (1996-98, 2004-07, 2009-13гг.) номерами один среди поставщиков сырой нефти в Израиль были неизвестные “серые поставщики”. **С 1995 по 2016 гг. “серые поставки” сырой нефти в Израиль составили по крайней мере \$38.0 млрд., или 53% от общих суммарных поставок (\$72.3 млрд.).** Причем, оценка эта - консервативна.

Разумно предположить, что “серые поставки” сырой нефти были и в 1999-2003 гг., и в 2015, хотя бы потому, что суммарные объемы поставок за эти годы уступают остальным значениям в десять раз (\$0.2-0.8 млрд. по сравнению с \$2.0-8.0 млрд. для прочих лет).²⁷ Более реалистичной оценкой “серых поставок” нефти в Израиль за указанный период представляется значение 70-75% от суммарных объемов.

В целом же, нефтяная отрасль Израиля – одна из самых непрозрачных в мире, и в этом вопросе Израиль вполне сопоставим с Азербайджаном.²⁸ Статистические данные о первоисточниках и географии поставок нефти в Израиле засекречены. В открытых

²⁴ В 2003 г. рассматривался вопрос использования инфраструктуры ТАО (в реверсном режиме) для прокачки российской нефти, доставляемой танкерами в Ашкелон, далее - в Эйлат (по ТАО) и морем - в Азию. Этот проект так и не был реализован.

²⁵ Наследницей “Турецкой нефтяной компании” (Turkish Petroleum Company, TPC). Поражает та настойчивость, с которой в специальных публикациях на иврите и русском замалчивается роль IPC, TPC и деятельность Галуста Гюльбенкяна (Calouste Gulbenkian) в деле становления и развития всей нефтяной инфраструктуры Ближнего Востока в целом и Палестины/Израиля, в частности.

²⁶ Что, с геополитической точки зрения, стало возможным после турецкой аннексии Хатайя (санджака Александретта) у подмандатной Сирии в 1939 г.

²⁷ Занимателен и факт поставки сырой нефти в Израиль из Грузии в 2007 г., см. *Таблица 1*.

²⁸ По степени непрозрачности примечательна и схожесть Израиля с Азербайджаном (и Турцией) в сфере официальной демографической статистики, особенно в вопросе этноязыковой структуры населения.

источниках приводятся лишь общие данные о ежегодных объемах импорта сырой нефти и переработанных нефтепродуктов (*refined petroleum*) в физическом и денежном выражении, закупка которых осуществляется единой государственной компанией. И даже эти данные не раз подвергались сомнению.

В экспертном сообществе распространено мнение (Барух 2012), что подобная ситуация обусловлена двумя факторами. Во-первых, ощутимую часть сделок по сырой нефти и нефтепродуктам Израиль проводит через оффшорные зоны. Так, например, в официальных статистических отчетах отмечается наличие более 100 частных компаний, занятых импортом нефти в Израиль, однако каких-либо других подробностей об их деятельности не приводится. Кроме того, часть импорта сырой нефти Израиль осуществляет по различного рода реэкспортным схемам из тех нефтедобывающих стран и через те негосударственные образования (включая боевиков в Ираке и Сирии), которые не желают афишировать свои связи с Израилем. Разумеется, вся эта деятельность оставлена вне рамок официальной статистики.

Однако нам представляется, что тут мы имеем дело, по крайней мере, с еще одним фактором—с осмысленным и целенаправленным распространением логики “информационной неопределенности”, присущей политике Израиля по вопросу о собственном ядерном оружии (“формула Эшколя” (Yaniv 1993)),²⁹ а также в сфере добычи сырой нефти и снабжения ею. Ведь нефть и демография, как и ядерное оружие, являются факторами стратегического значения, которые, впрочем, по неизменной значимости и прикладному эффекту, порой серьезно превосходят пресловутые ядерные возможности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барух Бен (2012), “Израильская нефть: история вопроса”, *Институт Ближнего Востока*, 30 сентября, 2012 (<http://www.iimes.ru/?p=15695>).
- Вайс Зеев (2016), “Бен-гурион и Эшколь: два коня в одной упряжке”, *Москва-Ерушалаим*, 27 (июнь, 2016) (<http://www.moscow-jerusalem.ru/istoriya/ben-gurion-i-eshkol-dva-konya-v-odnoj-upryazhke>).
- Дзагуто В., Мельников К. (2011), “Интер РАО удаляется в пустыню: Компания будет добывать сланцы в Израиле”, *Коммерсантъ*, 13.11.2011 (<https://www.kommersant.ru/doc/1645750>).
- Марджанян А. (2013), *Социально-Экономическая Система Азербайджанской Республики*, НОФ “Нораванк”, Ереван (на арм. языке).
- Katsovich Guy (2012), “Israel Opportunity estimates that the deeper strata at Pelagic might contain 1.4 billion barrels of oil or a further 13.5 TCF of gas”, *Globes: Israel Business Arena*, 30.06.2012 (<https://en.globes.co.il/en/article-1000753681>).

²⁹ Лев Школьник (1895-1969)—министр финансов (1952-1963), 3-ий премьер-министр (1963-1969) Израиля. Заменил Д. Бен-Гуриона, ушедшего в отставку 16 июня 1963г. под давлением президента США Дж.Кенеди по вопросу допуска наблюдателей на ядерный реактор в Димоне.

- Melman Yossi (2007), "How Israel Lost to the Iranians", *Haaretz*, 11.01. 2007 (<https://www.haaretz.com/1.4949346>).
- Potter W.C. (1995), "The Politics of Nuclear Renunciation: The Cases of Belarus, Kazakhstan and Ukraine", *The H.L. Stimson Center*, Occasional Paper No. 22. 13.04.1995 (<https://www.stimson.org/content/politics-nuclear-renunciation-cases-belarus-kazakhstan-and-ukraine>).
- Sholk Dena (2007), "The Denuclearization of Kazakhstan (1991-1995)", *INAF 912*, 30.04.2013 (https://isd.georgetown.edu/sites/isd/files/JFD_Sholk_Denuclearization.pdf).
- Thieme Nadja; Lujala Päivi; Rød Jan Ketil (2007), *The Petroleum Dataset: Country profiles* (<https://www.prio.org/Global/upload/CSCW/Data/Geographical/Country%20Profiles%202007.pdf>).
- White Jeffrey (2015), "A War Like No Other: Israel vs. Hezbollah in 2015", *The Washington Institute*, 29.01. 2015 (<https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/a-war-like-no-other-israel-vs.-hezbollah-in-2015>).
- Yaniv Anver (Ed.), *National Security and Democracy in Israel*, Boulder and London: Lynne Rienner Publishers, 1993. Vol. 3, Ch IX.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ БОРЬБЫ АФГАНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ ИРАНА НА СТОРОНЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА СИРИИ

Ида Саркисян

Институт Ближнего Востока, Москва

Abstract

The article describes the situation with human rights among the Afghan refugees and asylum seekers in the Islamic Republic of Iran, and the main reasons of their fight in Syria on the side of the government.

Keyword: *Afghan Refugees, Iran, Syria, Human Rights, Shi'a Muslims, Mass Media*

Аннотация

В статье описывается ситуация с правами человека в среде афганских беженцев в Исламской Республике Иран и основные причины их борьбы в Сирии на стороне сирийского правительства.

Ключевые слова: *афганские беженцы, Иран, Сирия, права человека, шииты, СМИ*

20-го ноября 2017г. была объявлена окончательная победа над террористической организацией Исламское Государство Ирака и Леванта (ИГИЛ) в Сирии. С самого начала военных действий в арабской республике Иран оказывал ей не только гуманитарную, но и военную помощь. Официальный Тегеран неоднократно заявлял, что в Сирии по приглашению сирийского правительства находятся иранские военные консультанты. Однако в средствах массовой информации появлялись доказательства того, что военное присутствие ИРИ в Сирии не ограничивается только советниками и что на территории страны есть иранские боевые отряды. В частности, агентство Bild пишет, что на стороне сирийского правительства воюют члены шестидесяти шести шиитских организаций, часть которых признана на Западе террористическими. Западными информагентствами были проведены ряд расследований на предмет отправки Ираном афганских беженцев на войну на стороне Башара Асада.¹

Так, например, в ряде материалов ВВС утверждалось, что иранские спецслужбы, в особенности Корпус стражей исламской революции (КСИР), занимались вербовкой афганцев для войны за правящий режим в Сирии и не последнюю роль в деле вербовки играло посольство ИРИ в Кабуле.² Однако процесс вербовки происходил не только в самом Афганистане, но и в Иране, в частности, в

¹ Julian Röpkcke, *Diese ausländischen Islamisten kämpfen für Assad*, <http://www.bild.de/politik/ausland/syrien-krise/syrien-islamisten-fuer-assad-48566478.bild.html>

² *Iran regime recruiting Afghan mercenaries to fight in Syria*, <http://www.syriahr.com/en/?p=21102> [21.06.2015]; Fariba Sahræi, *Syria war: the Afghans sent by Iran to fight for Assad*, <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-36035095> [15.04.2016].

городах Кум и Мешхед. По данным правозащитной организации Human Rights Watch, число афганцев, в том числе детей, в рядах сил Башара Асада насчитывает тысячи.³

Официально иранское правительство опровергает информацию об отправке афганцев на войну в Сирию.⁴ Тем не менее, множество очевидцев и сами афганцы сообщали журналистам западных СМИ, что приехали воевать при посредничестве и финансировании ИРИ. Почему афганцы тысячами отправляются воевать в чужую страну и за чужое правительство? Для этого существует два основных мотива – социальный и религиозный.

В 1975 году иранское шахское правительство присоединилось к таким международным договорам, как *Положение о беженцах 1963 года* и *Конвенция о статусе беженцев 1951 года*, которые регулируют вопросы о качестве предоставления убежища, а также права и обязанности беженцев в Иране. По данным агентства по делам беженцев провинции Хорасан на 2016 год, из 35 млн. беженцев во всем мире 1 млн. проживает в Иране. ИРИ, фактически, стала второй страной в мире по числу беженцев. Большинство из них – афганцы и иракцы. Согласно статистике, в Иране проживает 951142 (2% населения) зарегистрированных афганских беженцев, которые мигрировали в соседнюю республику, спасаясь от войны в собственной стране и в поисках заработка.⁵

Реальное число афганских беженцев в Иране значительно выше. По неофициальным данным, оно составляет более трех миллионов человек, но лишь треть из них имеет статус беженца. Причины массовой миграции афганцев, как уже отмечалось, стали война и тяжелая социально-экономическая ситуация в стране. Наиболее богатая часть населения эмигрировала на Запад – в США и Европу. Бедные слои, в свою очередь, перебрались в соседние Иран и Пакистан.

Есть немало исследований по ситуации с правами афганских беженцев в Иране.⁶ Изучением социального и культурного положения афганцев занимается, в частности, профессор Тегеранского университета Садек Зибакамал. В своем выступлении по случаю всемирного дня беженцев Зибакалам заявил, что отношение иранского правительства к афганским беженцам неприемлемо и необоснованно. По мнению Зибакалама, если в европейских странах для беженцев создаются лучшие условия, то в ИРИ чиновники и правительственные органы не несут никакой ответственности за положение афганцев в их стране. В ряду правовых и юридических

³ *Iran Sending Thousands of Afghans to Fight in Syria*, Human Rights Watch, 2016 Jan 29, <https://www.hrw.org/news/2016/01/29/iran-sending-thousands-afghans-fight-syria>; *Afghan Children Recruited to Fight in Syria*, HRW, <https://www.hrw.org/news/2017/10/01/iran-afghan-children-recruited-fight-syria>

⁴ *Iran mission in Afghanistan rejects HRW anti-Iran report*, <http://www.irna.ir/en/News/82683965>

⁵ *Iran Factsheet*, 2016, Feb, UNHCR <http://www.unhcr.org/protection/operations/50002081d/iran-fact-sheet.html>

⁶ См, например, Pirvan Parviz, *Effects of Social Interaction between Afghan Refugees and Iranians on Reproductive Health Attitudes -* http://www.readcube.com/articles/10.1111/j.0361-3666.2004.00259.x?r3_referer=wol&tracking_action=preview_click&show_checkout=1&purchase_referrer=en.wikipedia.org&purchase_site_license=LICENSE_DENIED; Seyed Mahdi Mousavi, *A Lost Generation's Story: Identity Challenges of Second-generation Afghans in Iran*, <http://www.ilabour.eu/wp-content/uploads/2017/08/4-Mahdi-Paper.pdf>; Mohammad Jalal Abbasi-Shavazi et al., *Second-generation Afghans in Iran: Integration, Identity and Return*, <https://areu.org.af/wp-content/uploads/2016/01/823E-Second-Generation-Afghans-in-Iran-CS-2008.pdf>; Diana Tober, "My Body Is Broken Like My Country": *Identity, Nation, and Repatriation among Afghan Refugees in Iran*, file:///C:/Users/Admin/Desktop/MAQ04M_Tober_050-071.pdf.

сложностей, с которыми сталкиваются афганцы в Иране, Зибакалам отмечает отсутствие целого ряда прав у данного слоя населения. Например, афганца могут выслать из страны в любое время, даже если он уже прожил в Иране двадцать лет. Если афганец заключит брак с иранкой, то существует вероятность, что государство официально не признает их детей.⁷

В 2013 году Human Rights Watch опубликовала доклад под названием «Незванные гости: афганские беженцы и нарушение прав иммигрантов со стороны властей Ирана», в котором говорится, что политика правительства Исламской Республики по отношению к беженцам и иммигрантам полностью нарушает ее правовые обязательства по защите беженцев. Согласно данному отчету, афганцев поспешно высылают из страны, не дав им времени и возможности получить статус беженца и попросить убежища. Зарегистрированным афганским беженцам в Иране становится все труднее сохранять свой статус. Это особенно проявляется после введения в 2000 году периодических регистрационных процедур и создания системы регистрационных карт *Amayesh* в 2003 году. До 1992 года политика правительства Ирана заключалась в автоматическом предоставлении прибывающим в страну афганцам права на жительство, или «голубых карточек», свидетельствующих, что они являются вынужденными переселенцами, или *мохаджеринами*. Хотя переселившиеся в то время афганцы официально не были признаны беженцами, их фактически рассматривали в этом статусе, предоставляя доступ к базовому медицинскому обслуживанию и образованию, а также право на работу. Они также могли пользоваться предоставляемые на тот период иранским правительством субсидиями на бензин, природный газ, электроэнергию и продукты питания.

Что касается системы *Amayesh*, то это своего рода аналог американской *Green Card*. В этих картах отмечаются города, в которых афганцам разрешено проживать, и предоставляются права на базовое социальное обслуживание. Подобные карты получили в основном те афганцы, которые проживают в Иране на протяжении долгого времени. Около 70% из них в последний раз были в Афганистане более 20 лет назад.⁸

С 2007 года подать документы в Бюро по делам иностранцев и иностранных иммигрантов для получения статуса беженца или карты *Amayesh* для афганских мигрантов стало практически невозможно. В 2010 году Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев заявило, что, несмотря на то, что Иран подписал и ратифицировал *Конвенцию о статусе беженцев 1951 года*, от него не поступает никакой информации о количестве просителей убежища у страны, а также нет данных о вновь признанных беженцах, просителей убежища, лиц без сопровождения взрослых или разлученных несовершеннолетних и жертв трафика, которые ищут международной защиты.

В упомянутом докладе Human Rights Watch приводит факты насилия, избиения, бесчеловечные и антисанитарные условия содержания в тюрьмах. Афганцы вынуждены платить за свою же вынужденную транспортировку, их селят в приграничных лагерях, принуждают к труду, насильно разделяют членов семьи. HRW

⁷ Zibakalam S., باید بر دستان مهاجرین افغانی در ایران بوسه زد , <http://chendavol.blogfa.com/post-85.aspx>

⁸ Galustov M., *Unwelcome Guests. Iran's Violation of Afghan Refugee and Migrant Rights*, 20.12.2013, <https://www.hrw.org/report/2013/11/20/unwelcome-guests/irans-violation-afghan-refugee-and-migrant-rights>.

выразила беспокойство по поводу эксплуатации детского труда, а также опасности миграции детей без опекунов и родителей.⁹

В ноябре 2012 года правительство Ирана приняло решение до конца 2015 года выслать всех нелегальных жителей. Все, кому не удалось продлить визу до 2013 года, были депортированы из страны. По данным Международной организации по миграции, с января по ноябрь 2017 года из Ирана и Пакистана было депортировано в Афганистан более 600000 нелегальных мигрантов.¹⁰ Из них 407666 человек, включая 127 детей без сопровождения взрослых, было выслано из Ирана.¹¹

Правительство ИРИ также объявило значительные территории страны «запретными зонами» для проживания иностранцев. В частности, для афганцев запрещенными являются 15 провинций: Восточный Азербайджан, Западный Азербайджан, Ардебиль, Занджан, Курдистан, Керманшах, Илам, Лорестан, Чахармахал и Бахтиари, Кохгилуйе и Бойерахмад, Гилян, Мазандаран, Систан и Балуджистан, Хормозган и Хамедан. Как мы можем заметить, в основном сюда включены пограничные провинции либо носящие угрозу сепаратизма. Частичный запрет на проживание распространяется еще на 12 провинций: Исфahan, Бушер, Южный Хорасан, Хорасан Разави, Хузестан, Семнан, Фарс, Казвин, Керман, Голестан, Маркази и Йезд.¹²

Существует и ряд других проблем. Беженцам, например, очень сложно определить детей в школу или найти работу. Несмотря на то, что в законодательстве ИРИ афганцы-беженцы имеют право быть принятыми на работу, им отказывают либо платят более низкую зарплату.

Среди иранцев существует определенное недовольство присутствием афганцев в стране, что приводит к дракам и стычкам между иранцами и афганцами. Однако зачастую подобные действия даже не рассматриваются как преступления, а СМИ не сообщают о насилии по отношению к афганцам. О ряде подобных случаев стало известно, когда участники инцидента сами выкладывали видео или фото издевательств над афганцами в социальные сети. Агентство Khaama Press писало о двух случаях сексуального насилия над подростками во время депортации со стороны иранских пограничников.¹³ На сайте иранских правозащитников hrana.org периодически появляются сведения об арестах афганцев или их смертях в иранских тюрьмах по причине насильственных действий.

Отсутствие официального статуса беженцев лишает афганцев различных льгот и помощи международных организаций. Что касается трудоустройства, то проблема актуальна не только для афганцев, но и самих иранцев. Уровень безработицы в стране достаточно высокий (порядка 12 % по данным за 2017 г.). Решение проблемы рабочих мест было одним из основных предвыборных обещаний президента Хасана Роухани, но сложная экономическая ситуация в связи с международными санкциями и падением цен на нефть – основного источника доходов Исламской республики – не позволяют президенту выполнить свои обещания. Кроме

⁹ Там же.

¹⁰ Shirmohammadi R., افزایش قابل توجه بازگشت مهاجران بدون اسناد به افغانستان, <http://qoo.by/3gCY>

¹¹ *Return of undocumented Afghans. Monthly Situation Report, 2017 Nov, The UN Migration Agency*, https://www.iom.int/sites/default/files/situation_reports/file/IOM-Afghanistan-Return-of-Undocumented-SitRep-nov2017.pdf

¹² حضور اتباع افغانستان در کدام استان ها ممنوع است؟ - <http://qoo.by/3gVb>

¹³ *Teenager Afghan boys sexually abused by Iranian border forces*, Khaama Press, 2014 May 07, <https://www.khaama.com/teenager-afghan-boys-sexually-abused-by-iranian-border-forces-8039>

того, абсолютное большинство афганских переселенцев в Иран, как уже отмечалось ниже, — представители социальных «низов»: малоимущие выходцы из отдаленных сел, в большинстве своем не имеющие образования, что в еще большей степени усложняет проблему их трудоустройства.

Стоит отметить, что Афганские власти сами не особо приветствуют возвращение своих граждан на родину в виду отсутствия возможностей для обеспечения их жизненно важными условиями, тогда как Ирану, помимо решения прочих связанных с беженцами проблемами, приходится выделять большие средства на борьбу с наркотрафиком из Афганистана. Активное участие в этом криминальном бизнесе самих беженцев также усиливает недовольство среди иранцев.¹⁴

Несмотря на наличие экономических проблем и нехватку бюджета в стране в связи с экономическими санкциями и падением мировых цен на нефть, власти ИРИ предпринимают шаги для улучшения ситуации с беженцами. В апреле 2016 года делегация Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев вместе с дипломатической делегацией в составе представителей 11 стран и ряда международных организаций посетили иранскую провинцию Керман с целью изучить услуги, предоставленные иностранным мигрантам и беженцам в ИРИ. Посол Швеции в Тегеране и глава дипломатической делегации Питер Тилер заявил, что услуги, предоставленные Исламской Республикой Иран иностранным беженцам, являются значительными и неопровержимыми.¹⁵ Афганистан, со своей стороны, также на разных уровнях неоднократно высказывал признательность Ирану за поддержку своих граждан.¹⁶ Иранское руководство, со своей стороны, сетует на недостаточную международную помощь стране афганским беженцам, отмечая несомненные усилия собственной страны в деле помощи вынужденным переселенцам.¹⁷

Особое внимание иранским руководством уделяется вопросам образования. В 2015 году Верховный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи издал указ, предписывающий школам принимать всех афганских детей.¹⁸ По словам директора по делам иммигрантов министерства внутренних дел Исламской Республики Иран Ахмада Мохаммадифара, Иран выделяет около 270 млн. долларов на образование иностранных беженцев, проживающих в стране, из которых только 2 млн. долларов предоставляется международными организациями.¹⁹ Мухаммадифар сообщил, что в настоящее время около 400 тысяч детей мигрантов учатся в школах, 24 тысячи мигрантов учатся или уже закончили учебу в иранских ВУЗах.

Согласно Гражданскому кодексу, зарегистрированные беженцы имеют также следующие основные права: право на уважение личного статуса, свободу въезда, пребывания и выезд, приобретение движимого и недвижимого имущества, обращение в суд и право на оплачиваемую работу. Личный статус афганцев, право на наследование и квалификации устанавливаются в соответствии с законами страны их прибытия. Они имеют право на работу и получение зарплаты при наличии визы с

¹⁴ Саркисян И., *О положении афганских беженцев в Иране*, <http://www.iimes.ru/?p=32627>

¹⁵ <http://parstoday.com/ru/news/iran-i23104>

¹⁶ См., в частности, *Afghan Chief Executive thanks Iran for supporting refugees*, Tasnim News Agency, <https://www.tasnimnews.com/en/news/2017/05/07/1400486/afghan-chief-executive-thanks-iran-for-supporting-refugees> [07.05.2017].

¹⁷ *Iran bemoans scant global aid over Afghan refugees*, Pars Today, <http://parstoday.com/en/news/iran-i15823-iran-bemoans-scant-global-aid-over-afghan-refugees> [18.06.2016]

¹⁸ دستور رهبر انقلاب درباره دانش آموزان افغان <https://goo.gl/Cenzxg>

¹⁹ *За 23 года Иран принял 2,3 млн. афганских беженцев*, <http://www.irna.ir/ru/News/3531258>

разрешением на работу, либо специального разрешения на работу от Министерства труда и социального обеспечения.²⁰

Возвращаясь к вопросу об отправке афганцев на войну на стороне Башара Асада, отметим, что западные СМИ, ссылаясь на собственные расследования, утверждают, что иранские спецслужбы вербуют на войну афганцев-шиитов и что власти Ирана предлагают вид на жительство и оплачивают военную службу в Сирии в размере 500 долларов ежемесячно.²¹ Практика наемной военной службы не является новшеством; армии многих стран состоят исключительно из наемных военных. Для афганских мужчин условия, предложенные Ираном, вполне приемлемы. В отсутствии работы и каких-либо средств к существованию для них это хорошая возможность заработать.

Что касается обвинений правозащитников в использовании несовершеннолетних афганцев в боевых действиях, то, по данным иранских источников, их принимают на службу лишь по письменному согласию родителей. Не имея возможности получить образование и найти работу, молодые афганцы охотно соглашались на военную службу в Сирии.

В данном случае, помимо материального аспекта, следует учитывать и существенный идеологический фактор.

Большинство афганцев в Иране являются шиитами хазарейцами. Исламская Республика Иран, будучи теократическим государством, обосновывает свои решения религиозными принципами шиизма. Верховный лидер ИРИ аятолла Али Хаманей является духовным лидером – *марджа-е таклид* («образец для подражания») – не только для иранцев, но и для многих шиитов во всем мире. На международной арене ИРИ позиционирует себя в качестве лидера всех шиитов, покровителя угнетенных и слабых народов. Как известно, сирийское правительство состоит в большинстве своем из мусульман-алавитов. Алавизм был официально признан ветвью шиитского направления в 1974 году ливанским шиитским богословом Мусой Садром, а чуть позже – и Ираном.

С самого начала конфликта в арабской республике Тегеран оказывает поддержку правящему режиму Сирии. В этом контексте неудивительно, что афганцы-шииты, как и многие шииты других стран, последовали призыву своего лидера оказать поддержку сирийской армии и защитить шиитские святыни от уничтожения радикалами.

Таким образом, участие в войне в Сирии для афганца совмещает возможности обеспечить материальный достаток семье и исполнить свой религиозный долг.

²⁰ Ebrahim Nadi, Seyyed Hossein Sadeghi, Hossein Ravandeh, *Examining the Current Legal Status of Afghan Refugees in Iran*, http://www.ijss-sn.com/uploads/2/0/1/5/20153321/ijss-iran_jul_oa07_-_2017.pdf

²¹ Rasmussen S. E., Zahra N., 2016 Jun 30, *Iran covertly recruits Afghan Shias to fight in Syria*, <https://www.theguardian.com/world/2016/jun/30/iran-covertly-recruits-afghan-soldiers-to-fight-in-syria>; *Iran Sending Thousands of Afghans to Fight in Syria*, Human Rights Watch, <https://www.hrw.org/news/2016/01/29/iran-sending-thousands-afghans-fight-syria> [29.01.16]

КАСЕМ СОЛЕЙМАНИ – «ЖИВОЙ МУЧЕНИК» СОВРЕМЕННОГО ИРАНА

Анпюн Евсрапов

Институт гуманитарных наук

Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван

Abstract

In this paper, we analyse the attempts of modern Iranian media to portray the Al-Quds brigade commander Qasem Soleimani, as a sacred mythological hero. The author focuses on the obvious parallels between the media approach to this outstanding figure and the Shiite martyrdom tradition.

Keywords: *Shi'ism, Martyrdom, Qasem Soleimani, Ashura, Iran*

Аннотация

В данной работе анализируются попытки современных иранских медиа представить командира бригады Аль-Кодс Касема Солеймани в роли сакрального мифологического героя. Автор останавливается на очевидных параллелях между подходом СМИ к этой выдающейся фигуре современного Ирана и шиитской традицией мученичества.

Ключевые слова: *шиизм, мученичество, Касем Солеймани, Ашура, Иран*

Важным элементом шиитского ислама является концепция *адалята* – божественной, священной справедливости и необходимости борьбы за нее, с которой теснейшим образом связана концепция мученичества. В этих понятиях в значительной степени отражено само содержание шиизма — как чисто религиозное, мистическое, так и социальное и политическое. Мученичество и мученики, а также связанная с ними агиография – важная часть шиитской идеологии и в настоящее время. Особенно ярко это проявляется в Исламской Республике Иран, где имеет место сакрализация современных политических, военных и религиозных деятелей. Среди таковых можно упомянуть покойного аятоллу Бехджата,¹ а также действующего командира бригады Аль-Кодс в структуре Корпуса стражей Исламской Революции генерал-майора Касема Солеймани. Последний фактически приобрел репутацию «живого мученика», превратившись из военно-политического деятеля в сакральную фигуру.

С периода раннего ислама шииты видят свою религию не иначе, как протест против традиционных, устоявшихся в арабской племенной среде, зачастую бесчеловечных и антигуманных, порядков. Сама миссия Пророка Мухаммада, первоначально не понятого в родной Мекке и вынужденного перебраться оттуда, также, согласно шиитским воззрениям, является ничем иным, как мученичеством. Наиболее ярко данная концепция отражена в биографиях первых шиитских Имамов, которые воспринимаются верующими как носители истинного, сакрального знания и верного толкования Священного Корана. Все они – прямые потомки пророка Мухаммада от его дочери Фатимы и ее мужа Али, первого шиитского Имама. Борьба Имама Али с восставшими против него в эпоху его халифата аристократами Тальхой,

¹ О нем см. «Подвижник шиизма – аятолла Бехджат» в серии Подвижники шиизма»; <http://www.imamat-books.ru/video/771-podvizhniki-shiizma-2-seriya-ayatolla-behdzhat.html>

Зубайром, Муавией и Амром ибн аль-Асом также видится шиитами как мученичество. Таким же мученичеством предстают и поступки жены Али, Фатимы, названной философом XX века Али Шариати не иначе, как «олицетворением прав угнетенных», «символом протеста» и «чистым воплощением поиска справедливости» (Шариати 2006).

Новым этапом эволюции концепции мученичества в шиизме стала борьба сына Али, Имама Хусейна против халифа-узурпатора Язида ибн Муавии, апогеем которой была битва при Кербеле – одно из наиболее знаковых событий в истории ислама. Восприятие гибели Хусейна со своими 72 сторонниками как формы мученичества – однозначно и закономерно в шиизме. Шиитская традиция сохранила высказывание свидетеля этих событий Хумайда бен Муслима: «Клянусь Аллахом, я никогда не видел такой стойкости. Были убиты сыновья Хусейна и вся его семья, и его последователи, все же он – такой же храбрый как всегда, он не позволил себе пасть духом и сдаться». По выражению уже упомянутого Шариати, Имам Хусейн «свидетельствует во имя всех тех, кто был убит правителями, тиранами на протяжении истории, [он] наследник всех лидеров-повстанцев, взыскующих справедливости и сражающихся за свободу и равенство, начиная от Адама (да пребудет мир с ним), навсегда посланник самопожертвования (шахадат), воплощение кровавой революции» (Шариати 2011). Ашура и мученическая гибель Имама Хусейна стали доминирующими траурными событиями в шиизме.

В шиитской традиции мученичество – это сопротивление несправедливости, тирании, угнетению, предполагающее абсолютное осознание неизбежности гибели. Тем не менее, шиитский мученик вступает в борьбу, служа своеобразным примером для своих сторонников, поднимая их на сопротивление и окрашивая его необходимостью кровью. С этой точки зрения, настоящим современным шиитским мучеником предстает генерал-майор Касем Солеймани – человек, ставший в Иране олицетворением справедливой борьбы против угнетения и тирании, реализуемых, с одной стороны, салафитами Ближнего Востока, а с другой – западным империализмом. С самого начала наступления «Исламского государства» в Сирии и Ираке, именно Солеймани оказывался на передовых позициях противостояния террористической группировке и действовал с неизменным успехом. О его исключительной роли в борьбе с «Исламским государством» писала в том числе и западная пресса, отмечая, что среди шиитов Ближнего Востока генерал воспринимается как «единственный человек, который может остановить ИГИЛ».² Именно Солеймани и остановил продвижение салафитов в 2014 году в Тикрите. Именно он поднял боеспособность иракских шиитских ополчений на качественно новый уровень. Именно деятельность Солеймани во многом обязан своим выживанием и сирийский политический режим (Евстратов 2016). Генерал неоднократно был замечен на поле битвы, лично руководившим своими подчиненными; при этом, о его скромном образе жизни и готовности к самопожертвованию ходят легенды.

Не ставя задачей анализ военных успехов генерала Солеймани, мы коснемся того образа, который создается ему иранскими масс-медиа. В 2016 году в Иране был

² См., например, “Qassem Soleimani: can this man bring about the downfall of Isis?”; *The Guardian*, 07.12.2014; <https://www.theguardian.com/theobserver/2014/dec/07/qassem-suleimani-middle-east-mastermind-islamic-state>

снят фильм «Живой мученик Касем Солеймани»,³ в котором не просто описывается боевой путь генерала, но и выстраивается цельный образ, черты которого традиционно присущи шиитским героям прошлого. Выступают бойцы, говорящие о том, насколько Солеймани справедлив и озабочен благополучием своих солдат. По словам спикеров, Солеймани плакал, узнавая о потерях в рядах своих подчиненных, лично заботился о доставке раненых в госпитали, где впоследствии регулярно их навещал. В частности, он организовывал доставку своих солдат в клиники Турции. Более того, он неоднократно рисковал собственной жизнью, о чем также говорится в фильме. Имеются свидетельства об организации генералом похорон своих солдат и офицеров. К этим рассказам прилагаются разговоры об аскетизме Солеймани, который делит все тяготы войны не только с командным составом, но и с простыми бойцами своих подразделений. Все это сближает генерала в сознании шиита с мучениками раннего ислама – Имамом Хусейном и особенно с Имамом Али, предстающим в шиитской традиции выдающимся военным деятелем, героем, аскетом, заботившемся о подчиненных и постоянно рисковавшем жизнью.

Стоит отметить особое внимание к роли Солеймани в защите шиитских святынь Ирака и Сирии, что также делает его не просто военным деятелем, а фигурой религиозно-идеологической. Так, президент ИРИ Хасан Роухани специально подчеркивал, что Корпус стражей Исламской Революции (т.е. его бригада Аль-Кодс, специально предназначенная для операций за границей) защищает шиитские святые места и стоит на страже безопасности простых граждан Сирии, Ирака и Ливана (Karami 2016). В этом заявлении акцентированы две цели шиитских мучеников – защита сакрального и стремление к социальной справедливости, части Адалята. Естественно, что слова эти неотделимы от деятельности генерала Солеймани.

Еще больше поддержало образ мученика в лице генерала его включение ООН в список иранских политических и военных деятелей, которым запрещено покидать территорию Исламской Республики. Неудивительно, что информация о визите Солеймани в Москву вопреки данным санкциям также добавила ему сакральной популярности в шиитском мире. Немаловажной чертой генерала в данном контексте является его скромность. Несмотря на свою удивительную популярность в Иране и за его пределами, Касем Солеймани всегда подчеркивает свою роль лишь в качестве «простого солдата». Перед выборами 2017 года, вопреки ожиданиям некоторых его сторонников, Солеймани снова заявил об отсутствии у него каких-либо политических амбиций. Несмотря на целую кампанию с призывами «к самому честному и не коррумпированному политику» «отложить в сторону военную форму» и войти в политику (Sharafedin 2015), генерал подчеркнуто дистанцируется от внутривнутриполитических вопросов.⁴

Касем Солеймани – автор множества метких высказываний, имеющих серьезную религиозно-идеологическую нагрузку для шиитского менталитета и фактически ставших афоризмами. В одном из них генерал называет Ближний Восток «не землей дипломатии, а землей джихада», напоминая, что если бы дипломатия была бы применима против настоящих врагов, «Имам Али и Имам Хусейн не брались бы за

³ См. документальный фильм «Живой мученик Касем Солеймани»; https://www.aparat.com/v/vm5De/%D9%85%D8%B3%D8%AA%D9%86%D8%AF_%D8%B4%D9%87%DB%8C%D8%AF_%D8%B2%D9%86%D8%AF%D9%87_%D8%AF%D8%B1%D8%A8%D8%A7%D8%B1%D9%87_%D8%B3%D8%B1%D8%AF%D8%A7%D8%B1_%D9%82%D8%A7%D8%B3%D9%85_%D8%B3%D9%84%DB%8C%D9%85%D8%A7%D9%86%DB%8C

⁴ См., например, Zimmt 2015.

оружие».⁵ Широкою известность приобрело высказывание генерала, в котором он противопоставляет общепринятому восприятию рая «другой вид рая – поле битвы, поле битвы за свою страну» (Панкратенко 2015). Все это также сближает генерала с шиитскими мучениками прошлого – слова Имама Али и Имама Хусейна воспринимаются на уровне хадисов и важного руководства к действию.

Венцом сакрализации образа Касема Солеймани стали слова Верховного Лидера Ирана аятоллы Хаменеи, который прямо назвал генерала «живым мучеником» (см. Баранова 2016). Понимая роль, которую играет каждое заявление Хаменеи для иранцев и шиитов всего мира, несложно догадаться, что приведенное высказывание – своеобразный перевод культивируемого ранее в массовом сознании образа в некую официальную плоскость.

С учетом особой ниши, присущей шиитским мученикам в иранском идеологическом пространстве, образ Касема Солеймани со временем, скорее всего, выйдет далеко за рамки его реальной, безусловно, героической биографии. Генерал не просто стал знаковой фигурой, лидером и образцом для подражания, примером которого руководствуется молодежь и к которому апеллирует высшее руководство Исламской Республики Иран. Уже в настоящее время, при жизни Касема Солеймани, складывается очень примечательная агиография, несомненно, полезная Исламской Республике, как в плоскости ее геополитических устремлений, так и в вопросе идеологической стабильности внутри государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Баранова М. (2016), «Иранец, который привел Россию в Сирию»; https://www.gazeta.ru/politics/2016/09/29_a_10222325.shtml
- Евстратов А.Г. (2016), «Генерал Касем Солеймани – герой легенд и причина страхов террористов и их друзей», Eurasia Daily, [24.05/2016]; <https://eadaily.com/ru/news/2016/05/24/general-kasem-suleymani-geroy-legend-i-prichina-strahov-terroristov-i-ih-druzey>
- Панкратенко И. (2015), «Бригадный генерал Касем Солеймани: Рай там, где поле битвы», *Iran.Ru*, [23.03.2015]; http://www.iran.ru/news/analytics/96692/Brigadnyy_general_Kasem_Suleymani_Ray_tam_gde_pole_bitvy
- Шариати А. (2011), *Джихад и шахадам*; <http://www.fatuma.net/text/shariat1?page=5>
- Шариати А. (2006), *Красный ислам*; <http://www.intelros.ru/index.php?newsid=253>
- Karami A. (2016), “Will Iran’s most popular general enter politics?»; <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/06/qassem-soleimani-politics-iran-president-election.html>
- Sharafedin B. (2015), “General Qasem Soleimani – Iran’s Rising Star”, *BBC News*, [06.03.2015]; <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-27883162>
- Zimmt R. (2015), “Qasem Soleimani’s Involvement into Iranian Internal Politics»; <http://www.crethiplethi.com/qasem-soleimani-s-involvement-in-internal-iranian-politics/islamic-countries/iran-islamic-countries/2015/>

⁵ “Sardar Soleimani: Emam ‘Ali faqat mota‘aleq be shi‘a nist”, *al-Kouthas*, [22.09.2017]; <http://fa.alkawthartv.com/news/94960>

**ИРАН В ОБЪЕКТИВЕ ЗАПАДНЫХ СМИ:
ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО
В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА М. АХМАДИНЕЖАДА**

Мери Тадевосян

Институт права и политики

Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван

Abstract

The article is an attempt to trace how political stereotypes distributed by the media, become tools for discrediting Iran and contribute to the demonization of this country.

Keywords: Iran, International Mass Media, Nuclear Weapon, IAEA, Terrorist Organisations

Аннотация

Данная статья – попытка продемонстрировать, как навязываемые средствами массовой информации политические стереотипы об Иране становятся средством и инструментом «демонизации» и дискредитации данной страны в глазах международной общественности.

Ключевые слова: Иран, СМИ, ядерное оружие, МАГАТЭ, террористические организации

Имидж государства на международной арене во многом определяет его способность реализовывать собственные национальные интересы: проводить успешную внешнюю и внутреннюю политику, развивать торгово-экономические отношения и т.д. Особое значение этот фактор приобретает, когда речь идет о государстве, политические действия которого в той или иной мере затрагивают интересы других стран и, в целом, мирового сообщества.

В регионе Ближнего Востока Иран занимает ключевое стратегическое и геополитическое положение, имеет самую протяженную береговую линию в Персидском и Оманском заливах, контролирует Ормузский пролив. Иран владеет важнейшими коммуникационными узлами, богат своими энергоресурсами, наращивает ускоренными темпами свой военно-экономический потенциал. Кроме того, для укрепления безопасности страны и для достижения ряда стратегических внешнеполитических целей в Иране приступили к разработке ядерной программы. При президенте М. Ахмадинежаде ядерная программа Ирана обрела настолько высокую значимость, что, фактически, стала определяющей в отношениях между ИРИ и остальным миром. В 2006 году президент Ахмадинежад дал распоряжение приостановить исполнение ДПДНЯО (Дополнительный протокол к Договору о нераспространении ядерного оружия), в результате чего против Ирана Совбезом ООН, а затем и Евросоюзом был введен режим коллективных санкций. Именно с этого периода информационное противоборство между ИРИ и западными странами перешло в активную фазу своего развития (Тадевосян 2015).

Крупнейшие западные СМИ непрерывно вели массированную информационную кампанию против ИРИ. Именно средствам массовой информации отводилась главная роль в деле легитимации действий США в отношении Ирана в глазах как собственных граждан, так и зарубежной общественности, включая и иранскую аудиторию. Сообщения о нарушении основных прав и свобод человека, дискриминации этнических меньшинств, отсутствии свободы слова и препятствовании деятельности СМИ, несоблюдении принципов избирательной системы, установлении тоталитарного режима в стране и причастности данного режима к созданию ядерного оружия, о его поддержке террористических организаций – далеко неполный список обвинений в адрес Ирана, направленных на создание «образа врага».

Подобное информационное воздействие сопровождалось громкими заявлениями известных политиков, инициированием рассмотрения различных вопросов на площадках международных организаций, в частности, на уровне Генассамблеи и Совбеза ООН, МАГАТЭ и т.д., введением экономических санкций, осуществлением Соединенными Штатами ряда военных учений в Персидском заливе. Средства массовой информации последовательно распространяли дезинформацию о событиях, связанных с Ираном: например, об актах гражданского неповиновения и массовых протестах, фабриковали видео- и фотоматериалы (Гадевоян 2017: 101).

В западных средствах массовой информации конструировался образ Ирана как государства, представляющего собой угрозу всему мировому сообществу. В этом смысле большое внимание уделялось распространению сообщений устрашающего характера, в частности, о том, что Тегеран якобы уже обладает оружием массового поражения или же может создать атомную бомбу за 2–3 месяца с момента принятия решения о ее создании и что в этом случае главной мишенью иранских ракет станет Израиль и ряд европейских столиц. Западные СМИ постоянно проводили мысль о том, что создание ИРИ ядерного оружия создаст угрозу безопасности в регионе и спровоцирует гонку ядерных вооружений. В этом контексте рассмотрим выдержки из следующих статей:

- «Применение силы против Ирана по мере роста угрозы выглядит все более оправданным, особенно если сравнивать, например, с войной 2002 года против Саддама Хусейна. У Тегерана, в отличие от саддамовского Ирака, есть полноценная ядерная программа, причем он близко подошел к разработке ядерного оружия. Он разрабатывает средства доставки с большим радиусом действия и провел испытания ракеты, на базе которой, может быть, впоследствии создана МБР», – говорится в статье «Готовьтесь бомбить Иран» издания *The Washington Times*.¹
- «В январе этого года на мюнхенской конференции по безопасности вице-президент Джозеф Байден объявил, что Соединенные Штаты продолжают “разрабатывать системы ПРО для противодействия растущему потенциалу

¹ Editorial: “Get Ready to Bomb Iran”, *The Washington Times*, 20.11. 2009 – <https://www.washingtontimes.com/news/2009/nov/20/get-ready-to-bomb-iran/> [11.09.2016].

Ирана”. Сложно назвать это языком конструктивной дипломатии. Многие восприняли речь Байдена как прямой сигнал Тегерану: хотя Буш ушел, Иран остается частью “оси зла”. Не стоит занимать такую позицию, когда в наших интересах предотвратить получение Ираном ядерного оружия», – отмечается в статье «Избежать новой “холодной войны”» издания The Harvard Crimson (Syed 2009).

- «В том, что администрация всерьез намерена “протянуть руку” Ирану, сомнений нет. Однако реакция из Тегерана, казалось бы, либо вообще отсутствует, либо носит недружественный характер. Запуск первого спутника, полностью собранного в Иране, состоявшийся на прошлой неделе, выглядел вызывающе, пусть даже его дата была приурочена, в первую очередь, к тридцатилетию Исламской революции. Что ж, Иран действительно любит вызывающие жесты», – приводится в статье «Сигналы из Ирана позитивны, если слушать внимательно» издания The Independent (Dejevsky 2009).
- «В последние годы иранская ядерная программа интенсивно развивается. Когда в 2003 году США вторглись в Ирак, у Ирана имелись весьма незначительное количество ядерного топлива, а к тому времени, как бушевская администрация покинула офис, у страны уже имелось или почти имелось достаточно топлива для создания одной бомбы. Среди союзников нет единого мнения о том, оставил ли Иран попытки разработать ядерное оружие или продолжил их», – говорится в статье «Как Иран, так и Запад опасаются урановой ловушки» издания The New York Times (Sanger 2009).
- «Атомное оружие в руках Ирана – это не фантазия неоконсерваторов. В феврале Международное агентство атомной энергетики сообщило, что в распоряжении Ирана уже имеется достаточное количество сырья для изготовления ядерной боеголовки, отметив, что “продолжающееся нежелание Ирана сотрудничать... создает основания волноваться из-за возможного перехода иранской ядерной программы в военное измерение”. Из левоцентристского Института науки и международной безопасности в декабре поступило сообщение, что Иран, как ожидается, перевалит рубеж [ядерной державы] в 2009 году – это предусмотрено множеством возможных сценариев», – подчеркивается в статье «Обама и иранская бомба» издания The Washington Times.²
- «Как будто в качестве иллюстрации его (Б. Обама – М.Т.) тезиса об опасном мире спустя два дня было объявлено о том, что у Ирана есть еще и второй – секретный завод по обогащению урана. Возникающая в сознании картина со всеми этими боролатыми муллами, наблюдающими за вращающимися

² Editorial: “Obama and the Iranian Bomb”, *The Washington Times*, 17.03. 2009 – <https://www.washingtontimes.com/news/2009/mar/17/obama-and-the-iranian-bomb-you-the-us-are-too-smal/> [11.11.2016].

центрифугами на секретном предприятии в горах, больше напоминает сюжет из фильма о Джеймсе Бонде. Но, тем не менее, это как раз тот международный вызов, о котором говорит господин Обама. Вопрос только в том, окажутся ли мировые лидеры на высоте положения», – отмечается в статье «Иран испытывает на прочность коллективную волю мирового сообщества» издания *Financial Times*.³

Помимо прочего, ряд авторитетных СМИ, несмотря на отсутствие доказательной базы, продолжали выдвигать обвинения Ирану в поддержке различных террористических организаций. Преимущество все они в своих комментариях основывались на голословных заявлениях или же приводили в качестве доказательств малозначительные факты. Приведем отрывки из нескольких статей.

- «По мнению американских руководителей, недавно появились сигналы о том, что члены иранского руководства оказывают агентам «Аль-Каиды» ограниченное содействие, предоставляя организационную помощь, деньги и транспорт, о чем сообщил человек, проинформированный о такой деятельности Ирана», – подчеркивается в статье «США опасаются связей Ирана с "Аль-Каидой"» издания «*The Wall Street Journal*». Подобные обвинения выдвигались, несмотря на то, что в той же статье отмечается, что «существенной информации, позволяющей говорить о наличии рабочих взаимоотношений между Ираном и «Аль-Каидой», сегодня нет», – заявил один американский официальный представитель» (Gorman 2012).
- «Иран – крупнейшее в мире государство-спонсор терроризма, причем обладающее разветвленной сетью агентов. Тегеран предоставляет убежище (называя это «домашним арестом») десяткам членов «Аль-Каиды», а также поставяет иракским повстанцам и талибам современные противотанковые средства, которые затем используются против сил коалиции. Иран сейчас – намного большая угроза, чем Ирак когда-либо был», – приводится в статье «Готовьтесь бомбить Иран» американского издания «*The Washington Times*».⁴
- «Шиитский Иран сотрудничает с обеими враждующими сторонами, шиитскими добровольцами и суннитскими террористическими группировками, с "Аль-Каидой" и "Ансар аль-Сунна", однако обходит своей помощью суннитов, которые сражаются с пришедшим к власти шиитским большинством», – отмечается в статье «Иран помогает шиитам и суннитам Ирака одновременно, распаяя междоусобицу» *Newsru* со ссылкой на израильское новостное агенство *Ynet*.⁵

³ Редакционная статья: «Иран испытывает на прочность коллективную волю мирового сообщества», *Financial Times*, 29.09.2009 – <https://www.ft.com/> [10.12.2016г.].

⁴ Editorial: «Get Ready to Bomb Iran», *The Washington Times*, 20.11. 2009 – <https://www.washingtontimes.com/news/2009/nov/20/get-ready-to-bomb-iran/> [11.09.2016].

⁵ «Иран помогает шиитам и суннитам Ирака одновременно, распаяя междоусобицу», *Newsru.com.*, 4.01.2007 - http://www.newsru.com/world/04jan2007/iran_sunnity_shiity.html [9.11.2015г.].

В ходе информационного противоборства из официальных органов власти США и их союзников зачастую происходила «утечка информации» о якобы готовившейся военной операции против Исламской Республики Иран. А в средствах массовой информации появлялись материалы, в которых о скорой войне между странами рассуждали виднейшие военные эксперты и политологи, в качестве аргументов использовавшие сообщения о наращивании Соединенными Штатами своего военного присутствия на Ближнем Востоке. Например, приводились факты о дислокации в данном регионе двух американских авианосцев «Авраам Линкольн» и «Карл Винсон», на каждом из которых базировалось более 5 тыс. человек и свыше 80 боевых самолетов. Авианосцы также сопровождались двумя атомными подводными лодками, двумя фрегатами, тремя эсминцами и другими боевыми кораблями, оснащенными системой ПВО «Иджис». В 2011 году английское издание «Guardian», ссылаясь на источники в правительстве, сообщало, что Великобритания готова к проведению военной операции против Ирана: планы включают размещение в водах вблизи Ирана британских военных кораблей и подводных лодок, оснащенных крылатыми ракетами «Tomahawk», предполагается применение авиации, при этом сухопутное вторжение не предусматривается, однако использование спецназа на иранской территории не исключено (Hopkins 2011).

СМИ публиковались статьи, в которых обрисовывались сценарии воздушной интервенции, в результате которой должны были быть ликвидированы и уничтожены 17 ядерных объектов ИРИ: АЭС в Бушере, центр ядерных исследований в Натанзе, бункеры в пригороде города Кума. Например, обозреватель издания ВВС Джонатан Маркус в своей статье «Удар Израиля по Ирану: проблемы и шансы на успех» приводит: «Из всех угроз, с которыми сталкивается Израиль последние 10 лет, израильские военные эксперты больше всего озабочены потенциальной угрозой со стороны Ирана, возможно, разрабатывающего ядерное оружие. Именно с прицелом на защиту страны от этой угрозы главным образом и развивались в последние несколько лет израильские ВВС. На их вооружение поступило 125 самых современных истребителей-бомбардировщиков F-15I и F-16I, оснащенных израильской радиоэлектроникой и дополнительными баками для горючего. Эти самолеты специально предназначены для нанесения ударов на большом расстоянии. Кроме того, Израиль закупил особые бомбы, обладающие способностью проникать на большую глубину, а также разработал надежные беспилотные аппараты» (Маркус 2012).

Примечательна в этом смысле статья Джорджа Фридмана (издание Stratfor), в которой он отмечает следующее: «Несмотря на то, что ядерная программа добавила Ирану политического веса на мировой арене, создание им ядерного оружия увеличит риск начала военных действий против него. Если в военном конфликте Иран одержит победу, это принесет ему огромную пользу, доказав его мощь. Если же удар его противников окажется успешным, разрушив его ядерный потенциал, это отбросит Иран далеко назад. В этом смысле эпизод со Stuxnet, если предположить, что он представлял собой попытку США или Израиля подорвать реализацию иранской

ядерной программы при помощи методов кибервойны, весьма поучителен» (Friedman 2012).

Однако ни один из выложенных в прессе вариантов развития не нашел реального воплощения. Вашингтон умело использует данную риторику, надеясь смягчить позиции Тегерана, а также чтобы укрепить посыл о том, что Иран представляет собой угрозу для всего региона. Иран же, умело позиционируя себя как последовательный реализатор намеченных собственным государством проектов, добился того, что любая уступка, например, по ядерной программе, воспринималась как прогресс.

В результате информационного противостояния в отношении ИРИ западными средствами массовой информации были сформированы следующие стереотипы: Иран – это государство, которое своими действиями подрывает международную безопасность и от которого исходит ядерная угроза; Иран ставит целью во что бы то ни стало стереть с лица земли Израиль, США и их союзников; Тегеран поддерживает ряд террористических организаций, оказывает содействие «кровавому режиму» Б. Асада; Иран – изолированное государство, страна варваров, цивилизацию в которую принесли европейцы и которой правил безумец и сектант.

Таким образом, информационное воздействие Запада серьезно исказило реальный имидж Ирана в крайне негативную сторону, что зачастую помогало оправдывать любые антииранские действия западных держав. Достаточно запустить в СМИ сообщение о том, что МАГАТЭ «выражает обеспокоенность тем фактом, что Иран не выполняет определенные требования», и можно смело водить против этой страны экономические санкции, нефтяное эмбарго и т.д. Активная политика западных СМИ по «демонизации» Ирана и дискредитированию страны его в глазах международной общественности, безусловно, дала свои плоды, серьезно повлияв на общественное мнение об Иране во многих странах (Тадевосян 2017: 103). Целенаправленное акцентирование внимания на негативных факторах через тематическую выборку и доминанта отрицательных терминов в западных СМИ применительно к ИРИ периода правления М. Ахмадинежада исключали возможность формирования у аудитории сколь-нибудь объективного образа Ирана.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Маркус Дж. (2012), “Удар Израиля по Ирану: проблемы и шансы на успех”, *Русская служба BBC* [электронный источник], режим доступа: http://www.bbc.com/russian/international/2012/03/120307_israel_iran_strike [12.10.2016г.].
- Тадевосян М.Р. (2015), “Прагматичные итоги переговоров с Ираном”, *Times.am* [Электронный источник], режим доступа: <http://times.am/?p=109043&l=ru> [12.11.2015г.].
- Тадевосян М.Р. (2017), “Политические мифы об Иране”, *Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции «Современные*

информационные и коммуникативные технологии в глобальном мире: вызовы и возможности» / гл. ред. Л. В. Савченко, Симферополь: 99–102.

- Dejevsky M. (2009), “Positive signals from Iran - but only if you listen carefully”, *The Independent* [электронный источник], режим доступа: <http://www.independent.co.uk/voices/commentators/mary-dejevsky/mary-dejevsky-positive-signals-from-iran-but-only-if-you-listen-carefully-1605394.html> [12.11.2016г.].
- Friedman G. (2012), “War and Bluff: Iran, Israel and the United States”, *Stratfor* [электронный источник], режим доступа: https://worldview.stratfor.com/article/war-and-bluff-iran-israel-and-united-states?utm_source=freelist&utm_medium=email&utm_campaign=20120911&utm_term=gweekly&utm_content=readmore&elq=bf5bb6de24b14853bdc658b51d673fbf [16.11.2016г.].
- Gorman S. (2012), “U.S. Fears Iran's Links to al Qaeda”, *The Wall Street Journal* [электронный источник], режим доступа: https://www.wsj.com/articles/SB10001424052970203920204577197421440415962?mod=WSJ_hp_LEFTTopStories [6.10.2016г.].
- Hopkins N. (2011), “UK military steps up plans for Iran attack amid fresh nuclear fears”, *The Guardian* [электронный источник], режим доступа: <http://www.theguardian.com/world/2011/nov/02/uk-military-iran-attack-nuclear> [7.11.2015г.].
- Sanger D.E. (2009), “Both Iran and West fear uranium trap”, *The New York Times* [электронный источник], режим доступа: <http://www.nytimes.com/2009/10/26/world/middleeast/26iran.html?hp> [4.11.2016г.].
- Syed N.A. (2009), “Avoiding a New Cold War”, *The Harvard Crimson* [электронный источник], режим доступа: <http://www.thecrimson.com> [15.09.2016г.].

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Катаржина Максимюк - Значение охраны кавказских проходов в отношениях между Византией и Сасанидским Ираном (363-506 гг.) -----	5
Ярослав Пилипчук - На перекрестке всех бед. Грузия в XIII в. и вторжения монголов и тюрок-----	13
Гагик Погосян /Хахбабян/ - К вопросу о местах пребывания частицы древа Ноева Ковчега -----	31
Тамара Леквейшвили - К вопросу о причинах упадка династии Сефевидов: Историографический анализ -----	45
Тимирлан Айтберов - О некоторых важных моментах третьего дагестанского похода Надир-Шаха Афшара (1741 год) -----	53
Марина Имашева - Торгово-экономическое содержание Гюлистанского (1813 г.) и Туркманчайского (1828 г.) русско-иранских мирных договоров-----	65
Шахбан Хапизов - Из истории армянского поселения в Алазанской долине (Селение Басинджаг и судьбы его жителей) -----	71
Ирина Начкебия - Генерал Александр Ромье – первый эмиссар Наполеона в Персии (1805) (По французским архивным материалам)-----	77
Нугзар Тер-Оганов - Кто вы, Хаджи-Мурат Мугуев? -----	91
Нугзар Тер-Оганов Газета "Кавказ" и ее корреспондент Адольф Берже о Каджарском Иране, 1851-1861 гг.-----	101
Янь Сюэпун - Теоретические принципы морального реализма-----	111
Яна Амелина - «Век прошел, число сменилось – ничего не изменилось»: К столетию дипломатических бесед Алимардана Топчибашева в Стамбуле -----	141
Фохраддин Абсзода - Сколько нас – талышей? -----	157
Гарик Апанесян - Общество и монументальная политика в последние годы в СССР и ранний период независимости Армении -----	191

ЭТНОГРАФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ

Виктория Арахелова - Воображаемое родство: К постановке вопроса-----	197
---	-----

Ерванд Маргарян - Традиционное (обычное) право в средневековом Тифлисе: На основе описания Божьего Суда в «Истории Грузии» Парсадана Горгиджанидзе-----	205
Руслан Сефербеков, Магомед Шехмагомедов - Из истории и этнографии аварцев-гидаплинцев: Синкретизм традиционных верований и ислама -----	215
Хоссейн Пур-Ростам Хормозйари - Неозороаспризм как элемент трансформаций религиозной идентичности курдов-----	241
Шахбан Хапизов, Магомед Шехмагомедов, Рамзан Абдулмажидов - Суфийский орден Халватийа в Горной Аварии: Новые страницы истории суфизма в средневековом Дагестане -----	247
Самвел Маркарян - Армянская буржуазия Тифлиса в XIX веке -----	259
Нелли Хачатурян - О вкладе русских ученых в исследование исмаилизма -----	277

ЯЗЫК

Гарник Асапрян - О древнем народе Дрифукес и этнопонимах -----	285
Армен Петросян - Следы арийского языка в Хайасе -----	293
Амир Зейгами - Термины “фарс” и “курд” в сочинении <i>Ал-Буддан</i> арабского географа Якуби -----	297
Айказ Геворгян - Параллельные этнонимы в армянской историографии -----	301
Соруш Акбарзаде - Особенности передачи иранской топонимии арабской графикой -----	305

ПОЛИТОЛОГИЯ

Ара Марджанян - Нефть Израиля-----	309
Ида Саркисян - Социальные и идеологические причины борьбы афганских беженцев Ирана на стороне правительства Сирии -----	323
Антон Евстратов - Касем Сулеймани – «живой мученик» современного Ирана -----	329
Мери Тадевосян - Иран в объективе западных СМИ: Информационное противоборство в период президентства М. Ахмадинежада -----	333

